

Институт археологии Российской академии наук

Вл. В. Седов

ЦЕРКОВЬ СПАСА НА ИЛЬИНЕ УЛИЦЕ В НОВГОРОДЕ
АРХИТЕКТУРА БОЯРСКОГО ХРАМА

Москва – Вологда
«Древности Севера»
2015

УДК 726.5(470.24)
ББК 85.113(2Рос-4Нов)
С 28

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект №15-04-16026д*

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Ответственный редактор: академик *Н. А. Макаров*

Рецензенты: доктор исторических наук *Л. А. Беляев*,
доктор исторических наук *А. В. Чернецов*

Седов, Вл. В.
С 28 **Церковь Спаса на Ильине улице в Новгороде : архитектура боярского храма /**
Вл. В. Седов ; отв. ред. Н. А. Макаров ; Ин-т археологии РАН. – Москва ; Вологда : Древности Севера, 2015. – 236 с. : ил.

ISBN 978-5-93061-096-3

Книга посвящена архитектуре и архитектурной истории ключевого памятника Великого Новгорода второй половины XIV века – церкви Спаса-Преображения на Ильине улице. Подробно рассмотрены данные письменных источников, соображения исследовавших здание ученых, памятник поставлен в контекст истории Славянского конца Новгорода, где он был построен. Для понимания характера архитектуры выдающегося храма предпринято исследование боярского заказа в новгородском искусстве и прежде всего в новгородской архитектуре. Формы памятника сопоставлены с формами более ранних церквей Новгорода, сделана попытка на основе одного храма понять сущность боярской архитектуры вечевой республики.

Книга предназначена для искусствоведов, архитекторов, историков, реставраторов, а также для всех интересующихся древнерусским искусством.

УДК 726.5(470.24)
ББК 85.113(2Рос-4Нов)

ISBN 978-5-93061-096-3

© Вл. В. Седов, 2015
© Оформление. ООО НИЦ «Древности Севера», 2015

Содержание

Введение	4
Глава 1. Письменные источники об истории церкви Спаса на Ильине улице	5
Глава 2. Очерк Славенского конца в XIV веке	12
Глава 3. Новгородские бояре как ктитория	20
Принципы выделения	20
Уличане	23
Временные корпорации по случаю побед	25
Собственно боярский заказ	26
Боярский заказ и приходские храмы	37
Монастырские церкви, достоверно построенные по боярскому заказу	38
Боярские жены или вдовы	39
Настенные росписи	39
Боярские погребения в городских храмах	40
Боярские погребения в монастырских храмах	40
Бояре-монахи как заказчики	42
Боярское попечение о городских и монастырских храмах	42
Общая картина	43
Глава 4. Портреты новгородских бояр-ктитория	46
Аристократизм и недвижимость бояр	46
Роскошь	47
Портреты бояр-заказчиков	50
<i>Твердислав Михалкович</i>	50
<i>Юрий Онцифорович</i>	53
Глава 5. История изучения архитектуры церкви	58
Глава 6. Описание архитектуры церкви	65
Глава 7. Исследование архитектуры храма	70
Размер	70
Пропорции плана и высотные пропорции	71
Башнеобразный тип храма	72
Ограниченность идеи	73
Внутростенная лестница на хоры	74
Закрытые хоры и их назначение	75
Формула интерьера	78
О покрытии основного объема	79
Декоративная система фасадов	79
Двухступчатые лопатки: прецеденты и их объяснение	80
Логичность и прихотливость	82
Лопастные композиции на фасадах	82
Соотношение декора церкви Спаса на Ильине с декором церкви Федора Стратилата	84
Две составляющие декора: смоленская и готическая	84
Способность к развитию	85
Развитие не было продолжено	86
Предположение об авторстве; «мастер Спаса на Ильине» или «мастер больших храмов»	86
Заключение	88
Избранная литература	93
Список сокращений	99
Список иллюстраций	100
Иллюстрации	105

Введение

В истории русской архитектуры совсем немного книг об отдельных памятниках, еще меньше их – об отдельных зданиях древнерусского времени. Между тем, понимание развития архитектуры складывается как из обращения к стилевым процессам или к эволюции технических или конструктивных приемов, так и из рассмотрения отдельных зданий как целого, как цельных и законченных произведений со своим «сюжетом», содержанием и присущими только им ритмическим рисунком, а также конструктивными и декоративными приемами. Историю архитектуры в принципе можно увидеть и как созвездие великих, выдающихся зданий, в которых с наибольшей силой и полнотой выразились и категории стиля, и технические знания, и, что главное, – сама духовная жизнь той или иной эпохи.

Рассматривая одно выдающееся, стилеобразующее здание, мы видим и все «окрестности» в виде менее значительных сооружений второго ряда, видим и начало, и продолжение самого стиля и особенностей этой постройки. Но самое главное, что можно вынести из обращения к одной поистине значительной постройке – в ней одной с большей полнотой, чем в ряде построек, пусть необычных и даже великолепных, можно ощутить то, что хотел передать зодчий. Глядя на одну постройку или входя в нее, вы попадаете полностью под власть тех сил, которые старался приложить и оживить древний мастер: вы испытываете ту самую легкость (или тяжесть), которой он добивался, вы идете тем самым путем, который был исподволь подготовлен логикой или иррациональными «ходами» мысли зодчего.

Обращение к одному памятнику, наконец, дает автору исследования большую степень собственной сосредоточенности, даже большую свободу (свободу от построения ряда, от вынужденной дозировки обширного материала, от большого массива исторической информации). И исследователь, и читатель в этом случае попадают в ситуацию, когда посетитель остается «один на один» со сложным объектом, который сам начинает обратное воздействие – с помощью заложенных в него приемов и сил.

Автор планирует создание нескольких монографических описаний ключевых памятников древнерусского зодчества. Церковь Спаса на Ильине улице в Новгороде Великом – первый опыт такого исследования. Выбор этого памятника обусловлен его значением в истории собственно новгородской ар-

хитектуры, а также тем, что этот храм является одним из «полюсов» в образности всей древнерусской архитектурной традиции.

Работу сопровождают графические иллюстрации и фотографии. Графические иллюстрации созданы на основе обмерных и реконструктивных чертежей Л. М. Шуляк, а также других чертежей, имеющихся в распоряжении автора. Многие чертежи были перечерчены и дополнены информацией, в некоторых случаях опущены несущественные детали; в ряде случаев созданы сравнительные таблицы. В создании графических иллюстраций участвовали в разное время студенты и выпускники МАРХИ: О. М. Благодетелева, Е. М. Мазанова, А. И. Петрова, Н. Р. Селютина, Ю. С. Фомичёва.

Без изменений даются архивные чертежи, прежде всего, обмерные листы церкви Спаса на Ильине улице, выполненные замечательным новгородским архитектором-реставратором, Любовью Митрофановной Шуляк, чрезвычайно много сделавшей для изучения и сохранения новгородской средневековой архитектуры вообще и церкви Спаса в частности.

Большую помощь в подборе материалов обмеров и исследований Л. М. Шуляк и других листов и документов, хранящихся в архиве Новгородского научно-реставрационного управления, оказала Ю. В. Морозова, которой выражаю особую благодарность.

Без помощи директора Новгородского музея-заповедника Н. В. Григорьевой, президента музея Н. Н. Гринева, главного хранителя Ю. Н. Коломыцевой и научных сотрудников Е. В. Игнашиной и Л. П. Яковлевой появление некоторых материалов в этой книге было бы невозможно.

Помощь в сборе материалов оказали сотрудники Научно-исследовательского музея Академии художеств в Санкт-Петербурге: ученый секретарь М. Г. Бондарева и научный сотрудник А. А. Шаханова.

Автор благодарен сотрудникам Научного архива Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге и заведующей архивом М. В. Медведевой.

Помощь в сборе материала оказал новгородский историк И. Ю. Анкудинов.

Теплые слова хочется сказать в адрес друзей, прочитавших книгу в рукописи и сделавших много важных наблюдений и замечаний. Благодарю А. Л. Баталова, М. В. Вдовиченко, Г. Е. Дубровина, Д. А. Петрова, М. В. Пророкова, И. В. Стерлигову и Д. О. Швидковского.

Глава 1

Письменные источники об истории церкви Спаса на Ильине улице

Церковь Спаса Преображения на Ильине улице расположена в Великом Новгороде на Торговой стороне (части города на правом берегу реки Волхов). Сейчас она стоит на прямоугольной небольшой площади, созданной в последней четверти XVIII в., во время реконструкции Новгорода по регулярному плану. К храму от пешеходного моста через Волхов, расположенного примерно в том же месте, что и древний мост, соединявший две стороны города, Софийскую и Торговую, ведет прямая улица, созданная тоже в XVIII в. Сейчас она вновь называется Ильина, а в советское время носила имя Первого Мая.

В Средневековье эта улица была не столь прямой, но шла примерно в том же направлении, что и сейчас; она тянулась, как мы знаем из старых планов Новгорода, созданных еще до реконструкции планировочной структуры города¹, от Великого моста и от Торга в сторону ограничивающего Торговую сторону вала, где стояли Ильинские ворота, и имела несколько плавных изгибов². Церковь Спаса на Ильине, как видно на исторических планах, стояла на северной стороне улицы, а на южной ее стороне был поставлен храм Знамения, связанный с церковью Спаса исторически.

Церковь Спаса Преображения на Ильине улице поначалу была деревянной. По сведениям клировой ведомости храма, очевидно легендарным, она была срублена в 1103 г.³ Церковь упоминается как место пребывания спасительной для Новгорода чудотворной иконы Богородицы Знамение в «Слове о Знамени святыя Богородица», или «Сказании о битве новгородцев с суздальцами»: из этого храма во время осады в феврале 1169 г. она была взята архиепископом Ильей (Иоанном) и перенесена на валы Острога (Окольного города), где защитила город от вражеских войск. В связи с этим событием был установлен особый праздник в честь Знамения святой Богородицы (празднуется 27 ноября по старому стилю, т.е. 10 декабря). Эти события и учреждение

праздника подробно описаны в «Слове», специальной житийной повести, составленной, вероятно, в 40–50-х годах XIV в.⁴ Икона Знамение находилась в церкви Спаса на Ильине улице до 1354 г.; до этого это был запрестольный образ деревянного храма Спаса⁵.

«Ильинцы», то есть жители Ильины улицы упоминаются в «Уставе о мостех», датированном В.Л. Яниным серединой XIII в. и, точнее, годами первой половины княжения в Новгороде князя Ярослава Ярославича (1265–1267 гг.)⁶. Однако сам исследователь считает, что «ильинцы» в контексте этого документа, раскладывающего повинности мощения центральных улиц города, означает не жителей Ильиной улицы, а прихожан церкви Ильи на Славне, которые и мостили участок до самой южной пристани у Торговой стороны, «до Матфеева вымола»⁷.

В 1329 г. храм Спаса сгорел во время пожара, охватившего Ильину улицу и часть соседней улицы Лубяница⁸.

В 1354 г. на Ильине улице был построен каменный храм Знамения, заказчиками его по сообщению Новгородской четвертой летописи по списку Н.К. Никольского были «ильинцы», жители Ильины улицы⁹. Чудотворная икона Знамения была перене-

¹ Исследование планов Новгорода см.: Янин В.Л. Планы Новгорода XVII–XVIII веков. М., 1999.

² Орлов С.Н. К топографии Новгорода X–XVI вв. // Новгород : к 1100-летию города : сб. ст. М., 1974. С. 276–278; Очерк истории улицы, написанный Э.А. Гордиенко, см.: Великий Новгород : энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 463.

³ Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860. С. 301.

⁴ Памятники литературы Древней Руси, XIV – середина XV века. М., 1981. С. 448–453, комментарии: 582–583. История текста «Слова» подробно изложена в работе: Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 95–148. Историческая канва события рассмотрена в книгах: Янин В.Л. Средневековый Новгород. М., 2004. С. 353–362; Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 64–66. См. также: Тихомиров П. Сказание о новгородской чудотворной иконе Знамения Божией Матери. Новгород, 1872.

⁵ Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860. С. 302.

⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 233–248.

⁷ Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 107.

⁸ НПЛ. С. 99, 342.

⁹ НПЛ. С. 364: «Поставлена бысть церкви каменная въ имя святыя Богородица Знамение, на Ильини улици»; НЗЛ. С. 132: «Того же лѣта поставлени быша 2 церкви камены: [Знамение] святей Богородици на Иль[и]нѣ улици, святей Дмитрей на Лубеной улици; а церква 40 [Мученикъ] паде»; НЗЛ. С. 228: «Поставлены быша двѣ церкви каменныхъ: Знамение пресвятѣй Богородици, на Илиине улици, повелѣнием владыки Моисея и всего Новгородскаго сонмища людей, послѣ чудеси спустя 185 лѣт; и тогда, молитвами пресвятыя Богородици, велие чудо сотворися

сена из церкви Спаса в этот новый каменный храм, специальное здание для святыни.

Каменная церковь Спаса Преображения на Ильине улице в Славенском конце на Торговой стороне Великого Новгорода была построена в 1374 г., о чем рассказывает летописное сообщение: «Поставиша церковь камену святого Спаса на Ильине улице, и свяща ю архиепископ новгородчкый Алексеи с игумены и с попы и с крылосом святыя Софея»¹⁰. Торжественность освящения нового каменного храма подчеркнута присутствием на церемонии новгородского архиепископа Алексея вместе «с игумены и с попы и с крылосом святыя Софея». Этот храм появился через двадцать лет после того, как «ильинцы», жители Ильины улицы, построили каменный храм Знамения на своей улице (1354 г.). Заказчики церкви Спаса неизвестны, но мы можем думать, что это были те же «ильинцы», то есть жители той же Ильины улицы, в основном – бояре.

Причиной возведения каменного храма на Ильине улице было, очевидно, почитание чудотворной иконы Знамения, сыгравшей ключевую роль в победе новгородцев над суздальцами в 1169 г.: ведь по сведениям повести о чуде иконы Знамение новгородский архиепископ Илья/Иоанн взял эту икону именно из церкви Спаса на Ильине улице, тогда, конечно, дере-

вянной¹¹. Вот как об этом говорится в тексте «Слова о Знамении Пресвятой Богородицы», известном по спискам начала XV в.: «архиеп(и)с(ко)пу Ивану стоящую и молящуюся с(вя)т(о)му образу Г(о)с(под)а нашего И(и)с(у)са Х(ри)с(т)а о Сп(а)с(е)нии град(а), бывшу же ему в оужасти, слыша глас гл(аголя)щъ сице: "иди в ц(е)рк(о)вь с(вя)т(о)го Сп(а)са на Ильине оулице, възми икону с(вя)т(ы)я Б(огороди)ца и вынеси на острог противу супостат"». Архиепископ посылает за иконой дьякона с крылошанами Софийского собора, но икона не дается, после чего архиепископ сам идет со всем собором в церковь Спаса на Ильине улице («приде в ц(е)рк(о)вь с(вя)т(о)го Сп(а)са на Ильине улице») и после моления выносит икону из храма и торжественно несет ее на стену городского острога в районе Десятинного монастыря, где и совершается чудо¹².

Напомним, что в 1354 г. рядом с церковью Спаса был возведен каменный храм Знамения Богородицы на Ильине улице¹³. Если заказчиками этого каменного храма в честь чудотворной иконы, по сообщению одного из вариантов Новгородской четвертой летописи, были «ильинцы», то есть жители Ильины улицы, то в целом почитание иконы Знамения было общеновгородским, и постройка храма на деньги боярства Славенского конца или только одной его

в Великомъ Новѣграде, что Новгородцкие людие рыбу руками имаша у берега, сколько кому надобно, а другую церковь Дмитриа, в Торгу, на Лубяницы»; ПСРЛ 4-1-1. С. 286: «В то же лѣто поставлены быша две церкви каменные: Знамение святѣи Богородици на Ильини оулице и святѣи Дмитрей на Лубяници, а церковь паде 40 (Мучеников. – В. С.); ПСРЛ 4-1-3. С. 602: «Поставиша Ильинци святыю Богородицу честнаго ея Знамения на Ильинѣ оулицы»; ПСРЛ 16. Стлб. 87: «В то же лѣто поставлены быша двѣ церкви каменных: Знаменье святѣй Богородицы на Ильинѣ оулицы и святѣй Дмитрий на Лубяници. А Святыхъ 40 церковь падеся»; НКЛ. С. 90 (1-я выборка): «Поставлена бысть церковь камена на Ильинѣ оулицѣ Знамение святыя Богородица»; НКЛ. С. 131 (2-я выборка): «В то же лѣто поставлены быша двѣ церкви камены: Знамение Богородицы на Ильинѣ оулицы и святѣи Дмитрей на Лубяници, а церковь Святыхъ 40 паде».

¹⁰ НПЛ. С. 372: «Поставиша церковь камену святого Спаса на Ильинѣ оулицы; и свяща ю архиепископ новгородчкый Алексѣи съ игумены и с попы и с крылосомъ святыя Софѣя»; Н2Л. С. 133: «Поставиша церковь святого Спаса камену на Иль[и]нѣ оулице, и свящл владыка Алексѣй»; Н3Л. С. 230: «Поставиша в Великомъ Новѣградѣ церковь каменну святого Спаса, на Ильинѣ оулицы. Послѣ чудеси пресвятыя Богородицы до сего Спасова каменнаго храма отъ древяной церкви прошло 205 лѣтъ; а послѣ Знамения храма каменнаго строения спустя 20 лѣтъ до Спасова каменнаго храма»; ПСРЛ 4-1-1. С. 300: «Поставиша церковь каменноу на Ильинѣ оулицы святого Спаса»; ПСРЛ 4-1-3. С. 603: «Съвершиша святѣи Спас на Ильинѣ оулицы камен»; ПСРЛ 16. Стлб. 98: «Поставиша церковь камену на Ильинѣ оулицы святого Спаса»; ПЛ 1. С. 145: «Поставиша церковь камену на Ильинѣ оулицы святого Спаса»; НКЛ. С. 91: «Поставиша церковь камену святого Спаса на Ильинѣ оулицѣ». Никоновская летопись относит построение храма Спаса на Ильине к 1372 г. – ПСРЛ 11-12. С. 18.

¹¹ См.: Тихомиров П. Сказание о новгородской чудотворной св. иконе Знамения Божией Матери. Новгород, 1872; Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. Приложение 6. «Знаменская легенда» в Древней Руси. С. 225–238; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 95–148; Vodoff V. Le culte du Znamenie à Novgorod: Tradition et réalité historique // Oxford Slavonic Papers. New Series. XXVIII. 1995. P. 1–19.

¹² Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009. С. 330–332.

¹³ НПЛ. С. 364: «Поставлена бысть церкви каменная въ имя святыя Богородица Знамение, на Ильини оулицы». См. сообщения других летописей: Н2Л. С. 132: «Того же лета поставлены быша 2 церкви камены: святѣи Богородици на Ильине оулицы, святѣй Дмитрей на Лубеной оулицы; а церква 40 (Мучеников. – В. С.) паде»; Н3Л. С. 228: «Поставлены быша две церкви каменных: Знамение пресвятеи Богородицы, на Ильине оулицы, повелением владыки Моисея и всего Новгородскаго сонмища людей, после чудеси спустя 185 лет, и тогда, молитвами пресвятыя Богородицы, велие чудо сотворися в Великом Новеграде, что Новгородские людие рыбу руками имаша у берега, сколько кому надобно, а другую церковь Дмитриа, в торгу, на Лубяници»; ПСРЛ 4-1-1. С. 286: «В то же лето поставлены быша две церкви камены: Знамение святѣи Богородицы на Ильини оулицы и святѣи Дмитрей на Лубяници, а церковь паде 40 (Мучеников. – В. С.); ПСРЛ 4-1-3. С. 602: «Поставиша Ильинци святыю Богородицу честнаго ея Знамения на Ильине оулицы»; ПСРЛ 16. С. 87: «В то же лето поставлены быша две церкви каменных: Знаменье святѣй Богородицы на Ильине оулицы и святѣй Дмитрий на Лубяници. А святыхъ 40 церковь падеся»; НКЛ. С. 90 (1-я выборка): «Поставлена бысть церковь камена на Ильинѣ оулицѣ Знамение святыя Богородица»; НКЛ. С. 131 (2-я выборка): «В то же лѣто поставлены быша двѣ церкви камены: Знамение Богородицы на Ильинѣ оулицы и святѣи Дмитрей на Лубяници, а церковь Святыхъ 40 паде».

улицы должна была задумываться не без участия архиепископа Моисея, как об этом говорится в поздней Новгородской третьей летописи. В церкви Знамения главной святыней была, как мы знаем, сама чудотворная икона, к которой несколько веков совершались крестные ходы и которую торжественно обносили вдоль городских стен.

Напротив церкви Знамения встал новый каменный храм Спаса-Преображения, вторая каменная церковь, отмечавшая место, связанное с пребыванием почитаемой до чуда на стене новгородского Острога у Десятинного монастыря. Церкви Знамения и Спаса-Преображения стояли друг напротив друга, обращенные друг к другу боковыми фасадами. К улице и стоящему через нее храму Знамения церковь Спаса была обращена южным фасадом, это объясняет то, что именно южный фасад является в этом памятнике наиболее украшенным.

Для нашей книги важнее всего мемориальный характер этого приходского храма: это памятное значение определило, по всей видимости, большие размеры церкви, ее высоту и сложную декорацию ее фасадов. Церковь Спаса на Ильине следует воспринимать именно как мемориальный объект, в котором архитектура отражала почитание чудотворной иконы, когда-то содержавшейся в храме и взятой оттуда для обороны города; этот храм вступал в диалог с построенной ранее церковью Знамения, еще одним мемориальным храмом, отмечавшим чудо иконы Знамение. В результате в конце Ильины улицы возник и долгое время существовал комплекс из двух храмов, представителей новгородской архитектуры XIV века, стоявших по сторонам улицы один напротив другого. В измененном виде этот мемориальный комплекс существует и сейчас: Спасо-Преображенская церковь осталась той же, тогда как Знаменская церковь, получившая со временем статус собора, была перестроена в конце XVII столетия (остатки стен и столбов храма XIV в. сохраняются в уровне ниже пола подклета существующего здания, они были частично раскрыты во время раскопок под руководством В.А. Булкина¹⁴).

Через четыре года после окончания каменного храма, по уникальному известию Новгородской третьей летописи, составленной в XVII в., «мастером Греченином Феофаном» была осуществлена роспись церкви Спаса, причем отмечается, что церковь «подписана» «повелѣниемъ благородного и боголюбиваго боярина Василия Даниловича, и со уличаны Ильины улицы»¹⁵. Это сообщение 1378 г. в какой-то степе-

ни подтверждает наше предположение об уличанах «ильинцах» как заказчиках церкви Спаса: в росписи помимо боярина, давшего, очевидно, самую значительную сумму на роспись храма, участвуют «уличаны Ильины улицы», то есть все те же «ильинцы».

М.К. Каргер предположил, что источником для позднего летописного упоминания послужила сохранившаяся в XVII в. ктиторийская надпись в храме (очевидно – XIV в. – В.С.)¹⁶. Это предположение трудно опровергнуть и подтвердить; подтверждением его служит только развернутый характер летописной статьи с упоминанием властей того времени, что типично для надписей на росписях и значительных предметах.

То, что Феофан Грек работал в Новгороде, подтверждается записанным Епифанием Премудрым в письме к Кириллу Тверскому перечислением мест, в которых работал этот художник: он пишет, что Феофан расписал более сорока каменных церквей, среди которых церкви «в Константинѣ градѣ и в Халкидонѣ, и в Галафѣ и в Кафѣ, и в Велицѣм Новѣгородѣ и в Нижнемѣ»¹⁷. Можно предположить, что Феофан переехал из собственно Византии (где он работал в Константинополе и лежащем напротив через Босфор Халкидоне) сначала в стоящую напротив Константинополя через Золотой Рог генуэзскую колонию Галату, потом попал в генуэзский же город Кафу (нынешнюю Феодосию) в Крыму. Из Кафы Феофан отправился на Русь, сначала в Новгород Великий, где и получил первый заказ на Руси. Вполне вероятно, что этим заказом и была роспись церкви Спаса на Ильине улице. Есть некоторая вероятность того, что именно заказчик (заказчики) росписи церкви Спаса «нашли» Феофана в Крыму, но вероятно и то, что он со своей артелью сам пришел в богатый и свободный Новгород.

Боярин Василий Данилович, заказчик росписи церкви Спаса на Ильине улице, в других новгородских летописях упоминается еще всего два раза: в 1366 г., когда его вместе с сыном Иваном арестовали власти принадлежавшей московскому князю Дмитрию Донскому Вологды (он ехал из владений Новгорода на Северной Двине и «не стереглѣся», то есть передвигался без особого внимания к собственной охране), и в следующем 1367 г., когда после заключения мира Новгорода с Москвой боярин с сыном были отпущены. Вот как о событиях 1366 г. рассказывает Новгородская первая летопись: «Ѣздиша из Новаграда люди молодыи на Волгу без новгородьчюго слова, а воеводу Есифѣ Вальфромѣвич, Василии Федорович, Олександрѣ Обакунович; того же лѣта приихаша вси здрави в Новѣгород. И за то князь великыи Дми-

¹⁴ Булкин В.А. Знаменская церковь XIV в. в Новгороде // Древнерусское искусство : Византия, Русь, Западная Европа : искусство и культура. СПб., 2002. С. 246–259.

¹⁵ НЗЛ. С. 231: «Того же лѣта подписаша церков Господа нашего Иисуса Христа, на Илиинѣ улицы, повелѣниемъ благороднаго и боголюбиваго боярина Василия Даниловича, и со уличаны Ильины улицы, а подписывалъ мастеръ Греченинъ Феофанъ, при великом князѣ Дмитрии Ивановиче и при архиепископѣ Алексии Великаго Новаграда и Пскова».

¹⁶ Каргер М.К. К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде // ТОДРЛ. XIV. М.; Л., 1958. С. 565–568.

¹⁷ Памятники литературы Древней Руси, XIV – середина XV века. М., 1981. С. 444–445.

трии Иванович рогнѣвася и розверже миръ с новгородци, а ркя тако: «за что есте ходилѣ на Волгу и гости мои пограбисте много». Того же лѣта, на зиму, от князя изимаша Василья Даниловича съ сыномъ на Вологдѣ, а он ѣхал с Двины, а того не вѣдалъ, ни стереглься»¹⁸. Здесь хорошо видна связь этого ареста едущего из своих владений на Двине боярина с последовавшим ранее ушкуйническим походом на Волгу. Вологодские земли клином вдавались в новгородские владения, так что миновать их было трудно, почему боярин и попался. Сообщение в Новгородской четвертой летописи дает более полное имя боярина, а также называет еще одного участника похода, захваченного в плен – Прокопья Киева: «Тои зимы яша на Вологдѣ Василья Машкова съ сыномъ и Прокопья Киева княжи боляре; а они ѣхали съ Двины, того не вѣдали размирья, ни стереглися; и ведоша ихъ на Москву»¹⁹.

В следующем 1367 г. после заключения мира между князем Дмитрием Ивановичем (Донским) и новгородцами плененные бояре были отпущены: «Смиришася Новгородци съ княземъ с Дмитриемъ Ивановичемъ, а поусту Василья Данильевича и сына его Ивана и Прокофа, и наши и за Воложанъ докончаша»²⁰.

В списках новгородских посадников и тысяцких имени Василия Дмитриевича нет, так что этот боярин, связь которого со Славенским концом устанавливается только из сообщения о росписи храма Спаса, по своему положению схож с неким Лазутой, жившим несколько ранее в том же Славенском конце и построившим несколько каменных храмов: они выступают как заказчики, то есть принадлежат к элите общества и имеют достаточные средства, но не занимают никаких официальных постов в новгородской администрации.

Однако есть еще дополнительные соображения о происхождении боярина Василия Даниловича. В.А.Плугин высказал предположение о том, что Василий Данилович Машков «был сыном новгородского боярина Данилы Машковича, который в 1333 г. входил в состав посольства владыки Василия к Ивану Калите. Не идентичен ли он славенскому посаднику 1327–1328 гг. Даниле, о котором В.Л.Янин говорит, что «он не упоминается в летописи» (Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 179)? В таком случае Василий Данилович – брат славенских посадников Федора и Михаила Даниловичей (последний – в 1372–1392 гг.), и это проливает дополнительный свет на его личность и об-

стоятельства создания и росписи церкви на Ильине улице в Славенском конце Новгорода»²¹.

Действительно, в 1333 г. новгородский владыка Василий Калика прибыл к великому князю Ивану Даниловичу в Переславль-Залесский «с Терентиемъ Даниловичемъ и с Даниломъ Машковицемъ»²². Этот Данила Машкович вполне мог быть отцом Василия Даниловича Машкова. В недавнее время была найдена свинцовая печать с надписью «ДАНИЛОВА ПЕЧАТЬ МАШКОВ...»²³, которая, вероятно, принадлежала лицу, упомянутому в летописи в 1333 г. На обороте этой печати помещено изображение святого Матвея и надпись: «МАТФ». В.Л.Янин и П.Г.Гайдуков так комментируют эту печать: «Данила Машкович (№ 684 г) в 1333 г. был новгородским послом к Ивану Калите; более чем вероятно, что он сын тысяцкого Машка, известного по документу 1301 г. с печатью, на которой изображен св. Матфей (№ 594)»²⁴.

Грамота договора новгородцев с Любеком, Готским берегом и Ригою 1301 г. была составлена от лица великого князя Андрея, а также «от посадника Смена, от тысяцкого Машка»²⁵. Известна приложенная к этому договору печать с надписью на одной стороне «ТЫСЯЧКОГО ПЕЧАТЬ» и на другой имеющая изображение святого в рост с надписью «МТӨ», то есть «Матфей»²⁶.

Есть еще один документ, в котором упоминается некий Машко, это договорная грамота новгородцев с князем Андреем Ярославичем 1316 г., в которой среди тальщиков, то есть заложников, упоминается «Машко с детьми». Вот фрагмент грамоты с упоминанием Машка: «А за все за то взяти князю у Новгорода двѣнадцать тысячи серебра, буди Андрѣевъ дѣти, буди Машко з дѣтми, или Юрьи Калѣка и вси талщики; и что възьлѣ Федоръ Юрьевичъ и Елферии Жидьслаличъ у т[алщ]иковъ и у Машка з дѣтми, а то поиде в ту же двѣнадцать тысячи серебра»²⁷. Этот Машко грамоты 1316 г. может быть одним лицом с тысяцким Машко грамоты 1301 г.

Вполне вероятной представляется следующая семейная история: в 1301–1316 гг. жил тысяцкий Машко, имевший свою печать с надписью «МАТФЕЙ», то есть он был Матвеем Машко. Его сыном был Данила Матвеевич Машков, известный по летописному упоминанию 1333 г. и по печати. Сыном Данилы Матвеевича Машкова был Василий Данилович

²¹ Плугин В.А. Боярин Василий Данилович Машков и Феофан Грек // Древний Новгород. История. Искусство. Археология. Новые исследования. М., 1983. С. 266, Примеч. 2.

²² НПЛ. С. 345.

²³ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998. С. 209.

²⁴ Там же. С. 102.

²⁵ ГВНИП. С. 63.

²⁶ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М., 1970. С. 97–98, 201.

²⁷ ГВНИП. С. 23.

¹⁸ НПЛ. С. 369.

¹⁹ ПСРЛ 4-1-1. С. 294.

²⁰ ПСРЛ 4-1-1. С. 294. В Новгородской первой летописи (НПЛ. С. 369) сообщение о мире и отпуске плененных короче: «Посылаша послы новгородци къ князю великому Дмитрию Ивановичю и докончаша миръ с княземъ великимъ; а князь великий отпусти Василья и сына его Ивана, и намѣстника своего присла в Новъгород».

Машков, заказчик росписи церкви Спаса на Ильине улице в 1378 г. и, вероятно, один из заказчиков самого каменного храма 1374 г. Василий Данилович упоминается в летописях с 1366 по 1378 г. Известен один его сын, которого звали Иван. Так что перед нами четыре представителя одной довольно значительной семьи, известной с 1301 по 1378 г.

А вот родство Василия Даниловича Машкова с посадниками Федором Даниловичем и Михаилом Даниловичем никак не просматривается. Отметим, что мнение В.Л.Янина относительно посадника Данилы было приведено В.А.Плугиным неверно. В.Л.Янин пишет о посаднике Даниле буквально следующее: «Данила (не отмечен в списках), посадник 1327–1328 гг.»²⁸. Это значит, что посадник Данила не отмечен в списках посадников, тогда как в летописи он упоминается. Мало того, В.Л.Янин считает, что и посадник Федор Данилович и его отец посадник Данила были представителями Славенского конца²⁹.

Представляется, что Василий Данилович действительно мог быть одним из главных заказчиков росписи, но переносить эту ситуацию на строительство храма нет достаточных оснований: вероятнее всего, храм построен именно «ильинцами», то есть уличанами, жителями Ильины улицы. И все же для понимания характера заказа как архитектуры, так и росписи очень важным оказывается знание истории хотя бы одного из боярских родов, населявших Ильину улицу. Эти боярские семьи выстроили на своей улице сначала каменный храм Знаменья, а затем, через 20 лет, – каменный храм Спаса-Преображения, причем четырьмя годами позже заказали стенную роспись греческому художнику. Мы видим необыкновенную строительную, даже более того, художественную активность ильинских бояр, сквозь сообщения об их строительстве проступает и их благочестие, и их амбициозность. Перед нами проявление силы, причем в церкви Спаса на Ильине улице каждый может почувствовать эту силу, ощутить ее воздействие.

Заметим, что храм Спаса-Преображения находился довольно далеко от берега реки Волхов, то есть в удаленной части этой старой Ильины улицы; храм этот не был основным, не был уличанской церковью (таковой была церковь Успения на Торгу, расположенная много ближе к реке). Это значит, что значение храма поначалу было небольшим, оно увеличилось после чуда 1169 г. и, наконец, многократно выросло в середине XIV в., когда, видимо, был установлен церковный праздник в честь Знаменья, а связанные с событиями 1169 г. храмы в течение двух десятков лет были возведены в камне.

В 1391 г. у стен церкви Спаса новгородский архиепископ Иоанн торжественно встречал приехавше-

го в Новгород митрополита Киприана³⁰. После этого события храм исчезает со страниц летописей: с ним как будто ничего не происходит.

В.Л.Янин считает, что на знаменитой иконе «Молящиеся новгородцы» 1467 г. внизу изображены бояре – прихожане прихода, включавшего в себя храмы или престолы Спаса и Пречистой Богородицы, то есть Спаса-Преображения и Знаменья Богородицы на Ильине улице³¹.

Из «Семисоборной росписи» конца XV в. мы знаем, что храм Спаса на Ильине входил в соборный округ церкви Успения на Ильине улице (она же называлась «на Торгу» или «на Козье бородке»), а также то, что в нем было два придела «на полатех» (то есть на хорах, во втором ярусе), придел Троицы и придел Космы и Дамиана: «На той же улице Спас Преображение, на полатех Троица, да Козма Демьян»³².

В «Росписи новгородских монастырей и церквей 1615 г.» храм Спаса упомянут кратко и вместе с церковью Знаменья: «На Ильине храм ПРЕОБРАЖЕНЬЕ Спасово, другой храм Пречистая ЗНАМЕНЬЕ ЧУДОТВОРНЫЙ ОБРАЗ, да придел Иаков Алфеев»³³. Не слишком прибавляет информации и Опись Новгорода 1617 г., где описывается внутреннее убранство церкви, иконы и утварь, тогда как о самом храме читаем только: «На Ильине улицы. Церковь камена Преображенье Христова, в нем божия милосердия. ... Да на полатех в дву приделех, у Живоначалые Троицы да у Козмы и Демьяна...»³⁴.

Церковь Спаса на Ильине улице была местом остановки нескольких крестных ходов, совершавшихся как самим новгородским владыкою, так и по его благословению, о чем свидетельствует чиновник архиерейской службы XVI века³⁵. Это значит, что храм Спаса был включен в число важнейших, узловых точек сакральной топографии средневекового

³⁰ НПЛ. С. 384–385, 461.

³¹ Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 184–187. А.С.Преображенский сомневается в такой атрибуции и подчеркивает, «что в Новгороде довольно часто создавались целые комплексы изображений представителей определенного рода, предназначавшиеся для семейных храмов-усыпальниц»: Преображенский А.С. Ктиторские портреты средневековой Руси, XI – начало XVI века. М., 2012. С. 229–239; об атрибуции иконы см. примечание 130 на с. 234–235.

³² Янин В.Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 114; Андреев В.Ф. Новый список «Семисоборной росписи» Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 222.

³³ Опись Новгорода 1617 года. Ч. 2. М., 1984. С. 329.

³⁴ Там же. Ч. 1. М., 1984. С. 69, 70.

³⁵ Макарий, архимандрит. Древние церковные обряды в Новгороде, по указанию письменного архиерейского чиновника или устава // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1861. Январь-март. Кн. 1. М., 1861. С. 4, 7–8, 18, 19, 20–21, 23, 42–43. О крестных ходах к церкви Спаса см. также: Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М., 1860. С. 306–309.

²⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 182; М., 2003. С. 259.

²⁹ Там же.

Новгорода. Мы не знаем, когда начали устраиваться эти крестные ходы, но есть возможность того, что они были учреждены еще в период новгородской политической самобытности, в XIV–XV вв.

Так, один крестный ход совершался в сентябре, в воскресенье перед Воздвижением: «в неделю перед Воздвижением, на вечерни, со всего города, т. е. от шести соборов был крестный ход из Софийского собора к Спасу на Ильину улицу. Святитель только благословлял крестный ход, а сам оставался в соборе для служения вечерни и дожидался обратно крестного хода, который и отпускал по церквам. На молебне в Софийском соборе пели каноны Успению, Св. Никите и Иоанну, а во время крестного хода дорогою пели каноны Преображению и Знамению Божией Матери».

6 августа, на праздник Спаса Преображения, престольный праздник церкви Спаса на Ильине улице, новгородским владыкой совершалась специальная служба в этом храме: «Святитель ездил к празднику в Спасскую церковь на Ильину улицу, для параклиса, и заезжал в Знаменский собор прикладываться к чудотворной иконе. После параклиса он благословлял Знаменского протопopa служить в Спасской церкви утреню и освящать воду, а Софийского протопopa благословлял служить у праздника на воротах в каменном городе, куда приходил новгородский боярин. ... Литургию святитель служил у Спаса на Ильине улице, где пред литургиею совершаем был молебен Спасу. По «Достоинно» ключарь в епитрахили освящал яблоки с каждением, и по молитве, одно блюдо яблоков раздроблял на части, а другое оставлял нераздробленным. По разоблачении, Святитель становился на своем месте и вкушал яблоки; потом раздавал цельные яблоки боярину, воеводе, дьякам, властям, священникам и нарочитым гражданам, а разрезанные яблоки по частям раздавал всему народу».

В неделю Всех Святых «после вечерни, был крестный ход к Спасу на Ильину улицу, подобно как в неделю пред Воздвижением. Во время крестного хода, кресты приносили от шести градских соборов в собор Софийский пред вечернею. ... За ектению и возгласом протопop подносил святителю на блюде крест и принимал вместе с другими от него благословение к крестному ходу в Спасскую церковь, который совершался со звоном. По пути пели статьи Преображению и Знамению до 9-й песни. По приходе в Спасскую церковь, протопop Софийский читал там Евангелие. После Евангелия пели тропари и кондаки, а за каждением и ектению возглас и отпуск Преображению и Знамению. По отпуске протопop кропил св. водою церковь крестообразно, и благословлял крестом себя, священников и народ».

В праздник Знамения, 27 ноября, а также 23 и 30 июня и 20 июля новгородский владыка совершал

крестные ходы в церковь Знамения; в церковь Спаса ход не заходил.

В дальнейшем, в XVIII–XIX вв., храм Спаса на Ильине улице не имел яркой событийной или строительной истории. В первой трети XIX в. (около 1831 г., когда упоминаются строительные работы) к нему с запада был пристроен широкий притвор с круглой колокольной, в притворе помещались два престола – Рождества Богородицы и иконы Смоленской Божьей Матери³⁶. Архитектура этих поздних частей, как видно на старых фотографиях, представляла стиль, переходный от позднего классицизма к эклектике, характерный для архитектуры того времени в Новгороде, в котором в это время ориентировались на петербургские образцы.

Новую жизнь и новую известность церковь Спаса на Ильине получила в связи с открытием и последующими расчистками и изучением фресок XIV в., созданных Феофаном Греком (росписи раскрывались и реставрировались в 1913, 1920–1921 гг. (П. И. Юкин), в 1935–1936 гг. (Е. А. Домбровская, И. А. Баранов, С. С. Чураков и другие под руководством Ю. А. Олсуфьева) и в 1965–1970 гг. (Г. С. Батхель)³⁷. Раскрытие росписей сопровождалось все большим пониманием особенностей стиля Феофана Грека, постепенно формировался образ этого живописца³⁸. Но в результате, как это случается при «соревновании» живописных, изобразительных искусств и архитектуры, загадочные фрески Феофана Грека как бы заслонили собой архитектуру церкви Спаса, которая часто стала восприниматься как шкатулка, пусть великолепная, предназначенная для хранения росписей.

В 1936 г. поздние притвор и колокольня церкви были разобраны во время масштабных реставрационных работ, о которых мы, к сожалению, почти ничего не знаем – из-за пропажи документов во время Великой Отечественной войны.

³⁶ Историю храма см.: Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860. С. 301–309.

³⁷ Терская И. В. Церковь Спаса Преображения на Ильиной улице // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. СПб., 2008. С. 269.

³⁸ См. основные труды по фрескам Феофана Грека: Лазарев В. Н. Феофан Грек и его школа. М., 1961. С. 35–68; Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески XI–XV вв. М., 1973. С. 56–58, илл. 302–324; Вздорнов Г. И. Фрески Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. М., 1976; Вздорнов Г. И. Феофан Грек. Творческое наследие. М., 1983; Лифшиц Л. И. Монументальная живопись Новгорода XIV–XV веков. М., 1987. С. 21–25, илл. 110–178; Лифшиц Л. И. Фрески Феофана Грека в Троицком приделе церкви Спаса на Ильине улице (об иконографической программе росписи) // Древнерусское искусство: Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. СПб., 2002. С. 269–288; Орлова М. А. О некоторых типах орнамента в росписи церкви Спаса на Ильине улице в Новгороде и особенности декорации ее алтаря // Древнерусское искусство: Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. СПб., 2002. С. 289–299.

Во время Великой Отечественной войны снаряд разрушил свод западного рукава креста и часть фронтонов, в стенах храма появились трещины, особенно у юго-западного угла. Состояние памятника сразу после войны передано в записке архитектора-реставратора П. Д. Барановского: «Спас Преображения на Ильине 1374 г. Фрески 1378 г. Приспособлено немцами под наблюдательный пост и огневую точку. Разрушен западный коробовый свод, пробит сев.-зап. полукоробовый свод и юго-западный, трещины и отходы стен в арках, стенах, сводах. пробита амбразура в вост. стене над апсидой, пробито две амбразуры в барабане, сделана в барабане отопленная камера с печью. В восточной стене над апсидой пробоина от снаряда. Отсутствует большая часть кровли. Фрески покрыты копотью, процарапаны рисунками, надписи на немецком и испанском языках»³⁹.

Вскоре после войны, в 1946 г., храм был укреплен железобетонными поясами, а пулеметные бойницы, пробитые немцами в верхней части четверика и в барабане, были заложены, была починена часть сводов (выяснилось, что подпружные арки были переложены в XIX в.)⁴⁰; в последующие несколько лет (1950–1951 и 1959–1961 гг.) церковь была отреставрирована по проекту архитектора-рестав-

ратора Л. М. Шуляк⁴¹: стены были вычинены, была раскрыта композиция из трех окон и ниш на южном фасаде, сами фасады были оштукатурены, причем с несколько нарочитой правильностью линий⁴². В 1968–1969 гг. или в 1970 г. внутри храма (в алтарной части) были проведены архитектурно-археологические раскопки⁴³, раскрывшие древний престол, скамью в алтаре (синтрон) с основанием епископского трона, также были открыты нижние части фресковой декорации, скрытые позднейшими полами. Раскопки позволяют понять, что первоначально храм был еще более высоким и еще более стройным. Существующая медная кровля была устроена в 1983–1984 гг. по проекту Л. Е. Красноretchева⁴⁴.

В настоящее время храм принадлежит Новгородскому государственному объединенному музею-заповеднику, он открыт для посетителей и является одним из самых притягательных объектов посещения в городе.

³⁹ Судьба культурного наследия России, XX век. Белая книга. М., 2003. С. 69. См. также: Шуляк Л. М. Пояснительная записка к проекту реставрации памятника архитектуры в г. Новгороде. Новгород, 1950 // Архив Новгородской реставрационной мастерской. 0031. Дп 2.

⁴⁰ Памятники архитектуры в Советском Союзе : очерки истории архитектурной реставрации. М., 2004. С. 363–364; Терская И. В. Церковь Спаса Преображения на Ильиной улице // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. СПб., 2008. С. 267–269.

⁴¹ Вздорнов Г. И. Фрески Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. М., 1976. С. 25, 102; Терская И. В. Церковь Спаса Преображения на Ильиной / Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. СПб., 2008. С. 269.

⁴² Терская И. В. Церковь Спаса Преображения на Ильиной улице // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. СПб., 2008. С. 269.

³⁹ ГНИМА. Р-ХIV. Оп. 23. Д. 15. Л. 1. См. также: Давыдов С. Н. Отчет о работе Специальной проектно-реставрационной мастерской комитета по делам архитектуры при СНК СССР по г. Новгороду за 1945 г. // Архив Новгородской реставрационной мастерской. Р-4а.

⁴⁰ Давыдов С. Н. Восстановление архитектурных памятников Новгорода в 1945–1949 годах // Практика реставрационных работ. Сборник первый. М., 1950. С. 70–71.

Глава 2

Очерк Славенского конца в XIV веке

Этот обширный район города на правом берегу реки Волхов в южной части Торговой стороны находился рядом с Торгом и рядом с местом проведения веча на Ярославовом Дворище (Ярославле Дворе). Возможно, это определяло амбиции этого района, которые в XIV в. проявлялись очень сильно.

Это был древний район, восходящий к началу города. С севера он граничил с относительно новым (XIII в.) Плотницким концом, причем переход от Славенского к Плотницкому концу был незаметным, он не был отмечен никакой четкой чертой или преградой.

Улицы Славенского конца в основном шли от Волхова к востоку. Самыми северными были Иванская и Ильина улицы, к югу от них шла Виткова улица, еще южнее – Нутная, от которой ответвлялась Бардова, далее к югу проходила Варяжская улица, еще южнее – Павлова и Кириованская. Имелись еще Дубошин и Михайлов переулки, а в районе церкви Михаила Архангела на Михайлове улице, параллельно берегу, шла Славная улица, пересекавшаяся с шедшей в меридиональном направлении Михайловой улицей.

На Торгу и Ярославле Дворе стояли древнейшие каменные храмы Новгорода и Торговой стороны. Посреди площадки веча возвышался храм Николы, известный сейчас как собор Николая на Дворище, возведенный еще в княжеское время, в 1113 г. Церковь Иоанна Предтечи на Петратине дворе, или на Опоках, стояла чуть в стороне от торгового, но в ней хранились эталоны воска, а также при ней была корпорация крупнейших купцов. Этот храм был построен в камне еще в княжеское время, в 1127–1130 гг., но после переворота 1136 г., сделавшего Новгород боярской республикой, в 1184 г. был фактически выстроен заново, очевидно – уже по боярскому заказу. На самом Торгу стояла церковь Успения, тоже выстроенная еще в княжеское время (заложена в 1135 г., окончена в 1144 г., уже после переворота). В 1207 г. на Торгу была построена церковь Параскевы Пятницы. Эти храмы были общегородскими, но для Славенского конца они, вероятно, являлись своими.

Кроме этих каменных церквей, стоявших и стоящих еще по сей день на Торгу и Ярославле Дворе, в самом Славенском конце в конце XII – начале XIII в. были построены еще только два каменных храма: церковь Ильи на Славне, сооруженная на южной окраине Славенского конца в 1198–1202 гг., и церковь Павла Исповедника, возведенная в 1224 г., боярином Семеном Борисовичем, ставшим в 1219 г. посадником. Храм стоял на Варяжской улице, но уже на восточной окра-

ине Славенского конца. Летопись отмечает, что у этой церкви были устроены два придела: один, очевидно, патрональный, в честь покровителя заказчика Симеона Богоприимца, а другой – Константина и Елены. Храм был освящен в Павлов день, 6 ноября, то есть на престольный праздник¹.

Относительно приделов этого храма можно добавить следующее: в «Семисоборной росписи» конца XV в. храм описан так: «Павел святой на Вареской улице, монастырь женьской, на полатех Борис Глеб, да придел Аким Анна, а придел Семен Богоприимец, да царь Костянтин»². Из перечисления приделов видно, что не только придел Симеона Богоприимца был посвящен небесному покровителю заказчика, боярина Семена Борисовича, но и придел Бориса и Глеба «на полатех» храма был посвящен небесному покровителю отца заказчика, святому Борису (и Глебу, конечно). Посвящение Борису и Глебу станет еще понятнее, если мы вспомним о существовании новгородского боярина Глеба Борисовича, убитого татарами в Торжке в 1238 г.³ Этот Глеб Борисович вполне мог быть братом Семена Борисовича, а если это было так, то придел Бориса и Глеба был посвящен как небесному покровителю отца, Бориса, так и небесному покровителю брата, Глеба Борисовича.

Боярин Семен Борисович впервые появляется на страницах летописи в 1215 г., когда его наряду с другими боярами посылают с посольством к князю Ярославу Всеволодовичу, занявшему Торжок⁴.

В январе 1219 г. в Новгороде случилось серьезнейшее противостояние двух концов Торговой стороны и трех концов Софийской стороны. Из Новгорода бежал некто Матвей Душильцевич, за которым погнались новгородцы, схватили его и передали князю Святославу Ростиславичу в его резиденцию на Городище, причем в Новгороде прошел слух, что Матвея передал князю посадник Твердислав. «Они-

¹ НПЛ. С. 63: «В то же лѣто създа Борисовичъ Смень церковь камяну святого Павла, и святого Смена Богоприимца, и святую Костянтина и Елены, и святыша ноября в 6, на Павлов день»; НПЛ. С. 267: «В то же лѣто создаста Семеонъ Борисовичъ церковь камяну святого Павла, и святого Семеона Богоприимца, и святого Костянтина и Олены, и святыша ю ноября въ 6, на Павловъ день».

² Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода. С. 114. См. также краткое описание в «Росписи новгородских монастырей и церквей» 1615 года: «На Вареской монастырь девичь Павлов, а в нем храм Павел Исповедник; два приделы: Царь Константин да Симеон Богоприимец». – Опись Новгорода 1617 года. Ч. 2. М., 1984. С. 330.

³ НПЛ. С. 288.

⁴ НПЛ. С. 54, 253, 446.

половци», то есть жители «другой стороны» (относительно той, на которой жил летописец, т. е. Софийской), Торговой, «созвонили», то есть собрали вече у Николы на Дворище, на Софийской же стороне в Неревском конце, враждебном Твердиславу, созвали, «созвонили» вече у церкви Сорока Мучеников. Князь отпустил в город схваченного Матвея, но это не утихомирило горожан, и жители Торговой стороны (мы думаем, что это в основном были люди со Славенского конца, но доказать этого не можем) и, отдельно, жители Неревского конца в «бронех», то есть полностью вооруженные, устремились в сторону Людина конца, который стоял за происходившего из этого района Твердислава. Загородский конец занял выжидательную позицию.

В результате у «градных ворот», то есть у одних из ворот новгородского Детинца, вероятнее, – у обращенных в сторону моста через Волхов Пречистенских ворот, произошла битва, по окончании которой «они половцы» побежали через мост и разметали его за собой, а жители Людина конца и Прусской улицы побежали в свой конец. После этого люди с Торговой стороны напали на Людин конец, переехав реку «в лодьях». Было убито несколько бояр из всех группировок⁵.

После этих событий посадничество было отнято у Твердислава Михалковича и отдано Семену Борисовичу⁶. Спустя 5 лет Семен Борисович закончил каменный храм Павла в Славенском конце, который заложил, видимо, вскоре после своего избрания на пост посадника в 1219 г. Это значит, что храм Павла строился практически одновременно с церковью Михаила Архангела на Прусской улице, построенной в 1219–1224 гг. боярами из враждебной группировки, Твердиславом Михалковичем (у которого отняли посадничество в пользу Семена Борисовича) и его братом Федором. Семен Борисович принимал участие в боярской расправе 1230 г.⁷, в результате которой 9 декабря он был убит, его дом и его села были разграблены, а его жена была схвачена и какое-то время содержалась в заточении. Семен Борисович был погребен в Юрьеве монастыре в Георгиевском соборе⁸. Он упоминается в летописном списке новгородских посадников⁹.

Первоначально храм Павла, законченный Семеном Борисовичем в 1224 г., был приходской церковью, стоявшей, по всей видимости, уже вне застройки Славенского конца Новгорода. Только в 1238 г., спустя 14 лет, вдова Семена Борисовича основала здесь монастырь¹⁰ (в котором, очевидно, была пострижена или собиралась постричься в монахини),

ставший затем важнейшим женским монастырем Славенского конца. Практика построения сначала каменного храма, а лишь потом основания при нем монастыря была известна в Новгороде в это время. Так, под 1192 г. летопись рассказывает о том, что чернец Варлаам, в миру – Алекса Михалевич, поставил церковь Спаса Преображения на Хутыне, которую «на праздник» освящал архиепископ Гавриил, который и «нарече монастырь»¹¹, то есть назвал выстроенный храм и кельи при нем монастырем. Вероятно, само возведение храма могло служить формальным поводом, основанием для создания новой обители, обычно бывшей местом пострижения и упокоения членов одной боярской семьи или группировки.

В результате событий 1230 г., когда посадник Семен Борисович был убит, его дом и села были разграблены, а поддерживавшая его группировка смиренная, Славенский конец стал слабее. Фактически с ним произошло почти то же, что произошло с Людиным концом в результате восстания новгородцев против клана Мирошкиничей в 1209 г., после которого Людин конец из лидирующего района превратился в почти не присутствующую в политической жизни часть города, лишившуюся своей элиты и частично, вероятно, заселенную новыми людьми. Славенский конец, видимо, был не столь разорен, но потерял часть своего значения. Мы видим это по тому, что в нем на протяжении XIII–XV вв. не видно столь значительных фигур, какими были бояре Неревского конца и Прусской улицы. Боярство Славенского конца предстает некоей массой, среди которой редко выделяются яркие личности.

Политическая история Славенского конца в XIV – начале XV в. ограничивается несколькими сильнейшими столкновениями этой части города с другими концами. Борьба городских районов за первенство в это время явно обострилась, она часто стала принимать кровавые формы. Всего за столетие с небольшим мы насчитываем шесть эпизодов, в которых видим Славенский конец в прямом противостоянии с Софийской стороной.

В 1335 г. случилось сразу два события, ярко характеризующие Славенский конец. В этом году был заложен «острог камен», то есть каменная городская стена, которая ограждала южную часть Славенского конца – от церкви Ильи на Славне до Павлова монастыря. В качестве покровителя строительства назван владыка Василий, а в качестве инициаторов возведения стены названы посадник Федор Данилович и тысяцкий Остафий¹². Эта стена даже в том случае, если она была общегородской постройкой, выделяла конец, который она защищала: кроме Детинца в Новгороде не было других каменных укреплений.

¹¹ НПЛ. С. 40, 231. Относительно монастыря Спаса в Русе летопись употребляет глагол «сотворить» – такой же, как в статье 1238 г.

¹² НПЛ. С. 346.

⁵ НПЛ. С. 58–59, 259–260.

⁶ НПЛ. С. 59, 260.

⁷ НПЛ. С. 69, 276.

⁸ НПЛ. С. 70, 276–278.

⁹ НПЛ. С. 164, 472.

¹⁰ НПЛ. С. 74: «Створи монастырь у святого Павла Семенова Борисовича».

Но есть основания считать, что сам Славенский конец был инициатором возведения каменной стены. Перед нами пример амбициозного строительства, осуществленного задолго до сооружения каменных стен в Москве и Нижнем Новгороде.

В том же году поздней осенью снег и лед с Ильменя снесли 15 городней (опор) Великого моста через Волхов, соединявшего Софийскую и Торговую стороны. Рассказав об этом, летописец вдруг говорит о дьявольском наваждении, из-за которого две стороны встали с оружием по обе стороны реки, но потом примирились¹³. Точные причины и характер конфликта летопись не указывает, но ясно, что события эти могли быть прямо связаны с возведением стены вокруг части Славенского конца и возвышением последнего. Во всяком случае, мы видим противостояние двух сторон Новгорода, Софийской и Торговой, причем противостояния военного. Мы можем только предполагать, что Торговой стороной руководил Славенский конец: Плотницкий конец был «моложе» и в это время, вероятно, слабее.

В следующем 1336 г. мост через Волхов выстроили заново, но в 1340 г. после пожара, когда мост сгорел до уровня воды, его пришлось выстроить еще раз. Этот мост сыграет важную роль в последующих событиях.

В 1342 г. события разворачивались следующим образом: боярин Лука Валфромеев, «не послушав Новгорода», то есть без разрешения веча, пошел с собранной им частной дружиной из холопов за Волок и далее на Двину, в дальние новгородские владения. Там, на Двине, боярин поставил городок Орлец и вместе с емчанами, жившими вдоль реки Емцы, захватил все погосты на Двине. В это время его сын Онцифор «отходил», по словам летописи, на Волгу, то есть был, судя по всему, в ушкуйническом частном походе. Во главе дружины в 200 человек Лука выехал воевать, но его убили двиняне, жители берегов Северной Двины.

После убийства Луки в Новгороде черные люди, то есть низшие слои горожан, восстали на некоего Одрешку и на посадника Федора Даниловича, знакомого нам как заказчика или покровителя строительства стены 1335 г. вокруг Славенского конца. Черные люди обвинили Одрешку и Федора Даниловича в том, что они посылали убийц на Двину или организовали убийство Луки. Дворы и села, очевидно, пригородные обвиненных бояр были разграблены, а сами бояре бежали в Копорье, где и просидели до весны 1343 г. Вернувшийся из похода Онцифор Лукич бил челом Новгороду и еще раз обвинил Одрешку и Федора Даниловича в организации убийства своего отца, но эти вернувшиеся из Копорья бояре отрицали все обвинения.

В результате одним утром Онцифор Лукич и его дядя Матвей Валфромеевич Козка (или Коска) собра-

ли («созвонили») одно вече у Софийского собора (это были бояре с Неревского конца, то есть жители Софийской стороны, где они и собрали вече), а посадник Федор Данилович и Одрешко собрали вече на своей стороне – на обычном месте, на Ярославле Дворе. Не дождавшись владыки, неревские бояре перешли мост и напали на вече на Ярославле Дворе, но тут им дали отпор: Матвей и его сын Игнат были захвачены и посажены под арест в соседней церкви, а Онцифор со своими пособниками убежал на свою Софийскую сторону.

К обедне, то есть к позднему утру весь город вооружился, одна сторона против другой, и лишь владыке Василию с великокняжеским наместником Борисом удалось заключить мир между Софийской и Торговой сторонами. Как видим, Торговая сторона под предводительством посадника Федора Даниловича (со Славенского конца?) противостоял Софийской стороне, что буквально повторяет события 1335 г.¹⁴

В 1345 г. видим следующую картину: лед опять сносит 7 городней Великого моста, это происходит сразу после того, как посадник с вечем перешел с Софийской стороны на Торговую. На этом вече посадничество было отнято у Остафья Дворянина и отдано Матвею Валфромеевичу (Козке), одному из героев смуты 1342–1343 гг.

В 1350 г. 16 июня новгородцы отняли посадничество у Федора Даниловича (он упоминается как посадник в 1348 г.¹⁵) и отдали Онцифору Лукину (Лукичу), боярину с Неревского конца Софийской стороны. Это значит, что партия неревлян или вообще Софийской стороны возобладала. Мало того, чуть позже летопись сообщает о том, что в том же году новгородцы выгнали Федора Даниловича из Новгорода, а вместе с ним его брата Михаила, а также Юрья и Одряна (последний известен нам как союзник Федора в событиях 1342–1343 гг.). Летописец говорит о том, что дворы перечисленных бояр были разграблены, а потом добавляет, что была разграблена Прусская улица («а дома их розграбиша, и Прусскую улицу всю пограбиша»), из чего можно сделать вывод, что эти бояре жили не на Прусской улице, а в другом месте, а Прусская улица была разграблена как союзница бояр, представлявших, по нашему мнению, Славенский конец и Торговую сторону вообще. Федор, Михаил, Юрий и Одряна убежали в Псков, а затем, пробыв там немного, отправились в новгородский город Копорье¹⁶, где Одрешко и Федор Данилович уже скрывались в 1342–1343 гг. от гнева новгородцев.

Спустя 9 лет, в 1359 г., произошло острейшее противостояние двух сторон Новгорода, причем инициатором этого противостояния прямо назван Славенский конец¹⁷.

¹⁴ НПЛ. С. 355–356.

¹⁵ НПЛ. С. 359–360.

¹⁶ НПЛ. С. 362.

¹⁷ НПЛ. С. 365–366.

¹³ НПЛ. С. 347.

Началось с того, что посадничество было отнято у Ондrejaна Захарьинича. При этом отнял посадничество «не весь город, токмо Славеньский конец». Происхождение Ондrejaна Захарьинича устанавливается по записи в Новгородской третьей летописи, где Ондrejaн назван в качестве заказчика деревянной церкви Двенадцати Апостолов на Пропастех, стоявшей между Прусской и Чудинцевой улицами¹⁸. Вероятнее всего, Ондrejaн Захарьинич был боярином с Прусской улицы. Предполагаемый сын Ондrejaна Захарьинича, посадник Кирилл Ондrejaнович, занимавший степень в 1402–1409 гг. и скончавшийся в монашеском чине в 1410 г.¹⁹, в 1402 г. выступил как заказчик придельной церкви Трех Отроков у собора Михаила Архангела на Прусской улице²⁰.

Итак, Славенский конец отнял посадничество у боярина с Софийской стороны и отдал Селиверсту Лентиеву. На вече на Ярославовом Дворе началась стычка, переросшая в сечу. Поскольку славенские жители (в основном, вероятно, бояре) пришли на вече в доспехах, а «заричане», жители Софийской стороны (они могли быть названы «заричанами» только человеком, жившим на Торговой стороне, для него они жили за рекой), были без доспехов; в результате многих бояр побили и «полупили» (ограбили), а Ивана Борисова Лихинина убили до смерти. Две стороны встали друг на друга, причем Софийская сторона собиралась мстить. Противостояние продолжалось три дня, причем славяне, видимо, опасавшиеся перевеса Софийской стороны, разобрали часть Великого моста через Волхов. Владыка Алексей и прошлый, ушедший на покой владыка Моисей с архимандритом Юрьева монастыря и игуменами крупнейших монастырей обратились к новгородцам с примирительным словом. Новгородцы обеих сторон восприняли слово духовенства и разошлись, но летопись тут же сообщает о том, что были «взяты» многие села бояр Славенского конца, а также села славенского ставленника, Селиверста. Посадничество же было отдано Миките Матвеевичу.

Перед нами очередная попытка Славенского конца захватить власть в городе, пусть на короткий срок. При этом славенские бояре предпринимают отчаянные действия, вплоть до присутствия на вече

¹⁸ Новгородские летописи. СПб., 1879; См.: ПСРЛ 4-1-1, С. 287: «Андрѣян с Данилом поставиша церковь святыхъ Апостолъ 12, Андрѣян Захарьин, Данило Кузмин».

¹⁹ НПЛ. С. 402; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 216, 220–222, 232–234.

²⁰ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 125, 128, 130–132, 143, 147. Маловероятно, что Кирилл Ондrejaнович был посадником от Неревского или Плотницкого конца, как это предполагает В. Л. Янин. Его связь с Прусской улицей и связь его рода с Прусской улицей и Загородским концом свидетельствуют в пользу его представительства от Загородского конца. О церкви Двенадцати Апостолов: НПЛ. С. 364; ПСРЛ 4-1-1, С. 287.

в доспехах и с оружием. Эта попытка была пресечена боярами Софийской стороны.

Через 25 лет вновь полыхнула ненависть между двумя сторонами, точнее – между Славенским концом и Софийской стороной. В 1383 г. в Новгород приехал литовский князь Патрикий Наримонтович, которому новгородцы дали в кормление города Орехов и Корелу, а также половину Копорья и Луское село²¹. В следующем 1384 г. в Новгород явились жалобщики: жители Орехова и Корелы пожаловались, видимо, на вече на князя Патрикия. Приглашенный князь, очевидно обеспокоенный этими жалобами и возможностью утраты кормления, «подъя Славно и смуги Новъгород»: «славляне» встали на сторону князя и собрали вече на Ярославле Дворе (позиция Плотницкого конца поначалу остается неясной), тогда как жители Софийской стороны, всех трех ее концов, собрали вече у Новгородской Софии. Оба собрания были с оружием, «аки на рать». Тысяцкий Есиф ходил на вече на Торговую сторону, как и жители Плотницкого конца. Но затем славяне ударили на двор Есифа в Плотницком конце, на Торговой стороне, однако плотницкие жители не дали грабить двор и побили нападавших. После этого Плотницкий конец договорился с тремя концами Софийской стороны и готовился выступить на соседей, но «не потягнуша», не сумел по каким-то причинам. Противостояние продолжалось, два вечера собирались на разных сторонах, покрытие Великого моста между двумя городнями уже разобрали. Но в результате каких-то переговоров, о которых летопись не сообщает, усобица была остановлена, пять концов примирились, а литовскому князю дали в кормление другие города, Русу и Ладогу, взамен отобранных²². Здесь видим, что «славляне» используют иногда внешний повод для того, чтобы начать противостояние.

И еще через три года, в 1388 г., летописец опять, как в 1335 г., сначала говорит о том, что часть Великого моста через Волхов была разрушена (26 октября), река вынесла 9 городень моста. Это в летописи подано как знак того, что Бог не хотел кровопролития. Далее рассказывается, что три конца Софийской стороны, созволив вече у Софийского собора, на своей стороне, встали на посадника Есифа Захарьинича (он, надо думать, как и его брат Ондrejaн Захарьинич, происходил с Прусской улицы), пошли на его двор с оружием, захватили двор и «развезли» по бревнам боярские хоромы.

Есиф Ондrejaнович бежал за реку, в Плотницкий конец. За него встала вся Торговая сторона, то есть и Плотницкий, и Славенский конец, причем начали

²¹ НПЛ. С. 379. О кормлениях и ситуации с Копорскими князьями см.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 213–229; Янин В. Л. Князья Копорские // Янин В. Л. Средневековый Новгород. М., 2004. С. 275–285.

²² НПЛ. С. 379; ПСРЛ 4-1-1. С. 339–341.

бить «перевозников» с той стороны, приближающихся к берегу, а суда их сечь. «Розмирье» продолжалось две недели, но потом новгородцы «снисдошася в любовь» и дали посадничество Василию Ивановичу. Мир между сторонами и между кончанскими группировками был восстановлен, но опять висел на волоске. Славенский конец здесь выступает в паре с Плотницким, единым фронтом.

О том, что именно таковы были отношения между двумя новгородскими сторонами, рассказывают два жития новгородских юродивых, записанные поздно, в XVII веке, но сохранившие живые приметы новгородской старины. Оба юродивых, Никола Качанов с Софийской стороны и Феодор с Торговой стороны, были современниками, мы знаем, что Никола умер в 1392 г., что дает нам хронологическое указание на время спора между двумя блаженными. Никола Качанов почти не ходил на Торговую сторону, где обитал Феодор, а если ходил, то Феодор его прогонял, и Никола убежал по воде Волхова. То же повторялось зеркально, если Феодор вдруг заходил на Софийскую сторону. Никола Качанов был похоронен в церкви Пантелеймона на Яковлеве улице (то есть в Неревском конце), тогда как Феодор, родившийся близ торговых рядов (близ Торга, то есть достоверно на Торговой стороне, но на Славенском или Плотницком конце – неясно), был где-то там и погребен, «близ Торжища»²³. Ясно, что юродивые пародировали отношения Софийской и Торговой сторон, что сохранилось в исторической памяти города.

В последний раз крупное противостояние между концами и сторонами случилось в 1418 г., во время так называемого восстания Степанки²⁴. Этот Степанка схватил (видимо – на вече) боярина Данилу Ивановича, Божина внука, и кричал людям: «Помогите мне на этого злодея». Новгородцы, неясно какие, стащили боярина с веча, били его, а потом бросили как преступника с моста, то есть казнили его по оригинальному новгородскому обычаю. Но некто Личков сын, рыбак, то есть рыбак или торговец рыбой, простой человек, втащил сброшенного боярина в лодку и тем спас его. Обозленный народ разграбил двор рыбака. А боярин Данила Иванович (известный нам по поздней летописи как заказчик церкви Воскресения 1422 года в Павлове монастыре²⁵, то есть в Славен-

ском конце) захватил обидевшего его Степанку и начал его мучить. Узнав об этом, народ созвонил вече на Ярославле Дворе и собрался в доспехах и с оружием в поход на Кузмодемьяну улицу на Неревском конце, откуда происходил Степанко. Двор Степанки и много других дворов на Кузмодемьяне улице, а также береговая часть недалеко Яневой улицы были разграблены. Бояре Кузмодемьянской улицы решили выдать Степанку владыке Симеону для передачи вече. Но, получив Степанку, вече только больше распалось: теперь претензии появились к Ивану Иевлевичу, жителю Чудинцевой улицы Загородского конца; двор этого боярина и много других были разграблены, кроме того жители разграбили Никольский монастырь на поле, где, по их мнению, были боярские житницы. Пострадала и Легощая (Людогощая) улица, а бояре Прусской улицы, чрезвычайно богатые и предприимчивые, сумели отбить нападение.

После этих событий нападавшие вернулись «на свою Торговую сторону», из чего с уверенностью можно заключить, что конфликт разразился именно между сторонами, и затеян он был людьми с Торговой стороны. Вернувшиеся стали опасаться мести, везде звонили колокола, у моста через Волхов скапливались враждебные отряды. Владыка Симеон, собрав собор, устроил молебен в Новгородской Софии, а затем вышел с крестом на Великий мост и начал благословлять обе стороны. После чего к владыке прибыл посадник Федор Тимофеевич, представлявший Софийскую сторону, и упросил владыку послать Юрьевского архимандрита Варлаама с посольством на Ярославль Двор, чтобы там вече дало благословение степенному посаднику Василию Есифовичу и тысяцкому Кузме Терентиевичу, а после разошлось. На этом было достигнуто примирение, и жители разошлись по домам.

Мы знаем, что ни один конец Новгорода не достиг решающего перевеса. Может быть, только Неревский конец в какие-то моменты достигал превосходства, особенно если объединялся с каким-то другим районом. Но все же система новгородского соперничества давала возможность другим концам выстаивать в этой довольно напряженной и длительной борьбе. И Славенский конец среди пяти концов выглядит амбициозным, решительным, способным на объединение, на провокационные или вовсе военные действия.

Славенский конец выступал внешне как единая сила. В более позднее время, в середине XV в., конец имел свою печать с надписью «Печать Славеньского конца» и изображением Павла Исповедника и соответствующей надписью на оборотной стороне²⁶. Изображение Павла Исповедника связано с тем, что Павлов монастырь, находившийся на окраине кон-

²³ Терешкина Д. Б. Новгородская житийная литература. Великий Новгород, 2006. С. 84–90.

²⁴ НПЛ. С. 409–410; ПСРЛ 4-1-1, С. 421–424.

²⁵ ПСРЛ 31. С. 101–102: «Того же году поставиша церковь каменную Воскресение Христова в Павле монастыре, на Павлове улице, в Великом Новгороде, в Славенском конце, при великом князе Василье Дмитриевиче московском и при митрополите Фотии московском и при владыке Феодосии, нареченном, а не свершенном. А строили тою церковь каменную Воскресение Христова те же строители: князь Данила Иванович Божин с товарищи. Они же к той церкви и села свои предаша, вечно по своих душах и вечнаго ради поминования родителей своих».

²⁶ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М., 1970. С. 135.

ца, был главным монастырем этого района и в нем, вероятно, хранились кончанские акты.

О тех актах, которые издавал Славенский конец, дает представление грамота Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю с подтверждением прежнего пожалования землею на реке Вишере, данная не позднее 1417 г.²⁷ Эта грамота начинается следующим оборотом: «Покончаша промежу себя посадники великого конца Славенского, и бояре, и житьи люди, и весь великий конецъ Славенскіи, и пожаловаша игумена Алексѣя и старцовъ святаго Вознесения». Грамота заканчивается формулой: «А кто почнетъ имать у чернецовъ у вознесенскихъ посуль или у того, кто обидитъ святое Вознесение, ино бог на того и святое Вознесение и святые Павел». То есть гарантами дарения выступают праздник Вознесения, в честь которого был освящен главный храм Саввино-Вишерского монастыря, и апостол Павел, в честь которого был освящен храм кончанского монастыря. Характерно именование Славенского конца «великим концом Славенским»: здесь сказано позднесредневековое самовозвеличивание. Заметим, что в духовной грамоте Федора Остафьевича 1435 г. он «приказывает приказ» своим родственникам и «всеи великой улицѣ Нутной»²⁸. Интересно: были ли концы, которые не называли себя великими, и были ли такие улицы в Новгороде XV в.?

Отметим, что история Новгорода XIV в. в части описаний столкновений нескольких семей или кланов бояр, а также в части столкновений двух сторон города с битвами или стычками на мосту напоминает некоторые места из «Истории Флоренции» Никколо Макьявелли, касающиеся событий того же XIV столетия: вражды флорентийских семейств нобилей или пополанов, партийных противоречий и также стычек на мостах через Арно²⁹. Возможно, здесь сказывается схожесть государственного устройства Флоренции и Новгорода, этих двух средневековых республик. Но если общим для Новгорода и Флоренции было бурление и столкновение сил, очевидно дробящихся, но и растущих одновременно, то разным представляется развитие искусства в этих городах: если во Флоренции искусство растекалось по всем возможным направлениям, захватывая разные области: и общественную, и частную, и родовую, то в Новгороде искусство в целом и архитектура в частности были делом двух сил: архиепископа, который представлял одновременно и свой почти частный заказ и общегосударственную волю, и отдельных бояр или их групп. Этот боярский характер патронажа искусства и, прежде всего, архитектуры, а также сам средневековый, погруженный в чисто религиозную область характер

этого патронажа будут видны из обзора того, что было построено в XIV в. в Славенском конце.

В истории Славенского конца, как и в истории других новгородских концов, да и всех древнерусских городов, было несколько крупных пожаров, в которых сильно страдала, а потом возобновлялась жилая застройка. Перечислять эти пожары смысла нет: они дают представление о погибших районах, улицах и обгоревших храмах, но не дают понимания ни плотности застройки, ни быстроты ее возобновления.

Мы видим определенную силу конца, его стремление к лидерству, так никогда до конца и не доведенное. Что же еще можно сказать об истории Славенского конца в XIV столетии? Необходимо сообщить о каменном строительстве в этом конце, в которое вписывается и возведение храма Спаса Преображения на Ильине улице в 1374 г.

В XIV в. на Славенском конце появилось очень много каменных зданий. Не все из них были сооружены славенскими боярами: есть примеры владычного заказа или владычного покровительства некоторым постройкам (впрочем, это иногда можно объяснить особенностью фиксации – владыка освятил храм, а летописец записал, что он его построил, тогда как реальным заказчиком выступал боярин или боярская корпорация, соседи).

В 1300–1302 гг. был построен каменный храм Михаила Архангела на Михайлове улице³⁰. Этот храм, по всей видимости, имел большое значение для Славенского конца. Он находился в гуще застройки, к нему, как увидим ниже, был добавлен в 1362 г. храм Благовещения, что образовало «пару» храмов, в Новгороде довольно редкую.

В 1307/1308 г. «Якимоваа Столбовица», то есть вдова некоего Якима Столбовича построила церковь Святых Отцов Никейского Собора на Княжем Дворе³¹. Это был храм рядом с Ярославлем Двором, на бывшем княжеском дворе. Эта вдова принадлежала к известному роду Столбовичей, упомянутому в летописи в 1200 г.³²

³⁰ НПЛ. С. 91: «Тое же весны заложиша црковь камену святого Михаила на Михайлове улици»; НПЛ. С. 330: «Тои же осени заложиша церков камену святого Михаила на Михайлове улици»; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 222. Об окончании – НПЛ. С. 91: «Того же лета свершиша церковь святого Михаила на Михайлове улици»; «Того же лета свершиша церковь святого Михаила на Михайлове улици. Святые Михаиле, помощник им буди и потягнувшим в церковь сию».

³¹ НПЛ. С. 333 (под 6815 г.): «Того же лета постави Якимовая Столбовица церковь камену на княжи дворе в имя святых отец 318, иже в Никии сбора»; НПЛ. С. 92 (под 6816 г.): «Того же лета Якимовая Столбовича постави церковь камену на княжи дворе святых Отець 318, иже в Никии».

³² НПЛ. С. 45: « Въ то же лѣто иде Нездила Пѣхциницъ на Лукы воеводу; иде съ Лукъ съ маломъ дружины въ Лотыголу на тороне, и засташа я въ одринахъ, и убиша ихъ 40 муж, а жены ихъ и дѣти поимаша, а сами придоша на Лукы сторови вси; а кто бѣ нѣ пошьль по нихъ Столбовица съ нѣколькомъ дружины, а у тѣхъ кун поимаша, бивше»; НПЛ. С. 239.

²⁷ ГВНИП. С. 148.

²⁸ ГВНИП. С. 171.

²⁹ Никколо Макьявелли. История Флоренции. Л., 1973. С. 82–98.

В 1335 г. была заложена стена вокруг южной части Славенского конца, о чем уже было сказано выше.

В 1345 г. по заказу («повелением») Андрея, сына тысяцкого (не тот ли это Одрешка, которого мы видели активным участником событий 1342–1343 г.?) и некоего Павла Петриловича была заложена церковь Параскевы Пятницы на Торгу³³; это была достройка обрушившегося во время пожара 1340 г. храма³⁴, сооруженного в камне еще в 1207 г. 1 сентября того же года этот храм был достроен и освящен³⁵.

В 1354 г. был построен каменный храм Знамения на Ильине улице, специальный каменный реликварий для чудотворной иконы Знамения³⁶. В Списке Никольского Новгородской четвертой летописи заказчиками церкви названы «ильинцы»³⁷, что вполне вероятно.

В 1359 г. были построены целых два храма на Славенском конце: церковь Прокопия на Княжи Дворе (то есть рядом с храмом Святых Отцов 1307/1308 г.) поставил новгородский владыка Моисей, а некто Лазута построил церковь Иоанна Крестителя у Немецкого двора³⁸.

В 1362 г. владыка Моисей поставил церковь Благовещения на Михайлове улице (рядом с церковью Михаила Архангела)³⁹.

В 1365 г. Лазута поставил на Лятке каменную монастырскую церковь Николы⁴⁰. До этого в 1358 году на Лятке была построена деревянная церковь Николы, но заказчик ее не указан⁴¹.

В 1367 г. Лазута, уже известный нам заказчик церкви Иоанна у Немецкого двора и монастырской церкви Николы на Лятке, построил церковь Петра и Павла на Славне⁴².

В 1374 г. была поставлена церковь Спаса на Ильине улице.

В 1383 г. был заложен каменный храм Филиппа на Нутной улице⁴³; в 1384 г. осенью он был закончен⁴⁴.

³³ НПЛ. С. 357: «Заложил владыка Василии святу Пятницу, что порушилася в великыи пожар, повелением раба божиа Андрея, сына тысяцкого, и Павла Петриловича».

³⁴ НПЛ. С. 352.

³⁵ НПЛ. С. 357–358: «Того же лета свершена бысть церкви святая Пятница, на память святого отца Семеона столпника».

³⁶ НПЛ. С. 364: «Поставлена бысть церкви каменная в имя святыя Богородица Знамение, на Ильине улице».

³⁷ ПСРЛ 4-1-3. С. 602: «Поставиша Ильинци святую Богородицу честнаго ея Знаения на Ильине оулицы».

³⁸ НПЛ. С. 364–365.

³⁹ НПЛ. С. 368.

⁴⁰ НПЛ. С. 369.

⁴¹ НПЛ. С. 354.

⁴² ПСРЛ. 4-1-1. С. 294: «Заложил Лазута церковь каменную святого Петра, конец Славна».

⁴³ НПЛ. С. 379: «Того же лета заложилша две церкви камены: святого Филиппа на Нутной улице...».

⁴⁴ НПЛ. С. 380: «Тои же осени свершиша церковь каменную».

В 1388 г. была поновлена домонгольская церковь Успения в Торгу⁴⁵.

В 1399 г. к церкви Успения в Торгу были по сторонам пристроены каменные приделы Алексея Человека Божия и Екатерины⁴⁶. Заказчиком этих приделов был боярин Иван Васильевич⁴⁷.

В 1422 г. была построена каменная церковь Воскресения в Павловом монастыре⁴⁸, заказчиком церкви и крупным вкладчиком монастыря поздний Мазуринский летописец называет известного нам по событиям восстания Степанки 1418 г. Данилу Ивановича Божина «с товарищи»⁴⁹. В поздней же Забелинской летописи под 1423 г. названы другие строители церкви Воскресения в Павлове монастыре, выдуманные или полувывдуманные: «князь Иван Иевлевич, да степенной посадник Василей Есипович, да тысяцкой Козма Терентьевич»⁵⁰.

В 1430 г. была построена вместо упавшей в 1429 г. церкви Святых Отцов на Княжьем Дворе (той, которую в 1307/1308 г. построила Якимовая Столбовича) новая церковь Святых Отцов⁵¹. Это строительство заканчивает большой период в истории каменного строительства в Славенском конце, затем уже были реставрации, строительство храмов «на старой основе», о котором здесь говорить не место.

Мы видим, что всего в Славенском конце и его ближайших окрестностях (Лятка) за XIV – начало XV в. было построено 15 каменных храмов. Это если считать ремонт церкви Пятницы 1345 г. и поновление церкви Успения в Торгу в 1398 г. за полноценное строительство, а также считать два придела 1399 г. как один акт строительства. Добавим сюда каменную стену 1335 г. и несколько каменных воротных башен, заложенных в 1391 г. со стороны Славен-

ную святого Филиппа на Нутной улице». Храм освящал владыка Алексей: ПСРЛ XVI. Стлб. 131.

⁴⁵ ПСРЛ 4-1-1. С. 348: «Поновиша церковь каменную святую Богородицу в Торгу».

⁴⁶ ПСРЛ XVI. Стлб. 144: «Того лета поставиша приделы у святей Богородици церкви камены: святую Екатерину и святого Алексиа человека Божия».

⁴⁷ ПСРЛ 4-1-2. С. 383: «Того же лета стави Иван Васильевич каменную святого Алексея в Торгоу оу святей Богородици».

⁴⁸ ПСРЛ 4-1-2. С. 431: «Свершены быша 3 церкви каменны: ... Въскресеие в Павлове манастири».

⁴⁹ ПСРЛ 31. С. 101–102.

⁵⁰ Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 104–105: «В лето 6930 поставиша церковь камену Воскресеие христово в Павлове манастири на Павлове улицы, в Великом Новеграде, на Торговой стороне, в Славенском конц[е], при великом князе Василии Дмитриевиче Московском и всеа Руси и при митрополите Фотеи всеа Руси, и при владыце Феодосии новгородским нареченном, а не свершенном. А строители тое церкви каменны быша: князь Иван Иевлевич, да степенной посадник Василей Есипович, да тысяцкой Козма Терентьевич. И тое церкви они, строители, передаша села вечно по себе и по своих душах, и вечно ради поминовения родителей своих».

⁵¹ ПСРЛ XVI. Стлб. 178.

ского конца (в этом году были заложены и башни у окончания улиц всех других концов)⁵², и получится очень значительный объем строительства, впрочем, сравнимый с тем, что было построено в Неревском и Плотницком концах в тот же период.

В качестве заказчиков церковей выступает боярская вдова (Якимовая Столбовича), Ондрей и Павел Петрилович, ильинцы (то есть жители этой улицы, скорее всего, бояре, «соседи»), Лазута, который построил целых три церкви, Иван Васильевич и Данила Иванович Божин «с товарищи». Мы видим также заказчика росписи церкви Спаса на Ильине улицы, выступавшего вместе с уличанами. В тех случаях, когда сказано, что церковь поставил владыка Моисей, заказчиками, видимо, выступали другие лица, а архиепископ лишь закладывал храм. Среди заказчиков мало исторических личностей, по другим событиям нам известны только Василий Данилович Машков и, с оговорками, Данила Иванович Божин. А Иван Васильевич мог быть сыном Василия Даниловича Машкова, хотя установить это достоверно невозможно.

И всё же мы видим необыкновенно плотный график строительства в Славенском конце, большое напряжение сил. И церковь Спаса на Ильине улице 1374 г. выделяется в этом кругу и своим символическим значением, и, как мы увидим ниже, своими размерами. Этот храм сооружен в период наивысшего расцвета Славенского конца, когда он боролся за лидерство в Новгороде.

Мы уже говорили о том, что Славенский конец представляется нам древним, амбициозным, но в какой-то степени заслоненным Неревским концом

и Прусской улицей районом Новгорода. И его активность в строительстве во многом была связана с этой амбициозностью, с попытками славенских боярских родов подчеркнуть значение своей части города. В этом Славенский конец в какой-то степени похож на соседний Плотницкий, который был моложе и поначалу слабее, но в котором в середине XIV в. тоже началось активное строительство каменных храмов. И постройка такого значительного сооружения, как церковь Федора Стратилата на Федоровой улице, возведенная тысяцким Семеном Андреевичем и его матерью Натальей в 1360–1361 гг., могла быть примером для «ильинцев», заказчиков церкви Спаса-Преображения на Ильине улице. И там, и тут мы видим средние по общегородскому значению семьи, которые строят удивительные, монументальные и высотные храмы, а затем заказывают их стенные росписи. Мы понимаем всю степень предположительности наших построений (укажем хотя бы на то, что мы знаем заказчиков храма Федора Стратилата, но не знаем заказчиков и точного времени осуществления стенной росписи в этой церкви, как не знаем точно заказчиков архитектуры церкви Спаса, но знаем одного из заказчиков его фресок), но должны сказать, что в той же степени, в какой архитектура церкви Федора Стратилата связана с архитектурой церкви Спаса на Ильине улице (а они связаны как образец и его превзойденное воспроизведение), в той же степени эти церкви связаны и по характеру заказа. Монументальность этих двух храмов и насыщенность декорации их фасадов связаны общим характером заказа, амбициозного и окраинного одновременно, а потому, видимо, эти церкви превосходят все, что нам известно в Новгороде в это время.

⁵² ПСРЛ 4-1-2. С. 370.

Глава 3

Новгородские бояре как ктиторы

Принципы выделения

Для того чтобы понять характер большей части средневековой новгородской архитектуры, следует осветить такое явление, как боярский заказ в новгородском искусстве, прежде всего – в каменной, монументальной архитектуре, а также в области настенных росписей. Когда мы говорим о боярском заказе, то имеем в виду ситуации, когда новгородское боярство, а именно: корпорации бояр, боярские семьи или отдельные представители боярства – выступают в качестве ктиторов, оплачивающих строительство каменного церковного здания и (в некоторых случаях) его роспись, а также снабжающих приходской каменный храм или монастырь, в котором построена каменная церковь, средствами для существования. При этом мы хотим вычленить именно боярский заказ, отбросив редкие случаи строительства на средства купцов, а также не рассматривая очень активное и в какие-то периоды истории Новгорода доминирующее каменное строительство (и роспись храмов) на средства и по заказу новгородского архиепископа.

Если забыть о небольшом количестве построенных купцами зданий (три храма)¹, то история ктиторства новгородского монументального зодчества предстанет в виде своеобразного соревнования

¹ Церковь Параскевы Пятницы на Торгу была построена в дереве в 1156 году «заморскими купцами» (НПЛ. С. 30: «Въ то же лѣто поставиша заморьстии церковь святыя Пятницѣ на Търговищи»; НПЛ. С. 216–217: «В то же лѣто поставиша заморьскыи купци церковь святую Пятницу на Торговищи»). Те же заказчики, заморские купцы, торговавшие с Заморьем на другой стороне Балтийского озера, указаны в сообщении об окончании постройки каменной церкви Параскевы Пятницы в 1207 году (НПЛ. С. 50: «Того же лѣта съвършиша церковь святыя Пятница заморьскыи, августа въ 30»; НПЛ. С. 247: «Того же лѣта свершиша церковь святыя Пятница заморьскыи купцѣ, августа 30»).

Спасо-Преображенский собор в Торжке был построен в 1364 году «замышлением» новгородских купцов, а «потягнутием» всех правоверных христиан, то есть замысел и заказ был купеческий, а средства собирались во всех группах новгородского населения (НПЛ. С. 368–369: «Поставиша в Торжку церковь камени въ имя святого и боголѣпнаго Преображения господи бога спаса нашего Исуса христа, замышлением богобоязливых купец новгородчких, а потягнутиемъ всѣхъ правовѣрныхъ крестиянъ, а на зиму свяща ю архиепископъ новгородчкыи Алексии, с попы и диаконы и с крилосомъ святыя Софѣя»).

Церковь Бориса и Глеба в Русе была построена в 1401 году по заказу купцов-прасолов, торговцев засоленным мясом, солониной, по понятным причинам связанных с Русой, где добывали соль (НПЛ. С. 397: «Поставиша купцѣ новгородскыи прасолѣ в Русѣ церковь камени святыи Борисъ и Глѣбъ»).

архиепископского и боярского заказов. Это были две стороны новгородской государственности, две стороны новгородской культуры: церковный заказ новгородского владыки и частный заказ новгородских бояр. Первый олицетворял как государственную сторону архиепископской кафедры, так и сугубо церковную сторону той же кафедры, выразившуюся в личных вкусах владык, строивших монастырские храмы. Во втором, в боярском заказе, отразились вкусы правящей элиты новгородского общества эпохи политической самобытности. Был еще, конечно, общегосударственный заказ (который можно вообразить себе в виде формулы «вече и владыка как единый заказчик»), касавшийся, в основном, возведения оборонительных сооружений.

Следует подчеркнуть, что мы не очень точно знаем границы боярского сословия в Новгороде. Ниже бояр по своему положению было одно сословие – житьи люди, которые тоже относились к правящей верхушке, хотя и с некоторыми оговорками. Те лица, которые упоминаются в качестве заказчиков каменных церквей, теоретически могли принадлежать как к боярству, так и к житеям людям. Летописи, указывая имена заказчиков, почти никогда не говорят о том, что тот или иной заказчик является боярином. В принципе, можно видеть в людях с отчеством бояр, но как быть с таким заказчиком, как Лазута, который построил целых три каменных храма, но указан без отчества и без звания? Скорее всего, это тоже боярин, но степень условности этого определения мы хотели бы обозначить. С большой долей вероятности к боярам принадлежат представители семей, названных по их семейному прозвищу: Пинециничи, Столбовичи, Хотовичи.

Боярами точно являются только те фигуры, которые указаны со званиями или о которых мы знаем, что они занимали какие-то должности: посадники и тысяцкие. Относительно других лиц, указанных в летописи в качестве заказчиков, существует вероятность, что они были купцами или житеями людьми, но эта вероятность очень невелика: купцы в летописи по именам почти никогда не называются, как и житеи люди; вообще пробуждение этих прослоек относится к довольно позднему времени, ко второй половине XIV–XV в.

Боярский заказ появился в Новгороде не сразу. В первой половине XII в. каменное строительство в самом городе и его окрестностях велось по княжескому заказу. И только во второй половине столетия появляется каменное строительство по заказу тех или иных

бояр. Для нашего исследования важен исторический портрет этих бояр, поэтому те памятники, для которых боярский заказ можно предположить, но нельзя подтвердить документально, мы в нашем обзоре не рассматриваем. Не касаемся мы и деревянных храмов, построенных боярами, за исключением тех случаев, когда деревянные храмы имеют прямое отношение к каменным церквям, вставшим на их месте.

Одним из первых боярских каменных храмов, построенных в Новгороде, была церковь Благовещения, сооруженная по заказу архиепископа Ильи и его брата Гаврилы в основанном ими же в 1170 г. пригородном монастыре². Из житийной повести XV века мы узнаем, что братья были детьми богатых родителей, уже умерших к моменту постройки церкви, доставшееся им имущество братья потратили на монастырь с каменной церковью Благовещения (1179 г.)³ и построенным чуть позже, в 1180–1182 гг., каменным надвратным храмом Богоявления⁴. Вот как об этом говорится в «Повести о построении Иоанном и Григорием Благовещенской церкви»: братья «бѣста же благородну и благочестиву и богату родителю чада», которые после смерти родителей замыслили создать монастырь («яко же видѣста родителя своя преставльшася, имѣниа же много имъ оставльша, имѣста вѣру велию к Пречистой Богоматери и владычицѣ нашей Богородице приснодеве Марии, помыслиста създати монастырь во имя Пречистые честнаго ея Благовещения, и якожь поставиша церковь в началѣ древянну, и монастырь соградиша, и вся, яже на потребу, устроиша, и келия и трапезу тожь»); после постройки каменного храма братья «сель довольно куписта,

² НПЛ. С. 33: «Въ то же лѣто архиепископъ боголюбивыи Илья съ братомъ Гавриломъ създаста монастырь, церковь святыя Богородица Благовещеніе»; НПЛ. С. 222: «В то же лѣто боголюбивыи архиепископъ новгородчкыи владыка Илья с братомъ Гавриломъ создаста монастырь и церковь устроиша святыя Богородица Благовещеніе».

³ НПЛ. С. 36: «Заложил архиепископъ Илья съ братомъ церковь камяну святыя богородица Благовещеніе, и нача здати церковь маия мѣсяца въ 21, на святу ю цесарю Костянтина и Елены, а коньчаша мѣсяца августа въ 25, на святого апостола Тита, а всѣго дѣла церковнаго зданія днии 70; и бысть крестьяномъ прибежище»; НПЛ. С. 225: «Заложил архиепископъ новгородчкыи владыка Илья церковь камену святыя богородица Благовещеніе, а начаша ю дѣлати мая 21, а коньчаша августа въ 25, а всего дѣла церковнаго днии 70; и бысть крестьяномъ прибѣжище».

⁴ НПЛ. С. 36: «Томъ же лѣтѣ заложил церковь камяну въ монастыри на воротехъ боголюбивыи архиепископъ новгородчкыи Илья съ братомъ Гавриломъ у святого Благовещенія»; НПЛ. С. 226: «Того же лѣта боголюбивыи архиепископъ новгородчкыи владыка Илья заложил церковь камену с братомъ своимъ с Гавриломъ в монастырь святого Благовещенія на воротехъ святое Богоявление»; НПЛ. С. 37: «Томъ же лѣтѣ коньчаша церковь архиепископъ Илья съ братомъ на воротѣхъ святого Богоявления»; НПЛ. С. 227: «Того же лѣта коньчаша церковь архиепископъ новгородчкыи владыка Илья съ своимъ братомъ Гаврилоу на воротехъ святое Богоявление».

и предаста монастырю»⁵. В 1189 г. храм Благовещения был расписан⁶.

В 1184 г. те же братья, архиепископ Илья и Гавриил, заложили на Торговище на Торговой стороне самого Новгорода каменную приходскую церковь Иоанна Предтечи, вставшую на основаниях храма 1127–1130 гг., сооруженного князем Всеволодом Мстиславичем⁷.

Опыт братьев Ильи и Гавриила, избравших для себя путь церковного служения и построивших собственную обитель, не остался новгородцами незамеченным. В 1192 г. Алекса Михайлович, постригшийся в монахи под именем Варлаам, основал Спасо-Преображенский монастырь на Хутыни⁸, где в этом году или несколько позже был выстроен каменный храм⁹ (возможно, что именно каменный храм освящал владыка Гавриил в том же году на праздник Преображения). В Житии Варлаама Хутынского сказано, что он при своей жизни успел достроить храм «до верхнего порога» («до вышняго прага въздвигль бѣ»; до притолок дверей?)¹⁰. Основатель монастыря умер в 1193 г., на следующий год после основания монасты-

⁵ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 175; Повесть о построении Благовещенского монастыря в Новгороде // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под редакцию Н. Костомарова. Вып. 1. СПб., 1860. С. 257, 258.

⁶ НПЛ. С. 39: «Томъ же лѣтѣ коньчаша церковь пишюще святого Благовещенія»; НПЛ. С. 230: «В то же лѣто коньчаша подпись церковь святое Благовещеніе».

⁷ НПЛ. С. 37: «Заложил архиепископъ Илья с братомъ церковь святого Иоанна камяну на Търговищи»; НПЛ. С. 228: «Архиепископъ новгородчкыи Илья с братомъ Гавриломъ заложил церковь камену святого Иоанна на Торговищи».

⁸ НПЛ. С. 40: «Въ то же лѣто поставил церковь вънизу на Хутинѣ Варламъ църнець, а мирскимъ именемъ Алекса Михалевиць, въ имя святого Спаса Преображенія; и святую владыка архиепископъ на праздникъ, и нарече монастырь»; С. 231: «В то же лѣто поставил церковь на Хутинѣ черниць Варламъ, а мирскимъ именемъ Олекса Михайлович, во имя святого спаса Преображеніе; и святаго архиепископъ новгородчкыи владыка Гаврила на праздникъ, и нарече монастырь».

⁹ Булкин В. А., Штендер Г. М. Исследование Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря // Изучение истории и культуры Новгородской земли : тезисы докладов научной конференции. Новгород, 1987. С. 54–56; Булкин В. В., Штендер Г. М. Спасо-Преображенский собор – древнейшая каменная постройка Хутынского монастыря под Новгородом // ПКНО : ежегодник. 1993. М., 1994. С. 510–515. См. также статью, в которой даются соображения о поздней (1242 год) дате постройки собора, впрочем, более чем спорные: Прудников О. А. О времени строительства первого каменного собора Хутынского монастыря // ДРИ. Русь и страны Византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 314–321.

¹⁰ Сказания Новгорода Великого / составление, перевод, комментарии Ю. К. Бегунова. СПб., 2004. С. 400: «И понеже святой желание велие имяше, еже при своемъ животѣ въздвигнути церковь камену Христу Богу нашему Честнаго его Преображенія, и начатъ церковь основати и до верхнего порога въздигъ ю», С. 404.

ря и каменного храма¹¹. Варлаам был, по всей видимости, не единственным ктиторм каменного храма основанного им монастыря: в синодике Клопского монастыря 1660 г. записаны, помимо Варлаама, имена создателей Хутынского монастыря: «преп. старца Ксенофонта, священноинока Порфирия, инока Тарасия, Михаила, Иоанна, Анны, Никифора, Киприана, Григория, Гавриила, Анны, Ирины»¹². Заметим, что среди перечисленных лиц упомянут в качестве ктитора священноинок Порфирий, в котором с большой долей уверенности можно видеть постригшегося в Хутынском монастыре под именем Порфирий и погребенного в 1207 г. в Спасском соборе на Хутины боярина Прокшу Малышевича, заказчика церкви Сорока Мучеников в Неревском конце¹³. Из жития Варлаама мы знаем, что каменный храм достраивал после смерти Варлаама его ученик Антоний, ставший игуменом¹⁴. Этот Антоний в миру был боярином Добрыней Ядрейковичем, совершившим паломничество в Константинополь и после своего возвращения (случившегося до смерти игумена Варлаама в 1193 г.) постригшимся в Хутынском монастыре, а затем поставленным на новгородскую владычную кафедру в 1211 г.¹⁵. Мы видим, что вокруг Варлаама Хутынского (Алексы Михайловича) складывается целый круг богомольных бояр, способствовавших украшению монастыря, среди которых и Добрыня Ядрейкович, ставший иноком Антонием и возвысившийся в своем церковном служении до архиепископского сана, и Прокша Малышевич. Все эти бояре были связаны с Неревским концом.

В 1196 г. в уже существовавшем на тот момент Кириллове монастыре два брата, Константин и Дмитрий (до того в 1191 г. построившие деревянную церковь Пятницы на Торгу¹⁶, заменившую деревянный же храм 1156 г.), заложили каменный храм святого Кирилла Александрийского¹⁷. В 1197 г. «по-

¹¹ ПСРЛ 4-1-1. С. 176: «Преставися игумень Варлаамъ свягата Спаса на Хоутины ноября 6».

¹² Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 439.

¹³ НПЛ. С. 247: «В то же лѣто прѣставися рабъ божию Перфурии, а мирское Прокша Малышевиць, постригъся у святаго Спаса на Хутинь, при игумнѣ Варлаамѣ; а покоию господи душу его въ царствии небеснѣмъ».

¹⁴ Сказания Новгорода Великого. Составление, перевод, комментарии Ю. К. Бегунова. СПб., 2004. С. 402, 404. См. также: Гордиенко Э. А. Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житии и мистериях XII–XVI века. М.; СПб., 2010.

¹⁵ НПЛ. С. 52, 250.

¹⁶ НПЛ. С. 39: «и святаыя Пятницы Къснятине съ братомъ»; НПЛ, С. 230: «и святаю Пятницу Костянтине с братомъ».

¹⁷ НПЛ. С. 42: «Заложиста цркъвъ камяну свягатаго Кюрила въ монастыри в Нѣлезнѣ Къснятинѣ и Дѣмитръ, братеника, на Лубяньи улици; и начаша дѣлати мѣсяця априля, а коньчаша мѣсяця июля въ 8, на святаго Прокопия; и святи ю владыка Мартурии на зиму мѣсяця генваря в 19, на святаыя Татяны, при игумене Онисиме; и бысть

ставила» монастырь святой Евфимии в Плотниках «Полюжая Городъшиница Жирошкина дѣци»¹⁸ (то есть вдова Полюда и дочь Жирошки Городшинича). Это был монастырь с деревянным храмом, каменный появился много позже.

Так возникла практика частного, боярского каменного строительства в монашеских обителях на ближних и дальних окраинах Новгорода. Бывает, что строительство каменного храма (а мы, подчеркиваем, специально сосредотачиваемся только на каменном строительстве) предшествовало созданию монастыря вокруг этой постройки. Создатель (или создатели) этого храма, вероятно, собирався принять постриг в этом новооснованном монастыре, а в некоторых случаях строил монастырский храм, уже будучи монахом или даже настоятелем этого или иного монастыря.

Одновременно с этой частной деятельностью по основанию и украшению монастырей существовала и деятельность владыки по украшению города. Это был особый, владычный заказ, в мотивациях которого была и государственная необходимость и личные мотивы, причем иногда то и другое причудливо пересекалось. Так, в лице архиепископа Ильи, соорудившего и украшавшего Благовещенский монастырь на Мячине, мы видим одновременно и владычный заказ (Илья находится на владычной кафедре, он иерарх православной церкви), и частные мотивы по украшению полюбившегося места, причем это украшение каменными зданиями и росписями предпринимается в сотрудничестве с братом, которого старший брат как будто готовит к занятию владычной кафедры в будущем (что, заметим, и произошло).

Архиепископский заказ мы в этом обзоре не затрагиваем. Он может служить отдельной темой очерка и более подробного исследования. Но он служит также отправной точкой для понимания боярского заказа. Заметим только, что в периоды смуты и нестабильности государственность Новгорода стремится к теократической модели, а владычный заказ делается преобладающим. Так было в конце XIII – первой половине XIV в., так было и в середине XV столетия. В эти периоды боярский заказ или вообще не существует (он закрывается общегосударственным строительством под эгидой архиепископа), или возникает спорадически. Но в период относительного процветания и безопасности бояр-

радость крестьяномъ, а Къснятину и Дѣмитру вѣчная память»; НПЛ. С. 235: «Заложиста цркъвъ камену свягатаго Кирила в монастырь въ Нелѣзенѣ Костянтинѣ и Дѣмитръ, братеника, [а мастеръ баше] Коровъ Якович с Лубяньи улицѣ; и начаша ю дѣлати априля, а концаша июня в 8, на святаго Прокопия; и святи ю владыка Мантурии генваря в 12, и бысть радость крестианомъ, а Костянтину и Дмитру вѣчная память».

¹⁸ НПЛ. С. 43: «Въ то же лѣто постави монастырь святаыя Евфимии въ Плотникахъ Полюжая Городъшиница Жирошкина дѣци»; НПЛ. С. 237: «В то же лѣто постави монастырь святаыя Евфимии в Плотникахъ Полюжая Жирошкѣ Городъшиница дѣци».

ский заказ делается преобладающим, ярко показывая устремления и возможности новгородских бояр.

Уличане

В 1185–1192 гг. «лукиници», то есть жители Лукиной улицы Людина конца построили каменную церковь Петра и Павла на Сильнице (или Синилище), в урочище на краю городской застройки или даже вне ее¹⁹. Это, очевидно, была постройка группы жителей, вероятнее всего, бояр сильного и растущего в то время Людина конца, в котором решили построить женский монастырь. Заказ группы жителей, определяемых по имени улицы, то есть «уличан», упоминаемых в источниках, был корпоративной формой боярского заказа. Это следует из контекста: трудно представить реальное строительство вкладчину, осуществляемое на средства бедноты и богачей сразу, вероятнее участие в таком корпоративном строительстве именно боярской верхушки, руководителей улицы. Такой взгляд подтверждается и некоторыми источниками. Рассмотрим данные о строительстве уличан в XII–XV вв.

Помимо «лукиничей», соорудивших в 1185–1192 гг. церковь Петра и Павла на Сильнице, мы знаем также в качестве заказчиков жителей других улиц. В 1354 г. по свидетельству одной из летописей «ильинцы», жители Ильиной улицы Славенского конца, построили каменную церковь Знамения на Ильине улице²⁰. В 1356 г. «лубянцы», жители улицы Лубяницы Плотницкого конца на Торговой стороне, поставили на месте деревянной церкви Георгия каменный храм того же посвящения²¹. В 1363 г. «повелением раб божиих илиинцев и при старосте Филискове Давыдовиче» была расписана построенная в 1354 г. церковь Знамения на Ильине улице²².

В 1378 г., как говорится в уникальном известии Новгородской третьей летописи, «мастером Греченином Феофаном» была осуществлена роспись церкви Спаса на Ильине улице, причем отмечается, что церковь «подписана» «повелением благородного и бого-

любиваго боярина Василия Даниловича, со уличаны Ильины улицы»²³. Здесь мы видим выдающуюся фигуру боярина, чей вклад в роспись храма был, судя по всему, самым значительным, и безымянных уличан, которые участвовали в финансировании этой росписи. Думаем, что это были бояре, являвшиеся прихожанами этого храма и жителями Ильиной улицы. Заметим еще раз, что подобную схему финансирования и ктиторства вообще можно предположить и для самого строительства каменной церкви Спаса на Ильине улице четырьмя годами ранее, в 1374 г.

В 1392 г. посадник Богдан Обакунович «с своею братьею и с уличаны» (то есть, как следует из контекста, с жителями Чудинцевой улицы) поставил каменную церковь Симеона (Столпника) на Чудинцеве улице²⁴. Мы видим, что посадник строит храм вместе с представителями своего рода («с братьею») и с другими боярами Чудинцевой улицы («уличанами»). Это та же форма заказа, какую мы видели в 1378 г. для росписи церкви Спаса на Ильине улице: крупный боярин главенствует среди своей «братьи» и среди уличан, в которых нужно видеть прежде всего бояр с этой улицы.

В 1394 г. «даньслалце», то есть жители Дослани улицы Неревского конца построили каменную церковь Дмитрия (Солунского)²⁵.

В 1402 г. мы встречаем сразу две группы уличан: в Загородском конце «чудинцевцы», жители Чудинцевой улицы, выстроили каменный храм Усекновения главы Иоанна Предтечи, а в Людине конце «черницынцы», то есть жители Черницыной улицы выстроили заново церковь Варвары в женском монастыре («а старую розбиша»)²⁶. Заметим, что строительство «чудинцевцев» в 1402 г. продолжает каменное строительство на Чудинцевой улице, начатое в 1392 г. Богданом Обакуновичем и теми же «чудинцевцами».

В 1418 г. была построена каменная церковь Саввы на Кузьмодемьяне улице в Неревском конце²⁷. Заказчиками этой церкви в уникальном известии

²³ НПЛ. С. 231: «Того же лѣта подписаша церковь Господа нашего Иисуса Христа, на Илиинѣ улицы, повелѣнием благороднаго и боголюбиваго боярина Василиа Даниловича, со уличаны Ильины улицы, а подписывалъ мастеръ Греченинъ Феофанъ, при великом князѣ Димитрие Ивановиче и при архиепископѣ Алексии Великаго Новаграда и Пскова».

²⁴ НПЛ. С. 385: «Того же лѣта посадникъ Богданъ Обакунович съ своею братьею и с уличаны поставиша церковь святого Симеона камену на Чюдѣнцеве улицѣ, и священа бысть на праздникъ его».

²⁵ НПЛ. С. 386: «Поставиша даньслалцѣ церковь камену святого Дмитриа, и свяща ю архиепископъ владыка Иванъ на праздникъ его».

²⁶ НПЛ. С. 397: «Поставиша чюдинцевци церковь камену Усѣкновение главы святого Иоанна Предтеца; а черницынцы церковь камену святуу Варвару поставиша».

²⁷ НПЛ. С. 410–411: «Того же лѣта поставлены быша 4 церкви камены: Всѣ святыи на Черници улицы, святого Саву на Кузьмодемьянѣ улицы, святого Илью у Спаса на Хутинѣ, Въскресеение Христова общии монастырь».

¹⁹ НПЛ. С. 38: «Мѣсяца того же въ 6 заложиса Лукиници церковь камяну святыхъ апостолъ Петра и Павла на Сильници»; НПЛ. С. 40: «Въ то же лѣто кончаша церковь святыхъ Апостолъ на Силиници, и святи ю архиепископъ Григории на Петровъ день»; НПЛ. С. 228: «Того же мѣсяца въ 6 день заложиса Лукинци церковь камену святыхъ апостолъ Петра и Павла на Синилици»; НПЛ. С. 231: «В то же лѣто пакы кончаша церковь Петраи Паула на Синилици, и святи ю архиепископъ Гаврила на Петровъ день».

²⁰ ПСРЛ 4-1-3. С. 602: «Поставиша Ильинци святуу Богородицу честнаго ея Знамения на Ильинѣ оулицы».

²¹ НПЛ. С. 364: «Поставиша лубянци церковь камену святого Георгия на том же мѣстѣ, где прѣвъѣ древяная стояла».

²² Бычков И. А. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. Вып. 1. СПб., 1891. С. 56; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 142–143; Лифшиц Л. И. Монументальная живопись Новгорода XIV–XV веков. М., 1987. С. 499.

Новгородской третьей летописи названы «Хотовичи с Козмодемьянцы»²⁸.

О жителях Козмодемьянской улицы, козмодемьянцах, мы узнаем из приписки 1400 г. к новгородскому Прологу из Синодального собрания: «В лето 6908 индикта 9 лета написаны быша книги сия глаголемыи пролог ко святома чудотворцема и безмездникама Козмы и Дамьяну на Кузьмодемьяну улицу при князи великом Васильи Дмитриевиче, при архиепископе новгородьстемь владыце Иване, а повелением рабов божиих боголюбивых бояр Юрья Онсифоровича, Дмитрия Микитинича, Василья Кузьминича, Ивана Даниловича и всех бояр и всеи улицы Кузьмодемьяне»²⁹. Из перечисленных бояр мы знаем посадника Юрия Онцифоровича, но его приходом был, видимо, соседний храм Козьмы и Дамиана, во всяком случае, в духовной Орины, далекого потомка Юрия Онцифоровича, послухом выступает поп церкви Козьмы и Дамиана³⁰. Дмитрий Микитинич был внуком посадника от Неревского конца Матфея Валфромеевича (Матфея Коски); известен также брат Дмитрия Микитинича, Василий Микитинич, бывший в 1420–1423 гг. посадником³¹. Василий Кузьминич в 1376 г. ездил в Москву вместе с Юрием Онцифоровичем в составе новгородского посольства³². Известно два посадника с именем Иван Данилович: один действовал в 1411–1415 гг. и посадничал в конце этого периода, а другой известен как посадник с 1421 г.³³. Один из этих посадников и упомянут, видимо, в Прологе 1400 г. Как видим, среди «козмодемьянцев» были очень видные бояре Неревского конца.

Но в известии о заказчиках церкви Саввы «козмодемьянцы» поставлены на второе место, а сначала названы некие Хотовичи. Это значит, что какая-то группа заказчиков выделялась на фоне других жителей улицы, как это было в 1378 г., когда по заказу боярина Василия Даниловича и уличан Ильиной улицы была расписана церковь Спаса на Ильине, и в 1392 г., когда заказчиком церкви Симеона на Чудинцеве улице выступил посадник Богдан Обакунович «с своею братьею и с улицаны» (т.е. с «чудинцевцами»).

²⁸ НЗЛ. С. 237 (здесь содержится уникальное сообщение о «Хотовичах с Козмодемьянцы» как заказчиках церкви Саввы): «В лето 6926. Совершиша церковь каменну святого Саввы освященнаго, на Савинской улицы, на Софийской странѣ, Хотовичи с Кузьмодемьяницы, при архиепископе Симеоне Великаго Новаграда и Пскова».

²⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 12; Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 218.

³⁰ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 15.

³¹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 45–46.

³² НПЛ. С. 374.

³³ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 236–238, 259; 2-е изд. М., 2003. С. 339, 341.

Если обратиться к известиям новгородских летописей, то становится ясно, что Хотовичи – это целый род бояр, тесно связанный с церковью Саввы. Есть сведения о сооружении деревянной церкви Саввы в разные годы – в 1164, 1181, 1271 и 1356 гг. – и о пожаре, спалившем этот храм в 1311 г.³⁴, а в известии 1271 г. содержится указание на заказчика: «постави церковь святого Савы Федор Хотович». Таким образом, Хотовичи принимали участие в постройке церкви Саввы как в XIII веке, так и в XV столетии. Но возможно, что поздняя Новгородская третья летопись просто перенесла сведения о Хотовичах из раннего сообщения в позднее.

Возможными предками рода Хотовичей могли быть два деятеля новгородской истории XIII в.: Хот Григорьевич, наместник князя Ярослава Всеволодовича в 1215 г., или, что вероятнее, Хот Станимирович, посланный новгородцами в составе посольства в Чернигов в 1228 г.³⁵. Вполне вероятно, что к роду Хотовичей принадлежал и посадник Яков Хотов, который действовал в 1348–1372 гг. и представлял тогда, в 1354–1372 гг., не Прусскую улицу и Людин конец³⁶, а Неревский конец. В любом случае, Хотовичи были боярским родом, жившим в Неревском конце рядом с церковью Саввы, которую они возводили в дереве в 1271 г. и, возможно, в камне в 1418 г.

К 1431 или 1432 г. была заложена церковь Георгия на Боркове улице в Неревском конце³⁷. Окончена эта церковь была в 1433 г., причем заказчиками ее выступили «борковцы», то есть жители Борковой улицы³⁸.

В 1445 г. «княжанцы», жители бывшего княжьего двора недалеко от места веча и Торга, поставили в этом году церковь Жен Мироносиц «на старой основе»³⁹.

В 1463 г. жители Воскресенской улицы (в заполье Людина конца) выстроили заново церковь Воскресения⁴⁰.

И наконец, в 1464 г. был построен заново каменный храм Космы и Дамиана на Кузьмодемьянской

³⁴ НПЛ. С. 29, 37, 89 (упомянут Федор Хотович), 93, 227, 321 (упомянут Федор Хотович), 334, 364.

³⁵ НПЛ. С. 54, 253, 446 (о Хоте Григорьевиче); 67, 274 (о Хоте Станимировиче).

³⁶ НПЛ. С. 360–362; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 188–190, 194–200; 2-е изд. М., 2003. С. 272–278.

³⁷ НПЛ. С. 416: «Того же лѣта заложиха церковь каменну святого Юрья на Борковѣ улицѣ».

³⁸ НПЛ. С. 416: «Того же лѣта свершиша борковци церковь камену святого Георгия».

³⁹ НПЛ. С. 425: «Того же лѣта поставиша княжанци церковь камену святыхъ Мироносицъ на старой основѣ».

⁴⁰ ПСРЛ 16. Стлб. 212: «Того же лѣта великая улица Воскресеньска, многия хрестьяне, по благословению пресвященнаго архиепископа Великаго Новагорода и Пскова владыкѣ Ионы, заложиха церковь святое Воскресенье Христова, а старая порушилась»; храм был освящен осенью: «Той же осени, мѣсяца Ноября 12 день, священна бысть церкви пресвѣтлое Въсресенье на Въскресеньской улицы, при архиепископѣ владыкы Ионы».

улице в Неревском конце, причем заказчиками выступили «уличи», прихожане с данной улицы, то есть та же корпорация «козмодемьянцев», которую мы уже видели в известиях 1400 и 1418 гг., но, конечно же, со сменившимися персонажами⁴¹.

Итак, мы видим в качестве заказчиков жителей, а по нашей догадке, подкрепленной припиской к Прологу 1400 г., бояр многих новгородских улиц. Мы встречаем в качестве заказчиков прихожан следующих улиц: Лукиной, Ильиной (трижды), Чудинцевой (дважды), Черницыной, Дослани, Кузмодемьянской (дважды), Борковой и Воскресенской. Есть также упоминание «княжанцев», жителей застроенной территории бывшего княжьего двора, имевших свою приходскую церковь (хотя в последнем случае боярский заказ наиболее сомнителен, но возможен; отличие состоит в том, что в одних случаях мы имеем дело с уличанами, жителями одной улицы, а в случае с княжанцами мы имеем дело с жителями небольшого района).

Несколько раз мы встречаем имя какого-либо боярина, как будто встающего во главе уличан. Иногда вместо боярина упоминается род, как это произошло с Хотовичами, построившими в 1418 г. вместе с «кузмодемьянцами» церковь Саввы Освященного.

Мы видим, что уличане были активны в каменном строительстве, что они возводили в основном храмы на своей улице и иногда заказывали стенные росписи для этих храмов. В уличанском заказе много от той новгородской «демократии», в которой за видимой коллективностью кроются мощные корпорации сильных людей и родов, делящихся по территориальному принципу. В этой форме заказа боярский его характер остается непроявленным или проявленным не до конца, он как будто затуманен указанием на улицу и ее обитателей. Этот неперсонифицированный заказ порождал иногда значительные здания, но все же кажется, что более сильных и ясных художественных жестов следует ожидать от памятников, построенных по прямому боярскому заказу – как в случае с церковью Федора Стратилата на Федоровой улице и с церковью Спаса на Ильине, где прямой заказ обеспечил роспись храма Феофаном Греком.

Мы рассмотрим собственно боярский заказ в новгородском каменном строительстве и в области настенной живописи по категориям.

Временные корпорации по случаю побед

В 1365 г. была выстроена каменная церковь Троицы на Рядятине (Рядятине) улице⁴² (заметим, что это был первый каменный храм, сооруженный в Лю-

дине конце после ста пятидесяти лет, прошедших с разгрома этого района Новгорода в начале XIII в.); летопись отмечает, что храм построен «югорщиною», то есть по заказу некой корпорации. Что такое «югорщина», становится ясно из летописного сообщения 1364 г.: «Тои зимы съ Югры Новгородци приихаша, дѣти боярьския и молодыи люди, и воеводы Александръ Абакунович, Степанъ Ляпа; воевавшѣ по Обѣ рѣки до моря, а другаа половина рати на верхъ Оби воеваша; и Двиняни стаха противу ихъ полкомъ, и избиша Двинянь на Курѣ»⁴³. «Югорщину», по всей видимости, составили те самые «дети боярские и люди молодые», которые ходили за год до того в победный (и, видимо, прибыльный) поход на Югру, закончившийся к тому же поражением проявивших враждебность двинян. Выясняется, что церковь Троицы на Рядятине улице была постройкой дружины, совершившей удачный поход, фактически – постройкой ушкуйников. Почему был выбран именно этот район для постройки церкви, мы не знаем, возможно, большинство участников происходило из Людина конца.

В 1413 г. была построена церковь Гавриила на Хревкове улице, ее заказчиками выступает владыка Иоанном «с воеводами и с их вои, что был у Выбора», говорится также о «помете христианском», то есть о добровольных пожертвованиях⁴⁴. Каменный храм был поставлен в связи с удачным сражением новгородцев со шведами 26 марта 1411 г., когда праздновался Собор Архангела Гавриила. В этот день новгородцы взяли внешнюю линию укрепленный шведского Выборга («охабень»)⁴⁵. Очевидно, что храм строился в основном еще в 1412 г.: уже 26 марта 1413 г., «в праздник», он был освящен. Перед нами обетное строительство храма всеми участниками похода под руководством архиепископа. Не совсем понятно только, почему храм был построен в Загородском конце? Может быть потому, что воеводы происходили из бояр Прусской улицы и Загородского конца, в котором этот храм и был построен? Из летописного сообщения о походе на Выборг в 1411 г. мы знаем, что «воеводами у новгородских полков» были посадники Юрий Онцифорович, Фома Есифович и Александр Фоминич, а также бояре: Иван Данилович, Григорий Богданович, Офнос Есифов «сын посаднич» (очевидно – брат Фомы Есифовича), Андрей Иванович, Иван Федорович «сын посаднич», Фома Трощеикин, Дмитрий Иванович, Есиф Филиппович, Аврам Стефанович. Из этих лиц Юрий Онцифорович и Иван Данилович точно были связаны с Неревским концом: они упомянуты в надписи к

⁴¹ ПСРЛ 16. Стлб. 217: «Того же лѣта, мѣсяца Маа 30, на память святого Исакиа, обложиша церковь святого Кузму и Демьяна уличи, а старая порушилася при архиепископѣ владыкы Ионы».

⁴² ПСРЛ 4-1-1. С. 291: «Югорщиною заложе церковь каменну святую Троицу на Рядятинѣ оулицы».

⁴³ ПСРЛ 4-1-1. С. 291.

⁴⁴ НПЛ. С. 404: «Постави владыка Иоан с воеводами новгородскими и съ их вои, что былѣ у Выбора, и пометомъ христианьскимъ, церковь камену сборъ архаггела Гаврила на Хревьковѣ улици, и свяща ю самъ въ праздникъ его».

⁴⁵ НПЛ. С. 402.

Прологу 1400 г., написанному для Козмодемьянской церкви Неревского конца⁴⁶.

Такие временные корпорации складывались в том или ином размере и для того или иного размера пожертвования, что подтверждает грамота воеводы калянской рати Федора Ивановича, подвойских Олферия и Федора, новгородцев и детей карельских Соловецкому монастырю, датированная концом XV в. Из этой данной грамоты видно, что воевода (возможно – князь Федор Иванович Бельский), другие командиры, а также новгородские и карельские участники похода в Финляндию жертвуют монастырю колокол: «И се азъ Феодоръ Ивановичъ, воевода каенския рати, и подвойские Олфереи и Феодоръ, и новгородци, и дѣти кор[ел]ьстии, Вымолци и Тиврулцы, и вся рать калянская, что ходили есмо на Ии реку за обѣду детеи корѣлскихъ и на воины своея, дали есмо колоколь святому Спасу на Соловки игумену Арсеню, священникамъ и старцемъ всѣмъ монастыря Соловецкаго в вѣки»⁴⁷.

Собственно боярский заказ

Если рассматривать прямой боярский заказ в хронологическом порядке, то первой каменной церковью с известным именем заказчика-боярина может считаться храм Вознесения на Прусской улице, построенный по заказу тысяцкого Милонег в 1185–1191 гг.⁴⁸. Это был важнейший храм всей Прусской улицы. Боярин Милонег в других летописных источниках не упоминается, если не считать упоминания его в списке новгородских тысяцких, где он назван Миронегом⁴⁹.

Но существует относительно поздний источник, синодик Вознесенской церкви, в котором дается частично вымышленная, а частично, видимо, опирающаяся на реальные факты история строительства храма Вознесения на Прусской улице:

«В лето 6693 года, мѣсяца маиа в 1 день, на память святаго пророка Еремиа, въ четвертокъ шестыя недели по Пасцѣ, в самой праздникъ Вознесения Господня, на вечернѣ противъ пятка, бысть знаме-

ние в солнцѣ и во звездахъ. И того ради страшливо видѣния заложиша тысяцкие Великаго Новаграда и создаша церковь каменную во имя Вознесения Господа нашего Исуса Христа, по образу святаго Троицы, троеглавы, близъ стѣны градцкой. И въ той святаго церкви устроиша два предѣла на полатяхъ; от южныя убо страны предѣл во имя Пресвѣтаго Богородицы Честнаго ея Покрова, отъ северныя страны предѣл архиерея Христова Николая Чудотворца; и освятиша и подписаха настѣннымъ подписаниемъ греческими изуграфы пречюдно велми, елико очи зрящихъ удивлятися могутъ, и божественными иконами и всякою церковною утварию украсиша, якоже лѣпо бѣ, и села со многими имѣниемъ даша на подтверждение той свѣтѣй церкви, иже бы непоколебимо пребывати на вѣки, такоже и на пропитание служителемъ той святаго церкви. Создатели святаго церкви суть вси: Михаилъ, Терентий, Михаилъ, Симеонъ, Иоанн же прозваниемъ Морозовыхъ, такоже иныя: Михаилъ, Феодоръ, Василий, Игнатий и иныя мнози; еще же и жены: Улиания, Ксения, Агриппина; иже преставишася койждо в свое время и погребены быша при той созданной церкви на южной и сѣверной странахъ въ настѣнныхъ гробѣхъ. И образы подобие ихъ и одежды, яковы носяху, написаны суть и внутрь на церковной странѣ, по странѣ южныя церковныхъ дверей, в написании томъ 17 лицъ. Бяху бо сии создателие града владѣтели быша по древнему градцкому обычаю убо тысяцкие, по инныхъ лѣтописцехъ посадники именованыхъ. Пришествие же ихъ в Великий Новѣградъ быше от Пруския земли во время княжения великаго Александра Ярославича, нарицаемого Невскаго»⁵⁰.

Поздний документ, опирающийся на какие-то легендарные сведения, сохранившиеся в церкви, дает нам яркий образ постройки храма новгородскими боярами, тысяцкими и посадниками, выстроившими каменную церковь и заказавшими ее роспись греческим художникам, а также заказавшими устройство аркосолиев («настенных гробов») для членов рода и обеспечившими церковь утварью и селами – в качестве основного средства содержания храма. За легендарными отсылками к временам Александра Невского (на самом деле, как мы знаем, храм построен полустолетием ранее княжения Александра) проступает реальное, историческое действие по возведению и украшению каменного храма на средства одной семьи.

В 1188 г. некто Семьон (Семен) Дыбачевич (Дыбучевич) заложил монастырский каменный храм

⁴⁶ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 12; Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 218.

⁴⁷ ГВНИП. С. 311 (№ 327); см. также: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: хронологический комментарий. М., 1991. С. 263–264.

⁴⁸ НПЛ. С. 38: «Въ то же лѣто Милонегъ заложилъ церковь камяну святаго Възнесения, при архиепископѣ Илии, а князи Мъстиславе Давыдовици»; С. 39: Томъ же лѣте свѣти церковь боголюбивыи архиепископъ Гаврила святаго Възнесения, създана Милонегомъ тысяцкимъ»; С. 228: «Того же лѣта заложилъ церковь камену святаго Вознесения Милонегъ при архиепископѣ Ильи»; С. 230: «В том же лѣтѣ свѣти церковь архиепископъ боголюбивыи Гаврила святаго Възнесения, создана Милонѣгомъ тысяцкимъ».

⁴⁹ НПЛ. С. 472.

⁵⁰ Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860. С. 186–187; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 208; Сказания Новгорода Великого / составление, перевод, комментарии Ю. К. Бегунова. СПб., 2004. С. 380–383. См. также: Преображенский А. С. Ктиторские портреты средневековой Руси, XI – начало XVI века. М., 2012. С. 226–228.

Успения в Аркаже монастыре⁵¹, связанном, как увидим ниже, с Прусской улицей. В этом Семене можно видеть боярина, может быть, – с Прусской улицы. В следующем, 1189 году, 4 мая этот храм был закончен и освящен епископом Гавриилом⁵².

В 1199–1211 гг. церковь Сорока Мучеников на Щиркове улице была построена по заказу боярина Прокши Малышевича (который умер в 1207 г.) и его сына Вячеслава Прокшинича, «Малышева внука», как его называет летопись, продолжившего строительство отца⁵³. В 1227 г. по заказу того же Вячеслава Прокшинича этот храм был расписан⁵⁴. Это первый известный случай индивидуального боярского заказа для настенной росписи. Прокша Малышевич не вел активной политической деятельности: он упоминается в летописях только как строитель каменного храма и в связи со смертью и принятием перед смертью монашеского чина. Вячеслав Прокшинич был более активен: помимо упоминания о нем как о ктиторе храма Сорока Мучеников, оконченного в 1211 г. и расписанного по его же заказу в 1227 г., Вячеслав Прокшинич упоминается среди лиц, посланных в 1224 г. во Владимир с посольством от Новгорода к князю Георгию Всеволодовичу⁵⁵; он умер в 1243 г. Если отец, Прокша Малышевич, был, видимо, занят только постройкой каменного храма на своей улице, то Вячеслав Прокшинич прожил долгую жизнь (напомним, что отец его умер в 1207 г., от первого упоминания самого Вячеслава в качестве ктитора, завершившего постройку отца в 1211 г., до смерти прошло 32 года), в которой мы находим всего одно, но довольно ответственное посольство. В общем, в отличие от собственного отца и тысяцкого

⁵¹ НПЛ. С. 39: «Заложы церковь камяну святыя Богородица Успение въ Аркажи манастыри»; С. 229: «Заложы Семьюнъ Дыбучевиць церковь камену святыя богородица Успение во Оркажи манастырѣ».

⁵² НПЛ. С. 39: «Святи церковь Гаврила, архиепископъ новгородскыи, святыя богородица Успение въ Аркажи манастыри мѣсяцаиюня въ 4, на святого Митрофана»; С. 230: «Святи церковь Гаврила, архиепископъ новгородчкыи, святыя богородица в Аркажи манастырѣ июня въ 4».

⁵³ НПЛ. С. 44: «Въ то же лѣто заложыша церковь камяну святыхъ 40»; С. 52: «Того же лѣта, волею божию, съвърши церковь камяну Вячеславъ Прокшиниць, вѣнукъ Малышевъ, а даи богъ ему въ спасение молитвами святыхъ 40»; С. 238: «В то же лѣто заложыша церковь камену святыхъ мученикъ 40, с Прокшею Малышевицемъ»; С. 249–250: «Того же лѣта, волею божию, свершиша церковь камену Вячеславъ Прокшиниць, вѣнукъ Малышевъ, святыхъ 40 мученикъ; а даи ему богъ въ здравие и въ спасение, въ отпущение грѣховъ и молитвами святыхъ 40 мученикъ».

⁵⁴ НПЛ. С. 65: «Въ то же лѣто исписа церковь Святыхъ 40 Вячеславъ Малышевъ вѣнукъ; а и богъ ему спасение»; С. 270: «И того же лѣта исписа церковь Святыхъ мученикъ 40 Вячеславъ Прокшиниць, вѣнукъ Малышевъ; а даи ему богъ спасение и отпущение грѣховъ, иже много трудися о святыхъ мученицѣхъ, и устрои собѣ память до вѣка вѣчнаго».

⁵⁵ НПЛ. С. 64, 268.

Милонег, которые появляются в летописи как будто только для того, чтобы соорудить каменную церковь, Вячеслав Прокшинич был настоящим историческим лицом, пусть и не очень крупным.

Новгородская летопись сообщает под 1207 г. о том, что некий Федор Пинещинич «свершил» каменный храм в Пантелеймонове монастыре⁵⁶. Этот Федор Пинещинич по другим источникам и другим летописным статьям неизвестен; вероятно, он принадлежал к боярству. Его прозвище – Пинещинич – было родовым, во всяком случае, нам известны два других представителя той же семьи: боярин Гюрята (Юрята – Юрий) Пинещинич, убитый в 1240 г.⁵⁷, и боярин Михаил Пинещинич, упомянутый в летописи в 1256, 1259 и 1270 гг.⁵⁸.

В 1219–1224 гг. новгородский посадник Твердислав и некий Федор (возможно – брат Твердислава) построили каменную церковь Михаила Архангела на Прусской улице с небольшим придельным храмом Трех Отроков⁵⁹.

В 1224 г. была сооружена по заказу посадника Семена Борисовича церковь Павла Исповедника с приделами Семена Богоприимца и Константина и Елены, очевидно, патрональными⁶⁰: один из приделов соименен заказчику, то есть был посвящен его небесному покровителю, второй, вероятно, связан с тем, что жену Семена Борисовича звали Еленой. В 1238 г. вдова Семена Борисовича основала при каменной церкви Павла монастырь⁶¹; как видим, основание монастыря иногда отстоит от постройки каменного храма на 14 лет.

Итак, среди ранних заказчиков каменных храмов Новгорода мы видим как бледные фигуры, ничем не отмеченные, так и крупных исторических

⁵⁶ НПЛ. С. 50: «Того же лѣта съвърши церковь святого Пянтѣлѣмона Федоръ Пинещиниць»; С. 247: «В то же лѣто свершиша церковь святого Пянтѣлѣмона Федоръ Пинещиниць, в манастырѣ».

⁵⁷ НПЛ. С. 77, 294.

⁵⁸ НПЛ. С. 81, 82, 89, 309, 310, 320.

⁵⁹ НПЛ. С. 59: «Того же лѣта заложыша Твърдиславъ съ Федоромъ церковь камяну святого Михаила, а другую святыхъ 3 отрокъ посторонь малу, съвършиша ю въ 4 дни»; С. 63: «В то же лѣто съвършиша церковь камяну святого Михаила Твърдислав и Феодор»; С. 63 (чуть ниже): «Того же лѣта святиша церковь святого Михаила на праздникъ»; С. 260: «Того же лѣта заложыша Твърдиславъ с Федоромъ церковь камену святого Михаила, а другую святыхъ 3 отрокъ посторонь церковью малу, сверши ю в 4 дни»; С. 267: «В то же лѣто свершиша церковь камену святого Михаила Твърдиславъ и Федоръ»; С. 267: (чуть ниже): «Того же лѣта святиша церковь святого Михаила на праздникъ».

⁶⁰ НПЛ. С. 63: «Въ то же лѣто създа Борисович Смень церковь камяну святого Павла, и святого Смена Богоприимца, и святую Костянтина и Елены, и святиша ноябрь въ 6, на Павловъ день»; С. 267: «В то же лѣто создаста Семенъ Борисовиць церковь камену святого Павла, и святого Семеона Богоприимца, и святого Костянтина и Олены, и святиша ю ноябрь въ 6, на Павловъ день».

⁶¹ НПЛ. С. 74.

деятелей. Кажется, что постройка городской церкви – это в большей степени дело лиц, занимавших видное положение в жизни Новгорода, таких, как не ставший тысяцким или посадником Вячеслав Прокшинич и посадники Твердислав Михалкович и Семен Борисович. Хотя среди заказчиков городских храмов встречаются и Прокша Малышевич, и тысяцкий Милонег, вся жизнь которых как будто свелась к постройке каменного храма. А вот загородные храмы строили чаще именно такие «не замеченные» в политике бояре, такие как братья Константин и Дмитр с Лубяницы, Алекса Михайлович (Варлаам), Семьон Дыбучевич, Федор Пинецинич. Эти бояре проявляли благочестие, и это благочестие было связано также с пострижением в монахи или с перспективой предсмертного принятия монашеского чина. Мы можем предположить, что люди, сосредоточенные на вере и благочестии, в меньшей степени участвовали в политической жизни и сосредотачивали свои интересы, в том числе, на храмостроительстве, в большей степени – монастырском.

Как видим, еще во второй половине XII – начале XIII в. новгородские бояре строили приходские каменные храмы, по всей видимости, на тех улицах, где они проживали, и где они устраивали свои родовые усыпальницы. Эти храмы в некоторых случаях получали стенные росписи, для которых приглашались дорогостоящие мастера, греческие и, возможно, южнорусские.

В принципе, новгородские бояре ведут себя как князья, то есть они строят каменные храмы для себя, для своего рода. Сходство с княжеским заказом усиливается, если мы вспомним о том, что новгородские бояре строят в основанных ими пригородных монастырях каменные храмы, которые, очевидно, могли стать и становились усыпальницами для ушедших в этот монастырь представителей того или иного рода.

В дальнейшем, в XIV–XV вв., просматривается та же тенденция. В тех случаях, когда мы знаем по имени заказчика или заказчиков того или иного каменного храма, эти заказчики или строили каменный храм на своей улице, вероятно, неподалеку от своего двора, или возводили на свои средства каменные же храмы в пригородных монастырях, становившихся или уже бывших усыпальницами их рода и местом пребывания представителей этого рода в последние годы их жизни. В некоторых случаях эти храмы расписывались.

В XIV–XV вв. боярское строительство даже стало более интенсивным. Впрочем, в некоторые периоды его почти совсем заслоняла ктиторийская деятельность новгородских архиепископов: так было в периоды усиления института владычного правления, что было связано с тенденцией к теократии в Новгороде в период внешней опасности или внутренней нестабильности. Ко второй половине XV в. эта тен-

денция даже усилилась, что сопровождалось также определенным измельчением боярских родов, развившимся и в дроблении посадничества и других должностей. Но до конца новгородской политической самобытности, до 1478 г., мы видим и боярский заказ.

В 1305 г. боярин Семен Климович поставил на воротах от Прусской улицы церковь Покрова Богородицы⁶². Семен Климович впервые упоминается в 1293 г., когда он ездил с новгородским посольством к татарскому военачальнику Дуденю на Волок Ламский⁶³. До 1303 г. Семен Климович уже был посадником: в этом году у него было отнято посадничество и передано его брату Андрею Климовичу⁶⁴. Спустя два года после этого события Семен Климович, отставленный с должности посадник (поэтому он в 1305 г. и не называется посадником), очевидно, связанный с Прусской улицей, ставит над воротами со стороны этой улицы надвратный храм Покрова. В 1311 г. посадническую должность, с 1309 г. принадлежавшую Михаилу Павшиничу, отдал Семену Климовичу⁶⁵. В какой-то момент Семен Климович был смещен кем-то еще, возможно, братом, Андреем Климовичем, но вновь получил посадничество в 1315 г., в том же году в числе погибших под Торжком упоминается Андрей Климович⁶⁶. Строительство каменного надвратного храма Детинца боярином, на тот момент не исполнявшим посадничей должности, следует воспринимать как акт благочестия и, одновременно, выражение силы и значительности как определенного боярского клана, так и всей Прусской улицы. В. Л. Янин предполагает, что Семен Климович представлял Прусскую улицу в качестве посадника в 1292–1316 гг.⁶⁷

В 1307 (6815)⁶⁸ или 1308 (6816) г.⁶⁹ на Княжем Дворе на Торговой стороне в Славенском конце была построена каменная церковь Святых 318 Отцов Никейского Собора, заказчицей выступила жена (или, вероятнее, вдова) некоего Якима Столбовича («Якимовая Столбовича»). Форма родительного падежа при упоминании заказчицы обычна в нов-

⁶² НПЛ. С. 92: «Постави Семень Климович церковь камену на воротѣхъ от Прусской улицы»; С. 332: «Постави Семеонъ Климович церковь камену на градныхъ воротехъ от Прусской улицы».

⁶³ НПЛ. С. 327.

⁶⁴ НПЛ. С. 91.

⁶⁵ НПЛ. С. 93.

⁶⁶ НПЛ. С. 95, 337.

⁶⁷ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 166–171; Он же. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 144.

⁶⁸ НПЛ. С. 333: «Того же лѣта постави Якимовая Столбовица церковь камену на княжи дворѣ в имя святыхъ отецъ 318, иже в Никии сбора».

⁶⁹ НПЛ. С. 92 (под 6816 г.): «Того же лѣта Якимовая Столбовича постави церковь камену на княжи дворѣ святыхъ Отець 318, иже в Никии».

городских летописных известиях о строительстве, как и указание на ее семейную принадлежность⁷⁰. Столбовичи – довольно видная новгородская семья, по всей видимости, боярская. Представители этой семьи (без указания имен) упомянуты во время событий 1200 г.⁷¹

В 1310 (6818) г. «стяжением» некоего «Олония мнеха, нарицаемого Сшкила» был построен каменный храм Покрова на речке Дубенка⁷²; монастырь при этом храме был основан, видимо, сразу же и назывался, по имени ктитора и основателя, Шиловым.

Монах Олоний по прозвищу Шкил (Сшкил) более в летописях не упоминается. С Шиловым монастырем и его заказчиком, легендарным посадником Щилом, связана новгородская «Повесть о Щиле посаднике новгородском»⁷³, сложившаяся во второй половине XV в.; это сочинение верно называет посвящение монастырского храма в честь Покрова, но события, связанные с посадником, занимавшимся ростовщичеством и построившим на несправедно собранные деньги каменный храм, за что гроб его, помещенный в храме, провалился в преисподнюю, – эти происшествия повесть относит к временам правления архиепископа Иоанна, то есть ко второй половине XII в.

Упавшая в пожар 1340 г. церковь Параскевы Пятницы на Торгу⁷⁴ требовала возобновления. Закладка нового храма (начало доделки и ремонта старой церкви) состоялась в 1345 г., причем летописи говорят об участии владыки Василия в закладке (это произошло на следующее воскресенье после Пасхи, «на другой недели по велице дни», Пасха в 1345 г. была 27 марта, то есть Антипасха была 3 апреля)⁷⁵, но тут же называют и заказчиков, по чьему «повелению» осуществлялось возобновление церкви: это были «раб божи Андрей, сын тысяцкого, и Павел

⁷⁰ Укажем на поставление церкви Рождества Богородицы (на Михалице) в 1199 г. «княгини Ярославля на Михалице монастырь» – НПЛ. С. 44, 238; см. также известие 1327 г. о постройке церкви Богородицы на Десятине: «постави княгиня Святославля» – ПСРЛ 4-1-1. С. 260; Н5Л. С. 246; ПСРЛ 16. С. 64.

⁷¹ НПЛ. С. 45, 239.

⁷² НПЛ. С. 93: «...а другую камону поставиша церковь на Дубенкѣ Покров святыя богородица, стяжаниемъ раба божи Олония мнеха»; НПЛ. С. 333: «...и другую поставиша церковь камону на Дубенкѣ во имя святыя богородица Покровъ, стяжаниемъ раба божи Олония мнѣха, нарицаемаго Сшкила»; ПСРЛ 16. С. 58–59: «Того же лета поставиша церковь камону на Дубенке во имя святыя Богородица Покров, стяжением наричаемаго раба Божия Олония мнеха, рекше Щила».

⁷³ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 1. СПб., 1860. С. 21–26. См. также: Преображенский А. С. Ктиторские портреты средневековой Руси, XI – начало XVI века. М., 2012. С. 224–226.

⁷⁴ НПЛ. С. 352 (под 6848 г.); Н5Л, С. 254 (под 6849 г.); ПСРЛ 16 (под 6849 г.), С. 72.

⁷⁵ НПЛ. С. 357.

Петрилович»⁷⁶ – бояре Славенского конца. Церковь Параскевы Пятницы была освящена на память Симеона Столпника (1 сентября)⁷⁷.

В 1345 г. был заложен еще один каменный храм, ставший собором пригородного мужского монастыря Спаса на Ковалёве. Заказчиком каменного Спасо-Преображенского храма (который строился, вероятно, сразу как монастырский) был некий Окинф (Иакинф) Жабин, упомянутый только один раз – в летописном известии о постройке храма на Ковалёве⁷⁸.

Как мы знаем, каменный храм Сорока Мучеников в Неревском конце был сначала построен в камне в 1199–1211 гг. на средства бояре Прокшии Малышевича и его сына Вячеслава Прокшинича⁷⁹, этот храм был расписан по заказу Вячеслава Прокшинича в 1227 г.⁸⁰. Известно, что в 1219 г. церковь Сорока Мучеников была местом сбора веча Неревского конца⁸¹. В 1340 г. во время большого пожара церковь Сорока Мучеников пострадала от огня, кроме того, во время пожара запершиеся в ней «злии челоуеци» грабили церковное добро и принесенный в церковь «товар» и убили двух сторожей. Летопись отмечает, церковь «бе устроена и украшена иконами и письменем и кованием и крутою»⁸². Вероятно, в этом пожаре погибла монументальная роспись («письмо») 1227 г., осуществленная по заказу Вячеслава Прокшинича. В 1342 г., уже после пожара, в церкви Сорока Мучеников был погребен «в отне гробе» сын посадника Юрия Мишинича посадник Варфоломей Юрьевич⁸³. В 1354 г. эта церковь упала⁸⁴. Среди заказчиков ново-

⁷⁶ НПЛ. С. 357: «Заложы владыка Василии святу Пятницю, что порушилася в великий пожаръ, повелѣниемъ раба божи Андрѣя, сына тысяцкого, и Павла Петриловича».

⁷⁷ НПЛ. С. 357–358: «Того же лѣта свершена бысть церкви святая Пятница, на память святого отца Семеона столпника».

⁷⁸ Н2Л. С. 132: «Заложы Онцифоръ Жабинъ святого Спаса на Ковалеве», и еще раз (С. 132): «Заложы Акинѣф святого Спаса на Ковалевѣ»; Н3Л. С. 225: «Того же лѣта поставиль церковь камону святого Спаса Акинѣфъ Жабинъ, на Ковалевѣ в манастырѣ, 3 поприща от Великаго Новаграда по благословению великаго святителя архиепископа Василия Великаго Новаграда»; ПСРЛ 4-1-1. С. 275: «Заложы Онкифъ Жабинъ святого Спаса на Ковалевѣ».

⁷⁹ НПЛ. С. 238, 249–250.

⁸⁰ НПЛ. С. 270.

⁸¹ НПЛ. С. 259.

⁸² НПЛ. С. 352.

⁸³ НПЛ. С. 355: «Мѣсяца октября преставися рабъ божи Валфромѣи, посадникъ новгородчкыи, сынъ Юрья Мишинича, на память святыхъ мученикъ Маркиана и Мантурия, въ 25; и положиша тѣло его в отнѣ гробѣ, владыка Василии съ игумены и с попы. Покои, господи, душу его съ всѣми святыми». Как видим, Новгородская первая летопись не говорит о церкви, в которой погребли Варфоломея Юрьевича. Место погребения выясняется из сообщения Новгородской четвертой летописи: ПСРЛ 4-1-1. С. 274: «Преставися посадникъ Валфромѣи Юрьевичъ октября 25 и положен оу Святыхъ 40».

⁸⁴ ПСРЛ 16. Стлб. 87: «А святыхъ 40 церковь падеся»; НКЛ. С. 131: «а церковь Святыхъ 40 паде».

го каменного храма Сорока Мучеников, построенного в 1356 г.⁸⁵ вместо церкви, которая «сама палася от старости» за два года до того, следует предполагать и бояр Неревского конца из клана Мишиничей, Матвея Варфоломеевича Коску, сына Варфоломея Юрьевича, посадника 1333–1345 гг., или посадника 1359/1360 г. и 1370-х гг. Никиту Матвеевича, сына Матвея Коски, или его брата Игната, упомянутого в 1342 г.⁸⁶

В 1358 (6866) г. или, по сведениям большинства летописей, в 1359 (6867) г. некий Лазута построил в Славенском конце, у Немецкого двора, церковь Иоанна Крестителя⁸⁷.

В 1360 г. была заложена каменная церковь Федора Стратилата на Федоровой улице Торговой стороны, заказчиками выступили Семеон Андреевич и его мать Наталья⁸⁸. Семеона Андреевича мы находим среди имен крупных новгородских магистратов: к наказной грамоте новгородским послам Юрию и Якиму, отправленным в 1372 г. для заключения мира с великим князем тверским Михаилом Александровичем среди 11 сохранившихся печатей приложена печать с надписью «Семенова печать Одреевича»⁸⁹. В. Л. Янин в книге «Новгородские посадники» предположил, что Семеон Андреевич, как и еще несколько лиц, печати которых не имеют обозначения должности, был тысяцким, а отсутствие его имени в летописных списках новгородских тысяцких исследователь объяснил тем, что Семеон Андреевич ни разу не занимал должности степенного тысяцкого: только степенные тысяцкие были поименованы в этих списках⁹⁰.

В церкви Федора Стратилата на Федорове улице помимо основного престола было еще два придела,

⁸⁵ НПЛ. С. 364: «Того же лѣта поставиша четиридесѣтѣхъ церковь камену; а преже камена же была, нѣ сама палася от старости».

⁸⁶ Об этих лицах см.: Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 60, 255–260, 262, 264–268 (о Матвее Коске); С. 44, 279–280, 288, 291–292, 306, 311 (о Никите Матвеевиче); об Игнате Матвеевиче, Никите Матвеевиче, Матвее Коске и Мишиничах вообще см.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 38–57.

⁸⁷ К 6866 (1358) г. строительство относит только Список Никольского – ПСРЛ 4-1-3. С. 602: «Постави владыка Моисей святыи Прокофеи на княжи дворѣ, а Лазута святыи Иоанъ Креститель оу Нѣмецкого двора». К 1359 г. относит строительство большинство летописей: НПЛ. С. 364–365: «Того же лѣта постави Лазута святыи Иоанн церковь камену у Нѣмечьского двора». См также: НЗЛ. С. 228; ПСРЛ 4-1-1. С. 287; НКЛ. С. 90.

⁸⁸ НПЛ. С. 367: «Того же лѣта заложи церковь камену Федоръ святыи на Федорови улице Семеонъ Одрѣвич съ боголюбивою матерью своею»; ПСРЛ 4-1-1. С. 289: «Того же лѣта заложиша церковь каменную святого Федора на Федоровѣ оулице Семионъ Одрѣвичъ с боголюбивою матерью своею Натальею».

⁸⁹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси XI–XV вв. Т. 2 : Новгородские печати XIII–XV вв. М., 1970.

⁹⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 196–197; см. также: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. : хронологический комментарий. М., 1991. С. 25–27.

располагавшихся на «полатех» (на хорах): это приделы Покрова Богородицы и Симеона Столпника (Дивногорца)⁹¹. Придел Симеона Столпника появился в храме явно не случайно: его посвящение указывает на желание заказчика, Семена Андреевича, посвятить отдельный престол на хорах своему небесному покровителю.

Наталья, мать Семена Андреевича, известна по сообщениям о строительстве в 1371 г. монастырской церкви Андрея на Ситке в окрестностях Новгорода недалеко от Торговой стороны. Если в Новгородской второй летописи, Летописи Авраамки и отрывке из Псковской летописи заказчик назван просто Натальей⁹², а в Новгородской третьей летописи заказчик вообще не назван, то в Новгородской четвертой летописи по списку Никольского в статье о строительстве церкви Андрея на Ситке о ней же говорится как о «Наталье, Андреевской жене»⁹³.

В 1361 (6869) г. церковь Федора Стратилата на Федоровой улице была окончена (это мог быть еще 1360 г., если летопись говорит об осенних месяцах 6869 г.), причем одна из летописей называет в качестве ее заказчика всё того же Семена Андреевича⁹⁴.

В следующем, 1365 г., летописи говорят о сооружении каменной монастырской церкви Николы на Лятке в южных окрестностях Славенского конца⁹⁵. Храм этот был сооружен по заказу Лазуты, построившего в 1359 г. приходскую церковь Иоанна Предтечи у Немецкого двора – в том же Славенском конце); деревянный храм Николы на Лятке был построен в 1356 г.⁹⁶

В 1367 г. по заказу Лазуты было осуществлено строительство церкви Петра и Павла на Славне⁹⁷. Этот Лазута уже построил каменные храмы в 1359 и 1365 гг., на этот раз он построил каменный храм взамен деревянной церкви, в которой в 1365 г. было знамение от иконы Богородицы⁹⁸. Здесь несомненно

⁹¹ Сведения о приделах имеются в Семисоборной росписи Новгорода второй половины XV в., см.: Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 113; Андреев В. Ф. Новый список «Семисоборной росписи» Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 222; а также в Описи Новгорода 1617 г.: Опись Новгорода 1617 года / Памятники отечественной истории. Вып. 3. М., 1984. С. 285, 329.

⁹² НЗЛ. С. 230; ПСРЛ 16. С. 94; ПЛ 1. С. 143.

⁹³ ПСРЛ 4-1-1. С. 603.

⁹⁴ НПЛ. С. 367: «Свершиша церковь камену святыи Федоръ на Федоровѣ улици»; ПСРЛ 4-1-3. С. 603: «Сверши святыи Федоръ камененъ на Федоровѣ оулице Семионъ Одрѣвичъ».

⁹⁵ НПЛ. С. 369: «а на Ляткѣ постави Лазута церковь камену же святого Николы».

⁹⁶ НПЛ. С. 364.

⁹⁷ ПСРЛ 4-1-1. С. 293–294: «Заложи Лазута церковь камену святого Петра, конец Славна».

⁹⁸ ПСРЛ 4-1-1. С. 291: «Бысть знамение отъ иконы святыи Богородица в церкви святого Петра в Славнѣ: идяше аки роса».

связь постройки каменного храма с чудесами от иконы. Церковь Петра и Павла была построена в монастыре, стоящем у Славенского конца, в конце улицы Славны («конец Славна»), это третья постройка Лазуты, который был необычно активным ктитором.

Как уже говорилось, в 1371 г. был поставлен каменный монастырский храм Андрея Юродивого на Ситке (Ситиске) – к востоку от Торговой стороны⁹⁹. Заказчиком церкви Андрея на Ситке названа Наталья, «Андреевская жена», которую можно отождествить с Натальей, построившей в 1360–1361 гг. вместе с сыном, тысяцким Семеном Андреевичем храм Федора Стратилата на Федоровой улице. Если это так, то монастырский храм на Ситке связывается с заказом боярыни из Плотницкого конца, а сам храм, по всей видимости, был посвящен Андрею Юродивому в память небесного покровителя уже умершего мужа Натальи, Андрея.

Через 4 года после окончания каменного храма, по уникальному известию Новгородской третьей летописи, «мастером Греченином Феофаном» была осуществлена роспись церкви Спаса, причем отмечается, что церковь «подписана» «повелѣнием благороднаго и боголюбиваго боярина Василя Даниловича, и со уличаны Ильины улицы»¹⁰⁰. Это сообщение 1378 г. в какой-то степени подтверждает наше предположение об уличанах «ильинцах» как заказчиках церкви Спаса.

В 1375 г. был в Детинце построен каменный храм Иоанна Златоуста в Околотке, заказчиком выступил посадник Юрий Иванович¹⁰¹. Посадник Юрий Иванович упомянут в списке новгородских посадников¹⁰², и В.Л.Янин считает его посадником от Неревского конца на основании того, что построенная им церковь Иоанна Златоуста принадлежала к Неревскому концу и была поставлена над воротами, от которых начиналась Людогощая улица Неревского конца¹⁰³. Однако принадлежность посадника Юрия Ивановича Неревскому концу может быть оспорена в связи с расположением сооруженного им храма. Церковь Иоанна Златоуста находилась у стены Детинца между Покровскими и Воскресенскими воротами. Местоположение храма устанавливается по существующей Златоустовской башне Детинца. В Семисоборной росписи эта церковь числится среди

⁹⁹ ПСРЛ 4-1-1. С. 295: «Постави Наталья церковь каменну святого Андрѣя Оуродиваго на Ситискѣ»; ПСРЛ 4-1-3. С. 603: «Сверши Наталиа, Андрѣевская жена, святого Андрѣя на Ситецкы и святого Николы в Руси» (сообщение о церкви Николы в Русе присоединено механически и ошибочно).

¹⁰⁰ НЗЛ. С. 231.

¹⁰¹ ПСРЛ 4-1-1. С. 305: «А Юрьи посадник постави церковь каменну в Околоткѣ святого Иоанна Златоустаго»; ПСРЛ 16. Стлб. 102: «а Юрьи посадникъ Ивановичъ постави церковь камену в Околоткѣ святого Иоана Златоустаго».

¹⁰² Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 16, 22, 198.

¹⁰³ Там же. С. 198.

храмов, входивших в округ собора Михаила Архангела на Прусской улице, то есть среди храмов Загородского конца¹⁰⁴. Этот храм традиционно считают надвратным, но достоверного подтверждения этому в источниках нет, а представление о нем как о храме на воротах произошло из-за того, что его спутали с другой церковью того же посвящения в Детинце, храмом Иоанна Златоуста над воротами Владычного двора¹⁰⁵. Некоторую ясность в вопрос о кончанской принадлежности церкви Иоанна Златоуста в Околотке может внести известие о повторном строительстве этого храма в 1434 г. когда церковь была возведена «на старой основе» по заказу посадника Григория Кирилловича и Есифа Ондриянович Горошкова¹⁰⁶.

Григорий Кириллович Посахно был посадником новгородским в 1428 г. и в 1434–1436 гг., но его принадлежность к какому-то концу установить трудно¹⁰⁷. А вот Есиф Ондриянович Горошков, не названный в сообщении 1434 г. посадником, занимал эту должность в 1448 и 1463 гг.¹⁰⁸. Этот боярин, как установил В.Л.Янин, достоверно принадлежал не к Неревскому концу, а к Прусской улице (или, что одно и то же в это время, к Загородскому концу), о чем говорит сообщение о пожаре 1463 г.: «Того же лѣта мѣсяца Августа 28, ... , сгорѣша двора два: Есифа Григорьева и Есифа Ондрѣянова, и вся Гребля дворы хрестьянска и двѣ церкви огорѣша: храмъ святого Иоанна Предтечи и храмъ святѣи Богородици Ведения»¹⁰⁹. Упомянутый храм Иоанна Предтечи – это интересующий нас памятник, выстроенный в 1375 г. посадником Юрием Ивановичем и отстроенный заново Есифом Ондрияновичем в 1434 г., а церковь Введения – храм Введения Богородицы на Прусской улице, что дает нам представление о месте дворов и указывает на район пожара. Из того, что один из заказчиков храма Иоанна Златоуста 1434 г. был связан с Прусской улицей, вытекает и то, что строивший вместе с ним Григорий Кириллович был посадником от Прусской улицы (Загородского конца), и то, что Юрий Иванович, выстроивший в 1375 г. тот же храм, был прусским боярином и посадником от Прусской улицы.

В 1380 г. церковь Спаса-Преображения в мужском Ковалѣвском монастыре, построенная Окинфом Жабиным в 1345 г., была расписана по заказу Офонася Степановича и его жены Марии, о чем сообщала настенная надпись над дверьми: «+въ лѣто 6888 потъпи-

¹⁰⁴ Янин В.Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 111–112.

¹⁰⁵ «Да у Владычня двора Златоуст на воротех, а на других Петр митрополит» – Янин В.Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 111.

¹⁰⁶ НПЛ. С. 417.

¹⁰⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 19, 22–24, 34, 260–261, 276, 278, 284, 293.

¹⁰⁸ Там же. С. 19–20, 22, 34, 36, 276, 282–287, 290–291, 293, 300, 313, 319.

¹⁰⁹ ПСРЛ 16. Стлб. 214.

санъ бы(сть) храмъ Г(оспод)а Б(ог)а и Сп(а)са нашего И(ису)са Х(рист)а, а при князи великомъ Дмитрии Ивановичѣ и при всѣосвященномъ архиепискупѣ новгородскомъ Алексѣи, а повелѣньемъ раба Б(о)жья Офанасия Степановича и подружи его Марии, а съвершился м(ѣся)ца августа»¹¹⁰.

В 1383 г. был заложен в храм Филиппа на Нутной улице в Славенском конце¹¹¹. В известии поздней Новгородской третьей летописи говорится о построении храма группой заказчиков¹¹². Кроме Новгородской третьей летописи, сведения о построении этого храма «посадниками» Родославом, Устином и Филиппом содержатся также в Синодике церкви Филиппа Апостола¹¹³. Но Родослав Данилович, не бывший посадником, упомянут как строитель деревянного храма Филиппа в 1194 г.¹¹⁴, а посадники Устин и Филипп в летописях не упоминаются¹¹⁵. Сведения о заказчиках церкви Филиппа, очевидно, ошибочны, они путают заказчиков ранних деревянных храмов Филиппа и настоящих заказчиков каменной церкви (которые нам неизвестны, хотя теоретически это могли быть Устин и Филипп). В 1389 г. посадник Григорий Якунович поставил церковь Покрова на воротах Детинца (старая же была разобрана)¹¹⁶. Этот храм располагался над воротами Детинца «от Прусской улицы», как сообщает летопись в рассказе о постройке церкви Покрова в камне в 1305 г. посадником от Прусской улицы Семеном Климовичем¹¹⁷. Храм 1305 г., по всей видимости, обветшал, и его решил выстроить заново посадник Григорий Якунович, представлявший ту же Прусскую улицу¹¹⁸. Интересно, что Григорий Якунович строит

храм в самом конце своей карьеры, достоверно начавшейся в 1383 г.: в 1391 г. его сменил уже другой посадник от Прусской улицы, Богдан Обакунович.

В 1392 г. посадник Богдан Обакунович «с своею братьею и с улицаны» (то есть, как следует из контекста, с жителями Чудинцевой улицы) поставил каменную церковь Симеона (Столпника) на Чудинцеве улице, освященную на праздник святого (1 сентября)¹¹⁹. Представлявший Прусскую улицу и Загородский конец боярин Богдан Обакунович, сменивший около 1391 г. на посту посадника Григория Якуновича, оставался посадником до 1397 г.; умер он в 1415 г., приняв монашеский чин и имя Феодосий¹²⁰. Заманчиво было бы предположить, что Богдан Обакунович был сыном упомянутого в летописи в 1354 г. посадника Обакуна Твердиславича, но В.Л. Янин отвергает возможность существования этого лица, не упомянутого в списке новгородских посадников¹²¹. Посадник строит храм вместе с представителями своего рода («с братьею») и с другими боярами Чудинцевой улицы («уличанами»).

В 1395 г. боярин Исаак Онкифов выстроил собор Михаила Архангела в Аркажском монастыре¹²². Это был уже второй каменный храм в этом пригородном монастыре, поставленный рядом с соборной церковью Успения, сооруженной в 1188–1189 гг. по заказу некоего Семьюна Дыбачевича¹²³.

В 1397 г. тот же Исаак Онкифов (Акинфович) выступил заказчиком церкви Рождества Богородицы в Десятинном монастыре¹²⁴. Этот монастырь, основанный архиепископом Моисеем в 1327 г., стоял на Волосове улице и входил в округ соборной церкви Власия¹²⁵, то есть территориально принадлежал к Людину концу, но строительство в нем осуществлял боярин с Прусской улицы, находившейся совсем неподалеку от этой окраины Людина конца. Исаак Он-

¹¹⁰ Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860. С. 579; Греков А. П. Фрески церкви Спаса Преображения на Ковалёве. М., 1987. С. 16, 18, илл. 118; Дмитриева С. О. Фрески храма Спаса на Ковалёве в Новгороде 1380 года. М., 2011. С. 8–9.

¹¹¹ НПЛ. С. 379: «Того же лѣта заложиша двѣ церкви камены: святого Филиппа на Нутной улицѣ и святого Иоанна в Радоковицах, а святого Дмитриа свершиша на Славковѣ улице».

¹¹² НЗЛ. С. 232: «Того же лѣта заложиша церковь каменну, в Великомъ Новѣградѣ, апостола Филиппа, на Нутной улицы; а строители Родислав Даниловичъ, Устин да Филипп посадники».

¹¹³ Азбелев С. Н. Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. // ТОДРЛ. Т. XV. 1958. С. 129–262; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. С. 99–104.

¹¹⁴ НПЛ. С. 234.

¹¹⁵ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 211; М., 2003. С. 290–291.

¹¹⁶ НПЛ. С. 383: «Того же лѣта Григории посадникъ Якунович постави церковь камену Покров святяя богородица на воротех»; НКЛ. С. 92: «Того же лѣта Григорей посадник Якунович постави церковь камену Покрова святяя Богородица на воротех, а старую порушив».

¹¹⁷ НПЛ. С. 332; НЗЛ. С. 223; ПСРЛ 4-1-1. С. 252–253; НЗЛ. С. 239; ПСРЛ 16. С. 57.

¹¹⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 16, 22, 27, 29, 202, 211–216, 218, 240.

¹¹⁹ НПЛ. С. 385: «Того же лѣта посадникъ Богданъ Обакунович с своею братьею и с улицаны поставиша церковь святого Симеона камену на Чюдѣнцеве улицѣ, и священа бысть на праздникъ его».

¹²⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 215–220, 222–225, 238–241.

¹²¹ НПЛ. С. 364; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 194, 201.

¹²² НПЛ. С. 387: «Того же лѣта постави Исакъ Онкифовъ церковь камену Зборъ святого Михаила в Аркажи манастири».

¹²³ НПЛ. С. 39, 229–230; О монастыре и его постройках см.: Орлов С. Н., Красноречьев Л. Е. Археологические исследования на месте Аркажского монастыря под Новгородом // Культура и искусство Древней Руси : сборник статей в честь профессора М. К. Каргера. Л., 1967. С. 69–76. О связи монастыря с Прусской улицей см.: Хорошев А. С. Боярское строительство в новгородском Аркаже монастыре // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1966. № 2 (март–апрель). С. 77–82.

¹²⁴ НПЛ. С. 388: «Постави Исакъ Онкифовъ церковь камену святяя богородица Рожество на Десятинѣ».

¹²⁵ Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 112.

кифов в летописях более не упоминается, но он был, судя по всему, влиятельным боярином, соорудившим два каменных храма. По своей малой известности по летописным данным и видимой склонности к храмостроительству он напоминает Лазуту, строившего храмы в Славенском конце в середине XIV столетия. Принадлежность Исаака Онкифова к прусскому боярству определяется по косвенным данным: как уже говорилось, Аркажский монастырь, где он соорудил храм, был тесно связан именно с Прусской улицей, а в Десятинном монастыре рядом с церковью 1397 г. придел Зачатия Иоанна Предтечи в 1413 г. построил Иван Морозов, боярин с Прусской улицы (видимо, – «в свое имя»). Построением каменного храма в Десятинном монастыре отмечалось место, где было явлено чудо иконы Знамения: ведь именно тут, по свидетельству повести об этом чуде, было сражение новгородцев с суздальцами в 1169 г.¹²⁶ Церковь Рождества Богородицы на Десятине была третьим каменным храмом, отмечавшим места, связанные с историей иконы «Знамение»: после церкви Знамения на Ильине улице 1354 г. и церкви Спаса на Ильине улице 1374 г.

В 1398 г. некий Михаил Крупа выстроил монастырскую церковь Николы в конце Легощи и Чудинцевой улиц (на скудельнице, то есть при братских могилах)¹²⁷. Хотя Михаил Крупа не встречается в других летописных сообщениях, он должен был быть достаточно важным лицом, чтобы поставить каменный храм в основанном в 1390 г. Никольском «с Поля» мужском монастыре, ставшем кончанским монастырем Загородского конца (печати этого монастыря были печатями этого конца)¹²⁸. В 1392 г. в июне умер посадник Василий Федорович, принявший перед смертью монашеский чин, он был положен «у святого Николы»¹²⁹. В. Л. Янин идентифицирует этот монастырь с монастырем Николы на Поле и на этом основании относит Василия Федоровича к боярам Загородского конца¹³⁰.

¹²⁶ См.: Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. Приложение 6 : «Знаменская легенда» в Древней Руси. С. 225–238; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 95–148.

¹²⁷ НПЛ. С. 393: «Постави Михаилъ Крупа церковь камени святого Николу конецъ Лугощи и Чюдинцевъ улицъ»; ПСРЛ 4-1-3. С. 605: «Архиепископъ Иванъ съверши святое Въскресение на воротехъ, а Михаило Крупа святого Николу на скудельнице».

¹²⁸ Об основании монастыря см.: НПЛ. С. 383; о самом монастыре и его локализации: Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // НИС 8 (18). СПб., 2000. С. 108–110. О монастырской печати см.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 307.

¹²⁹ НПЛ. С. 385: «Того же лѣта преставися посадъникъ Василии Федорович, приемши мѣншьскыи чинъ, мѣсяца июня, и положиша у святого Николы».

¹³⁰ Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 221.

В 1399 г. в Славенском конце некто Иван Васильевич построил каменные приделы к церкви Успения на Торгу – Алексея (Человека Божия) и Екатерины¹³¹. В 1388 г. «поновили» огоревшую церковь Успения в Торгу, сооруженную еще в домонгольский период, в 1135–1144 гг.¹³².

Иван Васильевич, построивший эти приделы, располагавшиеся по сторонам церкви Успения, больше нигде не упоминается, но в несколько более позднее время известны два посадника Ивана Васильевича: один был посадником где-то между 1421–1423 гг., а второй упомянут как посадник в 1436 и 1442 гг.¹³³. Идентичность заказчика приделов к церкви Успения в 1399 г. и одного из этих посадников установить пока невозможно.

В 1402 г. был построен каменный придельный храм Трех Отроков у собора Михаила Архангела на Прусской улице¹³⁴. Придел Трех Отроков у Михайловского собора был построен по заказу Твердислава и Федора в 1219 г. одновременно с собором Михаила Архангела. Летопись говорит о приделе как о церковке «малой», поставленной «посторонь» (сбоку. – В. С.) от основного храма и выстроенной в 4 дня¹³⁵. Заказчиком выстроенного заново в 1402 г. придела был посадник Кирилл Ондrejaнович, занимавший степень в 1402–1409 гг. и скончавшийся в монашеском чине в 1410 г.¹³⁶. Кирилл Ондrejaнович принадлежал к обширному и богатому роду прусских бояр, многие из которых занимали важнейшие административные должности в Новгородском государстве. Его отец, Ондrejaн Захарьин, вместе с Данилой Кузминым поставил в 1358 г. деревянную церковь Двенадцати Апостолов недалеко от Прусской улицы¹³⁷. Родственников Кирилла Ондrejaновича мы еще встретим при разборе храмостроительства в первой трети XV в.

¹³¹ ПСРЛ 4-1-2. С. 383: «Того же лѣта стави Иванъ Васильевичъ церковь каменну святого Алексѣя в Торгоу оу святѣи Богородици»; ПСРЛ 16. Стлб. 144: «Того же лѣта поставиша придѣлы у святѣи Богородици церкви камени: святую Екатерину и святого Алексѣя человекѣ Божѣя».

¹³² НЗЛ. С. 232: «Того же лѣта поновиша церковь каменну, в Великомъ Новѣгородѣ, Успение Богородицы, в Торгу, на Козьи броду»; ПСРЛ 4-1-2. С. 348: «Повновиша церковь каменну святую Богородицу в Торгоу».

¹³³ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 258–261, 276–281, 284, 286.

¹³⁴ НПЛ. С. 397: «...поставиша; а посадникъ Кюрила Ондrejaнович 3 отрокъ придѣлъ у святого Михаила на Прусской улицѣ».

¹³⁵ НПЛ. С. 260.

¹³⁶ НПЛ. С. 402; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 216, 220–222, 232–234.

¹³⁷ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 125, 128, 130–132, 143, 147. Маловероятно, что Кирилл Ондrejaнович был посадником от Неревского или Плотницкого конца, как это предполагает В. Л. Янин. Его связь с Прусской улицей и связь его рода с Прусской улицей и Загородским концом свидетельствует в пользу его представительства от Загородского конца. О церкви Двенадцати Апостолов: НПЛ. С. 364; ПСРЛ 4-1-1. С. 287.

В 1407 г. посадник Юрий Дмитриевич и его брат Яков построили в Аркаже монастыре третий каменный храм этой обители, церковь Чуда Архистратига Михаила в Хонех¹³⁸. Эти бояре происходили с Прусской улицы¹³⁹.

Иван Морозов, заказчик придельной церкви Зачатия Иоанна Предтечи в Десятинном монастыре в новгородских летописях более не упоминается, но он указан в родословце Морозовых: «у Семена сын Иван Мороз». Род Морозовых прочно связан с Прусской улицей (предок Ивана Морозова Миша был погребен или в церкви Михаила на Прусской улице, или в церкви Воскресения на той же улице)¹⁴⁰. Придельный храм (а то, что это был именно придельный храм, подтверждается сведениями Семисоборной росписи: «Пречистые Рождество на Десятины монастырь черньци, а придел Зачатье Ивана, а на полатех Рождество ивана, да Пантелеймон святой»)¹⁴¹ был построен, вероятно, «во имя» заказчика, покровителем которого был Иоанн Предтеча. Как уже говорилось, Десятинный монастырь находился в Людином конце, но строительство в нем, как и в 1397 г., ведут бояре с Прусской улицы (или из Загородского конца).

После спокойных лет, когда возводится от одного до трех храмов, выглядит удивительно 1417 г.: в этом году летописи сообщают о возведении шести каменных церквей (Троицы на Колмове, Николы на Яковлеве улице, Мины на Дослане улице, Андрея на Щитной улице, Антония в Хутынском монастыре и Николы в монастыре на Холопьем городке)¹⁴². Впрочем, часть из них (вряд ли все шесть) были окончены весной, то есть их строительство было начато еще в прошлом, 1416 г. или даже ранее. Новгородская третья летопись говорит, что храм Троицы на Колмове был сооружен «в монастыре» по заказу «Юрья Анцыфоровича»¹⁴³. Эти уникальные сведения

позднего летописца нуждаются в проверке. В источниках начала XVII в. храм Троицы в Колмовском монастыре впрямую не упоминается, но говорится о существовании каменной трапезной церкви рядом с соборной церковью Успения¹⁴⁴. Эта трапезная церковь была посвящена Троице, как выясняется из летописного сообщения о ее освящении (и постройке в камне) по благословению архиепископа Макария в 1533 г.¹⁴⁵. Этот храм частично сохранился до нашего времени, но мог ли ему предшествовать каменный храм XV в.? Оказывается, что мог: в духовной грамоте Орины, составленной во второй половине XV в., Колмов монастырь называется «домом святей Троицы и святей Богородицы», а в качестве прапрадеда самой Орины упомянут Юрий Онцифорович¹⁴⁶.

Колмов монастырь был, как установил В. Л. Янин, фамильным монастырем Онцифоровичей: в синодике Клопского монастыря названы создатели Колмова монастыря, «Ворфоломей, Лука, Максим, Ансифор, Георгий, Григорий»¹⁴⁷, то есть Варфоломей, Лука Варфоломеевич, Онцифор Лукинич, Максим и Юрий (Георгий) Онцифоровичи и некий неизвестный Григорий, а в упомянутой духовной грамоте Орины говорится о погребении в монастыре представителей рода Мишиничей-Онцифоровичей («Где живет (есть вариант «где лежит». – В. С.) отец мой и мати моя и род мой»)¹⁴⁸.

Строительство в Колмове монастыре развивалось следующим образом: посадник Юрий Онцифорович, достоверно связанный с Неревским концом, основал фамильный монастырь на Колмове и построил деревянную церковь Успения в 1392 г.¹⁴⁹. Спустя 25 лет Юрий Онцифорович возвел рядом каменный храм Троицы. Его сын Михаил Юрьевич в 1419 г. построил около Колмова монастыря деревянный приходской храм Михаила Архангела¹⁵⁰. Вдова Михаила Юрьевича, Настасья Михайлова, в

¹³⁸ НПЛ. С. 400: «Поставиша братениць: Юрьи посадникъ Дмитриевичъ, брат его Яковъ церковь камену Чюдо архистратига Михаила в Хонѣх въ Аркажи манастыри».

¹³⁹ О посаднике Юрии Дмитриевиче см.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 218–220, 223, 224, 232–234; Хорошев А. С. Боярское строительство в новгородском Аркаже монастыре // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1966. № 2 (март-апрель). С. 77–82.

¹⁴⁰ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 131.

¹⁴¹ Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 112.

¹⁴² НПЛ. С. 407: «Того же лѣта свершены быша 6 церкви каменных: святая Троица на Колмовѣ, святый Никола, святый Мина на Даньслалѣ улицѣ, святый Андрѣи на Щитной улицѣ, святый Антоний у Спаса на Хутинѣ, святого Николу на Холопьи городци».

¹⁴³ НЗЛ. С. 236: «Совершиша в Великомъ Новѣграде шесть церквей каменных: Юрьи Анцыфоровичъ соверши храмъ въ манастырь на Колмовѣ святые Троицы, да церковь святого Николая чудотворца на Яковлевѣ улицѣ, да церковь святого Николая чудотворца на Холопьи улицѣ, да церковь великомученика Мины на Дослане

улицы, да церков святого апостола Андреа Первозваннаго на Щитной улицѣ, да церковь святого Антония Великаго на Хутыни».

¹⁴⁴ «Роспись новгородских монастырей и церквей 1615 года» // Опись Новгорода 1617 года. Ч. 2. М., 1984. С. 323 («Монастырь Колмов, а в нем храм Успенъе Богородицы»); «Опись Новгорода 1617 г.» // Опись Новгорода 1617 года. Ч. 1. М., 1984. С. 100 («Колмов монастырь, а в нем церков во имя пречистые богородицы Успенъя да трапеза камены, разорены»).

¹⁴⁵ ПСРЛ 4-1-3. С. 552.

¹⁴⁶ Корецкий В. И. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV–XV вв. // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969. С. 285; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 15.

¹⁴⁷ Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860. С. 588.

¹⁴⁸ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 15–20.

¹⁴⁹ НПЛ. С. 385.

¹⁵⁰ ПСРЛ 4-1-2. С. 426; ПСРЛ 16. Стлб. 172.

1423 г. выступила заказчицей второго каменного храма родовой обители – церкви Успения¹⁵¹.

Посадник Юрий Онцифорович, живший в Неревском конце Новгорода, в 1417 г. выступает как заказчик каменного храма в основанном им самим монастыре, где он, вероятнее всего, и был погребен некоторое время спустя. Следует отметить, что помимо сооружения церкви Троицы Юрий Онцифорович построил также свой каменный жилой дом на Великой улице Неревского конца, основания которого были открыты во время археологических раскопок. Основания этого дома на усадьбе Д залегают в 5 ярусе, который датируется 1409–1422 гг.¹⁵². Это значит, что каменный терем Юрия Онцифоровича был сооружен примерно в то же время и, вероятно, теми же мастерами, что и церковь Троицы в Колмове монастыре 1417 г.

Под 1421 г. летописи сообщают о постройке двух каменных церквей: Богоявления на Поле, сооруженной по заказу Исаака Окинфовича, и Спаса на Розваже, который был построен по заказу Василия Филипповича и Лукьяна Онцифоровича¹⁵³.

Исаак Онцифорович, по заказу которого был создан каменный храм в мужском монастыре Богоявления на Поле (или, по более поздним сведениям, «на Веряже» или «на Вотской дороге»)¹⁵⁴, рас-

¹⁵¹ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 309.

¹⁵² Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 9–14; Петров Д. А. О каменных гражданских зданиях Новгорода XIV–XVI вв. // Новгородские древности. Архив архитектуры. Вып. IV. М., 1993. С. 151–165. См. недавнюю работу: Шаповалова С. А. Каменный дом посадника Онцифоровича в Неревском конце Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Новгород, 2002. С. 131–144.

¹⁵³ НЗЛ. С. 139: «Того же лѣта свершиша две церкви камены: Исакъ Окинфовичъ в монастыри на поле Богоявления, Василей Филиповичъ с Лукианом Онцифоровичемъ свягый Спасъ на Розваже улице; НЗЛ. С. 237: «Поставиша, в Великомъ Новеградѣ, Исакъ Анцифоровичъ да Лутьянъ братъ его, двѣ церкви каменныхъ: святое Богоявление, в манастырѣ на полѣ на рѣки Веряжи, и святого Спаса на Розважи улицы, стяжаниемъ Василия Филиповича, при архиепископѣ Симеонѣ, вѣчнаго ради поминовения на память душамъ своимъ, по великомъ семъ чудеси, что Богъ избавилъ Великий Новѣградъ отъ великаго труса, потопа и каменной тучи»; ПСРЛ 4-1-2. С. 431: «Свершиша 2 церкви камены: Исаакъ Онцифоровичъ в монастыри на полѣ Богоявление, и Василей Филиповичъ с Лукианомъ Онцифоровичемъ свягый Спасъ на Розважи оулицы»; ПСРЛ 16. Стлб. 176: «Того лѣта свершиша двѣ церкви камены: Исакъ Онцифовъ в монастыри на Полѣ святое Богоявление, а Василѣй Филиповичъ и Лукианъ Онцифоровичъ постави свягый Спасъ, на Рожважи улицы».

¹⁵⁴ О местоположении и истории этого монастыря см.: Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого. С. 121–125. Остатки кладок и фундаментов монастырского собора найдены археологами: Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В. Исследование памятников архитектуры в пригородных новгородских монастырях // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Великий Новгород, 2007. С. 313–318.

полагавшийся в некотором удалении от Неревского конца (на северо-запад от города), кажется, уже известен нам по летописным данным о каменном строительстве: боярин с такими же именем и отчеством в 1395 г. построил церковь Собора Архангела Михаила в Аркаже монастыре, а в 1397 г. – церковь Рождества Богородицы в Десятинном монастыре. Выше мы уже говорили, что построившего эти храмы боярина следовало бы связать с Прусской улицей. Удивляет, что построивший в 1395–1397 гг. два каменных храма боярин следующий, опять монастырский каменный храм, строит четверть века спустя и к тому же – в районе, прилегающем к Неревскому концу. Представляется, что Исаак Онкифов 1390-х гг. и Исаак Онкифо(ро)вич 1421 г. – разные лица. Первый Исаак, судя по всему, имел отчество Иакинфович (Окинфович, Акинфович, его небесным покровителем был мученик Иакинф), тогда как заказчик Богоявленского с Поля монастыря имел отчество Онцифорович, то есть Онцифорович, Онисифорович (его небесным покровителем был или апостол или мученик Онисифор).

А. А. Гиппиус со ссылкой на мнение А. В. Кузьмина¹⁵⁵, предположившего, что Исаак Окинфов был сыном Окинфа Жабина, построившего в 1345 г. монастырский храм Спаса на Ковалева, считает Исаака Окинфова строителем всех трех каменных храмов, а попадание Исаака из известия 1421 г. в круг Онцифоровичей представляется ему результатом позднего отождествления и соседства его в одном летописном известии с Лукианом Онцифоровичем¹⁵⁶. Если предположение о том, что прусский боярин Исаак Онкифович 1390-х гг. мог быть сыном Окинфа Жабина, построивший храм в околородье Славенского или Плотницкого концов, имеет право на существование, то Исаак Онкифов, построивший в 1421 г. храм Богоявления на Поле у Неревского конца, остается фигурой загадочной.

Если вспомнить, что в том же 1421 г. бояре Василий Филипович и Лукиан Онцифорович поставили церковь Спаса на Розваже, то можно было бы предположить, что Исаак Онцифорович и Лукиан Онцифорович были родными братьями и принадлежали к извест-

По сообщению 1585 г., каменная церковь Богоявления «развалилась», см.: Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967. С. 412–415. Но в «Росписи новгородских монастырей и церквей 1615 года» каменный храм еще упомянут: Опись Новгорода 1617 года. Ч. 2. М., 1984. С. 323.

¹⁵⁵ Кузьмин А. В. Из истории генеалогических связей русского провинциального дворянства (Ч. I: Жабины, Бувевские и их родичи во второй половине XV – первой трети XVII века) // Исторические записки: электронный журнал Воронежского государственного университета. URL: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/04-04.htm>

¹⁵⁶ Гиппиус А. А. «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1(43). С. 18–30.

нейшему клану бояр Онцифоровичей из Неревского конца. В этом случае была бы ясна связь монастыря Богоявления на Вотской дороге с Неревским концом. Но В.Л.Янин категорически отрицает возможность существования еще одного Онцифоровича¹⁵⁷.

Василий Филиппович и Лукиан Онцифорович в 1421 г. поставили, как уже говорилось, каменный приходской храм Спаса-Преображения на улице Розважа в Неревском конце. Этот храм с приделом Василия Кесарийского на полатех известен по Семисоборной росписи конца XV в. («На Розваже улицы Спас Преображение, на полатех Василей Кесарийский») и по Росписи новгородских церквей 1615 г.¹⁵⁸. Наличие на полатех церкви на Розваже придела Василия Кесарийского и присутствие среди заказчиков боярина Василия Филипповича дают основание предположить, что этот придел был построен боярином «в свое имя», как это было, например, с приделом Симеона Дивногорца в построенном тысяцким Семеном Андреевичем храме Федора Стратилата на Федоровой улице 1360–1361 гг.

Василий Филиппович, бывший более значительным лицом судя по тому, что он назван первым среди заказчиков храма, а также в связи с вероятной связью его имени и посвящения придела на полатех, более нигде не упоминается. А Лукиан Онцифорович, тоже нигде более не упоминающийся, был, вероятно, боярином Неревского конца, родным братом Юрия, Афанасия и Максима Онцифоровичей¹⁵⁹.

В 1421 или 1422 г. были построены церковь Воскресения в Благовещенском монастыре и церковь Воскресения Христова в Павлове монастыре. В Летописи Авраамки содержится уникальное сообщение о заказчике церкви Воскресения в Благовещенском монастыре, некоем Давыде Дмитриевиче¹⁶⁰. В Большаковской летописи говорится о том, что заказчиком церкви Воскресения был «чернецъ Д(а)в(и)дъ Дмитриевичъ»¹⁶¹. Это значит, что Давыд Дмитриевич

уже постригся в монахи к моменту, когда он стал ктитором третьего (после соборной и надвратной церковью) каменного храма пригородного монастыря, связанного с Людиным концом.

В позднем Мазуринском летописце назван заказчик церкви Воскресения в Павлове монастыре: «князь» (читай – боярин) Данила Иванович Божин «с товарищи». Указан благочестивый мотив строительства каменного храма и обозначена передача сел «на помин души»: «они же к той церкви и села свои предаша, вечно по своих душах и вечнаго ради поминовения родителей своих»¹⁶². В поздней же Забелинской летописи под 1423 г. названы другие строители церкви Воскресения в Павлове монастыре, выдуманные или полувывдуманные: «князь Иван Иевлевич, да степенной посадник Василей Есипович, да тысяцкой Козма Тереньевичъ»; причем повторяется дословно фраза про передачу сел на помин души¹⁶³. Представляется, что есть некоторое вероятие того, что заказчиком церкви Воскресения в Павлове монастыре Славенского конца был действительно Данила Иванович Божин, упомянутый в качестве действующего лица во время восстания Степанки 1418 г.¹⁶⁴.

В 1423 г. Настасья Михайлова поставила церковь Успения Богородицы на Колмове (в монастыре)¹⁶⁵. Настасья Михайлова, как предположил В.Л.Янин, это вдова боярина Михаила Юрьевича, построившего в 1419 г. недалеко от Колмовского монастыря деревянный храм Михаила Архангела на Колмове

¹⁶² ПСРЛ 31. С. 101–102: «Того же году поставиша церковь каменную Воскресение Христово в Павле монастыре, на Павлове улице, в Великом Новгороде, в Славенском конце, при великом князе Василеи Дмитриевиче московском и при митрополите Фотии московском и при владыце Феодосии, нареченном, а не свершенном. А строили тое церковь каменную Воскресение Христово те жа строители: князь Данила Иванович Божин с товарищи. Они же к той церкви и села свои предаша, вечно по своих душах и вечнаго ради поминовения родителей своих».

¹⁶³ Азбелев С.Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 104–105: «В лето 6930 поставиша церковь камену Воскресение христово в Павлове монастыри на Павлове улицы, в Великом Новеграде, на Торговой стороне, в Славенском конц[е], при великом князе Василеи Дмитриевиче Московском и всеа Руси и при митрополите Фотее всеа Руси, и при владыце Феодосии новгородским нареченном, а не свершенном. А строители тое церкви каменные быша: князь Иван Иевлевич, да степенной посадник Василей Есипович, да тысяцкой Козма Тереньевич. И тое церкви они, строители, предаша села вечно по себе и по своих душах, и вечного ради поминовения родителей своих».

¹⁶⁴ НПЛ. С. 409–410; ПСРЛ 4-1-1, С. 421–424.

¹⁶⁵ НПЛ. С. 414: «И того лета свершиша две церкви камены: святую Богородицу на Колмове и святого Якова на Лужици»; заказчица Настасья Михайлова названа в уникальном известии Летописца епископа Павла: «поставила Настасья Михайлова церковь камену святую богородицу Успене на Колмови у монастыри» – Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 309. В Карамзинской летописи постройка храмов Богородицы в Колмове и Якова на Лужице отнесена к 1422 г.: «Того же лета свершиша две церкви камены: святую Богородицу на Колмове и святого Иакова на Лужи» – НКЛ. С. 177.

¹⁵⁷ Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: средневековый Новгород. М., 1977. С. 161; Янин В.Л. Средневековый Новгород. М., 2004. С. 39.

¹⁵⁸ Янин В.Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 113; Андреев В.Ф. Новый список «Семисоборной росписи» Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 221; Описание Новгорода 1617 года. Ч. 2. М., 1984. С. 324; Анкудинов И.Ю. Роспись новгородских церквей 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 11 (21). СПб., 2008. С. 375.

¹⁵⁹ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 10, 12, 25, 30, 46, 47, 54.

¹⁶⁰ ПСРЛ 16. Стлб. 176–177: «Свершены быша три церкви камены: Въскресеие Христово, у Благовѣщенна в монастыри, Давыдомъ Дмитриевичомъ, и Воскресеие Христово, в Павловѣ монастыри, Иоаннъ Милостивый, в Людинѣ концѣ, на Въскресеньской улицѣ».

¹⁶¹ Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф.Большакова // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 332, 361.

(приходской)¹⁶⁶. Отец Михаила Юрьевича, Юрий Онцифорович, в 1392 г. основал Колмовский монастырь и выстроил здесь деревянную церковь Успения¹⁶⁷, а в 1417 г. построил в обители каменный храм Троицы. Так что Настасья Михайлова продолжила семейное строительство неревских бояр в родо-вом Колмовом монастыре, находившемся к северу от города: она возвела в камне храм, заложенный в дереве ее покойным мужем.

В 1434 г. посадник Григорий Кириллович и Есиф Ондриянович, «внук Горошкова», построили каменный храм Иоанна Златоуста в Околотке (до этого предыдущий храм выгорел в 1432 г.)¹⁶⁸. «Боярские» мастера выстроили храм на месте уже возведенного в 1375 г. в камне храма того же посвящения (напомним, что заказчиком в 1375 г. выступил посадник Юрий Иванович)¹⁶⁹.

Один из заказчиков церкви Иоанна Златоуста, Григорий Кириллович Посахно, был посадником новгородским и в 1428 г. и в 1434–1436 гг., но его принадлежность к какому-то концу установить трудно¹⁷⁰. А вот Есиф Ондриянович Горошков, не названный в сообщении 1434 г. посадником, занимал эту должность позже, в 1448 и 1463 гг.¹⁷¹. Этот боярин, как установил В.Л. Янин, достоверно принадлежал не к Неревскому концу, а к Прусской улице (или, что одно и то же в это время, к Загородскому концу), о чем говорит сообщение о пожаре 1463 г.: «Того же лѣта мѣсяца Августа 28, ... , сгорѣша двора два: Есифа Григорьева и Есифа Ондръянова, и вся Гребля дворя хрестьянскыя и двѣ церкви огорѣша: храм святого Иоанна Предтечи и храм святеи Богородицы Ведения»¹⁷². Упомянутый храм Иоанна Предтечи – это тот самый, который был выстроен в 1375 г. посадником Юрием Ивановичем и отстроен заново Есифом Ондрияновичем в 1434 г., а церковь Введения – храм Введения Богородицы на Прусской улице, что дает нам представление о месте дворов и указывает на район пожара. Первый из упомянутых летописцем дворов принадлежал в 1463 г. Есифу Григорьеву, в котором с большой долей вероятности можно видеть сына Григория Посахно, первого из названных заказчиков храма Иоанна Злато-

уста – вероятно, их дворы стояли рядом, на Прусской улице. Из того, что один из заказчиков храма Иоанна Златоуста 1434 г. был связан с Прусской улицей, а также из того, что дворы его сына, Есифа Григорьевича, и Есифа Ондрияновича стояли рядом, вытекает и то, что строивший вместе с ним Григорий Кириллович был посадником от Прусской улицы (Загородского конца), и то, что Юрий Иванович, выстроивший в 1375 г. тот же храм, был прусским боярином и посадником от Прусской улицы.

В 1463 г. тысяцкий Яков Игнатьевич Лозьев поставил храм Образа в монастыре на Поле у Торговой стороны¹⁷³; этот храм был освящен архиепископом Ионой 28 августа (день Моисея Мурина) того же года¹⁷⁴. Яков Лозьев скончался в 1469 г., причем в летописном сообщении о его смерти он назван уже не тысяцким, а посадником, а кроме того его называют «церковным здателем»¹⁷⁵.

Боярский заказ и приходские храмы

Итак, мы видим, что огромное количество новгородских храмов было сооружено по заказу новгородского боярства. Как уже говорилось выше, мы здесь не касаемся тех немногих храмов, которые были сооружены новгородскими купцами, но можем уверенно сказать, что их количество было не сопоставимо с тем, что выстроили бояре. Не выдерживает сравнения и церковный частный заказ, представленный настоятелями монастырей, владычным ключником и отдельными монахами, происходившими, вероятно, также из боярства. С боярским строительством может сравниться только владычное, архиепископское строительство: оно, как уже говорилось, в некоторые эпохи преобладало, как будто заменяя боярское.

Боярский же заказ на длительном отрезке времени в три столетия выглядит хотя и господствующим (или почти господствующим), но тоже неоднород-

¹⁶⁶ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 15–20.

¹⁶⁷ Все известия под 6900 г. НПЛ. С. 385: «Юрью Онцифорович постави церковь святую богородицю Успение и манастырь устрои».

¹⁶⁸ НПЛ. С. 417: «Тои же осени поставиша церковь камену в околоткѣ Иоанн Златоустъ, на старой основѣ, посадникъ Григорий Кириллович, и Есиф Ондриянович Горошкова [внукъ]».

¹⁶⁹ НЗЛ. С. 231; ПСРЛ 4-1-1, С. 305; ПСРЛ 4-1-3. С. 603; ПСРЛ 16. Стлб. 98.

¹⁷⁰ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 19, 22–24, 34, 260–261, 276, 278, 284, 293.

¹⁷¹ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 19–20, 22, 34, 36, 276, 282–287, 290–291, 293, 300, 313, 319.

¹⁷² ПСРЛ 16. Стлб. 214.

¹⁷³ ПСРЛ 16. Стлб. 213: «Того же лѣта заложиша церковь Святыи Образъ Господень на Поли, полелѣньемъ и тцаньемъ раба Божия тысяцкого Великого Новагорода Якова Игнатьевича, словутнаго Лозьева; сий Яковъ ревнуя божиимъ рабомъ церковнымъ строителемъ и милостивымъ к нищимъ, таже желая рабъ Христовъ Яковъ церковь Божию устроити во имя Образа Господня нерукотворенаго во славу Божию и Образу Господню, а собѣ такоже в память в сей вѣкъ и въ будущей, и всякому творящему благая земная и воздаются имъ небесная, благословньемъ пресвященнаго архиепископа Великаго Новагорода и Пьскова архиепископа владыкѣ Ионы, мѣсяца Мая 29, на святыя Троицы день, на память святыя мученици Федосии дѣвици преподобныя».

¹⁷⁴ ПСРЛ 16. Стлб. 214 (под 6972 г.): «Того же дни (августа 28. – В.С.) священна бысть церковь Святыи Образ Господень на поли; архиепископъ владыкы Ионы по ... сам създаде» (часть обрезана).

¹⁷⁵ ПСРЛ 16. Стлб. 224: «В 6977-е. ... Тои же зими, мѣсяца Марта в 3, скорое прествление, в мгновение оку, Якова посадника, словутнаго Лозьева, церковнаго здателя, милостиваго до нищихъ».

ным. Мы поместили в начало нашего обзора известия о заказах уличан. Это был, как мы реконструируем, заказ церковных «соседей», именитых прихожан той или иной городской церкви, располагавшейся на той улице, где жили эти прихожане, являвшиеся крупными и важными боярами. Иногда, как в случае с жителями Козмодемьянской улицы и Хотовичами (церковь Саввы 1418 г.), выделяется тот или иной род, в большей степени участвующий в финансировании строительства каменного храма. Иногда уличан возглавляет боярин, как это было в 1378 г. при заказе росписи церкви Спаса на Ильине улице (Василий Мошсков и ильинцы) или в 1392 г., когда посадник Богдан Обакунович «с своею братьею» и с жителями Чудинцевой улицы поставил каменную церковь Симеона Столпника на Чудинцеве улице.

В качестве заказчиков каменных церквей мы видим (помимо не названных по имени жителей десятка новгородских улиц) представителей некоторых родов, имевших фамильное прозвание: в 1207 г. Федор Пинещинич, представитель рода Пинещиничей, построил каменный храм в пригородном Пантелеймоновом монастыре, в 1307 г. встречаем в качестве заказчицы церкви Святых Отцов на Князьем Дворе вдову некоего Якима из рода Столбовичей, в 1418 г. в сообщении о строительстве церкви Саввы на Козмодемьяне улице встречаем Хотовичей.

Но чаще мы встречаем отдельных бояр, финансировавших строительство каменных храмов. Эти бояре, как тысяцкий Милонег, построивший в 1185–1191 гг. церковь Вознесения на Прусской улице, вкладывали свои средства в каменную церковь, служившую центром церковной и общественной жизни улицы и прилегающего района. Подобный вид ктитинства был характерен для крупных представителей боярства в XII–XIV вв., когда город «насыщался» каменными храмами. В результате постройки храма боярин и его род получали право на погребение в этом храме. Город же, в основном деревянный, покрывался десятками каменных приходских храмов. Эти храмы составляли лицо Новгорода, они свидетельствовали о его процветании, силе, богатстве, свидетельствовали как своим множеством, так и по отдельности, как крупные (чаще всего) и заметные по своей архитектуре каменные постройки, выделяющиеся не только в застройке улицы, но и в силуэте всего города.

Монастырские церкви, достоверно построенные по боярскому заказу

Другим видом боярского ктитинства было строительство каменного храма в пригородном монастыре, где заказчик и представители его рода получали право на погребение и погребение.

Вот история каменного строительства в Аркажском монастыре, тесно связанном с Прусской

улицей Софийской стороны Новгорода. В 1188 г. Семьон Дыбачевич заложил храм Успения в Аркаже монастыре. В 1395 г. Исаак Онкифов выстроил храм Собора Михаила Архангела в Аркажском монастыре, второй каменный храм этой обители. В 1407 г. в Аркажском монастыре посадник Юрий Дмитриевич и его брат Яков построили каменную церковь Чуда Архистратига Михаила, третий каменный храм этого монастыря, тесно связанного с Прусской улицей. Мы можем только предполагать, что эти заказчики – представители одного клана. Возможно даже, что они принадлежали к разным кланам Прусской улицы, связанным друг с другом родством и свойством, но все же разным. В любом случае, мы видим обитель с боярским ктитинством, обитель с тремя каменными храмами.

В 1207 г. Федор Пинещинич поставил храм в Пантелеймонове монастыре.

В 1310 г. на средства «Олония мнеха, нарицаемого Сшкила» был построен каменный храм и основан монастырь Покрова на речке Дубенка.

В 1345 г. Окинфом Жабиным был заложен храм в монастыре Спаса на Ковалёве. В 1380 г. церковь Спаса-Преображения была расписана по заказу Офонасья Степановича и его жены Марии.

В 1365 г. Лазутой была построена каменная церковь в монастыре Николы на Лятке, а в 1367 г. тем же Лазутой была построена монастырская церковь Петра и Павла на Славне.

В 1371 г. Наталья, «Андреевская жена», поставила каменный монастырский храм Андрея Юродивого на Ситке.

В 1397 г. Исаак Онкифов (который в 1395 г. выстроил храм в Аркаже монастыре) построил церковь Рождества Богородицы в вошедшем после сооружения валов в городскую черту Десятинном монастыре. В 1413 г. в Десятинном монастыре Иваном Морозом была построена церковь Зачатия Иоанна Предтечи.

В 1398 г. Михаил Крупа выстроил церковь Николы в Никольском «с Поля» монастыре.

В 1421 г. по заказу Исаака Онцифоровича была сооружена монастырская церковь Богоявления на Поле.

Строительство в Колмове монастыре развивалось следующим образом: посадник Юрий Онцифорович, достоверно связанный с Неревским концом, основал фамильный монастырь на Колмове и построил деревянную церковь Успения в 1392 г. Спустя 25 лет, в 1417 г., тот же Юрий Онцифорович возвел рядом с церковью Успения, по-видимому, все еще деревянной, каменный храм Троицы. Его сын Михаил Юрьевич в 1419 г. построил около Колмова монастыря деревянный приходской храм Михаила Архангела. Вдова Михаила Юрьевича, Настасья Михайлова, в 1423 г. выступила заказчицей второго каменного храма родовой обители – церкви Успения.

В 1422 г. были построены два каменных храма в новгородских пригородных монастырях: церковь

Воскресения в Благовещенском монастыре была сооружена на средства некоего чернеца Давыда Дмитриевича, а церковь Воскресения в Павлове монастыре, вошедшем с построением валов в городскую черту, была построена (по не до конца достоверному позднему свидетельству) по заказу Даниила Ивановича Божина «с товарищи».

В 1463 г. тысяцкий (потом он стал посадником) Яков Игнатьевич Лозьев поставил храм Образа в монастыре на Поле недалеко от Торговой стороны.

Итак, видим строительство как в городских (когда-то бывших загородными) монастырях, но уже включенных в круг валов и стен или хотя бы в городскую застройку, так и в пригородных обителях. Заказчиками выступают в основном посадники и известные бояре, хотя встречаются и такие лица, как Лазута, Окинф Жабин, Исак Онкифов, Иван Мороз и Исаак Онцифорович (?), которые по другим источникам не известны: общественная жизнь этих лиц сводилась, таким образом, к богоугодным делам, к постройке каменных церквей. Мы можем предположить, что строительство в монастырях часто осуществляли лица, достигшие вершин новгородской политики (такие, как прусский посадник Юрий Дмитриевич и неревский посадник Юрий Онцифорович), заботившиеся о создании и украшении фамильной обители-усыпальницы и места своего упокоения, но столь же, если не более частыми заказчиками были бояре, сосредоточившиеся на благочестивой жизни, а потому не проявившиеся в жизни общественной, политической. Некоторые из этих лиц, такие как Лазута и Исаак Онцифорович, смогли построить по два монастырских храма. В качестве заказчиков монастырских храмов появляются, что закономерно, и уже ушедшие в монашество бояре.

Боярские жены или вдовы

Боярских жен или вдов как заказчиц, финансирующих каменное строительство, мы видим в четырех случаях: в 1307 (1308) г. это была вдова Якимы Столбовича, построившая приходскую церковь Святых Отцов на Княжем Дворе в Славенском конце Новгорода, в 1360–1361 гг. это была Наталья Андреева, построившая вместе с сыном приходской храм Федора Стратилата на Федоровой улице в Плотницком конце; она же в 1371 г. выстроила каменный храм Андрея на Ситке в пригородном монастыре. Наконец, Наталья Михайлова, вероятно, вдова боярина Михаила Юрьевича из боярского клана Неревского конца, возвела в 1423 г. каменный храм Успения в пригородном Колмовом монастыре.

Настенные росписи

Отдельно скажем о настенных росписях. Имеется множество свидетельств владычного заказа ро-

списей. Боярский заказ упоминается много реже, но все же мы имеем прямые свидетельства боярского ктиторства при украшении стен как городских, так и монастырских, пригородных каменных храмов (мы приводим здесь сообщения без ссылок, поскольку ссылки приведены выше).

Прежде всего, укажем на позднее, но, по всей видимости, достоверное сообщение о росписи приходской церкви Вознесения на Прусской улице, которую заложили в 1185 г. и, как сообщает синодик, называющий несколько боярских имен, «подписаха настенным подписанием греческими изуграфы пречудно вельми».

В 1227 г. по заказу боярина Вячеслава Прокшичи был расписан приходской храм Сорока Мучеников в Неревском конце.

В 1363 г. по заказу ильинцев, жителей Ильиной улицы, была расписана церковь Знамения на Ильине улице; в сообщении о росписи упоминается староста храма, Филиск (Феликс?) Давыдович.

В 1378 г. боярин Василий Данилович Машков вместе с уличанами Ильиной улицы выступил заказчиком осуществленной Феофаном Греком росписи церкви Спаса на Ильине улице, построенной в 1374 г.

В 1380 г. по заказу Афанасия Степановича и его жены Марии был расписан монастырский храм Спаса на Ковалёве, построенный в камне в 1345 г. Окинфом Жабиным.

Мы имеем, таким образом, всего пять примеров боярского заказа для росписей, но эти примеры дают возможность представить общую картину: новгородские бояре заказывают росписи как крупных приходских храмов, очевидно построенных на их средства (в тех или иных комбинациях с другими заметными прихожанами), так и соборов пригородных монастырей, где они, очевидно, выступали родовыми ктиторами. В некоторых случаях мы можем предположить связь между зафиксированным ктиторством, касающимся строительства каменного храма, и ктиторством росписи. Так, в построенной в 1360–1361 гг. тысяцким Семеном Андреевичем и его матерью Натальей церкви Федора Стратилата на Федоровой улице роспись была осуществлена греческим мастером до 1378 г. (сохранилась надпись-граффити с этой датой)¹⁷⁶, что позволяет предположить, что заказчиками этого храма и заказчиками росписи выступали одни и те же лица (то есть тысяцкий Семен Андреевич и его мать Наталья), представители одной и той же боярской семьи, строившей и украшавшей храм своей улицы, своего прихода. С большой долей вероятности мы можем предполагать, что и некоторые другие храмы вто-

¹⁷⁶ Царевская Т. Ю. Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М., 2007. С. 291–294; Приложение к этой книге: Рождественская Т. В. Надписи и рисунки в церкви Феодора Стратилата на Ручью. С. 351.

рой половины XII–XV в. получали настенные росписи. Так, церковь Пантелеймона в Пантелеймоновом монастыре, сруженная в 1207 г. на средства Федора Пинецинича, вскоре после окончания постройки была расписана фресками, остатки которых сохранились на нижних частях стен храма и встречены в большом количестве в виде обломков в культурном слое. И здесь мы можем предполагать, что роспись осуществлена за счет ктитора каменного храма, то есть за счет Федора Пинецинича.

Боярские погребения в городских храмах

Следует сказать и о погребениях в храмах. Как известно, это были погребения выдающихся личностей и ктиторов храмов. Сведения о них не слишком часты, но и из имеющегося ограниченного материала мы можем создать примерную картину. Относительно городских, приходских храмов нам известно очень немного. В Софийском соборе был погребен посадник Степан Твердиславич, положенный в 1243 г. в Мартирьевской паперти¹⁷⁷. В 1269 г. в той же Софии Новгородской положили тело посадника Михаила Федоровича, убитого в битве при Раковоре¹⁷⁸.

Мы уже приводили сведения из синодика о погребениях ктиторов церкви Вознесения на Прусской улице, сооруженной в 1185–1191 гг., в «настенных гробах», то есть, по нашему мнению, в аркосолиях, специально устроенных в стенах храма. Помимо этого, относительно позднего (по времени создания), известия мы имеем сведения о погребении в церкви Сорока Мучеников в Неревском конце в 1342 г. посадника Варфоломея Юрьевича; это погребение было осуществлено «в отне гробе», то есть отец Варфоломея Юрьевича, посадник Юрий Мишинич, тоже был похоронен в своем приходском храме. Больше сведений о боярских погребениях в городских храмах мы не имеем, но они, безусловно, были, о чем свидетельствует примыкавшая к южному фасаду церкви Федора Стратилата на Федоровой улице палатка, в которой были помещены ладьевидные каменные саркофаги, в которых покоились члены семьи ктиторов храма¹⁷⁹; вероятнее всего, тут же были погребены и Наталья Андреева жена и ее сын, тысяцкий Семен Андреевич, создавшие приходскую церковь в камне в 1360–1361 гг. и, по всей видимости, заказавшие ее роспись в 1360-е или 1370-е гг.

¹⁷⁷ НПЛ. С. 79: «Того же лѣта, мѣсяца августа въ 16 преставися рабъ божи Стефанъ, посадник новгородскыи, Твердиславичъ, внукъ Михалковъ, в недѣлю, в 1 час ночи, на память святою Павла и Ульяны, въ притворѣ святыя Софьи, идеже Аркадии и Мартурии архиепископа лежита; посадничавъ 13 лѣт безъ 3 мѣсяць».

¹⁷⁸ НПЛ. С. 318: «Новгородци же стаха на костех 3 дни, и приидоша в Новъгород, привезоша братью свою избиненых, и положиша посадника Михаилу у святѣи Софѣи».

¹⁷⁹ Седов Вл. В. Церковь Федора Стратилата в Новгороде // Архив архитектуры. Вып. IX. М., 1997. С. 25.

Боярские погребения в монастырских храмах

Еще во второй половине XII в. складывается обычай погребения посадников и значительных бояр в пригородных монастырях. Поначалу боярские погребения появляются в Юрьеве монастыре, до 1136 г. бывшем княжеским, а потом ставшем важнейшей обителью боярского Новгорода. В 1204 г. в монастырском соборе был погребен принявший перед смертью монашеский чин посадник Мирошка¹⁸⁰. В 1209 г. рядом с отцом в соборе погребли тело посадника Дмитрия Мирошкинича, умершего во Владимире и привезенного в Новгород¹⁸¹. В 1230 г. в соборе Юрьева монастыря погребли убитого во время внутригородской междоусобицы посадника Семена Борисовича¹⁸².

В основанном в 1192 г. Алексой Михайловичем, принявшим монашеское имя Варлаам, Спасском монастыре на Хутыни были погребены три члена важнейшего рода Неревского конца. Заметим, что два из них – Прокша Малышевич и Вячеслав Прокшинич – были создателями приходского храма Сорока Мучеников в Неревском конце. Но они решили постричься перед смертью в монахи и быть погребенными не в городском храме, а в монастырском соборе, сооружению которого, они, вероятно, способствовали. В 1207 г. в Спасском соборе на Хутыни был погребен постригшийся перед смертью в монахи Прокша Малышевич¹⁸³. В 1243 г. у святого Спаса был похоронен Вячеслав Прокшинич, принявший монашество под именем Варлаам¹⁸⁴. В 1247 г. в соборе на Хутыне был положен сын Вячеслава Прокшинича, Константин Вячеславович, принявший монашеский чин с именем Анкудин¹⁸⁵.

В Аркаже монастыре в церкви Успения Богородицы в 1206 г. был погребен посадник Михалко Степанович, принявший перед смертью монашеский

¹⁸⁰ НПЛ. С. 246: «Того же лѣта преставися Мирошка, посадникъ новгородчкыи, примѣши мнишькыи чинъ, и положенъ бысть в монастырѣ святого Георгия».

¹⁸¹ НПЛ. С. 248: «Того же лѣта привезоша Дмитра мертваг Мирошкиница из Володимира и поребоша и у святого Георгия в манастырѣ, подлѣ отца».

¹⁸² НПЛ. С. 277: «а заутра убиша Смена Борисовица въ 9, на зачатие святыя Анны, а домъ его розграбиша всь и села его, а жену его яша, а самого погребоша в манастыри святого Георгия; и такоже и се створиша».

¹⁸³ НПЛ. С. 247: «В то же лѣто прѣставися рабъ божи Перфурии, а мирское Прокша Малышевиць, постригъся у святого Спаса на Хутинѣ, при игумнѣ Варламѣ; а покой господи душу его въ царствии небеснѣмъ».

¹⁸⁴ НПЛ. С. 79: «Преставися рабъ божи Варламъ, а мирскы Вячеславъ Прокшиничъ, на Хутинѣ у святого Спаса, мѣсяца мая въ 4; а погребенъ бысть заутра, въ 5, на память святыя Ирины, архиепископомъ Спиридономъ и игуменомъ Сидоромъ, при князи Александрѣ».

¹⁸⁵ НПЛ. С. 79: «Преставися рабъ божи Костянтинъ Вячеславличъ, а чернецьское имя Анкудин; и положенъ бысть честно у святого Спаса на Хутынѣ».

чин¹⁸⁶. Его сын Твердислав в 1220 г. также постригся по болезни в Аркаже монастыре, где, вероятно, и был погребен. В то же самое время его жена постриглась в Варварине монастыре¹⁸⁷. Интересно, что в 1219 г. Твердислав Михайлович с братом Федором заложил каменный храм Михаила Архангела на Прусской улице, оконченный в 1224 г., тогда как в 1218–1219 гг. была выстроена каменная церковь Варвары в Варварине монастыре на Черницыной улице Людина конца. Мы видим, что боярин, построивший каменный храм, удаляется все же в тот, очевидно, родовой монастырь, где уже погребен его отец, тогда как его жена, вероятно, заранее украсила каменным храмом городскую обитель, в которую удалилась одновременно с мужем. Думаем, что Твердислав был погребен в Аркаже монастыре, а его жена – в Варварине монастыре.

«Повесть о посаднике Щиле» рассказывает о создании монастыря посадником Щилом (напомним, что по летописному сообщению заказчиком Покровской церкви Шилова монастыря был чернец) и одновременном построении в нем каменной церкви (посадник «наятъ же дѣлатели многи и созда церковь»), в которой для заказчика был устроен гроб «в стене»¹⁸⁸ (то есть аркосолий – как в случае с «настенными гробами», упоминающимися в Синодике, рассказывающем о построении церкви Вознесения на Прусской улице). «Повесть», несомненно, отражает реалии новгородской жизни: основание боярином монастыря и одновременную постройку в нем каменного храма, в котором сооружается и «гроб в стене» для заказчика.

Наконец, в 1392 г. в июне умер посадник Василий Федорович, принявший перед смертью монашеский чин, он был положен «у святого Николы»¹⁸⁹. Этот монастырь В.Л.Янин определяет как обитель Николы на Поле, основанную в 1390 г. Правда, вызывает удивление то, что храм в монастыре на Поле к моменту вероятного погребения в нем посадника Василия Федоровича был еще деревянным: только в 1398 г. Михаил Крупа выстроил в камне церковь Николы в конце Легощи и Чудинцевой улиц.

¹⁸⁶ НПЛ. С. 246: «Преставися посадник новгородчкыи Михалко, маа въ 18, примши мнишьскыи чинъ, и наркоша имя Митрофанъ, и положенъ бысть у святѣи Богородици въ Оркажи манастыри».

¹⁸⁷ НПЛ. С. 262: «Твердислав же съшедся съ княземъ в любовь, и лишиша посадничества: немощенъ бо бяше; и даша посадничество Иванку Дмитровичю; в тои же немощи пребысть 7 недѣль, и прия и болшую немощь; и утаивься жены и дити, и абие поиде в манастырь къ святѣи Богородици въ Аркажъ, февраля въ 8 день и пострижеса. Тогда же и жена ег въ друзѣмъ манастырѣ у святѣи Варварѣ пострижеса».

¹⁸⁸ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 1. СПб., 1860. С. 21.

¹⁸⁹ НПЛ. С. 385: «Того же лѣта преставися посадникъ Василии Федорович, примши мнишьскыи чин, мѣсяца юния, и положиша у святого Николы».

В духовной грамоте Орины XV в. говорится о том, что правнучка посадника Юрия Онцифоровича «приказала» (завещала) свои земли в монастырь, «где живет отец мой и матери моя и род мой»¹⁹⁰, что надо понимать как наличие в монастырских храмах семейной усыпальницы боярского рода Онцифоровичей.

В новгородских пригородных монастырях боярские некрополи известны и по археологическим данным. В Георгиевском соборе Юрьева монастыря изучен ряд боярских погребений в плинфяных саркофагах¹⁹¹. Известны погребения в саркофагах в храмах Аркажа монастыря¹⁹². В южном притворе церкви Спаса-Преображения в монастыре на Ковалёве, пристроенном около 1380 г. (когда храм был распisan по заказу Офанасия Степановича и его жены Марии) к построенному в 1345 г. Окином Жабиным основному объему храма, под полом открыта боярская усыпальница с ладьевидными саркофагами¹⁹³. Очевидно, в притворе были погребены и заказчики росписи и их родственники. В последнее время изучались боярские некрополи и отдельные погребения в саркофагах в Благовещенском на Мячине и Пантелеймонове монастырях¹⁹⁴.

¹⁹⁰ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 15–16.

¹⁹¹ Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935) // СА. VIII. М.; Л., 1946. С. 175–244.

¹⁹² Орлов С.Н., Красноречьев Л.Е. Археологические исследования на месте Аркажского монастыря под Новгородом // Культура и искусство Древней Руси : сборник статей в честь профессора М.К. Каргера. Л., 1967. С. 69–76; См. также: Сережникова Д.С., Пежемский Д.В. Ладьевидные саркофаги Великого Новгорода // Великий Новгород и Средневековая Русь : сб. статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009. С. 200–219.

¹⁹³ Романцев И.С. Ковалёвская находка // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 1. Новгород, 1908. С. 79–84; Каргер М.К. Новгород Великий. М.; Л., 1961. С. 258–260; Седов Вл.В. Церковь Спаса-Преображения на Ковалёве // Новгородские древности. Вып. V. Архив архитектуры. Вып. XI. М., 2000. С. 47–80.

¹⁹⁴ Седов Вл.В., Вдовиченко М.В., Пежемский Д.В. Архитектурно-археологические и антропологические исследования у церкви Благовещения на Мячине близ Новгорода в 2004 г. // Новгород и Новгородская земля : история и археология. Вып. 19. Великий Новгород, 2005. С. 31–41; Вдовиченко М.В., Пежемский Д.В., Седов Вл.В. Архитектурно-археологические исследования у церкви Благовещения на Мячине близ Новгорода // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С. 19–21; Седов Вл.В. Открытие древней обители: архитектурно-археологические исследования Благовещенского монастыря близ Великого Новгорода // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. 4 (53). С. 184–195; Седов Вл.В., Вдовиченко М.В., Мерзлютина Н.А. Раскопки Благовещенского монастыря на Мячине и собора Пантелеймонова монастыря в 2007 г. // Новгород и Новгородская земля : история и археология. Вып. 22. Великий Новгород, 2008. С. 38–52; Седов Вл.В., Вдовиченко М.В., Мерзлютина Н.А. Работы Новгородского архитектурно-археологического отряда НАЭ в 2008 году // Там же. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 162–174; Седов Вл.В., Вдовиченко М.В., Мерзлютина Н.А. Архитектурно-археологические исследования нов-

Бояре-монахи как заказчики

Мы видели, что многие посадники перед смертью принимали монашеский чин. Но были и случаи, когда бояре уходили в монастырь задолго до смерти, в этих случаях в качестве заказчиков каменных церквей в пригородных монастырях выступали уже монахи. Мы знаем трех заказчиков каменных храмов, уже бывших монахами: Варлаама, до того бывшего Алексой Михайловичем, основавшего в 1192 г. Спасский монастырь на Хутыни и выстроившего там каменный храм, монаха Олония по прозвищу Сшкил (прототип посадника Щила), возведшего в 1310 г. церковь Покрова в монастыре на Дубенке (Шиловом), и чернеца Давыда Дмитриевича, построившего в 1421/1422 г. церковь Воскресения в Благовещенском (на Мячине) монастыре.

Боярское попечение о городских и монастырских храмах

И приходским, и монастырским церквям заказчики дарили земли. Об этом говорит «Повесть о Благовещенском монастыре», рассказывающая об основании обители во второй половине XII в. братьями Ильей и Гавриилом, которые «сель довольно куписта, и предаста монастырю»¹⁹⁵. Об этом же говорит и Синодик, повествующий о построении в конце XII в. церкви Вознесения на Прусской улице, для которой ктитория: «и села со многими имением даша на подтверждение той святей церкви, иже бы непоколебимо пребывати на веки, тако и на пропитание служителям той святыя церкви»¹⁹⁶.

городских Благовещенского и Пантелеймонова монастырей в 2009 г. // Там же. Вып. 24. Великий Новгород, 2010. С. 50–62; Седов Вл. В., Вдовиченко М. В., Мерзлютина Н. А. Археологические исследования Благовещенского и Пантелеймонова монастырей в 2010 году // Там же. Великий Новгород, 2012. С. 60–76; Седов Вл. В., Вдовиченко М. В., Мерзлютина Н. А. Архитектурно-археологические раскопки в Пантелеймоновом монастыре в 2011 году // Там же. Великий Новгород, 2012. С. 77–99; Седов Вл. В., Вдовиченко М. В., Мерзлютина Н. А. Архитектурно-археологические раскопки Пантелеймонова и Благовещенского на Мячине монастырей и разведки средневековых каменных зданий в 2012 г. // Новгород и Новгородская земля: история и археология: материалы научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского. Великий Новгород, 22–24 января, 2013 г. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 60–79. См. также: Сережникова Д. С., Пежемский Д. В. Ладьевидные саркофаги Великого Новгорода // Великий Новгород и Средневековая Русь: сб. статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 200–219.

¹⁹⁵ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 175; Повесть о построении Благовещенского монастыря в Новгороде // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под редакцией Н. Костомарова. Вып. 1. СПб., 1860. С. 258.

¹⁹⁶ Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860. С. 186–187; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 208.

Нам известно несколько новгородских грамот, чуть приоткрывающих условия и мотивы ктитория. Укажем на составленную в начале XV в. духовную грамоту некоей Марфы на завещанные Николо-Корельскому монастырю села на Лявле острове и в Конечных и рыбные ловли: «Во имя отца и сына и святого духа. Се язъ раба божия Марфа списахъ рукописание при своемъ животѣ. Поставила есми церковь храмъ святого Николы в Корѣльскомъ на гробехъ дѣтеи своихъ Онтон да Филипса. А дала есми в домъ святого Николѣ куплю мужа своего Филипа: на Лявле островѣ село, да в Конечныхъ два села, и по Малокурью пожни и рыбны[e] ловища, а по церковной сторонѣ и до Кудми, и вверхъ по Кудми и до озера, и в Неноксѣ мѣсто за сеникомъ, и дворище и полянка. А приказываю домъ святого Николы господину своему деверю Федору Григорьевичю и его дѣтемъ, и Дементю Обакуновичю, и зятю своему Офромѣю Васильевичю. А на то богъ послухъ и отецъ мои духовныи игумень Василеи святого Спаса. А хто се рукописание преступитъ или посудитъ, а наши памяти залягутъ, сужуся с нимъ предъ богомъ в день страш[н]аго суда»¹⁹⁷. Из этой грамоты видно, что храм Николы (очевидно, деревянный) был поставлен этой боярыней «на гробехъ» ее детей; заботу о монастыре Марфа поручает своим родственникам, деверю и зятю.

Укажем также на данную грамоту (1459–1469 гг.) Марфы Борецкой, жены Исака Андреевича, и сына ее Федора Соловецкому монастырю на два «лука» в реке Суме, в которой условием дарение называется вечное поминовение умершего мужа Марфы, Исака Борецкого, родителей самой Марфы Борецкой, а также ее детей; кроме того монастырь должен был ставить «обед» на Дмитриев день – очевидно, как поминование казненного великим князем Московским Иваном III сына Марфы, Дмитрия Исаковича:

«Се язъ Марфа, Исака Ондръевича жена, и сынъ мои Федоръ Исаковъ, дали есмя в домъ святому Спасу и пречистѣи его матери и святого Николы на Соловки игумену Ионѣ и старцамъ на морѣ в Сумѣ рѣки у чясовни два лука земли, гдѣ Парфѣико да Першица живутъ. Ино тои деревни земли страдамыи, и пожни, и лѣсъ полѣшеи, и ловища водные, и лѣшеи озера, тьи два лука, в домъ святого Спаса и пречистыя его матере и святого Николы по сеи данои моей грамотѣ володѣти игумену и старцамъ и в вѣки. А поминати имъ мужа моего Исака, и родители моихъ, да и дѣтеи моихъ. А ставити имъ обѣдъ на Дмитръевъ день»¹⁹⁸.

Сохранилась данная грамота Устиньи Осиповой жены (1466–1467 гг.) Спасо-Нередицкому монастырю на землю на Пчеве, в которой помимо подаренной земли говорится о вложенных в обитель

¹⁹⁷ ГВНИП. С. 185–186 (№ 129).

¹⁹⁸ ГВНИП. С. 300 (№ 307).

1 тысяче белок – для устройства новой кровли для старого, еще конца XII в., монастырского храма; в грамоте оговаривается, что на вложенные земли монастырь должен сохранять вседневную службу и ставить обеды в дни святых, тезоименитых самой Ульяне и ее родственникам: «Се я раба божия Устиния, Осипова жена, Дмитриева матка, дала есми землю на Пчевѣ в домъ святого Спаса в Нередицы на вседневную службу. И еще есми дала двѣ тысячи бѣлки на кровлю дому святого Спаса. А кто будетъ от дому святого Спаса игумены и черноризцы, держати имъ в дому святого Спаса вседневная служба. А ставити им на годъ четыре обѣды, а служити имъ соборомъ: а ставити имъ обѣдъ на память святого апостола Авилы, мѣсяца юня въ 14 день; а другои обѣдъ на память святого апостола Иакова, брата господня, месяца октября въ 23 день; а третей обѣдъ на память святого мученика Димитрія, мѣсяца того жь 26 день; а четвертой обѣдъ ставити на память святых мученицы Иустины, мѣсяца октоврия въ 2 день. И милостыни давати по силѣ. А не почнутъ игумены, и священники, и черноризцы святого Спаса Нередицкого монастыря тѣхъ обѣдовъ ставити и памяти творити, и судятся пред богомъ со мною в день страшнаго суда. А дала есми тую Пчевскую землю и тыи бѣлки въ 7970 пятые»¹⁹⁹.

Укажем также на духовную грамоту Орины, данную в середине XV в. Колмовскому монастырю на две волости; этот вклад правнучка посадника Юрия Онцифоровича, основавшего обитель в 1392 г., дала в тот монастырь, где ее предки построили две каменные церкви²⁰⁰; в грамоте говорится о том, что правнучка посадника Юрия Онцифоровича «приказала земли в монастырь, «где живет отец мой и мати моя и род мой», что надо понимать как «где лежит отец мой и мати моя и род мой», то есть где расположены погребения рода Онцифоровичей.

Мы видим, что бояре обустроивали свои частные монастыри каменными (и деревянными) храмами, вкладывали имущество, деньги и села в монастыри; мы знаем, что они снабжали средствами и селами как приходские церкви (сообщение о строительстве церкви Вознесения на Прусской 1185–1191 гг.; «и божественными иконами и всякою церковною утварию украсиша, якоже лѣпо бѣ, и села со многими имѣнием даша на подтверждение той святѣй церкви, иже бы непоколебимо пребывати на вѣки, также и на пропитание служителемъ той святых церкви»²⁰¹), так и городские монастыри и их храмы

(сообщение о строительстве в 1421/1422 г. церкви Воскресения в Павлове монастыре, находившемся уже в городской черте; «Они (заказчики. – В. С.) же к той церкви и села свои предаша, вечно по своих душах и вечнаго ради поминовения родителей своих»)²⁰². Бояре снабжали селами и загородные монастыри и их храмы, о чем говорит «Повесть о Благовещенской церкви» XV в., повествующая о том, что основатели Благовещенского монастыря, братья Илья и Гавриил, «тажъ и сель довольно куписта и предаста монастырю»²⁰³. Но были, видимо, и более сложные интенции для создания каменных храмов. Так, летописное сообщение о постройке Яковом Игнатьевичем Лозьевым в 1463 г. монастырского храма Образа на Поле говорит о побудительных причинах новгородского тысяцкого: «сий Яковъ ревнуя божиимъ рабомъ церковнымъ строителемъ и милостивымъ к нищимъ, таже желая рабъ Христовъ Яковъ церковь Божию устроити во имя Образа Господня нерукотворенаго во славу Божию и Образу Господню, а собѣ такоже в память в сей вѣкъ и въ будущей»²⁰⁴. «Память в сей век и в будущей» здесь нужно понимать именно как церковную память, как поминальные службы, а вот ревность к «прежним церковным строителям и милостивым к нищим» может служить примером глубоко личного мотива строительства.

Общая картина

Конечно, для Новгорода трудно создать столь же яркую и насыщенную деталями и красками картину, какую мы видим (впрочем, не для архитектуры) в книге Якоба Буркхардта «Культура Возрождения в Италии»²⁰⁵, и в работах Йохана Хейзинги «Осень Средневековья»²⁰⁶ и «Культура Нидерландов в XVII веке»²⁰⁷, которые служат для нас ориентирами, но ведь Новгород не имеет такой источниковедческой базы (и, конечно, не знал Возрождения), а потому его культуру и художественную жизнь можно реконструировать по скудным, хотя и многочисленным, летописным сведениям, отрывочным сообще-

гунова. СПб., 2004. С. 380–383. См. также: Преображенский А. С. Ктиторские портреты средневековой Руси, XI – начало XVI века. М., 2012. С. 226–228.

²⁰² ПСРЛ 31. С. 101–102.

²⁰³ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 175; Повесть о построении Благовещенского монастыря в Новгороде // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под редакцию Н. Костомарова. Вып. 1. СПб., 1860. С. 257, 258.

²⁰⁴ ПСРЛ 16. Стлб. 213.

²⁰⁵ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. М., 1996.

²⁰⁶ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988.

²⁰⁷ Хейзинга Й. Культура Нидерландов в XVII веке. Эразм. Избранные письма. Рисунки. СПб., 2009.

¹⁹⁹ ГВНИП. С. 176–177 (№ 119).

²⁰⁰ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 15–20.

²⁰¹ Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860. С. 186–187; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 208; Сказания Новгорода Великого. Составление, перевод, комментарии Ю. К. Бе-

ниям других источников и по самим памятникам искусства и архитектуры, вместе с письменными источниками образующим некую сетку координат, которую можно набросить на пока все еще не структурированный массив новгородской средневековой культуры.

Очень трудно предпринять на новгородском материале такое прямое сопоставление какой-нибудь постройки (это, скорее всего, будет храм) с заказчиком, с его судьбой, с его успехами и поражениями, как это сделано на материале нескольких английских замков в недавней книге Марка Морриса²⁰⁸. Еще труднее на таком ограниченном и еще не до конца «проявленном» материале строить историко-философские концепции, такие, как в работе Ипполита Тэна «Философия искусства»²⁰⁹ или в книге Эли Фора «Дух форм»²¹⁰. Очень далеко и до исторической психологии²¹¹ средневекового Новгорода и его культурной жизни.

Но и вырисовывающаяся к настоящему моменту картина ктиторийской деятельности правившего в Новгороде боярства кажется необыкновенно красочной: десятки храмов в самом городе, в том числе – храмов выдающихся размеров и с разработанным фасадным декором, было сооружено на средства «соседей» или «уличан», среди которых преобладали боярские семьи, на средства боярских корпораций, складывавшихся в результате тех или иных походов, а также на средства отдельных представителей того или иного боярского рода. В некоторых случаях один человек успевал выстроить на свои средства два или три храма. В ряде случаев боярские семьи или отдельные бояре выступают заказчиками росписи этих городских храмов. Можно сказать, что за вычетом того, что в Детинце и, реже, в городе было построено на средства и по заказу архиепископа, а также за вычетом тех единичных храмов, что были сооружены на средства купечества, Новгород был в основном украшен каменными храмами, сооруженными боярами. В построенных боярами городских храмах осуществлялись погребения ктиторов, иногда это были целые усыпальницы.

Похожая картина проявляется относительно пригородных монастырей, кольцом окружавших средневековый Новгород: эти почти частные обители получали каменный храм по заказу того или иного боярина. В некоторых случаях мы можем только предполагать связь между заказчиком каменного монастырского храма и росписью его (как в Спасском монастыре на Ковалёве), но в отдельных случаях мы видим, что монастырь украшается

²⁰⁸ Morris M. Castle. A History of the Buildings that Shaped Medieval Britain. London, 2012.

²⁰⁹ Тэн И. Философия искусства. М., 1933.

²¹⁰ Фор Э. Дух форм. СПб., 2001.

²¹¹ См.: Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500 – 1640 : эссе по исторической психологии. М., 2010.

целой серией каменных храмов, созданных отдельными представителями той или иной боярской семьи. Это видно на примере Аркажа и Колмовского монастырей, сооружения которых осуществлены, соответственно, боярами с Прусской улицы и с Неревского конца. В некоторых случаях мы видим, что каменный храм строит уже постригшийся в монахи боярин. Следует указать и на то, что в монастырях внутри каменных храмов и вокруг них складывались боярские некрополи.

Монастыри были своеобразным отражением новгородской жизни: они в своем большинстве, за исключением общегородских (таких, как Юрьев) и особых владычных обителей, строились на средства боярства, дававшего средства на постройку каменных храмов и их роспись, бояре уходили в эти монастыри на покой и погребались в них, создавая особые некрополи.

Бояре были главными ктиторами новгородской каменной архитектуры. Можно утверждать, что удивительный облик Новгорода с десятками каменных храмов в самом городе и десятками каменных же храмов, воздвигнутых в окружающих город кольцом монастырях, был создан прежде всего новгородским боярством. Его свободные денежные средства, его энергия нередко были направлены на сооружение и украшение (в том числе – фресками) каменных храмов в городе и его округе. И эти средства, эта энергия отражались в облике созданных по боярскому заказу храмов, они придавали определенный размах прежде всего городским, приходским храмам, таким, как церковь Федора Стратилата на Федоровой улице и церковь Спаса на Ильине улице. В монастырях масштаб был скромнее, но в некоторых случаях мы встречаемся с усложнением монастырской композиции, где на небольшом пространстве стояло два или даже три каменных храма. Можно говорить о боярской широте, о боярских амбициях, выразившихся в количестве построенных храмах, в некоторых случаях – в их больших размерах и в том, что эти храмы были украшены настенной росписью.

Возможно, следует говорить и о своеобразном боярском направлении в искусстве, прежде всего, в архитектуре Новгорода (и, заметим, соседнего Пскова), два периода расцвета которого приходятся на конец XII – начало XIII в. и на вторую половину XIV – начало XV в. В эти периоды боярское искусство преобладает или прямо соревнуется с искусством, связанным с архиепископским двором и прямым владычным заказом. Это преобладание количественное и вкусовое. В другие периоды, в первой половине XIV в. и середине XV в., преобладает владычное искусство.

Следует сказать, что функцию аристократического отбора искусства высокого и утонченного в Новгороде выполнял владычный заказ. Боярство же

представляет заказ не столько аристократический по духу (в новгородской архитектуре боярского направления мы не увидим проявлений художественного аристократизма, особой изысканности форм), сколько аристократический по своей исключительности и амбициозный по масштабам построенного. В боярском заказе мы видим проявление характера новгородского правящего класса, верного традиции, старине, живущего в соответствии с давно заведенным распорядком, в котором собственно городская жизнь с ее столкновениями на вече и бесконечной борьбой группировок преобладала над жизнью остальной Новгородской земли, в которую бояре выбирались для руководства отдаленными вотчинами или защиты рубежей. И эта городская жизнь, на которой были сосредоточены интересы боярства и которую в основном фиксируют новгородские летописи, отражалась как в городских храмах, массивных и величественных, так и в пригородных монастырях с их небольшими храмами, часто являвшимися сколками с городских, но иногда группированными в сложные композиции.

Для нашего исследования нужно подчеркнуть аристократический характер заказа новгородского боярства, отодвинувшего все другие классы и группы новгородского общества (кроме архиепископа и его окружения) от каменного строительства, но одновременно нужно указать еще раз на то, что аристократизма художественного в постройках боярства мы не обнаружим, что роднит боярское строительство Новгорода с культовым строительством нобилитета северогерманских городов: в Любеке и Штральзунде, Висмаре и Ростоке мы, как и в Новгороде, в церквях не обнаружим особой тонкости, аристократизма форм, но найдем большие размеры, необычную силу и смелость композиций, особое

проявление художественного жеста, выразившееся в монументальности и декларативности построек, их подчеркнутой формульности. Это сходство в художественном проявлении заказа новгородского боярства и нобилей ганзейских городов заставляет задуматься о том, что в сфере искусства (а может, и в некоторых других сферах) новгородское боярство было ближе не к феодальному классу (каким, безусловно, являлось), сколько к классу городского нобилитета: городская жизнь, вероятно, накладывала свой отпечаток на новгородский правящий класс.

Особый характер новгородскому зодчеству и боярскому заказу в нем придавал особый градостроительный облик самого Новгорода и его окрестностей: город внутри своих стен был наполнен храмами. Это произошло оттого, что Новгород, как и другие древнерусские города, развивался по византийскому пути, в котором кроме городского собора было еще множество квартальных храмов и частных городских монастырей. Кроме того, идея пригородного монастыря, находящегося вне города, но связанного с ним визуально и тысячью разных других связей, идея столь же византийская, как и идея квартальных храмов, была в Новгороде воплощена очень полно. В результате сложился образ перенасыщенного храмами города огромных размеров (поскольку он зрительно включал монастыри), в котором за каждым храмом стоял тот или иной боярин-заказчик или группа бояр. Это ощущение множественности чрезвычайно важно для понимания атмосферы города и его композиции. И все же в этом множестве, в этом море церквей выделялись отдельные храмы, в которых амбиции или благочестивые замыслы боярских заказчиков сказались с наибольшей полнотой. К таким храмам относится в первую очередь церковь Спаса-Преображения на Ильине улице.

Глава 4

Портреты новгородских бояр-ктиторов

Аристократизм и недвижимость бояр

Мы уже говорили о том, что не очень точно представляем себе происхождение новгородского боярства и границы собственно боярства, в основном, нижние границы, поскольку верхней границы у боярства не было. Понятно, что бояре были замкнутой прослойкой, своеобразным правящим классом, в который попасть было трудно. Были ли случаи попадания людей из более низких групп, например, из житейских людей, в состав боярства, мы не знаем.

Понятно, что для аристократии, каковой новгородское боярство и было, очень важен был вопрос происхождения. В последнее время фразу новгородской летописи о том, что новгородские люди и донныне имеют варяжское происхождение («суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска»)¹, все чаще понимают как свидетельство того, что новгородцы действительно происходили от конкретных варягов или, по крайней мере, вели свое происхождение от варягов; это родство объясняет и тот факт, что в XII в. князья из рода Рюриковичей женились на дочерях новгородских бояр².

В начале XV в. фландрский путешественник рыцарь Жильбер де Ланнуа писал о том, что внутри Новгорода «живет очень много больших синьоров, которых они называют боярами, и там есть такие горожане, которые владеют землей в 200 лье длины, богаты и могущественны удивительно»³. Западные источники говорят о «трехстах золотых поясах», управляющих Новгородом, что, видимо, свидетельствует о численности этой аристократической верхушки Новгорода как города и как земли⁴.

¹ НПЛ. С. 106.

² Молчанов А. А. Ярл Регнвальд Ульвссон и его потомки на Руси. (О происхождении ладожско-новгородского посадничего рода Роговичей-Гюрятиничей) // Памятники старины : Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. СПб.; Псков, 1997. С. 80–84; Гиппиус А. А. «Суть людие новгородци от рода варяжска»: опыт генеалогической реконструкции // Восточная Европа в древности и Средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В.Т.Пашуто, 11–13 апреля 2001 : материалы конференции. М., 2001. С. 59–65; Малыгин П. Д., Гиппиус А. А. К истории новоторжского Рождественского монастыря // Новгород и Новгородская земля. История и археология : материалы научной конференции. Вып. 19. Новгород, 2005. С. 272–278; Гиппиус А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничего рода Гюрятиничей-Роговичей) // Slavica Helsingiensia. 27. The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology / ed. by Juhani Nuorluoto. Helsinki, 2006. P. 98–108.

³ Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века. М., 2005. С. 25–26.

⁴ Лукин П. В. Существовал ли в средневековом Новго-

Новгородский боярин должен был иметь двор в городе. Этот двор стоял в определенном районе, с жителями которого тот или иной боярин был связан родственными и соседскими узами. Этот двор упоминается в завещаниях бояр: в духовной грамоте некоего Климента, составленной не позднее 1270 г., завещатель свой двор отдает жене: «дворъ городьскыи еи ж даю»⁵.

В духовной грамоте Остафия Ананьевича, составленной около 1393 г., тоже упоминается городской двор, но в качестве опорных точек в этом же завещании мы видим, помимо двора, лавку в Хопыльском ряду (то есть на Торгу, вероятно) и голбец, место погребения, отмеченное какими-то сооружениями, может быть, плитами, в церкви Михаила на Михайлове улице Славенского конца: «И дворъ мой городчкии, а то ми з братомъ зъ Григорьемъ наполъ. А что лавка наша на Хопылскомъ ряду и голбець во святомъ Михаилъ, а въ томъ мнѣ з Григорьемъ половина, а Семену половина»⁶.

Этот двор в городе можно было купить, но обстоятельство такой покупки не очень ясно: мы знаем сам факт покупки двора с хоромами на его территории в Новгороде в первой половине XV в.⁷, но, скорее всего, здесь мы видим покупку боярином выморочного или запустелого двора для улучшения своих условий жизни или для приращения усадьбы. Права стать боярином покупка такой городской усадьбы, конечно же, не давала.

Итак, боярин имел городской двор. На этот двор нападали соперничающие бояре и целые концы, его постройки, если противникам удавалось захватить двор, «развозились», то есть разбирались (таким образом боярин хотя бы на время лишался места в

роде «Совет господ»? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 15–27.

⁵ ГВНИП. С. 162–163.

⁶ ГВНИП. С. 166–168. См. комментарий: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 217, 220–221.

⁷ ГВНИП. С. 290. Купчая Максима Попова Фалелеева у Исака Федорова, «приказчика» Терентия Иванова, на двор последнего. «Се купи Максимъ Поповъ Фалелѣевъ у Исака у Федорова, у Терентиева приказника, Терентиевъ дворъ Еванова и с хоромы, одерень себѣ и своимъ дѣтемъ, по еванову рукописанию и по терентиеву рукописанию. А межа тому двору от улицы по Петровыхъ дѣтеи межу по тынь до Борковъскую межу, и по Конанову межу по тынь до Борховъской межи. А дас[тъ] Максимъ Исаку на томъ дворищѣ и на хоромѣхъ полпята рубля. А на то послуи: Синофонте Твердислалъ, Михаило Семеновъ, Нефедья Парфѣевъ, Онтоне Прокопиевъ. А при старощении Максима Сменова и Офрема Маркова».

городе, а, значит, гражданства). Этот боярский двор был связан с ближними и дальними селами довольно интенсивной перепиской, как показывают берестяные грамоты. Кроме того, бояре, видимо, занимались торговлей (и даже, как мы видели, имели места на Торгу), но это не касалось, видимо, дальних операций. И еще у бояр были традиционные места погребений как в городских храмах (что видим не только в летописях, но и по духовной грамоте Остафия Ананьевича), так и в монастырях.

Помимо двора у бояр были обширные владения вокруг Новгорода (летописцы говорят о «селах боярских») в окрестностях города, а также земельные владения в дальних областях Новгородской земли⁸. Иногда в пригородном селе могли существовать большие боярские дворы с хоромами, как узнаем из составленной в третьей четверти XV в. духовной грамоты новгородского посадника Ивана Лукиничина на землю по реке Вишере, завещанную Никольскому Островскому монастырю: «А приказываю на Вешерѣ землю свою куплю во всеи Туровской земли двѣ трети, надъ Вѣшерою рекою село, гдѣ болшой мой дворъ и хоромы»⁹.

В созданном городским двором, приходским храмом и загородным селом (в котором иногда тоже был обширный боярский двор) треугольнике и проходила в основном жизнь боярина. С раннего времени этот треугольник стал превращаться в прямоугольник: еще один угол занял пригородный монастырь, в который уходили на покой те или иные представители боярской семьи и в котором они погребались. В каких случаях предпочтительнее оказывалось погребение в приходском храме, а в каком – в монастырском, мы не знаем, можно только указать на тенденцию увеличения числа боярских погребений в монастырях.

В этой жизни, в основном хозяйственной, храм занимал место противовеса, это было место высших устремлений, место высоких мыслей, место ктиторовской деятельности, во многом связанной именно с этими устремлениями и мыслями. Была еще, конечно, жизнь политическая, в которой в основном мы видим посольства, интриги и схватки на вече, а также полувойенные «походы» в полном вооружении на враждебные дворы, улицы и концы родного города. Были еще военные походы, в которых можно было проявить мужество и героизм, но профессиональными воинами новгородские бояре все же не являлись: они умели воевать, в молодости они участвовали в рискованных походах ушкуйников, но героических воинов в них увидеть все же нельзя: ни летопись, ни фольклор, ни грамоты не дают создать образ боярина-рыцаря.

Итак, боярин ведет политическую жизнь, обусловленную или подкрепленную его хозяйственной

жизнью. Он накапливает богатство, состоящее из двора (постройки которого до начала XV в. были деревянными), сел, определенного количества серебра и мехов. На этом фоне постройка каменного храма, который мог пережить того или иного боярина, – это дело, не сравнимое ни с территориальными приращениями (которых Новгород, похоже, не делал), ни с победами в знаменитых битвах (которых новгородская история или не знает или они были одержаны под руководством и при участии дружины того или иного выдающегося князя), ни даже с постройкой роскошного жилища, городского или загородного, в котором все средства культуры служат выделению личности хозяина. Ничего этого не было или было только в ограниченных масштабах, а потому на фоне повседневности и устоявшейся практики ктиторовство было делом верным и вечным одновременно.

Роскошь

Единственной альтернативой ктиторовству могла быть роскошь. Причем как роскошь жилища, так и роскошь личных вещей и одежды. Относительно жилища новгородцев мы знаем, что оно было деревянным. И жилище боярина отличалось от жилища простого горожанина только тем, что жилище боярина, деревянные хоромы, были несколько больше, а также сложены из более крупных бревен. В остальном мы видим все же довольно небольшие (самые большие размеры дома – 7,5 × 7,7 м) одноэтажные или, быть может, двухэтажные деревянные срубные жилища (четырёхстенные или чаще пятистенные, иногда сгруппированные в так называемые хоромные комплексы)¹⁰, которые отапливались печами, топившимися по-черному.

¹⁰ См. работы Н.Н.Фараджевой, подробно рассматривающей новгородское средневековое домостроительство: Фараджева Н.Н. Становление и развитие строительной культуры древнего Новгорода // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Славянский средневековый город. Т. 2. М., 1997. С. 401–410; Фараджева Н.Н. Типология и эволюция срубных построек древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Новгород, 2000. С. 80–99; Фараджева Н.Н. Четырёхстенные срубные постройки средневекового Новгорода (тенденции их развития) // Новгородские археологические чтения-2 : материалы научной конференции, посвященной 70-летию Новгородской археологической экспедиции и 100-летию со дня рождения А.В.Арциховского. Новгород, 2004. С. 182–191; Фараджева Н.Н. Срубные постройки древнего Новгорода (вопросы сложения и эволюции) // РА. № 1. М., 2007. С.115–125; Faradjeva N.N. Buildings at Troitsky excavations // Wood use in medieval Novgorod / ed. by M. Brisbane and J. Nather. Oxford, 2007. P. 62–105; Фараджева Н.Н. Вопросы формирования и развития пятистенных срубов (по материалам археологических исследований средневекового Новгорода) // Археология Балтийского региона : материалы Международной научной конференции / отв. ред. Н.А.Макаров, А.В.Мастыкова, А.Н.Хохлов. М.; СПб., 2013. С. 194–206. См. также: Шаповалова С.А. Реконструкция новгородской усадьбы начала XIII в. // Новгородские древности. Вып. V. Архив архитектуры. Вып. XI. М., 2000. С. 24–46.

⁸ См., прежде всего: Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

⁹ ГВНИП. С. 177.

Каменные палаты у новгородских бояр появились только в начале XV в. или немногим ранее¹¹. Одной из первых была палата на усадьбе боярина и посадника Юрия Онцифоровича в Неревском конце (начало XV в.); на той же усадьбе было еще одно каменное здание. Известен также каменный терем начала XV в. на Славенском конце, обнаруженный в Нутном раскопе¹². В начале XV в. (после пожара 1419 г.) появился каменный терем на одной из усадеб на Ильиной улице в Славенском конце¹³. К концу новгородской самостоятельности каменных боярских палат стало больше. В ранней редакции жития Михаила Клопского, написанной в середине XV в., есть эпизод, когда Михаил говорит князю Константину Дмитриевичу, что если он построит в Клопском монастыре каменную церковь, то ему на небе будут уготованы каменные полаты: «А устрой ныне чадом церковь камени святую Троицу при себе, а бог тебе устроить на небесе камени полаты невидимы»¹⁴. Этот текст показывает, что в XV в. каменные палаты в самом Новгороде уже были заметны, хотя и воспринимались как нечто исключительное.

В 1472 г. на Князем Дворе рядом с Торгом поставили каменную гридницу, сооружение общественное¹⁵. И уже после потери новгородской самостоятельности при описании последствий пожара 1507 г. на Торговой стороне летописец говорит о многих каменных палатах, развалившихся от огня:

¹¹ Петров Д. А. О каменных гражданских зданиях Новгорода XIV–XVI вв. // Новгородские древности. Архив архитектуры. Вып. IV. М., 1993. С. 151–165.

¹² Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. С. 27 (датирован последней четвертью XIV в.). Г. М. Штендер датировал последнюю четверть XIV в. Г. М. Штендер датировал 1360-ми гг. первоначальную часть каменного терема на Нутной улице по формату кирпича, использованного в постройке. Формат кирпича там был 6,5–7 × 13,5–14 × 29–30 см (Штендер Г. М. Археологические исследования каменного терема на Нутном раскопе // Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. С. 116–122). Однако такой кирпич характерен не для 1360-х гг., когда длина кирпичей была не такой большой, а для начала XV в. (для сравнения см.: кирпич церкви Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. (6–7 × 12,5–14,5 × 28–29 см) и церкви Чуда Архистратига Михаила в Аркажском монастыре 1407 г. (6–7 × 13,5–14,5 × 29–29,5 см)). Терем на Нутной улице был построен, вероятно, в начале XV в. О формате кирпича XIII–XV вв. см.: Антипов И. В., Соленикова Е. В. Формат новгородских брусковых кирпичей конца XIII – середины XV вв. // Древние культуры и технологии : новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб., 1996. С. 121–128.

¹³ Колчин Б. А., Черных Н. Б. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 57–116.

¹⁴ Повести о житии Михаила Клопского. М.; Л., 1958. О датировке первой редакции Жития Михаила Клопского см.: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 185–198.

¹⁵ ПСРЛ 4-1-2. С. 449: «То же лѣта на княжѣ дворе поставиша гридницу каменну».

«мнози же и каменныя полаты отъ великаго пожара развалишася»¹⁶. В 1517 г. польский историк Матвей Меховский писал уже не о боярах, а о купцах Новгорода, у которых он отметил сводчатые подвалы: «Купцы там были, да и до сих пор есть богатейшие, при том настолько, что у каждого близ столовой есть кранц (kranecz), то есть хранилище со сводом (подвал), в который бросают без счета золото, серебро и драгоценные камни»¹⁷.

Как видим, к XV в. стремление к комфорту или хотя бы к прочности жилища стало захватывать новгородское боярство и, видимо, купечество. Но до того только в каменном храме, построенном им самим, боярин мог почувствовать свою силу, свое значение, свою особенность. Он мог посреди этого храма, в котором лежали тела его предков, чувствовать свою связь – как с родом, так и со всем городом, со всей новгородской историей.

Еще одним проявлением роскоши, которое могло отвлекать от возведения каменных церковных зданий, была роскошь материалов и драгоценных металлов. Одновременно это зримое (хотя и скрытое от глаз многих) богатство было основанием храмостроительства. Об этой роскоши мы знаем немного, но дать краткий очерк наших представлений о богатстве бояр мы все же можем.

В новгородских боярских семьях накапливалось значительное богатство. Мы можем судить о нем по немногочисленным письменным источникам, но и они дают представление о значительных вещах и средствах. Так, из духовной грамоты (завещания) боярина Федора Остафьевича (1460-е гг.), жившего, как и его отец, уже упоминавшийся Остафий Ананьич, на Нутной улице Плотницкого конца Новгорода¹⁸, мы узнаем, что его детям и жене доставались специально отмеченные драгоценные вещи: окованный золотом крест (который был завещан младшему сыну Василию), перстень и «колтки» (колты) золотые, отданные жене Евфимии, золотая «колчата» (кольцами) цепочка была завещана старшему сыну Степану, а «другую цепецку золоту враную» отец отдал сыну Василию. Кроме того, в духовной грамоте упоминаются одежды и кони боярина, которые дети должны были разделить пополам, тогда как оставшиеся документы и рукописи («грамоты мои земные и рукописанья») дети должны были хранить вместе. Это не очень большое богатство, но все же значительное.

В новгородских летописях нет постоянного упоминания вещей, кажется, что на вещном мире летописцы почти не сосредотачивались. Отметим только замеченные в сцене встречи Софьи Палеолог пскови-

¹⁶ ПСРЛ 4-1-2. С. 469.

¹⁷ Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века. М., 2005. С. 31.

¹⁸ ГВНИП. С. 169–171.

чами в 1472 году, описанной псковским летописцем, налитые вином кубки и «роги злещеня», подготовленные посадниками псковскими и боярами¹⁹.

Есть описание встречи московского великого князя Ивана III во время похода миром 1475 г. в Софийской второй летописи, где говорится о том, что встречающие великого князя бояре и житьи люди дарили ему меха красного и белого вина²⁰. Городищенский староста подарил князю при встрече бочку белого вина, 250 яблок и блюдо «винных ягод» (винограда)²¹. При поездке архиепископа к великому князю, жившему на Городище, владыка привез в дар: вино, 3 постова ипского (из Ипра?) сукна, 100 корабленников и «зуб рыбей» (моржовый клык)²². На пиру у Василия Шуйского, новгородского служилого князя, великий князь получил от него 3 постова ипского сукна, 3 камки, 30 корабленников и сокола²³. На пиру у владыки Феофила князь получил 150 корабленников, 5 поставов ипского сукна, жеребца, вино и мед.

В Новгородской четвертой летописи содержится также перечень пиров, данных новгородскими правителями в честь приехавшего в 1475 г. в Новгород «с миром» великого князя Ивана III. Во время этих пиров хозяева, архиепископ и бояре, вручали великому князю подарки, примерно такие же, как описаны Софийской второй летописи: в основном золотые монеты (корабленные, или корабленники), сукно ипское, еще какое-то особое, рудожелтое сукно ипское, камку, жеребцов, лошаков серых и белых, «зуб рыбей», кречетов и соколов, соболиные меха, бочки меда, а также красное и белое вино²⁴.

Все эти подарки можно разделить на подарки заморские (сукно, камка, вино, жеребцы и лошаки), появившиеся в результате торговых операций новгородцев²⁵, местные, к которым относятся, вероятнее всего, мед, а также моржовые клыки, добываемые на новгородском Севере; там же ловили кречетов и соколов, отсюда же везли меха. Дары производят впечатление очень щедрых, это богатство так и сияет в глазах читателя.

Но среди этих подарков великому князю названы и исключительные вещи. Только один новгородский боярин, Василий Казимир, подарил такую драгоценность, как золотой ковш в 2 гривенки²⁶.

Этот ковш трудно сравнить с еще более исключительными вещами в подарках архиепископа Феофила, среди которых названы следующие уникальные вещи: золотой ковш с жемчугом, 2 окованных серебром рога для питья, серебряную мису в 12 гривенок, «сизовову» панагию²⁷, отделанную золотом и жемчугом, кубок из страусинового яйца, отделанного серебром, окованную серебром чарку из сердолика, еще одну серебряную мису в 12 гривенок, золотую цепь в 10 гривенок, золотую чару в 10 гривенок и 10 золотников, еще одну золотую чару в полторы гривенки и 10 золотников, золотой ковш в гривенку и 18 золотников, серебряную золоченую кружку в 13 гривенок, серебряный золоченый «складной» кубок в 6 с половиной гривенок и, наконец, золоченый пояс в 19 гривенок²⁸.

Этот список поражает весом драгоценных металлов и разнообразием предметов. Еще один список драгоценных подарков находим в описании событий 1478 г.²⁹: владыка Феофил явился к великому князю в его становище на Паозерье (Поозерье) с боярами и житыми людьми; владыка подарил князю «перед столом», то есть до пира, золотые монеты и вещи: сизову панагию, обложенную золотом и украшенную жемчугом, кубок в виде страусинового яйца, окованный серебром, сердоликовую чарку, окованную серебром, серебряную мису в 12 гривенок. Через несколько дней Феофил привез еще «поминки» великому князю: 10 корабленников, золотую цепь в 5 гривенок, золотую чару в 10 гривенок, другую золотую чару в полторы гривенки и 10 золотников, золотой ковш в 1 гривенку и 3 золотника, золоченую серебряную кружку в 13 гривенок, золоченый серебряный складной кубок в 14 гривенок, серебряную мису в 11 гривенок, золоченый серебряный кубок в 6,5 гривенок, золоченый пояс в 18,5 гривенок³⁰.

Наглядное представление о драгоценных новгородских вещах может дать только одна сохранившаяся «фамильная» вещь: серебряный ковш посадника Григория Кирилловича Посахно³¹. Среди археологических находок в Новгороде отметим многие найденные в раскопках золотые изделия: рясна (или ряссы) и колт XII–XIII вв., а также плетеный перстень XIV в.³²

¹⁹ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 189: «И посадники псковские и бояре вышедше из насад, из насад, изналивавши коубци и роги злещеня с медомъ и с вином, и пришедши к ней челом оударisha».

²⁰ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. С. 242–243.

²¹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. С. 244.

²² ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. С. 246.

²³ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. С. 249.

²⁴ ПСРЛ. Т. IV. С. 514–515.

²⁵ Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV веках. М., 1963.

²⁶ ПСРЛ 4-1-3. С. 514.

²⁷ Эта самая, по всей видимости, вещь хранится в Кремле, это «Камея. Богоматерь с Младенцем на троне». См.: Византийские древности. Произведения искусства IV–XV веков в собрании Музеев Московского Кремля: каталог. М., 2013. № 33. С. 216.

²⁸ ПСРЛ 4-1-3. С. 515.

²⁹ ПСРЛ 6-2. С. 283–284.

³⁰ ПСРЛ 6-2. С. 284–285.

³¹ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. / Свод археологических источников. Вып. Е1-49. М., 1971. С. 38, табл. 10 на С. 110.

³² Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 17–18, 127.

Оценивая эту зримую и осязаемую материальную роскошь Новгорода, мы поражаемся (как, наверное, и видевшие ее в конце XV в. москвичи) самому богатству, которого в Северо-Восточной Руси было меньше. Но мы также видим, что многое из того, что поражает взгляд и вкус: сукно, другие дорогие ткани, вино, иностранные золотые монеты – является следствием пограничного положения Новгорода, торговавшего с Западом. А это значит, что эта роскошь могла быть легко развеяна войнами, эпидемиями, социальными конфликтами, частыми городскими пожарами. Ее трудно было накопить, но еще труднее было удерживать. А потому это невиданное роскошество, потреблявшееся на пирах и служившее во время парадных выходов и торжественных трапез боярства, не могло соперничать в значительности с тем, что создавалось на боярские средства в камне – с величественными храмами и их живописными украшениями. Мы еще раз приходим к выводу о том, что для вечности, для длительной славы новгородский боярин мог только выстроить каменный храм, будь то в городе или в пригородном монастыре. И часть той деятельной, даже беспокойной энергии, которая чувствуется в новгородских боярах, переносилась в объем, на фасады и в интерьеры новгородских церквей, созданных на средства посадников, тысяцких, а также менее значительных бояр из разных концов и из разных кланов. Вся сила средневекового Новгорода как будто концентрируется в этих постройках, которые говорят сразу и об области духа, и о политических амбициях, и о богатстве и роскоши того времени.

Портреты бояр-заказчиков

Для нашего исследования очень важно понять сам характер новгородской культуры XII–XV вв., культуры, в которой правившее в Новгороде боярство играло важнейшую роль. Для начала скажем, что боярские семьи и их представители не сходят со страниц летописей. Но среди них очень редко увидишь героев. Обычно личность присутствует в виде имени, она как-то действует, но потом теряется среди других имен или просто тихо исчезает, растворяется. Летописцы следят за событиями, но не влюбляются в отдельных персонажей, как будто стремясь сохранить объективность или просто не ставя себе целей героизировать какого-то боярина или даже целую семью. В результате тому, кто хочет получить сведения о каком-то лице, следует собирать по крупицам сведения, составляя поневоле неполный, мозаичный портрет выбранного им самим персонажа.

Твердислав Михалкович

Твердислав Михалкович был сыном посадника Михалки Степановича, действовавшего (по летописи) в 1176 г. (когда поставил церковь Михаила Архангела, наверняка деревянную), в 1180 г. (когда

был сделан посадником), в 1186 г. (когда вновь сделан посадником), в 1189 г. (когда посадничество у него было отнято), в 1203 г. (когда вновь был сделан посадником) и умершего 18 мая 1206 г.³³. У Твердислава был брат Федор³⁴, очевидно, младший. Федор Михалкович в какой-то момент тоже стал посадником: он включен в летописный список новгородских посадников.

В первый раз Твердислав упоминается под 1206 г.: сначала летопись сообщает о кончине его отца Михалки Степановича, постригшегося в Аркаже монастыре под именем Митрофан и погребенного в соборной церкви Успения этой же обители; сразу же после сообщения о смерти Михалки летопись затем говорит о том, что Твердислав поставил на воротах монастыря церковь Симеона Дивногорца³⁵. То, что Твердислав выступил заказчиком этого храма, несомненно, связано с пострижением и погребением отца этого боярина в Аркаже монастыре. Но как? Отца Твердислава звали Михаилом, деда – Степаном, а церковь Твердислав ставит в честь Симеона Дивногорца. Можно указать только на тот факт, что в 1188 г. церковь Успения Аркажа монастыря, в которой в 1206 г. был погребен посадник Михалко Степанович, была построена по заказу некоего Семьюна (Семена, Симеона) Дыбачевича или Дыбучевича³⁶. Можно осторожно предположить, что этот Семен – прадед Твердислава, отец Степана.

В 1209 г. после того, как новгородцы свергли клан Мирошкиничей и разорили их дворы, Твердислав был сделан посадником³⁷. Вряд ли стоит сомневаться в том, что он активно участвовал в этом перевороте.

В 1210 г. новгородское войско во главе с князем Владимиром Мстиславичем Псковским и посадником Твердиславом «изгониша» или «угониша», то есть настигло какой-то отряд литовцев, грабивших южные окраины новгородской земли, и избило их (в Ходыничих, очевидно – на реке Ловать, где существует деревня Ходыни)³⁸. Мы видим Твердислава во главе удачного оборонительного похода, пусть номинально (полководцем был, вероятно, все же князь Владимир).

В 1211 г. из Руси, то есть с юга, из Южной Руси, в Новгород пришел Дмитр Якунович, а Твердислав, посчитав, что Дмитр старше его (по каким заслугам или соображениям – непонятно), «сступился» посадничества, которое было отдано Дмитру³⁹.

Сколько исполнял Дмитр Якунович свои обязанности – не очень ясно, но в 1214 г., когда князь

³³ НПЛ. С. 35, 36, 38, 39, 45, 50, 224, 226, 228, 230, 246.

³⁴ НПЛ. С. 472.

³⁵ НПЛ. С. 50, 246–247.

³⁶ НПЛ. С. 39, 229.

³⁷ НПЛ. С. 51, 248.

³⁸ НПЛ. С. С. 51, 249.

³⁹ НПЛ. С. 52, 249.

Мстислав Мстиславич с новгородцами в июне отправился в поход на Киев, под Смоленском новгородцы убили смолянина и отказались идти дальше с князем на юг. В этот момент перед новгородцами, созвавшими под Смоленском вече, выступил Твердислав, который назван посадником, ему в уста летописец вкладывает краткую речь в поддержку похода на Русь, в которой боярин ссылается на отцов и дедов: «Яко, братие, страдали дѣди наши и отчи за Русьскую землю, тако, братье, и мы пойдимъ по своемъ князи». Новгородцы продолжили поход и помогли князю войти в Киев и посадить Мстислава Романовича на великокняжеский стол⁴⁰.

В 1215 г. посадником назван уже Юрий Иванкович, который едет звать на новгородский стол князя Ярослава Всеволодовича. Когда же князь Ярослав Всеволодович обиделся на новгородцев и ушел из Новгорода в Торжок, который и захватил, перекрыв подвоз продовольствия из Низовских земель, князь взял с собой (почти в виде заложников, надо думать) группу бояр, среди которых в первую очередь назван Твердислав Михалкович (а еще Микифор, Полюд, Сбыслав, Семен, Олекса «и много бояр»); прибыв в Торжок, князь одарил бояр и «прислал» их обратно в Новгород. В этом году впервые встречаем Степана Твердиславича, которого новгородцы послали вместе с посадником Юрием Иванковичем к князю Ярославу Всеволодовичу⁴¹.

В 1216 г. после битвы на Липице, в которой войска вернувшегося на новгородский стол князя Мстислава Мстиславича и его союзников, среди которых были Владимир Псковский и смоленский князь Владимир Рюрикович, вместе с новгородским войском разбили войско суздальских князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей, по возвращении князя Мстислава и войска в Новгород посадничество было отнято у Юрия Иванковича и отдано Твердиславу⁴². Участвовал ли Твердислав в Липицкой битве – неизвестно, но он был, несомненно, среди сторонников князя Мстислава.

В 1217 г. новгородцы с князем Владимиром Псковским и посадником Твердиславом ходили на Чудь и немцев в Южную Эстонию, к городу Медвежья Голова (Отепя, или Оденпе), осадили город и при битве за обоз («товар») убили двух воевод и взяли в плен третьего⁴³.

В 1218 г. была заложена каменная церковь Варвары в женском Варварине монастыре (в Людине конце), в ее закладке участвовал новгородский архиепископ Антоний⁴⁴. В этом же году князь Мстислав Мстиславич ушел на Русь завоевывать Галич, а нов-

городцы послали в Смоленск за князем Святославом Ростиславичем, который пришел 1 сентября. Зимой 1219 г. в Новгороде вспыхнул уже описанный нами конфликт между концами, который был вызван тем, что из Новгорода убежал Матвей Душильничевич, связав некоего Моисейца, бирича и ябедника. Новгородцы погнались на Матвеем, схватили его и отвели на Городище, в княжескую резиденцию. В городе поползли слухи о том, что князю выдал Матвея посадник Твердислав. Стоявшие за Матвея «ониполовицы», жители Торговой стороны, созвали вече у Николы на Дворище, тогда как жители Неревского конца – у своего храма Сорока Мучеников и собирали людей против Твердислава. На следующее утро князь, узнав о волнениях, отпустил Матвея с Городища. Но междоусобица уже началась: жители Торговой стороны и Неревского конца в боевом снаряжении пошли на враждебные районы, а Загородский конец занял выжидательную позицию. Твердислав, которому летописец вкладывает в уста речь о том, что если он виновен, то пусть будет мертв, а если прав, то это будет божественное оправдание, пошел на врагов с жителями Людина конца и прушанами, жителями богатейшей Прусской улицы. Битва разразилась у городских ворот, в которых мы можем видеть ворота Детинца под церковью Положения Риз – у начала Великого моста через Волхов. В битве 27 января был убит боярин с Прусской улицы и боярин с Людина конца, а с другой стороны потери были больше: были убиты брат Матвея, Иван Душильничевич, а среди бояр Неревского конца – Константин Прокшинич и еще 6 мужей. После этого неревляне ушли к себе в конец, а «ониполовцы» разметали Великий мост и некоторое время спустя предприняли еще попытку переправиться в ладьях и воевать с противником. Противостояние продолжалось неделю, но закончилось примирением. Князь попытался лишить Твердислава посадничества «без вины», но новгородцы на это не согласились⁴⁵.

Мы видим, что Твердислав опирался в событиях 1219 г. лишь на Прусскую улицу и Людин конец, но уж в этих районах города он пользовался большой поддержкой. И все же противная Твердиславу сторона явно набирала силу.

В том же 1219 г. из похода на Тоймокары вернулся некто Семен (Семьон) Емин с 400 людьми, поход был прерван из-за того, что суздальские князья, Юрий и Ярослав Всеволодовичи, не пропустили через свои владения новгородскую рать. Участники похода вернулись в ладьях к Новгороду и встали у Новгорода в шатрах; они распространяли слух о том, что посадник Твердислав и тысяцкий Якун послали к Юрию Всеволодовичу и подговорили его не пропускать новгородскую рать. Новгород восстал, посадничество было отнято у Твердислава и переда-

⁴⁰ НПЛ. С. 53, 251–252.

⁴¹ НПЛ. С. 54, 253, 446.

⁴² НПЛ. С. 57, 257.

⁴³ НПЛ. С. 57, 257–258.

⁴⁴ НПЛ. С. 57, 258.

⁴⁵ НПЛ. С. 58–59, 259–260.

но Семену Борисовичу, представителю Славенского конца Торговой стороны (он построил церковь Павла в этом конце), а должность тысяцкого потерял Якун и получил вернувшийся из похода Семен Емин.

В том же году князь Святослав Всеволодович был вызван в Киев, а в Новгород был киевским князем прислан князь Всеволод Мстиславич, младший брат первого. В том же году была окончена каменная церковь Варвары в Варварине монастыре. В том же году Твердислав и Федор Михалковичи заложили на Прусской улице, где они, вероятно, жили, каменную церковь Михаила Архангела и рядом с ней небольшую церковь Трех Отроков, которую построили за 4 дня⁴⁶. Заметим, что храм Михаила до этого был в 1176 г. поставлен вместо сгоревшей в 1175 г.⁴⁷ прежней церкви отцом Твердислава и Федора, боярином (тогда еще не посадником) Михалком Степановичем⁴⁸. В этом деревянном храме в 1187 г. произошли чудесные события, отмеченные летописью: во время крестного хода от Софийского собора к церкви Михаила Архангела разразилась гроза, от удара молнии люди упали на землю, а церковь загорелась, но пожар унялся, а из людей только двое оказались мертвы⁴⁹.

В конце 1220 – начале 1221 г. князь Всеволод Мстиславич ушел в Смоленск, после чего вернулся сначала в Торжок, а потом и в Новгород, в княжескую резиденцию на Городище, откуда начал интриговать с целью убить посадника Твердислава, по словам летописи – «без вины». Князь с воинами в боевом снаряжении явился на вече на Ярославовом Дворе, рать собралась на соседнем Княжьем Дворе. Твердислав был в это время болен, поэтому его в саних повезли к церкви Бориса и Глеба в Околотке (в южной части нынешней территории Детинца), где вокруг него собрались уже поддерживавшие его в событиях 1219 г. жители Прусской улицы и Людина конца, составившие 5 полков.

Князь, встретив такое сопротивление, прекратил распрю и прислал владыку Митрофана для переговоров, в результате которых князь и посадник «сошлись в любовь», но посадник лишился должности, отдав ее Иванку Дмитровичу. Твердислав болел 7 недель, после чего его состояние еще больше ухудшилось; в результате Твердислав тайком от жены, детей и «всей братьи», то есть родственников, постригся в Аркаже монастыре 8 февраля 1221 г. Его жена постриглась в монастыре святой Варвары, где, как мы помним, в 1218–1219 гг. был построен каменный храм. Мы можем предположить, что именно жена Твердислава была заказчицей каменного храма в монастыре, куда она постриглась после пострижения мужа.

⁴⁶ НПЛ. С. 59, 260.

⁴⁷ НПЛ. С. 34, 223

⁴⁸ НПЛ. С. 35, 224.

⁴⁹ НПЛ. С. 38, 229.

Твердислав был жив еще в 1224 г., когда сообщается об окончании им и братом Федором церкви Михаила Архангела, заложенной в 1220 г. На праздник Михаила Архангела (8 ноября) храм был освящен⁵⁰. После 1224 г. Твердислав более в летописях не упоминается, мы можем предположить, что в 1225 г. он умер.

Твердислав принадлежал к боярскому роду. Отец его был посадником. Сын Твердислава, Степан Твердиславич, тоже был посадником⁵¹. Это была семья посадников, семья в самом расцвете, еще не выродившаяся, не обремененная тяжким грузом опыта предыдущих поколений.

Жизнь Твердислава укладывается в короткий промежуток с 1206 по 1224 г. В том же году, в каком Твердислав появился впервые на страницах летописи, умер его отец, Михалко. Ему должно было быть не менее 40 лет, а самому «наследнику», Твердиславу, – не менее 20 лет. Если рассуждать таким образом, то предположительно Твердислав родился около 1186 г. Если так, то в 1224 г. ему было примерно 38 лет. Но в 1215 г. у Твердислава уже был взрослый сын, участвовавший в политических событиях (ему могло быть 15–20 лет). Это значит, что Твердислав родился раньше: при условии, что он родил Степана в 20 лет, то если Степану в 1216 было 15 лет, то Твердислав родился в 1181 г., а если Степану в 1216 г. было 20, то Твердислав родился в 1176 г. Это значит, что Твердиславу в 1224 г., когда он в последний раз упоминается в летописи, было от 43 до 48 лет. В любом случае, это короткая, средневековая жизнь, насыщенная до предела. В 1221 г., то есть примерно в 40 или 45 лет он был уже серьезно болен. А потому окончил жизнь в родовом монастыре, приняв пострижение.

Жизнь Твердислава, боярина с Прусской улицы, на которой он поставил храм Михаила Архангела, посвященный, возможно, небесному покровителю его отца, прошла при поддержке бояр Прусской улицы и Людина конца: дважды, в 1219 и 1221 гг., его поддерживали эти районы города.

Посадником Твердислав Михалкович был четыре раза: в 1209–1211 гг., в 1214 г., в 1216–1219 гг. и в 1220–1221 гг. Он занимал лидирующее положение среди новгородских бояр, у него практически не было соперников (хотя враги, конечно же, были). Твердислав был знаком со многими князьями, ходил с ними в походы, иногда противостоял им в городской политике, иногда действовал с ними заодно. Он был женат, по крайней мере, один раз; как уже было сказано, у него уже в 1215 г. был взрослый сын.

Твердислав участвовал в военных экспедициях, он отражал набег литовцев в Ходыничихах, участвовал в дальних походах на Киев и на Медвежью Голову.

⁵⁰ НПЛ. С. 63, 267.

⁵¹ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 124–139; 2-е изд. М., 2003. С. 183–200.

Невольно, вместе с «взявшим» с собой группу новгородских бояр князем, он ездил в Торжок. То есть горизонты его жизни были довольно широкими.

Мы видим Твердислава выступающим на вече, причем как в походе, в районе Смоленска, где он говорил перед новгородским войском, так и в самом Новгороде. Он действует во главе поддерживающих его районов, причем однажды, уже больным, он лежит или сидит в санях, составляя центр вооруженного ополчения.

На фоне этой деятельной жизни возведение по заказу Твердислава двух или трех каменных построек – очень важное дело. Он начинает свою деятельность с возведения надвратного храма (неизвестно – каменного или деревянного) в том самом монастыре, где только что был погребен его отец. А потом, ближе к концу деятельности (прошло всего 14 лет!), он вместе с братом, который явно терялся в тени Твердислава, возводит каменный храм на родной, по всей видимости, ему Прусской улице. Он был хорошо знаком со смоленскими князьями, с перерывами правившими в то время в Новгороде, а потому мог получить от того или иного князя смоленских мастеров для своего, по сути, частного храма. Но этот частный храм не был его домовым, не был дворцовой капеллой, это был храм для улицы, ставший одной из центральных построек этого района и второй каменной церковью Прусской улицы после церкви Вознесения 1185–1191 гг., построенной тысяцким Милонегом. Кажется, что именно заказ Твердислава и его жены обусловил появление каменного храма Варвары в Варваринском монастыре, в котором жена Твердислава постриглась после его пострижения в Аркаже монастыре.

Жизнь Твердислава, его общественная жизнь, начинается со смерти постригшегося в Аркаже монастыре отца и заканчивается, закольцевавшись, в Аркаже монастыре, где он принимает постриг под воздействием болезни. В жизни Твердислава Аркаж монастырь занимает одно из ключевых мест, это вынесенный из города, отстоящий от него и в какой-то мере противостоящий городу локус. А городской храм Михаила Архангела и, возможно, церковь городского Варварина монастыря составляют другой, городской полюс его жизни. В городских постройках мы вправе видеть и благочестие, и гордость заказчиков, но также и стремление показать свои возможности, украсить город, подарить дом молитвы родной улице. Можно сказать, что в яркой жизни Твердислава Михалковича каменные храмы играют важнейшую роль, показывая этого боярина как патриота своего квартала и покровителя редчайшего в то время и чрезвычайно дорогого каменного зодчества.

Юрий Онцифорович

Боярин Юрий Онцифорович происходил из клана Мишиничей, его прапрадед Юрий Мишинич был избран новгородским посадником в 1291 г. и погиб

в битве под Торжком в 1316 г., а его прадед, Варфоломей Юрьевич, упоминается в 1321 и 1331 гг.⁵². Весь этот клан гнезился в Неревском конце, где найдены усадьбы и даже берестяные грамоты, написанные многими его представителями или адресованные им⁵³.

Варфоломей Юрьевич умер 25 октября 1342 г., его хоронили торжественно, как посадника новгородского: в погребении участвовал новгородский архиепископ Василий с игуменами новгородских монастырей и священниками. Посадника погребли в «отне гробе», то есть в саркофаге отца в церкви Сокола Мучеников⁵⁴.

Дедом Юрия был Лука Варфоломеич. Этот боярин больших постов не занимал, посадником он так и не стал. Впервые мы видим его в 1333 г., когда великий князь Иван Калита занял принадлежавший Новгороду Торжок и разорял его окрестности, а также, видимо, не пропускал товары из Низовских земель в Новгород. Новгородцы послали к князю в Торжок посольство, состоявшее из Юрьевского архимандрита Лаврентия и бояр Федора Твердиславича и Луки Варфоломеича⁵⁵. Посольство, впрочем, было неудачным, князь так и не дал мира, хотя и ушел из Торжка. У Луки, вероятно, был брат Матфей, который ходил военным походом в захваченный тверским князем Михаилом Торжок в 1340 г. и вернул его под власть Новгорода⁵⁶.

В том же 1342 г., когда умер его отец, Лука Варфоломеевич без благословения новгородского владыки и московского митрополита (последнее указание летописи на митрополита несколько странно) собрал холопов «збоев» (удальцов) и отправился в свой частный поход за Волоч, на Северную Двину, где сначала поставил городок Орлец, а затем с жителями берегов реки Емцы захватил все погосты по Двине. Лука с двумя сотнями воинов продолжал воевать, но его убили местные жители, заволочане. В это время его сын Онцифор ходил в поход на Волгу, а вернувшись, он организовал волнения на вече и гонения на вероятных противников отца⁵⁷. Где был похоронен Лука Варфоломеич – неизвестно.

Отец Юрия, Онцифор Лукич, появляется на страницах летописи, как мы уже знаем, в 1342 г., когда ходил в поход (очевидно – ушкунический) на Волгу, а по возвращении в Новгород удачно интриговал против врагов. Онцифор Лукич был, видимо, хорошим воеводой: в 1348 г. именно его новгородцы послали в Ижорскую землю воевать с напавшим на новгород-

⁵² Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 9–11.

⁵³ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1998. С. 88–135.

⁵⁴ НПЛ. С. 355; ПСРЛ 4-1-1. С. 274.

⁵⁵ НПЛ. С. 99, 345.

⁵⁶ НПЛ. С. 352.

⁵⁷ НПЛ. С. 355–356.

ский Орехов (Орешек) шведским королем Магнусом: в битве с отрядом шведов на Жабце поле Онцифор с воеводами Яковом Хотовым и Михаилом Фефилатовым и с отрядом в 400 воинов одержал победу: новгородцы убили 500 врагов и многих взяли в плен⁵⁸.

В 1350 г. новгородцы отняли, очевидно, на вече, посадничество у Федора Даниловича и отдали эту должность Онцифору Лукичу. Вслед за этим настали гонения на побежденный клан с Прусской улицы: дворы бывшего посадника Федора Даниловича и его брата Михаила, а также дворы бояр Юрия и Андреевна были разграблены, пограблена была и вся Пруская улица, а названные лица были изгнаны из города. Они поехали сначала во Псков, а потом укрепились в новгородском городе Копорье⁵⁹.

В 1354 г. Онцифор Лукич «по своей воле» отступился от посадничества⁶⁰. И это вся «видимая» жизнь: мы видим боярина на протяжении 12 лет, он идет в дальний поход на Волгу, возвращается в город и борется с враждебной отцу партией, которая, вероятно, организовала его убийство в Заволочье, делается посадником, изгоняет врагов, а через 4 года отказывается от посадничества и исчезает со страниц летописей насовсем. В 1367 г. Онцифор скончался⁶¹.

Можно предположить, что сооруженная в 1358 г. заново каменная церковь Сорока Мучеников в Неревском конце, где уже лежали прадед и дед Онцифора Лукича, была построена на средства в первую очередь этого боярина, однако летопись об этом не говорит ни слова⁶². И та активность сооружения деревянных храмов на Кузмодемьянской (Кузмодемьяне) улице и вообще на Неревском конце, которую мы видим по летописи, тоже может быть связана с покровительством Онцифора Лукича: в 1345 г. некто Онания Куритский поставил на Кузмодемьяне улице церковь Козмы и Дамиана⁶³, а в 1358 г. в Неревском конце кроме каменной церкви Сорока Мучеников были поставлены еще и две деревянные церкви: Николы на Яковлеве улице и Саввы на Кузмодемьяне улице. К строительству церкви Саввы Онцифор Лукич мог иметь отношение: мы увидим, что более полувека спустя каменную церковь Саввы будет строить его внук.

Мы не знаем ни даты смерти, ни места погребения посадника Онцифора Лукича, но можем предположить, что он, как, предположительно, и его отец и, как мы знаем достоверно, его дед и прадед, был погребен в храме Сорока Мучеников, главном храме Неревского конца.

Когда родились дети посадника Онцифора – мы не знаем, но двое из них появляются на политической сцене в 1375 и 1376 гг. В это время им должно было быть примерно по 20 лет или несколько более, так что старшие дети могли родиться как раз около 1354 г. Мы условно считаем, что Юрий Онцифорович появился на свет около 1356 г.

Первым на политической сцене появляется Максим Онцифорович, которого в 1375 г. отправляют в составе посольства к московскому митрополиту Алексию; посольство состояло из архимандрита Савы, Максима Онцифоровича и других бояр, по имени не названных⁶⁴. Посольство, которое просило митрополита вернуть на владычную кафедру новгородского архиепископа Алексея, удалившегося в Деревяницкий монастырь, было удачным, архимандрит и бояре привезли благословение от митрополита, после чего уже с веча были посланы послы в Деревяницы и архиепископ вернулся в дом Святой Софии.

Больше Максим в летописи не упоминается, посадником он не стал. Вероятно, он был младшим братом, хотя в летописи он появляется первым (пусть и один раз), а в синодике Клопского монастыря с перечислением имен создателей Колмова монастыря имя Максима раньше имени Юрия: «Варфоломея, Луки, Максима, Ансьифора, Георгия, Григория»⁶⁵. Известны найденные на Неревском раскопе на усадьбе «Е» и рядом с ней берестяные грамоты, адресованные Максиму и написанные самим Максимом, есть грамота, адресованная сразу Юрию и Максиму⁶⁶.

Юрий Онцифорович появляется на страницах летописи в 1376 г.: 13 августа новгородский архиепископ Алексей отправился в Москву для переговоров с митрополитом Алексием и великим князем Дмитрием Ивановичем, в составе посольства был архимандрит Сава (тот же, что ходил в Москву с Максимом Онцифоровичем годом ранее), а также Юрий Онцифорович, Василий Кузминич, Василий Иванович и много других бояр. Посольство было удачным, оно вернулось в Новгород 17 октября⁶⁷.

Мы видим, что молодых бояр часто посылали в посольства, это была своеобразная проверка деловых качеств. Юрий Онцифорович проверку, судя по всему, выдержал. Заметим еще раз, что ему в 1376 г. было немногим более 20 лет.

Отметим также тот факт, что в 1375 г. на Кузмодемьяне (Холопье) улице была построена каменная церковь Космы и Дамиана⁶⁸. Думаем, что одним

⁶⁴ НПЛ. С. 373.

⁶⁵ Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860. С. 588.

⁶⁶ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 21–23.

⁶⁷ НПЛ. С. 374.

⁶⁸ НЗЛ. С. 231; ПСРЛ 4-1-1. С. 305; ПСРЛ 4-1-3. С. 603; ПСРЛ 16. Стлб. 98.

⁵⁸ НПЛ. С. 360; ПСРЛ 4-1-1. С. 277.

⁵⁹ НПЛ. С. 362.

⁶⁰ НПЛ. С. 363.

⁶¹ ПСРЛ 11. С. 9.

⁶² НПЛ. С. 364.

⁶³ НПЛ. С. 357.

из ктиторов этого храма был молодой боярин Юрий Онцифорович, а также, возможно, еще кто-то из его семьи, например, кто-то из братьев. Церковь Космы и Дамиана была построена на следующий год после церкви Спаса на Ильине улице, и архитектура этих двух храмов могла быть похожей. Мало того, перед нами два храма, построенные не единственным заказчиком, а сооруженные целой улицей, соседями, корпорацией наиболее выдающихся бояр. Среди группы «ильинцев» мы не можем разглядеть ни одной значительной фигуры, кроме Василия Даниловича Машкова, заказавшего вместе с уличанами роспись храма на Ильине улице в 1378 г.

Среди возможных заказчиков церкви Космы и Дамиана на Кузмодемьяне улице можно предположить Юрия Онцифоровича. Его приходом был, судя по всему, именно этот храм. В духовной грамоте Орины, далекого потомка Юрия Онцифоровича, составленной в середине XV в., послухом выступает поп церкви Космы и Дамиана⁶⁹. А в приписке 1400 г. к новгородскому Прологу из Синодального собрания видим возглавляющую заказчиков книги в храм Космы и Дамиана группу бояр, названных по именам: «В лето 6908 индикта 9 лета написаны быша книги сия глаголемы пролог ко святома чудотворцема и безмездника Козмы и Дамьяну на Кузьмодемьяну улицу при князи великом Васильи Дмитриевиче, при архиепископе новгородьстемь владыце Иване, а повелением рабов божиих боголюбивых бояр Юрья Онцифоровича, Дмитрия Микитинича, Василья Кузминича, Ивана Даниловича и всех бояр и всеи улицы Кузьмодемьяне»⁷⁰. Этот список составлен четверть века спустя после сооружения каменного храма, кто-то из основных ктиторов каменного строительства мог уйти из жизни, но имя Юрия Онцифоровича могло значиться и в несохранившемся списке 1375 г. Заметим, что в посольстве в Москву в 1376 г. рядом с Юрием Онцифоровичем был и Василий Кузминич, упомянутый в подписи к Прологу 1400 г.

Из перечисленных в Прологе 1400 г. мы знаем не только посадника Юрия Онцифоровича и Василия Кузминича. Дмитрий Микитинич был внуком посадника от Неревского конца Матфея Валфромеевича (Матфея Коски); известен также брат Дмитрия Микитинича, Василий Микитинич, бывший в 1420–1423 гг. посадником⁷¹. Известно два посадника с именем Иван Данилович: один действовал в 1411–1415 гг. и посадничал в конце этого периода, а дру-

гой известен как посадник с 1421 г.⁷². Один из этих посадников и упомянут, видимо, в Прологе 1400 г.

Спустя четыре года после посольства 1376 г. новгородцы решили отправить еще одно посольство в Москву и просили владыку Алексея возглавить посольство. Посольство отправилось «на Низ», в Москву весной 1380 г., за неделю до Вербной недели, в его составе были бояре: Юрий Иванович, Михайло Данилович, Юрий Онцифорович, Иев Обакунович, Иван Федорович, а также другие, не названные по имени⁷³. Возглавлявшие посольство бояре представляли, как заметил В. Л. Янин, пять новгородских концов⁷⁴. Посольство было, судя по всему, успешным. Юрий Онцифорович был, судя по всему, неплохим переговорщиком, он уже второй раз попал в Москву.

Еще раз в качестве дипломата Юрий Онцифорович выступил в 1381 г., когда жители принадлежавшего Великому княжеству Литовскому Полоцка попросили у новгородцев помощи: город в ходе междоусобной войны был осажден князем Скиргайло, приведшим немецкие войска. Помощи православному городу, просившему ее «по крестиянству», новгородцы так и не оказали, но отправили послом к литовскому великому князю Ягайло Юрия Онцифоровича⁷⁵. Что дало посольство – мы не знаем, но Полоцк не был взят.

В 1384 г. от всего Новгорода были посланы бояре и житьи люди ставить новый город Ям недалеко от Финского залива и Ливонского рубежа по реке Нарове. В составе руководящей группы из пяти бояр, которые представляли пять концов Новгорода, были: воевода Есиф Захарьич, Юрий Онцифорович, Иван Федорович, Федор Тимофеевич и Стефан Борисович⁷⁶. Это был поход новгородских сил для сооружения крепости, в котором Юрий Онцифорович выполнял, в первую очередь, представительские функции.

Как видим, с 1376 по 1384 г., около 8 лет кряду, Юрий Онцифорович был очень активен: он два раза был в Москве, один раз в Литве, один раз выезжал на Лугу для строительства Яма. После 1384 г. он почему-то на 8 лет пропадает со страниц летописей.

Если в 1376 г. Юрию Онцифоровичу было за 20 лет, то в 1392 г. было уже ближе к сорока. К этому возрасту боярин задумался о месте своего упокоения и в 1392 г. поставил на дальней окраине города, в Колмове, церковь Успения (деревянную) и основал мужской монастырь⁷⁷. Это очень важный факт: вместо родового приходского храма на Щеркове улице, где были погребены его прадед, дед и, видимо, отец,

⁶⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 15.

⁷⁰ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 12; Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 218.

⁷¹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 45–46.

⁷² Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 236–238, 259; 2-е изд. М., 2003. С. 339, 341.

⁷³ НПЛ. С. 376.

⁷⁴ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: хронологический комментарий. М., 1991. С. 27.

⁷⁵ НПЛ. С. 378; ПСРЛ 4-1-1. С. 325–326.

⁷⁶ ПСРЛ 4-1-1. С. 341.

⁷⁷ НПЛ. С. 385; ПСРЛ 4-1-1. С. 372.

боярин обустроивает новый, «свой» монастырь на дальней окраине города, довольно далеко за пределами городских валов. Это продолжение давней, относящейся еще к домонгольскому времени (см. выше главку о Твердиславе) тенденции, но здесь она читается по-новому: мы видим, что боярин сам основывает монастырь, где намеревается постричься под старость и где рассчитывает быть погребенным.

В 1393 г. великий князь Московский Василий Дмитриевич напал на Новгородскую землю, послав занять Торжок своего дядю Владимира Андреевича и своего брата Юрия. В ответ новгородцы послали на московские земли «охочую рать», то есть добровольное войско, которое возглавляли два служилых князя Роман Литовский и Константин Белозерский, а также пять новгородских воевод (от всех пяти концов): посадник Тимофей Юрьевич, Юрий Онцифорович, Василий Синица, Тимофей Иванович и Иван Александрович. Неревский конец, как и в 1380 и в 1384 гг., представлял Юрий Онцифорович. Новгородское войско заняло пограничные городки Кличен и Устюжну⁷⁸.

Сложную и даже опасную миссию Юрий Онцифорович выполнял в 1401 г. В этом году продолжались военные действия между Москвой и Новгородом. Архиепископ Новгородский Иван вместе с Юрием Онцифоровичем поехал в посольство в Москву, к митрополиту Киприану, но Киприан новгородского владыку принял, а боярина «отпусти». Переговоры, таким образом, провалились. Мало того, на обратном пути тверской князь Иван Михайлович «принял», то есть задержал Юрия Онцифоровича, и для его вызволения новгородцы послали в Тверь посадничьего сына Якова Федоровича, миссия которого увенчалась успехом. Юрия Онцифоровича «вынхша в Новгород»: его освободили и позволили вернуться⁷⁹.

В 1411 г. Юрий Онцифорович, которому уже было за 50, участвовал в походе новгородских войск на шведский город Выборг (новгородцы называли его Выбор), когда 26 марта новгородцам удалось взять форбург («охабень») крепкого замка, потеряв одного человека, некоего Павла с Нутной улицы, убитого «с города», то есть со стен замка. Юрий Онцифорович в списке воевод поставлен на первое место среди представителей пяти концов. Он впервые назван посадником, эту должность он получил, следовательно, между 1401 и 1411 гг., сравнительно поздно⁸⁰.

Мы можем быть уверены в том, что Юрий Онцифорович участвовал в возведении обетной каменной церкви Гавриила на Хревкове улице в 1413 г.: ее заказчиками летопись называет архиепископа Иоанна вместе «с воеводами и с их вой, что был у Выбора», говорится также о «помете христианском»,

то есть о добровольных пожертвованиях⁸¹. Заметим, что Юрий Онцифорович был назван первым среди воевод похода на Выборг.

В 1413 г. Юрий Онцифорович ездил в Литву к князю Витовту, который незадолго до того разорвал мирные соглашения с Новгородом и требовал разрыва мирных отношений с ливонскими немцами. Юрий Онцифорович сумел заключить с Витовтом мир «по старине», то есть на старых условиях, а к тому же смог отказаться от разрыва отношений с немцами⁸². Это был довольно крупный успех новгородского дипломата, за плечами которого были, по крайней мере, четыре посольства.

В 1417 г. Юрий Онцифорович скончался, причем летописи сообщают о том, что он перед смертью «бывъ нѣмъ годъ и три мѣсяца и 10 дний»⁸³. По нашим подсчетам, ему было около 60 лет. Летописное сообщение о его немоте означает, как нам кажется, не болезненное состояние, а то, что посадник постригся в монастырь и принял на себя обет молчания. Мы знаем из духовной Орины, правнучки Юрия Онцифоровича, что ее род был погребен в Колмове монастыре, основанном Юрием Онцифоровичем в 1392 г. С большой долей вероятности можно предположить, что Юрий Онцифорович был погребен в Колмове монастыре. Заметим, что в том же году, в каком скончался посадник, в Колмове была построена каменная церковь Троицы, заказчиком которой одна из летописей прямо называет Юрия Онцифоровича⁸⁴. Это значит, что посадник начал строительство за год или за два до смерти, возможно, завещав средства на возведение храма, в котором его, вероятно, и похоронили. Интересно, что в камне возвели не соборный монастырский храм Успения, в 1417 г. оставшийся деревянным, а второй, Троицкий.

Итак, перед нами очень насыщенная жизнь, в которой было много поездок с посольствами, два военных похода и один поход для постройки каменной крепости. А кроме того, было очень много каменного строительства: за свою жизнь Юрий Онцифорович участвовал (вероятно) в возведении приходского храма Космы и Дамиана на Холопье (Кузмодемьяне) улице, в строительстве обетной церкви Гавриила на Хревкове, а также в возведении церкви Троицы в Колмовском монастыре. Мы не знаем, был ли хоть один из этих храмов расписан, но возможно, что боярин участвовал в заказе мону-ментальной росписи для одного из храмов. Мы видим Юрия Онцифоровича среди лиц, вкладывающих книгу в приходской храм Космы и Дамиана.

Перед нами ктитор, находящий средства для каменного строительства, причем ктиторская де-

⁷⁸ ПСРЛ 4-1-1. С. 373–374.

⁷⁹ ПСРЛ 4-1-1. С. 390.

⁸⁰ ПСРЛ 4-1-1. С. 411.

⁸¹ НПЛ. С. 404.

⁸² ПСРЛ 4-1-1. С. 413.

⁸³ ПСРЛ 4-1-1. С. 415–416.

⁸⁴ НЗЛ. С. 236; НПЛ. С. 407 [о заказчике не сообщается].

тельность Юрия Онцифоровича выглядит очень внушительно – даже на фоне его дипломатической, представительской и военной деятельности. И картина этого ктитинства станет еще более объемной, если мы вспомним, что Юрий Онцифорович выстроил на своем дворе на Холопье улице каменный терем, один из первых (а может быть, и первый) среди каменных палат новгородского боярства. К своей ктитинской деятельности Юрий Онцифорович, таким образом, присоединил заботу о своем дворе, о своем комфорте и о своей представительности. Это то, чего не было у более ранних бояр, таких, как Твердислав Михайлович (они могли ограничиваться более крупными деревянными домами).

Юрий Онцифорович является фигурой, обращение к истории которой способно объяснить характер и значение новгородского каменного строительства XIV – начала XV в., а также боярского ктитинства вообще. Это фигура времени расцвета Новгорода, с наибольшей полнотой открывающая значительность каменного строительства в жизни бояр. Мы еще раз должны констатировать, что каменное строительство, преимущественно церковное, было важнейшей стороной деятельности новгородского боярства, более того, оно было одним из немногих видимых проявлений духовности.

После смерти Юрия Онцифоровича его родственники продолжили строительство в Неревском конце и в Колмове монастыре. В 1418 г. был каменный храм Саввы на Кузьмодемьяне улице; заказчиками его названы Хотовичи и «козмодемьянцы», то есть все те же кузьмодемьянские соседи⁸⁵. В 1421 г. летописи сообщают о постройке двух каменных церквей: монастырского храма Богоявления на Поле, сооруженного по заказу Исаака Окинфовича (или Онцифоровича) и приходской церкви Спаса на Розваже, которая была построена по заказу бояр Василия Филипповича и Лукьяна Онцифоровича⁸⁶. В Лукиане Онцифоровиче В.Л.Янин видит брата Юрия Онцифоровича⁸⁷.

Интересно, что другие известные нам братья Юрия Онцифоровича, уже упомянутый Максим, а также Афанасий (известный по берестяным грамотам и именной печати)⁸⁸ не построили ничего. Очевидно,

приоритет в строительной деятельности принадлежал старшему в роду. Именно этим объясняется тот факт, что Лукьян Онцифорович построил каменный храм уже после смерти Юрия, своего старшего брата.

Юрий Онцифорович жил в то время, когда боярская семья Мишиничей переживала период расцвета, более того, Юрий Онцифорович создавал и составлял этот расцвет. После него семья уже не дала столь ярких представителей. Не столь уж заметной фигурой был его сын Михаил Юрьевич, который упомянут в летописи только два раза. В 1419 г. он построил на Колмове, рядом с отцовским монастырем, деревянную церковь Михаила Архангела, очевидно, в честь своего небесного покровителя⁸⁹. В 1420 г. Михаил Юрьевич участвовал в посольстве. Это было посольство новгородцев, заключившее мир с Ливонским орденом на пограничной реке Нарове; среди перечисленных бояр видим и Михаила Юрьевича⁹⁰. Посадником он так и не стал. В 1423 г., когда была окончена каменная церковь Успения в Колмове, заменившая деревянный храм, построенный в новосозданном Юрием Онцифоровичем в 1392 г. монастыре, Михаила Юрьевича уже не было в живых: одна из летописей называет заказчицей храма уже его вдову, Настасью Михайлову⁹¹. Начать этот храм мог и сам Михаил Юрьевич. На нем и его жене, а потом вдове Настасье великолепный взлет семьи заканчивается. По берестяным грамотам нам известно, что у Михаила Юрьевича было, по крайней мере, два сына, Ондrejaн и Никита (Микита) Михайловичи⁹². Они уже не появляются на страницах летописи.

Мы можем отметить, что боярские семьи Новгорода хоть и были аристократическими, но все же не жили на «исторической поверхности» более 100 лет. Какие-то линии прерывались, а какие-то семьи опускались в гущу боярского класса, не попадая на страницы летописей и не создавая величественных каменных храмов. Более того, к середине XV в. дробление боярства создало ситуацию, в которой практически не было индивидуального частного заказа: мы видим почти только безымянный корпоративный боярский заказ. Но это будет все же полвека спустя после того расцвета, который ощущается как в деятелях середины XIV – начала XV в., так и в постройках того времени.

⁸⁵ НПЛ. С. 410–411; НЗЛ, С. 234.

⁸⁶ НЗЛ. С. 139; НЗЛ. С. 237; ПСРЛ 4-1-2. С. 431; ПСРЛ 16. Стлб. 176.

⁸⁷ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 10.

⁸⁸ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 23–25.

⁸⁹ НПЛ. С. 412; ПСРЛ 4-1-1. С. 426.

⁹⁰ НПЛ. С. 413; ПСРЛ 4-1-1. С. 427.

⁹¹ НПЛ. С. 414; Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.

⁹² Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1998. С. 108–109.

Глава 5

История изучения архитектуры церкви

Церковь Спаса на Ильине улице упомянута во многих сочинениях по истории русской архитектуры: ведь это один из ключевых и значительных памятников как новгородского, так и всего древнерусского зодчества. И все же, внимательное обращение к специальной литературе показывает, что этот замечательный храм изучен не так подробно, а посвященные ему строки и страницы позволяют составить о нем только первое впечатление. Но одновременно с этим ощущением недостаточности сказанного следует подчеркнуть и то, что в уже высказанных мнениях содержится много ярких мыслей об особенностях храма и о его значении в истории древнерусской архитектуры.

Поначалу, в XIX в., когда история архитектуры как наука в России только зарождалась, церковь Спаса на Ильине не привлекала большого внимания ученых: не было особенного интереса к древностям и художественным ценностям Северо-Западной Руси, этот край оставался как будто не открытым в художественной сфере. Так, например, была только описана и совсем не была разобрана архитектура церкви Спаса на Ильине улице В. А. Прохоровым¹. Исключительно фактические сведения и описания находим в очерке истории храма, данном в книге архимандрита Макария, обзоре древностей Новгорода². Примерно тот же исторический и, в меньшей степени, описательный подход видим в книге И. К. Куприянова, на двух страницах дающего очерк истории храма и вскользь упоминающего о фресках Феофана Грека³. Кратко упоминается церковь Спаса на Ильине в очерке древнерусской архитектуры Л. В. Даля, в котором говорится о северном (западном, романском) влиянии на фасадную декорацию этого и других новгородских храмов и дается очень наивный, почти условный чертеж западного фасада храма⁴.

Беглые упоминания о декоре церкви Спаса находим даже в обзорной архитектуроведческой работе В. В. Суслова⁵. Всего несколько слов о типе покры-

тия храма написано в книге А. М. Павлинова, первой истории русской архитектуры⁶.

От этого периода осталось очень немного графических свидетельств, чертежей и рисунков, посвященных церкви Спаса на Ильине улице. Тем значительнее представляется хранящийся в НИМАХ лист с обмерами церкви Спаса-Преображения, южным фасадом, планом и продольным разрезом, выполненный архитектором И. И. Горностаевым, вероятно, в 1860-е или начале 1870-х гг. (А 3565). Этот тщательно и мастерски выполненный лист дает довольно подробные графические сведения об архитектуре храма в том виде, в котором он находился в середине XIX в. Сохранился также рисунок архитектора Л. В. Даля, показывающий храм с юго-запада, но без поздних пристроек (НИМАХ, А 22599). Укажем также на рисунок неизвестного архитектора или художника середины – второй половины XIX в., показывающий храм тоже с юго-запада, но с колокольней и трапезной (НИМАХ А 4929).

Одно из первых описаний архитектуры церкви Спаса на Ильине улице находим в книге писателя Е. М. Гаршина, который приводит ее как пример храма, который «вполне сохранил свою древнюю форму»⁷. Он говорит также о простоте конструкций древней новгородской архитектуры, о щипцах в завершении, об орнаментальных и «скульптурных» украшениях фасадов, своеобразных и несимметричных, а также о крестах с закругленными концами, помещенных в кладку.

Описание храма Спаса-Преображения на Торговой стороне содержится в «Истории русского искусства А. П. Новицкого»⁸. Отмечено, что это «небольшая, одноабсидная церковь», перечислены элементы декора фасадов, подчеркнуто, что к тому же типу относятся еще церковь Федора Стратилата в Новгороде, а также церковь Успения на Волотовом поле и некоторые псковские храмы.

Написавшие для первой «Истории русского искусства» И. Э. Грабаря главу «Расцвет новгородского зодчества» архитекторы неорусского стиля А. В. Щусев и В. А. Покровский, столько сделавшие для понимания художественной, образной стороны новгородской и псковской архитектуры, странным образом не слишком высоко оценили архитектуру

¹ Прохоров В. А. О новгородских и псковских церквях // Христианские древности и археология. 1872. № 1. С. 25.

² Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860. С. 301–309.

³ Куприянов И. К. Прогулка по Новгороду и его окрестностям. Новгород, 1862. С. 114–115.

⁴ Даль Л. В. Историческое исследование памятников русского зодчества. Ч. III // Зодчий. 1872. № 7. С. 101–102.

⁵ Суслов В. В. Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. СПб., 1888.

⁶ Павлинов А. М. История русской архитектуры. М., 1894. С. 104–105.

⁷ Гаршин Е. М. Новгородские древности. 3-е изд. СПб., 1890. С. 6–8.

⁸ Новицкий А. П. История русского искусства. М., 1899. С. 77–78.

церкви Спаса на Ильине улице, написав о ней: «Собор Спаса Преображения на Торговой стороне, построенный в 1374 г., представляет собой наиболее законченно-выработанный образец фронтонных церквей. Некоторая сухость его искупается богатством и разнообразием мотивов стенных украшений. Особенно часто для этой цели применяются кресты разнообразных рисунков, а также и ниши как бы заложённых окон, – один из последних отголосков Византии. Нынешняя глава, так же как и колокольня – позднейшего происхождения»⁹.

Отдельный очерк посвятил храму В. В. Суслов, который впервые дал подробное описание общей композиции, а также конструкций и отдельных форм и снабдил его точными и детальными чертежами¹⁰. Очерк о церкви Спаса был помещен сразу за очерком о церкви Федора Стратилата (на Федоровой улице, в тексте названа «на Торговой стороне»), так что для внимательного читателя просматривалась связь между этими выдающимися новгородскими храмами, но в тексте эта связь не нашла своего отражения.

Отдельно следует сказать о чертежах церкви Спаса, помещенных в созданном В. В. Суловым труде. Первым (на странице 35) напечатан южный фасад храма, очень подробный чертеж с отмывкой. Это тот самый чертеж (вернее – его большой фрагмент с южным фасадом, который упоминается выше и связывается в НИМАХ с именем И. И. Горностаева (А 3565). Использование чертежа И. И. Горностаева для издания В. В. Сулова вполне возможно, тем более что на следующей странице этого издания (страница 36) мы видим еще три чертежа, план храма, продольный разрез и западный фасад, из которых два чертежа (план и продольный разрез) взяты из того же чертежа, приписываемого И. И. Горностаеву.

Сложнее с помещенным на той же странице западным фасадом. Он много суше только что упомянутого чертежа с южным фасадом, связываемого с И. И. Горностаевым. И действительно, он происходит из другой группы, гораздо более сухих и «ученых» чертежей церкви Спаса на Ильине, обнаруженных нами в НИМАХ. Это лист с южным фасадом, планом и продольным разрезом (А 4932), лист с западным и восточным фасадами и планом по уровню хор (А 5021), а также лист с западным фасадом (А 5020). Не этот последний лист был напечатан в работе В. В. Сулова, а фрагмент листа А 5021, в котором, как и в напечатанном чертеже, подробнее показана крыша. Можно предположить, что все эти три листа с довольно подробными чертежами новгородской

церкви выполнены самим В. В. Суловым. Этому предположению не противоречит и то, что рисунок крестов из того же храма, помещенный в той же работе В. В. Сулова, по своей графике близок указанным графическим листам из НИМАХ.

Открытие церкви Спаса на Ильине улице как безусловного шедевра новгородской архитектуры и постановка храма в связь с церковью Федора Стратилата (как развитие последней) сделано, по всей видимости, Ю. И. Шамуриным, но при опоре на исследования В. В. Сулова. В связи со значением посвященных церкви Спаса строк из книги Ю. И. Шамурина мы приводим их полностью.

«Среди «фронтонных» новгородских церквей XIV века Спаса Преображение отличается силой выявления нового художественного идеала. Феодор Стратилат кажется попыткой, Спас – зрелым достижением. Архитектурных отличий между двумя церквями почти нет; однако декорация Спаса значительно пышнее и разнообразнее. Многие приемы Феодора Стратилата повторены и здесь, но с большей удачей. Особенно это относится к алтарной абсиде; украшения одинаковы, но арочный поясок на Спасской церкви найден лучше и не отягчает верхней части абсиды. Все вдавления на стенах сделаны глубже, и это придает им большую определенность. В размещении украшений нет стремления к симметрии. Обетные кресты вкраплены без симметрии, благодаря разнокалиберности и разновременности, но даже и украшения, намеченные при самом сооружении церкви, не стремятся к правильности. Стены Спаса все испещрены треугольными впадинами, остроугольными и закругленными нишами, круглыми вдавлениями и крестами, иногда очень сложной формы. Кресты, помещаемые на стенах церковью, делались двух типов: накладные выпуклые кресты прилепляются из соображений симметрии и порядка; они делаются восьми и десятиконечными, на подставках, иногда с кругами, символизирующими сияние; мелкие четверокопечные кресты, вровень со стеной, помещаются в круглых нишах. На стенах Спасской церкви перемешаны кресты обоих типов. Если откинуть эти кресты как элемент случайный и частью не современный основанию церкви, то ее стены окажутся не такими узорчатыми, какими они представляются теперь. Стены облеплены крестами неравномерно, больше всего их на южной стене. Барабан еще больше насыщен узорами и украшениями, чем на Феодоре Стратилате»¹¹. Здесь синтезированы несколько идей: идея зрелости и великолепия церкви Спаса сочетается с идеей красоты, выраженной при помощи неправильности, асимметрии, свободы декора. Это собственно – основные идеи неорусского стиля, высказанные в отношении одного из его ключевых преобразов.

⁹ Щусев А. В., Покровский В. А. Расцвет новгородского зодчества // История русского искусства. М., б. г. [1909]. С. 208–209.

¹⁰ Церковь Спаса Преображения в Новгороде // Памятники древнерусского искусства. Издание Императорской Академии художеств. Вып. II. [Текст выпуска составил В. В. Сулов]. СПб., 1909. С. 34–37.

¹¹ Шамурин Ю. И. Великий Новгород. М., 1914. С. 37.

А. И. Некрасов сначала дал только краткий очерк храма Спаса, назвав его «лучшим памятником» в ранней книге (учебнике)¹², а в специальной книге о художественной культуре Новгорода тоже увидел в церкви Спаса «совершеннейший образец классического новгородского церковного зодчества XIV века». Разбор архитектуры памятника у этого автора частично продолжает идеи предыдущего времени, но эти идеи дополнены точными художественными определениями, характерными не только для этого ученого, но и для расцвета формального анализа на русской (советской) почве (особенно выделим фрагмент о портале и определение «стройно поднимающийся храм, тяжелый, но не неуклюжий»): «Храм своей системой и декорацией совершенно подобен Федору Стратилату. Новостью является лишь перспективный портал, составленный из ряда входящих и постепенно уменьшающихся дуг. Отличие от перспективных порталов владими́ро-суздальской архитектуры заключается в том, что арки портала Спасо-Преображенского собора, не прерываясь никакими капителями, прямо переходят в косяки пролетов портала. Во всем остальном подобие с церковью Федора Стратилата таково, что можно смело предположить одного и того же строителя для обеих церквей, сперва робкого, а потом смелого, введшего надлежащие пропорции в открытую им систему и большее богатство в употребленные декорации. Мы видим стройно поднимающийся храм, правда, тяжелый, но не неуклюжий, с линиями, уверенно и точно нарисованными, с большим количеством заостренных окон, симметрично расположенных по стене, с бровками, впадинками, кирпичными фризами и скульптурными крестами по стенам, гладким, но расчлененным и строго ограниченным лопатками и арками вверху. Особенно элегантно разделка абсиды, где нижний ряд окон поставлен несколько выше середины абсиды, оставляя ее нижнюю гладь, как прочный фундамент при более легковесном верхе. Спасо-Преображенский собор не только наиболее совершенный образец новгородского классического зодчества, но и наиболее роскошный»¹³. От себя заметим, что идея о том, что церкви Федора Стратилата и Спаса на Ильине построены одним мастером, развивавшимся от 1360 к 1374 г., кажется нам очень плодотворной. В своей более поздней монографии, охватывающей всю древнерусскую архитектуру, А. И. Некрасов говорит о церкви Спаса как о постройке той же иконографии, как о классическом храме своего стиля, как о стройном памятнике, в котором «получается значительная вертикальная динамика, превращающая пластически единую массу в своего рода монумент»¹⁴.

¹² Некрасов А. И. Византийское и русское искусство. М., 1924. С. 93.

¹³ Некрасов А. И. Великий Новгород и его художественная жизнь. М., 1924. С. 59–60.

¹⁴ Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII века. М., 1936. С. 152–153.

Совсем коротко говорится об архитектуре храма в путеводителе по Новгороду 1920-х гг., написанном М. В. Муравьевым: церковь «выделяется своими обронными украшениями... ; в ней был 21 вкладной крест (часть их взята в Исторический музей в Москве)»¹⁵ (отметим этот интересный факт).

Н. И. Брунов в разделе «История древнерусского зодчества», помещенном в совместной с М. В. Алпатовым «Истории древнерусского искусства», вышедшей на немецком языке в 1932 г., рассматривал памятник как вершину стиля, он указал на западное происхождение орнаментальных мотивов памятника; много места в разборе и описании храма занимают вопросы расчленения форм, разделки фасадов, соотношения гигантского масштаба всего здания и сомасштабных человеческой фигуре небольших декоративных форм, окон и порталов¹⁶.

В путеводителе по Новгороду А. А. Строкова и В. А. Богусевича церкви Спаса на Ильине улице уделено довольно много места, но в основном мы видим в этой книге описание храма; стоит обратить внимание на предполагавшуюся связь покрытия храма (полопастного или пофронтоного) с западноевропейской архитектурой¹⁷. В книге содержатся важные сведения об открытом во время предвоенных реставрационных работ (когда были сломаны поздняя паперть и колокольня, других сведений об этих работах мы не знаем) на месте древнего притвора: «Во время ремонтно-реставрационных работ 1936 года при разборке западной пристройки и колокольни XIX века были обнаружены остатки западного притвора, относящегося ко времени первоначальной постройки памятника. От притвора сохранилась значительная часть массивной западной стены с дверным проемом и фундаменты боковых стен (южной и северной). Кроме того, на западной стене церкви хорошо виден след примыкания коробового свода притвора. План притвора также прямоугольный, ширина его равнялась среднему делению западной стены, что подтверждается отсутствием средних пилястр на месте примыкания боковых стен притвора. Этот притвор изображен на иконе XV в., так называемой «битве новгородцев с суздальцами». Он представлен там с двускатной кровлей, с поставленной на нем двухпролетной звонницей. Большая толщина западной стены притвора (2 метра, боковые стены притвора равны 1 м) объясняется установкой на ней столбов звонницы»¹⁸.

¹⁵ Муравьев М. В. Новгород Великий. Л., б. г. С. 39–40. Обронные украшения – термин, пришедший в дореволюционную историю искусств из древнерусского ювелирного дела; это дополнительные, выступающие детали. Для архитектуры сейчас не употребляется.

¹⁶ Alpatov M., Brunov N. Geschichte der Altrussischen Kunst. Augsburg, 1932. S. 66–68.

¹⁷ Строков А. А., Богусевич В. А. Новгород Великий. Л., 1939. С. 103–110.

¹⁸ Там же. С. 104.

В.Н.Лазарев в книге о новгородском искусстве, написанной, вероятно, еще до Великой Отечественной войны, тоже рассматривал церковь Спаса как развитие композиционных идей и декоративных приемов церкви Федора Стратилата, он подчеркнул стройность храма и остановился на деталях фасадной декорации. «Все те художественные принципы, которые заложены в церкви Федора Стратилата, получают дальнейшее развитие в соборе Спаса Преображения, являющемся одним из прекраснейших архитектурных памятников Новгорода. По своим вытянутым, изящным пропорциям это – самая стройная новгородская церковь. Ее мощные двухступенчатые лопатки делают стены на три неравных части. В их подчёркнутом вертикализме есть нечто готическое. На них опираются ползучие арочки, по лопастям которых шла, в свое время, кровля. Стены богато разукрашены нишками, узорами из треугольных впадинок, арочными поясками, жгутами, сухариками, вкладными крестами различной формы. Все эти украшения, по контрасту с гладкими пилястрами, придают стене самостоятельное значение. Они свободно разбросаны по ее поверхности, так же свободно, как неодинаковой формы окна. Маленький портал заставляет казаться здание большим, чем оно есть. Разделка апсиды с помощью ниш очень напоминает церковь Федора Стратилата. Особенно богата декорировка барабана, несущего позднюю главку, надставленную над срезанной шлемовидной главой (здесь приводятся сведения о найденном в 1936 г. основании притвора, взятые из книги В.Строкова и А.Богусевича. – В.С.) ... Внутри собор Спаса так же строен, как и снаружи. Его сильно вытянутые арки и высокий купол усиливают вертикальную ось. В толще западной стены проложена каменная лестница, ведущая на деревянные хоры. Последние сообщаются с двумя большими камерами, которые находятся в северо-западном и юго-восточном углах здания. Хотя в этих камерах и были алтари, служба производилась в них очень редко, так как главным их назначением было хранение ценностей и документов»¹⁹.

Кроме того, В.Н.Лазарев указал на ряд подражаний церкви Спаса, среди которых выделил церковь Петра и Павла в Кожевниках.

Очень сходно понимание архитектуры храма у писавшего в то же время историка архитектуры М.К.Каргера. Он идет от внутренней композиции к фасадам (что точнее с архитектуроведческой точки зрения), а кроме того, видит в церкви Спаса не только вершину новгородского зодчества, но и некий предел его развития.

«По плану и общей композиции интерьера церковь Спаса близко напоминает церковь Федора Стратилата, если не считать, что зодчий церкви Спаса вновь вернулся к старой трактовке полатей в

виде двух замкнутых камер по углам, с деревянным переходом между ними. Ход на хоры тоже сделан по-старому, в толще западной стены. Фасады храма имеют трехчастные членения лопатками.

Зодчий церкви Спаса, продолжая линию, начатую строителем церкви Федора Стратилата в отношении декоративной обработки фасадов, идет в этом отношении значительно дальше. Все стены, барабан, апсида церкви Спаса буквально испещрены декоративными мотивами. Наряду с нишками самых разнообразных форм, бровками над окнами, розетками, поясками, фасады церкви Спаса изобилуют вставными каменными скульптурными крестами причудливых форм. Изобилие декоративного убранства на фасадах церкви Спаса достигает предела, нарушая типичную для новгородского зодчества конструктивную строгость и лаконизм форм»²⁰. В более позднем издании М.К.Каргер добавил несколько строк о появившейся впервые в церкви Спаса на Ильине «своеобразной композиции из трех окон и двух ниш, объединенных многолопастной бровкой, рисунок которой до некоторой степени повторяет трехлопастное завершение фасадов», а также о нескольких повторениях этой формы в конце XIV – и начале XV вв.²¹.

Выводы предыдущих исследований повторил в написанной им главе для «Истории русской архитектуры» Н.И.Брунов, писавший сразу о двух памятниках – церкви Федора Стратилата и Спаса на Ильине; ученый подчеркивал, что они могли быть построены одной и той же артелью мастеров²².

В достаточно традиционном ключе описывала и анализировала архитектуру церкви Л.М.Шуляк, ранее отреставрировавшая памятник: она отмечает богатство фасадов, характеризует архитектуру храма как «пышную и богатую»²³. В работе исследовательницы приведены важные сведения об открытом во время реставрации тройном окне на южном фасаде и о кладке барабана с использованием керамических сосудов; небольшую брошюру сопровождают несколько важных для изучения церкви иллюстраций, среди которых отметим авторские реконструкции: первоначальный план с притвором и перспективный предполагаемый вид храма на XIV в.

П.Н.Максимов, писавший с опорой на сведения Л.М.Шуляк, а также на высказывания М.К.Каргера

²⁰ Каргер М.К. Новгород Великий. М., 1946. С. 69–72; Он же. Новгородское зодчество // История русского искусства. Т. II. М., 1954. С. 58–60; Он же. Новгород Великий. Л.; М., 1961. С. 41–42 [о памятнике говорится еще на с. 194–198]. За М.К.Каргером последовал Н.Н.Воронин, высказавший схожие мысли: Воронин Н.Н. Архитектура // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 2 : Духовная культура. М., 1969. С. 220.

²¹ Каргер М.К. Новгород. Л.; М., 1970. С. 33.

²² История русской архитектуры : краткий курс. М., 1951. С. 42; История русской архитектуры. М., 1956. С. 71.

²³ Шуляк Л.М. Памятники архитектуры Новгорода. Церковь Спаса Преображения. Новгород, 1958.

¹⁹ Лазарев В.Н. Искусство Новгорода. М.; Л., 1947. С. 104.

и Н.И.Брунова, тоже рассматривал сразу два новгородских храма, Федора Стратилата и Спаса на Ильине, и видел в них развитие найденной в XIII в. композиции, но с увеличенными размерами и новым «внешним убранством, придающим зданию торжественный и величественный характер и делающим его живописнее»²⁴. В работе П.Н.Максимова, посвященной всей древнерусской архитектуре, церковь Спаса на Ильине тоже рассматривается в русле сложившейся научной традиции: как развитие церкви Федора Стратилата, как обильно украшенный новгородский храм с формами и приемами, выработанными в более раннее время²⁵. До этого П.Н.Максимов привел церковь Спаса в качестве примера использования западноевропейских приемов в новгородском зодчестве (двухъярусные аркады на абсиде, стрельчатое завершение некоторых окон)²⁶.

В итоговой статье новгородских архитекторов-реставраторов, вышедшей в 1964 г. в разделе, написанном Л.М.Шуляк, церковь Спаса на Ильине улице несколько раз упоминается в качестве примера тех или иных форм новгородского зодчества XIV–XV вв.: как самый насыщенный декором памятник, как самый ранний образец храма с композицией из трех окон и двух ниш под бровкой; названы также двухступчатые лопатки, внутрискладная лестница, засосы в окнах; говорится также о том, что под приделами на хорах своды поздние, а первоначально здесь было плоское деревянное перекрытие²⁷.

Следует упомянуть подробный, но описательный очерк архитектуры храма в книге Г.И.Вздорнова, посвященной фресковой росписи Феофана Грека²⁸. В обзорных работах 1980 – начала 1990-х гг. повторялись в основном устоявшиеся мнения относительно архитектуры церкви Спаса²⁹.

²⁴ Всеобщая история архитектуры. Т. 6. М., 1968. С. 19–20 [раздел написан П.Н.Максимовым].

²⁵ Максимов П.Н. Творческие методы древнерусских зодчих. М., 1976. С. 106–111.

²⁶ Максимов П.Н. Зарубежные связи в архитектуре Новгорода и Пскова XI – начала XVI веков // Архитектурное наследие. № 12. М., 1960. С. 23–44 [о церкви Спаса – с. 36–37].

²⁷ Гладенко Т.В., Красноречьев Л.Е., Штендер Г.М., Шуляк Л.М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города : сборник статей. М., 1964. С. 224–232.

²⁸ Вздорнов Г.И. Фрески Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. М., 1976. С. 9–17.

²⁹ Пилявский В.И., Тиц А.А., Ушаков Ю.С. История русского искусства. Л., 1984. С. 160–161; Вагнер Г.К. Искусство мыслить в камне. М., 1990. С. 152–154; Иконников А.В. Тысяча лет русской архитектуры. М., 1990. С. 93–96; Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 137–138. Упомянем также эссеистическую работу М.В.Алпатова, в которой архитектуры церкви Спаса на Ильине улице почти нет, но есть попытка создания очерка новгородской культуры времени создания знаменитой росписи (Алпатов М.В. Феофан Грек. М., 1979). Назовем также недавнюю брошюру, суммирующую представления об архитектуре и живописи памятника: Царевская Т.Ю. Церковь

К методу аналитической реставрации с сохранением существенных переделок основной части памятника отнес в своем обзоре методик новгородских реставраторов Г.М.Штендер проведенную по проекту Л.М.Шуляк реставрацию, указывающий на то, что в храме Спаса были отреставрированы композиции пятичастных окон и кирпичный декор. Особо сказано о новой главе на церкви, созданной заново и являющейся, по нашему мнению, примером художественного подхода в реставрации. Г.М.Штендер писал: «При реставрации всемирно известной церкви Спаса на Ильине замена поврежденной главы, по видимому, XVIII века (провинциальное барокко) новой главой, выполненной в характере глав XVI века (времени устройства восьмикатного покрытия), вернула памятнику былое композиционное единство. Благодаря такой замене памятнику в значительной мере возвращена и стилевая цельность, полнее выявляющая его значение как произведения искусства, за счет потери не очень ценного наслоения. Эта мера и здесь была продиктована объективными свойствами постройки – ее высокими архитектурно-художественными достоинствами, в которых автор проекта почувствовал скрытые архитектурно-художественные возможности. После реставрации церковь Спаса на Ильине воспринимается как одно из наиболее гармоничных созданий новгородского зодчества, как произведение искусства XIV века, несмотря на форму покрытия XVI века»³⁰.

Отметим, что с начала 1990-х годов и до настоящего времени о церкви Спаса на Ильине не было сказано почти ничего. В работе об архитектуре церкви Федора Стратилата на Федоровой улице автор этой книги обращался к отдельным декоративным приемам церкви Спаса, но в основном как к «проекции» более ранней церкви Федора³¹. Можно упомянуть только два недавних энциклопедических очерка, посвященных архитектуре и реставрации храма Спаса³² и очерк архитектуры церкви Спаса на Ильине в купе с храмом Знамения³³.

В недавнее время студентка Н.Р.Селютина под руководством автора провела исследования фа-

Спаса Преображения на Ильине улице / Новгородский музей-заповедник. Великий Новгород, 2010.

³⁰ Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества // Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). М., 1981. С. 58.

³¹ Седов Вл.В. Церковь Федора Стратилата в Новгороде // Архив архитектуры. Вып. IX. М., 1997. С. 3–43 [о церкви Спаса – с. 20–24].

³² Комеч А.И. Церковь Спаса Преображения на Ильине улице // Великий Новгород : энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 505–506; Терская И.В. Церковь Спаса Преображения на Ильиной улице // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области / сост. и науч. ред. М.И.Мильчик. СПб., 2008. С. 267–269 [тот же текст во втором издании: СПб., 2014. С. 267–269].

³³ Булкин В.А., Прудников О.А. Древнейший ансамбль Ильинской улицы // София. 1999. № 3. С. 16–20.

садов, интерьеров и освещения храма Спаса на Ильине улице и опубликовала тезисы и статью с иллюстрациями³⁴, часть из которых использована в нашей книге.

Мы не будем приводить подробного обзора научной литературы по настенной живописи в церкви Спаса на Ильине улице. Помимо уже отмеченной и ставшей опорной вехой работы Г.Н.Вздорнова, вышедшей в 1976 г. и содержащей подробную библиографию живописи церкви на Ильине улице, следует назвать несколько публикаций последних 40 лет. Следует отметить, что общей системой росписи 1378 г. и ее стилевыми особенностями искусствоведы в последнее время почти не занимались. Исключение составляют работы Л.И.Лифшица, обзорный очерк программы росписи и ее стиля и анализ программы и схемы росписи Троицкого придела³⁵.

М.А.Орлова в монографии, посвященной наружным росписям византийских и древнерусских храмов, приводит сведения о наружном образе «Знамения» в нише на южном фасаде церкви Спаса, обращенном в сторону Знаменского собора, а также образ Богородицы Одигитрии на западном фасаде храма, относящийся ко времени более позднему, чем роспись Феофана Грека 1378 г.³⁶ Две аналитические статьи Т.Ю.Царевской были посвящены тому же фресковому изображению Богородицы Одигитрии в нише над западным входом в храм (она находилась внутри сводчатого притвора). Эта фреска, по мнению исследовательницы, принадлежит концу XIV в.³⁷

³⁴ Селютина Н.Р., Павлов Н.Л., Ермоленко Е.В. Церковь Спаса на Ильине улице в Новгороде. Принципы пространственного и светового построения // Московский архитектурный институт. Научное, образовательное и экспериментальное проектирование : тезисы докладов Международной научно-практической конференции, 11–15 апреля 2011 г. Т. 1. М., 2011. С. 181–182; Селютина Н.Р., Павлов Н.Л., Ермоленко Е.В. Церковь Спаса на Ильине улице в Новгороде. Принципы пространственного и светового построения // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ : материалы Международной научно-практической конференции, 11–15 апреля 2011 г. : сборник статей. М., 2011. С. 117–123.

³⁵ Лифшиц Л.И. Монументальная живопись Новгорода XIV–XV веков. М., 1987. С. 21–25; 500–508; Лифшиц Л.И. Фрески Феофана Грека в Троицком приделе церкви Спаса на Ильине улице. (Об иконографической программе росписи) // ДРИ. Византия, Русь, Западная Европа : искусство и культура. СПб., 2002. С. 269–288.

³⁶ Орлова М.А. Наружные росписи средневековых памятников архитектуры. Византия. Балканы. Древняя Русь. М., 1990. С. 176–177. См. также: Анисимов А.И. Новоткрытые фрески Новгорода // Старые годы. 1913. № 12. С. 53–55.

³⁷ Царевская Т.Ю. Фреска церкви Спаса на Ильине улице «Богородица Одигитрия» и ее художественные истоки // Зограф. Бр. 34. Белград, 2010. С. 125–136; Царевская Т.Ю. Фреска церкви Спаса на Ильине улице «Богородица Одигитрия» и ее художественные истоки // Древнерусское искусство. Искусство средневековой Руси и Византии эпохи Андрея Рублёва. М., 2012. С. 73–85.

Следует отдельно сказать несколько строк о понижении уровня пола до первоначального, осуществленном в 1970-х гг. в восточной части храма в результате археологических раскопок. Раскопки были осуществлены под руководством М.К.Каргера, но отчет об этих работах пока не найден. Сведения об этих работах содержатся в книге Г.И.Вздорнова, в которой о них сказано: «В 1970 году по инициативе Новгородского музея производились также археологические раскопки в апсиде церкви Спаса, где наряду с многочисленными обломками фресок из толстого культурного слоя были обнаружены остатки интересной живописи над синтроном и за епископским креслом. Эпизодические работы в церкви Спаса велись и в последующие годы. В частности, из-за слабого сцепления штукатурного слоя с каменной кладкой фрагменты фресок, находившиеся в нижней части алтарной ниши, сразу же после их открытия пришлось снять со стены, и заново на прежнем месте они были смонтированы только в 1975 году»³⁸. Автор приходит к выводу о том, что возможны еще новые находки участков фресковой росписи: «Но значительно больше сулят работы по удалению существующего пола, который находится почти на полтора метра выше древнего пола, сложенного из каменных плит»³⁹.

Г.И.Вздорнов сообщает еще раз о раскопках в алтаре церкви Спаса: «Летом 1970 года в алтарной апсиде церкви Спаса Преображения были произведены раскопки, имевшие целью обнаружить остатки древнего пола, престола и синтрона. В ходе раскопок выяснилось, что древний синтрон послужил в позднейшее время основанием для кирпичной стенки, которая наглухо закрывала нижние части восточной стены апсиды. Когда кладка была удалена, открылась широкая полоса живописи XIV века с изображением орнаментированных тканей (десятый регистр), а над горным местом – остаток сюжетной фрески: фрагмент с изображениями высокого трона-седалища, подставки-подножия и нижней части восседающей на троне плотно задрапированной фигуры, от которой уцелела одна (левая) обутая в сандалию нога и беспокойно ниспадающие на плиту подножия складки серо-синего одеяния. Эта фреска обрамлена широкой красной полосой и, судя по ее предполагаемой высоте, она частично вклинивалась в регистр с изображениями святителей. Нет никаких сомнений в том, что здесь был представлен Иисус Христос, вероятно, в том редком иконографическом типе священника по чину Мельхиседекову, еще не облаченного в архиерейские одежды, как это сделано, например, в церкви Спаса на Нереди-

³⁸ Вздорнов Г.И. Фрески Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. М., 1976. С. 25.

³⁹ Там же. С. 26.

це, где аналогичное изображение также помещалось над горным местом»⁴⁰.

Кроме Г.И.Вздорнова к результатам археологических раскопок в алтарной части церкви Спаса на Ильине обратилась В.М.Ковалёва, которая в своей статье об изменениях первоначальной цветовой гаммы фресок упоминает о раскопках М.К.Каргера в летний сезон 1970 г., дает сведения о трех пожарах, коснувшихся храма, а также о трех уровнях пола, первоначальном, втором (XVI–XVII вв.) и третьем, существующем, конца XVIII–XIX в. Автор статьи рассказывает об открытом живописном фризе с полотнами и фрагментах композиции «Спас на престоле» на спинке синтрона в абсиде и констатирует более яркий цвет раскрытых стеновых росписей в алтаре⁴¹.

Два чертежа экспедиции М.К.Каргера, хранящиеся в отделе рукописных источников Новгородского музея, мы публикуем в этой книге.

Краткое сообщение и статью об исследовании орнаментов росписей храма Спаса на Ильине улице опубликовала М.А.Орлова⁴². Затем наблюдения ис-

⁴⁰ Вздорнов Г.И. Фрески Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. М., 1976. С. 102.

⁴¹ Ковалёва В.М. К вопросу об изменении первоначальной цветовой гаммы некоторых памятников монументальной живописи XII–XV столетий // Древний Новгород. История. Искусство. Археология : новые исследования. М., 1983. С. 302–309.

⁴² Орлова М.А. Орнамент и декоративные приемы в росписи Спаса на Ильине улице в Новгороде // Византия. Русь. Западная Европа. Искусство и культура : тезисы до-

следовательницы были сведены в монографии по орнаментам в древнерусских фресковых росписях конца XIII – начала XVI в., в которой большой очерк и каталожное описание посвящены орнаментам в росписях 1378 г. в церкви Спаса на Ильине улице⁴³.

Приведенный обзор научной литературы по архитектуре церкви Спаса на Ильине улице показывает, что в историографии архитектуры или архитектурной стороны памятника постепенно сложилось устойчивое представление о нем как о вершине новгородской традиции. В упомянутых исследованиях сделаны интересные наблюдения об общем образе и отдельных декоративных деталях храма. Но одновременно при чтении посвященных церкви строк становится ясно, что архитектура ее еще недостаточно исследована, что затронутые проблемы не решены окончательно, мало того, не все проблемы архитектуры памятника вообще были затронуты. Отсюда следует, что постановка возможных проблем, возможное их решение, а также внимательное взглядывание в архитектуру храма сулят множество находок и настоящих открытий.

кладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора В.Н.Лазарева (1897–1976). Москва, 29 сентября – 2 октября 1997. СПб., 1997. С. 28; Орлова М.А. О некоторых типах орнамента в росписи церкви Спаса на Ильине улице в Новгороде и особенности декорации ее алтаря // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа : искусство и культура. СПб., 2002. С. 289–299.

⁴³ Орлова М.А. Орнамент в монументальной живописи Древней Руси. Конец XIII – начало XVI в. Ч. 1. М., 2004. С. 71–106 [текст], 391–398 [каталог]; Ч. 2. М., 2004. С. 25–50 [иллюстрации].

Глава 6

Описание архитектуры церкви

Церковь Спаса-Преображения на Ильине улице – храм типа «вписанный крест» (по типологии, принятой для византийской архитектуры): своды его с куполом на барабане несут четыре столба, выделяющие внутри храма пространственный крест, образуемый четырьмя «ветвями» или «рукавами» креста, ограниченными стенами и арками и перекрытыми полуциркульными (или, точнее, – коробовыми) сводами. Вся эта система опор и сводов вписана в прямоугольное «тело» храма – основной объем, завершенный куполом на высоком световом барабане. С востока ветвь креста заканчивается полукруглой абсидой. С запада перед храмом выступал небольшой прямоугольный притвор, основания которого были открыты во время реставрации памятника в 1936 г. (несуществующий коробовый свод этого притвора «отражается» на западном фасаде храма в виде арочной дуги).

Храм сложен из камня и кирпича. Из камня, серого известняка (плитняка) и розового ракушечника, сложены стены, тогда как ответственные части стен, лопатки, обрамления окон и порталов, арки и своды, а также барабан и купол выложены из кирпича брусковой формы, имеющего характерные для новгородских памятников XIV в. крупные размеры: 6,6–7 × 14–14,5 × 27–29 см¹.

Церковь имеет значительные для новгородской архитектуры размеры: 16 на 16 метров при размерах подкупольного пространства 4,2 на 4,6 метра. Для сравнения, размеры церкви Благовещения на Городище 1342–1343 гг. – 15 × 15 м при подкупольном пространстве 4 × 4,2 м, церкви Федора Стратилата на Федоровой улице 1360–1361 гг. – 14 × 15 м при подкупольном квадрате 4,2 × 4,8 м, а церкви Рождества Богородицы на Молоткове 1379 г. – 14 × 15 м. Церковь Спаса на Ильине, пусть ненамного, превосходит по своим размерам все храмы новгородской архитектуры XIII–XV вв. Это, по всей видимости, предел возможностей как художественных, так и конструктивных. И сразу скажем, что этот предел был не таким уж далеким, если размер 16 × 16 метров был для него крайним.

Расположение столбов в храме Спаса следующее: столбы не слишком раздвинуты к стенам, их расстановка выделяет подкупольное пространство, но одновременно оставляет место для довольно

длинных рукавов креста (их длина составляет из оставленного пространства и толщины столбов). Расстояние от западной пары столбов до западной стены такое же, как расстояние от боковых столбов к боковым стенам (то есть западный рукав креста и боковые рукава равны по длине), тогда как расстояние от восточной пары опор до восточной стены сильно уменьшено, а это значит, что восточный рукав креста, находившийся за алтарной преградой, имеет сокращенную длину.

В пространстве четыре массивных квадратных в сечении столба читаются только в нижней части храма, выше они арками сливаются со стенами, ограничивающими уже упомянутый пространственный крест от четырех угловых помещений девятидольного пространства храма. Пять ячеек – четыре рукава креста и средокрестье под барабаном – доминируют во внутреннем пространстве храма, определяя основную форму и создавая основное ощущение от интерьера.

Основная форма интерьера – высокий пространственный крест, настолько высокий, что глаз зрителя, ощущая его границы, все же теряет, перед нами форма уже на грани разрушения впечатления. Основное ощущение – стремительный набор высоты, ощущение не прерванного ничем скольжения вверх, к сводам, к барабану, к куполу.

Стены торцов ветвей креста имеют отлив над первым ярусом проемов. Две боковые западные ячейки двухъярусные: в нижнем ярусе они перекрыты полукоробовыми сводами (они поднимаются от западной стены к востоку), что совершенно необычно для новгородской архитектуры (обычно здесь располагался бревенчатый настил). Выше арок нижнего яруса угловые западные ячейки «спрятаны» за глухими стенами, прорезанными только двумя небольшими арочными проемами, ведущими в две высокие камеры, перекрытые тоже полукоробовыми сводами (они поднимаются от боковых стен в сторону западного рукава креста). Эти камеры, в которых помещались Троицкий (в северо-западном помещении, посвящение определяется по композиции «Троица» на западной стене) и Козмодемьянский (в юго-западном помещении, посвящение определяется методом исключения: если придел Троицы там, то здесь – второй из двух известных престолов «на полатех») приделы, соединены деревянным настилом хор, на которые выходит арочный проем внутрискрестной лестницы, круто взбирающейся в толще западной стены из северо-западного угла.

¹ Антипов И. В., Соленикова Е. В. Формат новгородских брусковых кирпичей конца XIII – середины XV вв. // Древние культуры и технологии : новые исследования молодых археологов. СПб., 1996. С. 122.

Внутри приделов, как и внутри боковых помещений с востока, хорошо читаются квадратные столбы: они выступают внутрь угловых помещений отчетливым прямым углом. Это значит, что новгородские мастера осознавали тектонику столбов, массивных и пронизывающих «тело» храма внутри насквозь, но декорировали, почти драпировали столбы стенами – для выделения пространственного креста. Приделы освещены каждый двумя окнами, расположенными в два уровня.

Несколько выше проема лестницы стена имеет уступ внутрь: с этого уровня такая толщина западной стены была уже не нужна. Выше проемов в приделы на обращенных в западный рукав креста поверхностях боковых помещений нет ни членений, ни проемов (только в северной стенке западного рукава почти под сводами есть маленький арочный проем для сообщения с пространством под крышей), как нет ни проемов, ни членений на западных сторонах боковых ветвей креста. Палатки отгорожены стенами, пространство ограничено инертной массой, выполняющей только роль границы, границы пространственного креста.

Восточные угловые помещения, перекрытые в верхнем уровне такими же полукоробовыми сводами, как и западные угловые палатки, решены по-разному. Юго-восточное угловое пространство отграничено глухими стенами, в которых выше нижних арок есть только один арочный проем: арочный вход в палатку, имеющую деревянный настил пола (здесь могла помещаться ризница). Вход к этому дверному проему, расположенному на западной стене (восточная стенка южного рукава креста), мог осуществляться только по приставной лестнице: в противоположной стене южного рукава проема нет и не могло быть: здесь размещается глухая алтарная стена придела Козьмы и Дамиана. Северо-восточная угловая часть церкви осталась единственным сколько-нибудь открытым в пространственный крест помещением: она сообщается с рукавами креста не только низкими арками проходов, но и высокими арками второго яруса, проводящими свет из окон в стенах.

Система световых проемов в храме четырехуровневая. Эта композиция проемов, новая для новгородской архитектуры того времени, была, вероятно, впервые применена в церкви Федора Стратилата на Федоровой улице 1360–1361 гг. Проемы основного объема храма расположены в четырех уровнях: первый – это уровень дверей (их три, они оформлены внутренними откосами с двускатными завершениями «домиком») и двух световых проемов на восточной стене: в дьяконнике и жертвеннике; второй – уровень парных окон в боковых ветвях креста и окон, освещающих боковые помещения; третий – похожий по расположению проемов, но помещенный выше; четвертый уровень –

окна в вершинах рукавов креста, они расположены крестообразно и дают свет в зону сводов. Отметим, что окна в боковых помещениях на хорах расположены в двух уровнях, одно окно над другим, что для Новгорода – такая же безусловная редкость (до этого – только в церкви Федора Стратилата на Федоровой улице), как и четырехуровневое расположение световых проемов.

Композицию интерьера завершает световой барабан с куполом в вершине, покоящийся на пониженных подпружных арках (переложных в XIX в. и имевших первоначально, вероятно, более мягкие формы и не столь сильно выступавших вниз), переход к кругу осуществлен с помощью троппов, навьяка, тоже поздних, в древнем храме должны были быть паруса). Под барабаном – ступенчатый кольцеобразный карниз. В барабане сейчас 4 узких высоких окна по сторонам света, но на внешней поверхности его 8 одинаковых заглаблений и обрамлений. Вероятнее всего, у храма было к моменту его постройки 8 окон, но затем диагональные окна были заделаны при начале росписи храма. Подобный случай зафиксирован в церкви Спаса на Ковалёве, так же поступили и в церкви Федора Стратилата – уже после строительства, перед росписью. Перед нами след процесса «приглушения» света в момент росписи, инициировавшийся, по всей видимости, самими живописцами.

Поскольку подкупольное пространство храма не квадратное, а прямоугольное, вытянутое с запада на восток, в продольном направлении, то для перехода к барабану боковые, северная и южная, подпружные арки устроены на ступенчатых консолях, выдающихся из стен боковых ветвей креста: это позволяет свести прямоугольник к квадрату. Консоли шире самих арок, они как будто подготавливают их появление, создают ожидание тяжести.

В северной стене западного рукава креста под основанием свода находится арочный проем: вероятно, выход в пространство под кровлей.

Фасады храма разделены двухступчатыми лопатками на три отрезка, три прясла, завершающиеся трехлопастными арками (средние прясла) или ползучими двух- или трехлопастными арками (боковые прясла). Лопастные арки тоже двухступчатые, второй уступ переходит на них с лопаток. Кроме того, лопастные арки по нижней грани дополнены зубчиками. Лопатки только очень условно соответствуют внутренним столбам, можно сказать, что лопатки образуют почти самостоятельную по отношению к столбам композицию. Окна, как мы знаем, расположены в 4 яруса (считая ярус дверей и проемов дьяконника и жертвенника с востока), декор в целом следует этим четырем ярусам.

На западном и восточном фасадах боковые прясла одинаковые, так что эти фасады имеют симметричные композиции.

Окна по форме можно разделить на три типа: арочные окна, стрельчатые окна и, наконец, стрельчатые окна с подчеркиванием верха уступом (верх у этих окон обычно почти треугольный, с острым углом). Над окнами иногда устраивали бровки двух типов – треугольные и арочные, бровки украшали зубчиками. Кроме того, в декоре фасадов использовали арочные и круглые нишки, иногда с бровками над группой нишек, стрельчатые нишки, полосы фигурной кладки, выкладные кресты нескольких типов, среди которых следует выделить кресты с разными окончаниями (ромбовидными, треугольными (расширяющимися), стреловидными, кресты с разным количеством перекладин, крест, вписанный в круг.

К западному фасаду первоначально примыкал довольно широкий пониженный притвор, прямоугольный в плане и пониженный относительно храма дополнительный объем, что объясняет, почему лопатки по сторонам среднего прясла начинаются не от уровня земли (они начинаются выше коробового свода притвора). Дверной проем, открывавшийся в притвор, арочный, он обрамлен перспективным порталом, в котором два прямоугольных уступа перемежаются с двумя округлыми тягами. По сторонам портала расположены две маленькие арочные нишки, а над самим порталом – крупная арочная ниша с фресковым изображением Богородицы. Все эти формы были видны изнутри притвора.

В первом ярусе западного фасада окон нет, второй ярус отмечен двумя окнами в боковых пряслах (в северном окне стрельчатое, в южном – арочное с бровкой), а также освещающим внутрискладную лестницу щелевидным окошком, почти примкнувшим к правой лопатке прясла. В третьем ярусе в среднем прясле расположены два стрельчатых окна с подчеркиванием верха уступом, такое же окно прорезает северное прясло, тогда как в южном видим арочное окно. Между окнами среднего прясла размещены две меньших по размеру стрельчатых нишки, а по бокам окна в северном прясле – круглые нишки. В этом регистре много выпуклых крестов, выложенных в кладке: два крестика на «голкофах» расположены над круглыми нишками в северном прясле, один крупный крест с расширяющимися концами помещен в простенке между правым окном среднего прясла и лопаткой, еще один крест, с расширяющимися концами и стреловидным верхним окончанием, накрытый бровкой, находим между окном и левой лопаткой в южном прясле. В верхнем, четвертом ярусе видим стрельчатое окно с подчеркиванием верха уступом, выше его – отрезок «бегунца», орнамента из кирпичных треугольников, две арочные нишки – по сторонам от окна, немного ниже его – два симметрично расположенных креста, а ниже окна – три нишки, арочная и две круглых по сторонам, «накрытых» одной трехлопастной бровкой.

На восточном фасаде декора практически нет, он сосредоточен в обрамлении окон. Отметим нишку с килевидным верхом внизу в южном прясле, относящуюся, по нашему мнению, к XVI или, вероятнее, к XVII в. Во втором ярусе в южном прясле окно арочное с арочной же бровкой, в северном – стрельчатое. В третьем ярусе окна обоих боковых прясел стрельчатые с треугольным уступом в завершении, они дополнены треугольными бровками. Окно четвертого яруса в среднем прясле – арочное (со стрельчатым просветом внутри).

Особый декор с двухуровневой аркатурой украшает абсиду: ее круглящая поверхность разделена вертикальными скругленными тягами-валиками на пять участков, которые на уровне окон второго яруса соединены арками, а по верху абсиды, примерно в третьем уровне окон, эти тяги соединены двойными арками, с висящими на консольках промежуточными «отростками».

В первый уровень аркатуры вписаны окна и ниши с обрамлениями одинаковой формы (арочными): три средних деления заняты окнами (два с прямоугольными щелевидными просветами, третье – с арочным просветом), а в боковые деления помещены похожие на окна ниши с углублениями арочной формы. Над тремя углублениями, нишей с юга и двумя следующими от нее по изгибу окнами устроены бровки, тогда как у окна и ниши с севера бровок нет. В верхней, вдвое более частой аркатуре окон нет, но в нее вписано 10 похожих на окна арочных ниш с арочными же углублениями.

Боковые, северный и южный фасады, не симметричны: четыре лопатки делят плоскость на три прясла, среди которых по ширине выделяются средние, тогда как в боковых отчетливо читается разница в длине западного и восточного рукавов креста: западные прясла намного шире восточных и потому завершены не двухлопастными, а трехлопастными арками, тогда как восточные прясла заметно узкие и завершены двухлопастными арками. Барабан сильно сдвинут к востоку, а лопатки не так сильно сдвинуты в эту сторону (если западные лопатки приходятся примерно на середину западных столбов, то восточные лопатки устроены так, что соответствуют западной части восточных столбов и даже несколько выходят к западу за линию их западных граней). В результате этого несоответствия (а оно, в свою очередь, было вызвано нежеланием сильно сужать восточные прясла и усиливать асимметрию боковых фасадов) перед мастерами храма встал вопрос: как завершить средние прясла боковых фасадов? Решение было найдено, но это решение половинчатое, если не сказать противоречивое. Средние прясла завершены, как мы уже говорили, трехлопастными арками, но эти арки шире собственно прясла и основание их с востока заходит на восточные лопатки, то есть опирается не на их край, а

буквально поставлено на верх оборвавшихся в этом месте лопаток. Получается, что среднее прясло не столь уж широко, но наверху, в уровне трехлопастных арок, оно расширяется и как будто «подстраивается» к смещенному к востоку барабану, соответствуя ему примерно по ширине и расположению на обоих боковых фасадах.

На южном фасаде, который, как уже было сказано, выходил на Ильину улицу и смотрел на стоящий через нее храм Знаменья, декор наиболее концентрирован. В первом ярусе здесь следует отметить четыре вделанных в стену каменных креста, два – по сторонам портала и два – в боковых пряслах, еще один, маленький крестик, вделан в левую лопатку среднего прясла, тогда как крест в правой лопатке вделан уже значительно выше, почти на уровне второго яруса окон. Вход в храм отмечен арочным перспективным порталом с перемежающимися прямоугольными и округлыми тягами, отличие этого портала от западного состоит в том, что здесь портал не просто расширяется, но от внутренних уступов к внешним расстояние между уступами несколько увеличивается, а также увеличиваются и сами тяги, чем усиливается перспективный эффект. Портал завершен полукруглой бровкой с зубчиками.

Этот мотив бровки подхватывается на всей плоскости южного фасада: во втором ярусе окон трехлопастная бровка «накрывает» пятичастную композицию из окон и ниш (арочная ниша, по сторонам от нее – две полуарочные ниши и фланкирующие всю композицию окна с полуарочным завершением) в среднем прясле, окна второго яруса в боковых пряслах тоже завершены бровками, арочными, как и сами окна, обрамленные уступами. Мало того, на ближних к южному фасаду боковых пряслах (южном на западном фасаде и южном – на восточном) во втором ярусе проемов окна тоже имеют бровки: этот мотив как бы переходит на смежные фасады. На восточном фасаде бровка в южном боковом прясле продолжена тремя бровками над нишей и окнами в южной половине абсиды – в нижнем уровне аркатуры. А еще и этот первый уровень аркатуры на абсиде тоже по высоте увязан с этим вторым ярусом проемов, в котором столь много бровок. Получается, что почти вся южная половина храма выделена во втором уровне проемов бровками над окнами и нишами. Это – самая украшенная часть храма, видимая с Ильиной улицы. Ее мастера декорировали с особой тщательностью.

Еще одна бровка на южном фасаде (трехлопастная, как и на западном фасаде) расположена над третьим уровнем проемов в среднем прясле, эта трехлопастная бровка завершает композицию из трех ниш, средней арочной и двух круглых – по сторонам от нее (ниже еще три маленьких круглых ниши).

Если во втором уровне окна были арочные, то в третьем они стрельчатые, причем в среднем прясле из пары окон (между ними похожие по форме ниши меньшего размера) правое окно стрельчатое, а левое – похожее, но с треугольной «стрелкой» в завершении. В западном прясле окно такое же, как левое – в среднем; справа и чуть выше оно дополнено выложенным крестом: он имеет основание («Голгофу»), завершен стреловидной «верхушкой» и дополнен мелкими перекладами на ветвях. В восточном прясле в третьем ярусе окна нет, но стена здесь украшена рельефным крестом с основанием, полумесяцем, кругом и стреловидными (ромбовидными) окончаниями, фланкированным двумя розочками из бегунца.

Наконец, в четвертом ярусе окно стрельчатое, с треугольной «стрелкой», кроме того в поле венчающей трехлопастной арки расположены (сверху вниз): полоска треугольного орнамента (бегунец), арочная нишка с подчеркнутым архивольтом слева (рядом – звено бегунца), ромбический крест с полкой серединой справа, а также крест с основанием и стреловидным верхом – слева и ниже окна.

На северном фасаде общая схема декора примерно такая же, как и на южном, но она как будто обеднена, минимализирована: схема осталась, а наполнение ее максимально сокращено. Портал здесь очень простой в один уступ и потому без валиков, хотя и накрыт бровкой. В нижней части стен и лопаток 5 вкладных каменных крестов, вделанных в кладку, возможно, позднее строительства 1374 г., но в XIV–XV вв. Во втором ярусе в боковых пряслах видим два арочных окна в подобных же обрамлениях, а в среднем прясле – пятичастную композицию из трех ниш и двух окон с полуарочными завершениями. В третьем регистре в восточном боковом прясле помещен арочный проем с арочным же обрамлением, накрытый полукруглой бровкой, а в западном – стрельчатый проем с треугольным уступчатым завершением обрамления. В среднем прясле в этом регистре два окна разные по форме (разные окна, напомним, в этом регистре и в среднем прясле южного фасада): восточное окно арочное, а западное – скорее с треугольным, чем со стрельчатым верхом. Между окнами размещены две небольшие нишки с треугольными верхушками, над ними – выпуклый крест на Голгофе. Слева же от этой композиции в среднем прясле располагается оригинальный по форме выпуклый крест под бровкой, имеющий развитое основание и стилизованные орудия страстей по сторонам.

Выше этой пары окон третьего регистра в среднем прясле расположена композиция из арочной ниши и двух круглых ниш по сторонам, накрытая трехлопастной бровкой (напомним, что такие же композиции есть на западном и восточном фасадах). В верхней же части среднего прясла северного фасада, охваченного трехлопастной аркой, распро-

страняющейся к востоку даже сильнее, чем подобная арка на южном фасаде, мы находим пустую плоскость стены, прорезанную одним арочным окном с арочным обрамлением, и оживленную вверху только одним звеном, одним глубоким треугольником бегунца, и полоской поребрика, кладки из кирпичей, поставленных ребром.

Барабан храма имеет восемь глубоких арочных ниш, в которых есть еще щелевидные углубления со стрельчатыми верхами; в настоящее время по сторонам света эти углубления сквозные, то есть это окна, а по диагоналям – это ниши, но, как уже говорилось выше, первоначально все эти углубления были окнами. Все эти ниши и окна накрыты арочны-

ми бровками с зубчиками, над каждым углублением – отдельная бровка, между бровками помещены круглые нишки, отмечающие тем самым простенки. Верх барабана имеет развитую декорацию из трех поясов: снизу расположен пояс арочных ниш, выше идет поясок бегунца из треугольных впадинок, а завершает декор аркатура с зубчиками, опирающаяся на узкие консоли; в сами арочки вписаны круглые нишки. Украшение барабана, кажется, аккумулирует многие уже встречавшиеся на фасадах основного тела храма формы, скомпоновав их по-новому и создав на круглящейся поверхности завершающей части храма особый, плотный и очень сложный декоративный пояс.

Глава 7

Исследование архитектуры храма

Этот аналитический материал специально был распределен по небольшим главам – с тем, чтобы можно было легко найти интересующую тему или ранее отмеченный аспект проблемы. Вместе с аналитическими текстами в отдельные главы выделены и выводы.

Размер

Важно подчеркнуть, что церковь Спаса на Ильине – не просто большой храм новгородской архитектурной школы. Перед нами некий предел величины новгородского храма XIV–XV вв.: ничего больше по размерам построено не было (есть, конечно, вероятность, что один из не дошедших до нашего времени храмов этого периода мог быть несколько больше, но она ничтожно мала). Этот новгородский предел XIV в. (16 × 16 м) в сравнении с западноевропейскими соборами не так уж и велик, он даже мал. Сравнение с храмами XIII–XIV вв., сооруженными на севере Германии (эта область называлась новгородцами Заморье), в городах Ганзы и в аббатствах Бранденбурга, показывает, что новгородский памятник по своим размерам уступает этим памятникам кирпичной романики и готики в несколько раз. Городской собор Марии и Домский собор в Любеке, Домский собор в Шверине, собор и монастырь в Йерихове превышают по размерам крупнейшие новгородские храмы XIV в. (церковь Федора Стратилата на Федоровой улице, церковь Спаса на Ильине улице, церковь Благовещения на Городище) настолько, что пропадает сама охота сравнивать: настолько очевидно превосходство немецких памятников.

Ясно, что превосходство горизонтальных размеров уже показывает ограниченность возможностей новгородских зодчих в сравнении с северонемецкими. Но вертикальные размеры и их сравнения тоже говорят о разрыве в технологиях и, как следствие, о разрыве в представительных и художественных возможностях средневековой Европы и Новгорода. В составленной Готтфридом Кисовым схеме, показывающей высоту и ширину поперечных пролетов средних нефов французских соборов XIII в. и северогерманских памятников XIII–XIV вв.¹, хорошо видно, что немецкая кирпичная готика достичь пространственных возможностей Франции не могла, что она отставала по отношению в великим французским соборам. Мы построили в эту схему поперечный пролет церкви Спаса на Ильине улице (без барабана, в

¹ Kiesow G. Wege zur Backsteingotik. Bonn, 2003. S. 188–191.

подкупольном уровне) и увидели, что этот храм по своим пространственным характеристикам только стремится к тому, чтобы, увеличившись в полтора раза, достичь размеров церкви Георгия в Висмаре.

Гораздо ближе к храму на Ильине улице церкви соседней с Новгородской землей Ливонии. И всё же небольшая приходская церковь Якоба в Риге, построенная в XIII в. и достроенная в начале XIV вв.², по плану много больше монументального храма на Ильине улице. И даже церковь сельского прихода, Лаврентия в Нью в Южной Эстонии, сооруженная около XIII в.³, больше новгородского храма, хотя уже и ненамного. И то же самое можно сказать о разрезах: если с высокими и широкими пролетами церкви Якоба пролеты храма на Ильине улице не могут соревноваться, то пролеты церкви в Нью уже сопоставимы с новгородскими как по ширине, так и по высоте. Если же обратиться к фасадам, то с фасадами церкви Спаса на Ильине сравнимы будут фасады восточного выступа (так называемого хора) названных храмов. Тут наблюдается и определенная переключка в пределах общей для памятников Ливонии (и всей области кирпичной готики) и для памятников Новгорода конца XIII–XV вв. системы фасадов с их слоистой структурой.

Но само это сравнение с западноевропейскими соборами в данном случае не совсем корректно: византийская традиция XII–XIV столетий не предполагала сооружения церкви, в которую вмещался бы весь город. На пространстве Византийского мира, в который входили и древнерусские княжества и земли, был распространен тип относительно небольшого храма. В своей статье, объясняющей западному читателю особенности византийской архитектуры, Роберт Оустерхаут подчеркивает небольшие, по сравнению с западными соборами, размеры византийских храмов (после великой и грандиозной Софии Константинопольской) и объясняет эти размеры не неспособностью византийских архитекторов,

² Bara V. Проблема пространственной формы в средневековой архитектуре Латвии и Эстонии. Тарту, 1960. С. 8–12. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 86); Наследие сакрального искусства и архитектуры Риги. Riga, 2010. С. 72–81; Caune A., Ose I. Latvijas viduslaiku mūra baznīcas 12. gs. beigās – 16. gs. Sākums. Riga, 2010. S. 282–295.

³ Bara V. Указ соч. С. 29–33; Eesti arhitektuuri ajalugu. Tallinn, 1965. Lk. 105; Raam V. Keskaegsete linnuste ja kirikute arenguhooni Eestis // Ehitus ja arhitektuur. 1985. 1/2. Lk. 26–27; Altoa K. Nõo Laurentsiuse kirikust // Kunstiteaduslikke uurimusi. 7. Tallinn. Lk. 231–244.

а особым, частным характером литургии средне-византийского и поздневизантийского периода⁴.

Со своей стороны мы должны сказать, что разница между масштабами западных соборов и храмов Византийского мира часто объяснялась особым устройством приходов в последнем: на христианском Востоке городская структура была устроена так, что храмы строились на каждой улице. Это дробление городской структуры на приходы, обозначенные небольшими монументальными зданиями, характерно и для Новгорода. А в городской ткани Запада господствовал тип большого городского собора, иногда поддержанного почти столь же большими и единичными приходскими и церквами. И только в Венеции⁵, где византийское влияние проникло и в самую ткань города, мы видим многочисленные и небольшие по размерам квартальные церкви.

Эту же квартальную структуру с приходскими храмами, расставленными вдоль улицы и построенными по мере ее удлинения, мы наблюдаем в Новгороде⁶. Эта структура диктовала тип небольшого храма византийского образца. И на этом фоне выделялись здания более монументальные, такие, как церковь Спаса на Ильине улице. Эти несколько более крупные постройки выполняли свою роль постольку, поскольку взгляд новгородца того времени мог «считать» увеличенные размеры здания на фоне приглядевшегося образа, свойственного большинству храмов этого типа.

Подобный тип был распространен в новгородской архитектуре XII–XV вв., в которой только в самом начале мы найдем большие княжеские соборы. Такие соборы в Новгороде появились в середине XI в., когда была построена София Новгородская, а также в первой половине XII в., когда были построены крупные городские и монастырские храмы, такие, как собор Юрьева монастыря. Но позднее этот тип просто исчез.

Среди подобных храмов Новгорода церковь Спаса на Ильине выглядит гигантом, это действительно большой храм и по сравнению с другими крупными церквями Новгорода второй половины XIV в.: мы уже говорили, что он больше построенной раньше церкви Федора Стратилата 1360–1361 гг. и построенной позже церкви Рождества Богородицы на Мо-

⁴ Ousterhout R. An Apologia for Byzantine Architecture // *Gesta*. 1996. XXXV/1. P. 21–33. Примерно те же соображения повторены в другой статье того же автора: Ousterhout R. Beyond Hagia Sophia: Originality in Byzantine Architecture // *Originality in Byzantine Literature, Art and Music*. Oxford, 1995. P. 167–185.

⁵ Benevolo L. *Storia della città*. 2. La città medievale. Roma-Bari, 2006. P. 181–209.

⁶ Градостроительная структура Новгорода и ее развитие пока слабо изучены. См. передовую для своего времени статью: Алешковский М. Х. Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения их социальной истории // *Реставрация и исследования памятников культуры*. Вып. I. М., 1975. С. 22–30.

лоткове 1379 г.⁷, а они принадлежат к выделяемому нами типу «больших храмов». В самом замысле сделать здание больше остальных есть дерзость, которая сообщалась заказчиком, но должна была быть воспринята и претворена зодчими или зодчим. Эта дерзость подхвачена всеми остальными формами и средствами: и пространственной композицией, и пропорциональной системой, и особенностями интерьера, и декором на фасадах. Перед нами нечто исключительное, это здание обозначает собой крайность и должно рассматриваться как крайность, как монументальный шедевр.

Пропорции плана и высотные пропорции

Церковь Федора Стратилата на Федоровой улице – храм, безусловно, выдающийся – была построена по следующей пропорциональной схеме плана (план в целом, без учета абсиды вписан в квадрат): за основу была взята толщина стены (с лопатками), которая при умножении на 3 равнялась подкупольному квадрату. Соответственно боковые нефы (север и юг) рассчитывались как 1 модуль – толщина стены, 1 модуль – промежуток от стены к столбу, 1 – толщина столба. К востоку эти 3 модуля или стороны подкупольного квадрата откладывались до восточного края заплечиков абсид, к западу – примерно до внутренней поверхности стены (что дает значительное увеличение западной ветви креста относительно укороченных боковых ветвей). Простая и ясная система, использующая соотнесенные модули и позволяющая сильно увеличить западный рукав креста и, соответственно, западную часть храма, где в основном помещались молящиеся.

В церкви Спаса на Ильине улице система пропорций плана другая: стена здесь много тоньше в пропорциональном отношении и модулем уже не служит. План в целом, как и в церкви Федора Стратилата, вписан в квадрат, но внутреннее построение совершенно иное: за основу взята сторона подкупольного квадрата, которая и служит модулем, но используется не очень точно, вольно. В восточную сторону откладывается один модуль, одна сторона подкупольного квадрата – до восточного края заплечиков абсиды. Это дает сокращенный восточный неф (заплечики и арка над ними зрительно не принадлежат восточному рукаву креста). В каждую боковую сторону, в северную и южную, тоже откладывается по модулю (до внутренней поверхности стен): что в сравнении с церковью Федора Стратилата, где было 2/3 модуля, дает увеличение ощущения крестообразности и одновременно делает подкупольное пространство меньшим и даже менее значимым. И наконец, в западную сторону тоже откла-

⁷ Седов Вл. В. Новгородский храм эпохи расцвета боярского строительства: церковь Рождества Богородицы на Молоткове // *РА*. 2004. № 1. С. 46–54.

дывается один модуль (до внутренней поверхности стены), что делает западный рукав креста равным боковым. Ощущение крестообразности подчеркивается равноконечностью самого пространственного креста с трех сторон, а укороченный восточный рукав, хотя и сказывается на боковых фасадах, внутри же он не сбивает наметившегося стремления подчеркнуть интерьерный пространственный крест.

Высотные размеры церкви Спаса вычислялись с помощью того же модуля (М) – стороны подкупольного квадрата, но откладываемой вверх (при расчетах мы учитывали первоначальный уровень пола, который ниже существующего и открыт лишь в алтарной части). Отложенный один раз этот модуль давал пояс деревянных связей в уровне выше арок под хорами, два раза – уровень второго пояса связей, три раза – верха абсиды и пояса связей в уровне основания подпружных арок. Отложенные вверх четыре модуля дают уровень нижнего обреза окон барабана и верхи щипцов на фасадах, а 5 модулей ограничивают верх барабана. Вообще верхняя зона храма построена на вдвое более дробном членении: используется половина модуля. Так, выше второго модуля определяется верх триумфальной арки в абсиде (2,5 М), верх подпружных арок под барабаном (3,5 М), верх окон барабана (4,5 М) и, наконец, верх самого барабана (приблизительно 5,5 М).

Эти пропорции не исключительны: церковь Рождества Богородицы на Перыни имеет даже гораздо более вытянутые пропорции (6,5 М до вершины купола), чуть менее радикальные пропорции находим в храме Успения на Волоотовом поле (6 М до вершины купола)⁸. По сравнению с церковью Федора Стратилата на Федорове улице (5 М до вершины купола) некоторая вертикализация есть, но она не очень значительна (разница – 0,5 М).

Башнеобразный тип храма

Основное определение, которое можно дать церкви Спаса на Ильине улице, – это башнеобразный храм. Это значит, что этот памятник устремлен вверх, что в нем отражается стремление создать вытянутую, стройную композицию с подчеркнута вертикализированным интерьером, в котором собственно завершение самой высотой уже как бы оторвано от зрителя, вознесено на такую высоту, что уже теряется в верхней зоне. Это ощущение акцентированной высоты в церкви Спаса достигнуто – в том числе за счет того, что человек в этом храме должен заирать голову, чтобы увидеть над собой купол и своды, то есть за счет нарушения некой гармоничной пропорциональной в пользу вертикальности.

Сравнение поперечных разрезов церкви Федора Стратилата на Федорове улице и церкви Спаса на

Ильине улице наглядно показывает, что зодчий последней пошел по пути подчеркнутой башнеобразности в интерьере: уже не квадратное, а поставленное на узкую сторону прямоугольное сечение в церкви Федора Стратилата было в церкви Спаса превращено в вытянутый прямоугольник, вертикальный акцент возрос кардинально, отчего глубина рукавов креста стала казаться меньшей, не такой значительной. Стали более вертикальными и пропорции барабана церкви Спаса. В целом храм стал много больше соответствовать самому понятию башнеобразного храма.

На фасадах церкви Спаса тоже отразился образ башнеобразного храма, но отразился с определенными ограничениями: вертикальное стремление на фасадах подчеркнуто двухступчатыми лопатками, есть ощущение подъема и в линии лопастных арок, и в скатах нынешнего щипца, но в целом объем храма достаточно статичен и в основном кубичен.

Основу башнеобразности составляют два примененных мастерами церкви Спаса приема: прием повышения сводов рукавов креста относительно полукоробовых сводов угловых помещений и сдвиг столбов к центру (при обусловленности этого сдвига увеличением длины рукавов креста). Коробовые своды рукавов креста в церкви Спаса повышены на половину модуля, дающую больший по сравнению с церковью Федора Стратилата вертикализм, это повышение обуславливает разницу, видимую на разрезах по западной или восточной трети храма: если у церкви Федора Стратилата боковые полукоробовые своды и коробовый свод рукава креста вписываются в трехлопастную кривую, то у церкви Спаса на Ильине свод рукава поднят относительно вершин боковых сводов, так что под основанием свода появляются стенки, а общий разрез получается с резким подвышением средней части – единая трехлопастная кривая уже не получается. Это повышение свода дает и больший по сравнению с церковью Федора подъем средних частей фасада, в результате – и в интерьере и, в меньшей степени, на фасадах впечатление башнеобразности становится более определенным.

Этот подъем среднего нефа относительно боковых нефов мастеру, строившему церковь Спаса на Ильине улице, негде было заимствовать: в известных новгородских памятниках с лопастными сводами в углах на разрезах видим относительно плавную трехлопастную кривую и в церкви Рождества Богородицы в Перыни (1220-е гг.), и в церкви Николая на Липне (1292 г.). В церкви Федора Стратилата средний неф приподнят чуть больше, но сравнение разреза этого храма по западной трети и такого же разреза церкви Спаса на Ильине улице показывает, что мастер последней очень решительно поднял свод среднего нефа, отчего по сторонам образовались довольно высокие стенки.

Второй прием, уже нами описанный, заключается в проявлении внутреннего креста посредством

⁸ Седов Вл. В. Церковь Федора Стратилата в Новгороде // Архив архитектуры. Вып. IX. М., 1997. С. 23–24.

сужения и одновременного удлинения его ветвей, что при большей высоте дает эффект вертикальности, сравнимой с домонгольскими образцами и даже образно их превосходящей.

Эффект башнеобразности подчеркивается также тем, что плоскости стен (и столбов, и арок) внутреннего пространства почти ничем не артикулированы: это инертные и нерасчлененные поверхности, в которых проемы только подчеркивают их неподвижность и их солидность и толщину. Такие плоскости, воспринятые новгородскими зодчими XIV века из новгородской же домонгольской архитектуры, не были чем-то новым для времени постройки церкви Спаса, но в ней, по сравнению все с той же церковью Федора Стратилата, ситуация с глухими стенами, обступающими пространственный крест была доведена до крайности. Всё вместе: два основных приема, повышение средних сводов и удлинение ветвей креста, а также подчеркивающая их инертность больших плоскостей – и создает особый мир церкви Спаса на Ильине улице, мир сосредоточенный, цельный, безусловно вертикальный и отчетливо башнеобразный.

Воспользовавшись образом башнеобразного храма, более характерного для небольших построек, мастера церкви Спаса этот образ воплотили в гораздо больших физических размерах, но не подхватили некоторые темы (барабан, например, не превращен в длинную трубу). Ясно, что при увеличении размеров те же формы по необходимости приобретают монументальность, что и произошло в интерьере храма. На фасадах же пришлось применить более сложную декорацию – чтобы соответствовать и большим размерам и башнеобразному образу сразу.

Церковь Спаса на Ильине продолжает линию башнеобразных храмов новгородской архитектуры, этот большой храм может рассматриваться как определенная связующая точка на пути от церкви Рождества в Перыни (1220–1230-е гг.)⁹ до церкви Двенадцати Апостолов (1454 г.)¹⁰, но одновременно и как вершина, пик на этом двухвековом пути традиционного использования башнеобразного храма в новгородской архитектуре.

Ограниченность идеи

В самом понимании того, что храм Спаса на Ильине улице – это одновременно предел развития и его вершина, таится ключ к осознанию ограниченности такого развития, ограниченности идеи храма в новгородской архитектуре в целом. Ведь в этой церкви

есть несколько ярких приемов, интересных находок. Но вместе с тем, в ней нет ничего, чтобы свидетельствовало о желании выйти за пределы, казалось бы, раз и навсегда установленного типа: четырехстолпного, одноабсидного, одноглавого, с хорами, с трехчастным членением фасада. Можно указать на традиционность и даже каноничность древнерусской (и византийской) культуры в целом и архитектуры в частности, можно говорить о большом значении малых изменений, но это не отменит ограниченности круга основных идей новгородских зодчих, строивших церковь Спаса, как не отменит и ограниченности главной идеи этого памятника – башнеобразности.

Преодолеть эту ограниченность можно было бы или изменением самого типа, дополнением его другими объемами, преобразованием самого главного объема, или изменой башнеобразности, переходу к приземистым или кубическим пропорциям, к тяжелой или легкой пространственности, лишенной порыва вверх. По первому пути новгородская архитектура, видимо, пойти просто не могла: мы не видим ни одного хоть малейшего указания на желание создать что-то необычное по форме и композиции, что-то выступающее за пределы, обозначенные признаками основного типа. В 1360-е гг., когда один за другим сооружаются крупные храмы, как будто отмечающие прочность и силу Новгородского государства – церковь Федора Стратилата на Федоровой улице (1360–1361 гг.), Спасо-Преображенский собор в Торжке (1364 г.)¹¹ и Троицкий собор в Пскове (1365–1367 гг.)¹² – мы не видим никаких попыток выйти за пределы типа, революционизировать его, создать небывалое. Нельзя увидеть такую попытку и в церкви Спаса на Ильине.

Но прямой взгляд на ограниченность основной идеи, выразившуюся и в церкви Спаса, дает и понимание того, что внутри типа, внутри рамок этой идеи, новгородскими зодчими затверженной, храм на Ильине улице был прорывом, что внутри типа он и дает ту крайность, ту вершину, от которой можно построить всю шкалу архитектурной школы – от малого к большому, от простого к сложному. Ограниченность идеи высвечивает необычность этого памятника, внутри канонического искусства необычность эта была крайней, выдающейся.

Что из себя представляет тот вектор, по которому двигались создатели церкви Спаса на Ильине улице? Ответ на этот вопрос будет следующим: речь идет о крайности внутри традиции, речь идет о создании сооружения, в котором традиция будет

⁹ Седов Вл. В. Церковь Рождества Богородицы в Перыни: новгородский вариант башнеобразного храма // Древнерусское искусство. Идея и образ. Опыт изучения византийского и древнерусского искусства. М., 2009. С. 29–54.

¹⁰ Седов Вл. В. Церковь Двенадцати Апостолов в Новгороде // Великий Новгород и Средневековая Русь: сб. статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009. С. 172–189.

¹¹ Салимов А. М., Романов В. В., Салимова М. А. Спасо-Преображенский собор 1364 года в Торжке: итоги и перспективы изучения // Архитектурное наследие. Вып. 52. М., 2010. С. 20–40. Собор 1364 г. мог иметь галерею, но это вопрос дискуссионный.

¹² Седов Вл. В. Псковская архитектура XIV–XV веков. М., 1992. С. 66–77.

представлена наиболее полно, наиболее выигранно и в наибольших физических размерах. Этот путь мы называем «варварской монументализацией»; он был характерен для многих выдающихся памятников древнерусской домонгольской архитектуры¹³. Это довольно узкий путь, на котором только тонкая грань отделяет экстенсивно увеличенный и изукрашенный «очередной» памятник от подлинной вершины, от шедевра, все равно укорененного в традиции. Но создатели церкви Спаса эту грань преодолели, построив нечто замечательное.

Внутристенная лестница на хоры

В устройстве подобной лестницы, поднимающейся в толще западной стены на площадку хор (или полатей, как они называются в источниках), нет ничего необычного. Так был сделан подъем на настил хор во многих сохранившихся полностью или частично домонгольских храмах самого Новгорода и новгородской школы. Внутристенную лестницу или ее фрагмент или, наконец, широкую западную стену, свидетельствующую об устройстве внутри нее лестницы, находим в следующих храмах¹⁴: в Пскове – в соборе Ивановского монастыря (1120–1130-е гг.); в Ладозе – в храмах Успения, Спасском, на реке Ладозке и Георгия (все 1140-е гг.); в Новгороде – в церквях Благовещения на Мячине (1179 г.), Иоанна на Опоках (строительство 1184 г.), Петра и Павла на Сильнице (Синичьей горе, 1185–1192 гг.), Успения в Аркаже монастыре (1188–1189 гг.), Воскресения на Мячине (1195–1196 гг.), Спаса-Преображения на Нередице (1198 г.), Пантелеймона (1207 г.), Параскевы Пятницы на Торгу (1207 г.), Михаила Архангела на Прусской улице (1219–1224 гг.)¹⁵. Обычно лестница начиналась от проема в юго-западном углу и поднималась от юга к северу. По-другому устроен вход на хоры только в соборе псковского Ивановского монастыря и в церкви Параскевы Пятницы на Торгу: здесь проем входа на лестницу устроен в северо-западном углу, а сама лестница поднимается с севера на юг – как и в церкви Спаса на Ильине. Заметим, что в домонгольское время в Новгороде храмов без внутристенной лестницы было немного: назовем только очень маленький по размерам храм Рождества Богородицы на Перыни (1220–1230-е гг.).

¹³ Седов Вл. В. Сакральное пространство древнерусского храма: архитектурный аспект // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 556–575.

¹⁴ Сведения по домонгольским храмам Новгорода и новгородской школы даны по сводке П. А. Раппопорта: Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.: каталог памятников. Л., 1982. С. 65–81. Дополнительная информация отмечена сносками на другие работы.

¹⁵ Булкин В. А. Церковь Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде и новгородское зодчество начала XIII в. // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 377–392.

В конце XIII – первой половине XIV века внутристенная лестница встречается, но не повсеместно, ее, например, не делают в таком достаточно большом храме, как церковь Николы на Липне (1292 г.), нет внутристенной лестницы и в крупном храме Николы Белого (1312–1313 гг.). Не устраивают внутристенную лестницу и в малых храмах: ее нет в церкви Успения на Волоотовом поле (1352 г.) и церкви Михаила Архангела на Сквородке (1355 г.). Во всех перечисленных церквях есть хоры или они известны по письменным источникам, так что всходы на них устраивались с помощью деревянных лестниц. Была, по всей видимости, внутристенная лестница и в церкви Федора Стратилата на Щиркове улице (1292 г.), но точно ее устройство не установлено. В ряде же храмов первой половины XIV века внутристенная лестница в западной стене была устроена так же, как в большинстве домонгольских церквей новгородской школы: подъем осуществлялся с юга на север. Так устроены лестницы в четырех храмах: Входа в Иерусалим в новгородском Детинце (1336–1337 гг.), Благовещения на Городище (1342–1343 гг.), Спаса-Преображения на Ковалёве (1345 г.) и Георгия на Лубянице (1356 г.).

В церкви Федора Стратилата (1360–1361 гг.) всход на хоры был устроен по-особому¹⁶: в северо-западном углу поднималась выделенная в особый объем внутри храма сводчатая лестница. Сами же хоры занимали всю западную треть храма, буквально нависая над ней, и были к тому же отделены от средокрестья стенкой, прикрывавшей расположенной в западном рукаве креста на уровне хор придел Покрова. В церкви же Спаса на Ильине, построенной тринадцатью годами позже, мы видим подъем из того же северо-западного угла, но уже традиционно спрятанный в глубь стены. А площадка хор, уже легкая, деревянная, открытая, превратилась в мостик, соединяющий арочную дверь лестницы и два арочных проема, ведущие в замкнутые боковые помещения с приделами.

Мастера церкви Спаса возвратились к традиции внутристенной лестницы, но вход на нее устроили в северо-западном углу. Следует отметить тот факт, что после 1374 г. внутристенные каменные лестницы мы в новгородской архитектуре уже больше не встретим (за исключением лестницы церкви Иоанна на Опоках 1453 г., которая воспроизводит, видимо, лестничный всход 1184 г.): всходы на хоры почти всегда устраивали в северо-западном углу, но лестницу с отдельным объемом, как в церкви Федора Стратилата, уже не устраивали, а делали или деревянную лестницу или деревянную же лестницу на каменном основании, примыкавшем к стене. Как видим, церковь Спаса на Ильине с ее внутристенной лестницей продолжает и одновременно замыкает давнюю традицию.

¹⁶ Седов Вл. В. Церковь Федора Стратилата в Новгороде // Архив архитектуры. Вып. IX. М., 1997. С. 24.

Закрытые хоры и их назначение

Хоры, или полаты, как они чаще всего назывались в Древней Руси, располагаются чаще всего в западной части храма, довольно часто они включают в себя не только площадку, открытую в основное пространство храма и как будто предназначенную для участия в службе какой-то группы прихожан или пребывания хора, но и один или даже несколько приделов, придельных церквей, в которых могли совершаться как молебны, так и полные службы.

В церкви Спаса на Ильине улице собственно хоры в узком значении слова, на которые ведет рассмотренная внутрискладовая лестница, имеют вид узкой деревянной площадки, на которую выходит арочная дверь из западной стены. Эта площадка, протянувшаяся вдоль западной стены, не может вместить много народу, скорее, это своеобразный мостик, переход, позволяющий пройти до арочных входов в приделы, помещенные в отделенных глухими стенами угловых частях хора. В северной части расположен был, как мы знаем, Троицкий придел, а в южной – Космы и Дамиана.

Эти два придела существуют отдельно от хора, они изолированы и от других частей храма, это особые храмики, частные капеллы, в которых служба носила тоже, по всей видимости, особый характер – хотя бы из-за замкнутости, обособленности пространства, способного вместить немного народу. Можно думать, что перед нами приделы на хорах, предназначенные в том числе для особых служб, проводимых для боярских семей или групп уличан (хотя, конечно же, нельзя отрицать возможности проведения служб или треб для других групп населения). Нет пока никаких оснований считать, что эти приделы могли закрываться на замок и использоваться только заказчиками данного храма или их родственниками, то есть быть особыми боярскими капеллами, но сам особый, интимный характер пространств этих приделов заставляет думать о том, что бояре, заказчики храма, имели какие-то преимущества в использовании этих пространств или хотя бы чаще использовали их, заказывая клиру какие-то службы или молебны.

В истории архитектуры византийского круга до сих пор нет полного представления о назначении хор и их отдельных частей, а также о принципах их построения. Нам достоверно известно, что в Софии Константинопольской на хорах, катехуменах или гинекеях, которые по своему второму греческому названию вроде бы должны быть предназначены для женщин и где во время службы действительно находилась императрица, в какие-то моменты службы пребывал император со свитой; на хоры императору приносили святые дары для причастия. Пребывание императора и свиты было предусмотрено на хорах некоторых других императорских церквей¹⁷.

¹⁷ Taft R. F. Women at Church in Byzantium: Where, When – and Why? // *Dumbarton Oaks Papers*. № 52. Washington, D. C., 1998. P. 27–87.

Императорский характер хор Софии Константинопольской и некоторых других царьградских храмов был воспринят как образец и воспроизводился в других православных землях, окружавших Византию и входивших в сферу ее политического и культурного влияния. Речь идет о Грузии, Болгарии (Первом Болгарском царстве) и Древней Руси. В тех случаях, когда в самой Византийской империи возникали предпосылки к дроблению и появлению власти на местах (как это было в Мистре в XIV–XV вв.), возникали и хоры¹⁸.

В Древней Руси хоры были, как считается, устроены как место пребывания во время службы князя, его семьи и дружины – по образцу, прежде всего, Софии Константинопольской¹⁹. Из Киева и Чернигова этот тип хор распространялся в столицы все более и более дробившихся древнерусских княжеств, где уже в небольших соборах хоры оказались вдвинуты в западную треть пространства девятидольных храмов²⁰.

То, что можно называть княжескими хорами, было обычно площадкой в западной части храма, которая имела открытый характер: ее пространство открывалось в остальное пространство храма высокими и широкими арками, дававшими обзор. В некоторых случаях в одной из угловых ячеек находился придел, который часто был пространственно и символически связан с княжескими погребениями под ним²¹.

Другой характер имели хоры монастырских соборов, в которых в боковых частях располагались отрезанные от остального пространства храма приделы, а открытой оставалась только средняя часть. Этот вид хор мы предлагаем называть закрытыми, оговорив тот факт, что в средней части все равно оставался арочный проем, сообщавший хоры с остальным храмом. Закрытые хоры, по нашему мнению, появились как развитие византийских катехумен с изолированными приделами, встречающихся в монастырских храмах. В их появлении и широком распространении на Руси можно видеть дань традиции: княжеский тип храма с хорами иконографически и конструктивно сохраняется, но модифицируется в соответствии

¹⁸ Delvoye Ch. Considerations sur l'emploi des tribunes dans l'église de la Vierge Hodigitria de Mistra // *Actes du XIIe Congrès International des Etudes Byzantines*. Tome III. Beograd, 1964. P. 41–47; Hallensleben H. Untersuchungen zur Genesis und Typologie des «Mistratypus» // *Marburger Jahrbuch für Kunstwissenschaft*. XVIII. Marburg/Lahn, 1969. S. 105–118.

¹⁹ Брунов Н. И. О хорах в древнерусском зодчестве // *Труды секции теории и методологии (социологической) РАНИОН*. М., 1928. Вып. 2. С. 93–97; Комеч А. И. Роль княжеского заказа в построении Софийского собора в Киеве // *ДРИ*. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 50–64; Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. М., 1987. С. 183–184.

²⁰ Седов Вл. В. Новый тип хор в древнерусской архитектуре XII в. // *Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси*. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 67–82.

²¹ Седов Вл. В. Придел на хорах церкви Спаса на Нередице // Там же. С. 51–66.

с монастырскими нуждами, где репрезентативная функция хор не предполагалась. Но можно рассмотреть появление таких хор и как ответ (в рамках традиции, конечно) на желание иметь выделенные приделы для отдельных, особых служб, проводимых вне основного пространства храма, в замкнутом пространстве выделенных на хорах приделов. Такие частные службы стали приметой средневизантийского времени и привели к созданию не только прилегающих к основному храму на нижнем уровне капелл-приделов, но и к возникновению замкнутых приделов на хорах монастырских церквей²².

Второй уровень древнерусского храма, таким образом, может рассматриваться двояко: или как подражание византийским императорским храмам (тогда это будет часть *imitatio imperii*, воспроизведения имперских образцов в королевствах и княжествах христианского мира), или как продолжение средневизантийской (и затем поздневизантийской) традиции устройства замкнутых приделов на хорах церквей, становившихся с сооружением таких приделов двухъярусными. В первом случае мы видим открытый характер хор с обращенными в храм арками, во втором – закрытый характер хор с открытой средней площадкой и изолированными приделами в угловых частях. Конечно же, существуют и переходные варианты, но в целом ситуация выглядит именно так.

В Новгородской земле еще в XII в., в соборе Спасо-Мирожского монастыря в Пскове, возник местный вариант закрытых хор: при строительстве собора, по первоначальному замыслу хор не имевшему и отличавшемуся пониженными угловыми частями девятидольного пространства²³, западные угловые части были надстроены двумя палатками, в которых могли помещаться приделы, вход в которые осуществлялся, видимо, по приставной лестнице; палатки были соединены узкой площадкой, выполненной из дерева²⁴.

В недавнее время В. Д. Сарабьянов выдвинул гипотезу о том, что в палатках Мирожского собора приделов не было, а помещались своеобразные кельи, бывшие местами монашеского подвига каких-то отдельных представителей братии. Исследователь объединяет эти кельи на хорах в целую группу, которую связывает с византийскими исихастериями и

сближает их образ со столпами, в которых подвизались столпники²⁵. При этом он опирается на работы С. Чурчича, выделившего в византийской и сербской традиции группу храмов, в которых на хорах помещалась или на хоры выходила келья ушедшего в монахи князя или просто келья подвижника²⁶.

Однако для того, чтобы эта гипотеза обрела твердое основание в древнерусском материале, древнерусских храмах и их помещениях на хорах, не хватает фактического материала. Практически все помещения на хорах, на которые указывает В. Д. Сарабьянов как на особые кельи или помещения для монашеского подвига, имеют богослужебные ниши в восточной и боковой стенах; то, что некоторые из них не были расписаны (в то время как основной храм имел роспись), совсем не значит, что они не могли быть приделами. Более того, нам представляется, что помещения на хорах были именно приделами. Помимо архитектурных свидетельств (упомянутых богослужебных ниш), мы опираемся и на соображение о том, что жизнь в храме или долгое пребывание в нем в качестве монашеского подвига было исключительным событием, а продольно ориентированные помещения на хорах с остатками престолов и ниш для жертвенника встречаются довольно широко, в том числе не только в монастырских, но и в соборных и приходских храмах городов Новгорода и Пскова.

Мы считаем, что закрытые хоры храмов Северо-Западной Руси образовались в результате пересечения традиций: то, что возникло в соборе Мирожского монастыря в третьей четверти XII в., было развитием монастырской традиции закрытых хор с угловыми приделами (или одним приделом в одном из углов и симметричной ему закрытой камерой в другом углу), а дальнейшая практика включала в себя и определенное подражание княжеским храмам с хорами, осуществленное в условиях нового, боярского заказа, характерного для Новгорода со второй половины XII в.

Образовался особый новгородский тип хор, в которых изолированные углы на полатях (на хорах) были заняты приделами, а между приделами существовала площадка перехода, на которую часто выходила внутренняя лестница (если она была). Хоры такого типа стали частью традиции, они были распространены

²² Mathews T.F. «Private» Liturgy in Byzantine Architecture: Toward a Re-appraisal // Cahiers Archéologiques. 30. Paris, 1982. P. 125–138 / Reprinted: T.F. Mathews. Art and Architecture in Byzantium and Armenia. Variorum, 1995; Ousterhout R. The Holy Space // Heaven on Earth. Art and the Church in Byzantium. University Park, Pennsylvania, 1998. P. 81–120.

²³ Седов Вл. В. Собор Спасо-Мирожского монастыря: иконография и происхождение типа // Архив архитектуры. Вып. I. М., 1992. С. 3–37.

²⁴ Мильчик М. И., Штендер Г. М. Западные камеры собора Мирожского монастыря (к вопросу о первоначальной композиции храма) // ДРИ. Художественная культура X – первой половины XIII в. М., 1988. С. 77–94.

²⁵ Сарабьянов В. Д. К вопросу о функциональном назначении палаток на хорах Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. Псков, 2011. С. 177–194; Сарабьянов В. Д. Помещения второго этажа в древнерусских церквах, их функция и иконография // В созвездии Льва: сборник статей по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. М., 2014. С. 396–439.

²⁶ Ćurčić S. Смисао и функција катихумена у позновизантијској и српској архитектури (The Meaning and Function of Katechoumenia in Late Byzantine and Serbian Architecture) // Манастир Жича. Зборник радова. Краљево, 2000. С. 83–93; Ćurčić S. Cave and Church. An Eastern Christian Hierotopical Synthesis // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 216–236.

ны на Северо-Западе Руси в XII–XV вв. в большинстве храмов и перешли даже в некоторые памятники XVI в. И этот массив памятников, как приходских, так и монастырских, всегда обнаруживает на хорах не келью, а придел или несколько приделов, предназначенных для частных служб или молебнов. Связь этих приделов с боярским заказом устанавливается если не всегда документально, то во многом логически: в XV в. в тех случаях, когда монастырский обиход уже не требовал устройства приделов на хорах, эти приделы не соорудились, а сами хоры исчезли²⁷.

Боярский заказ можно было бы видеть в том, что бояре хотели иметь в своих храмах (в храмах своей улицы, городского конца, в храмах своего монастыря) такие же хоры, как и в княжеских постройках. Можно было бы даже вообразить, что боярские семьи стояли на хорах, на их средней площадке, во время службы, подражая тем самым князьям. Можно представить на площадке хор и женщин из боярских семей. Но скорее всего, такая реконструкция будет неверной: у нас просто нет никаких фактов, а сама площадка в западном рукаве креста чаще всего не выделена художественно, что тоже не подтверждает этой реконструкции.

Скорее, боярский заказ сосредотачивался поначалу на самом факте наличия хор и в особенности на том, чтобы на хорах в угловых частях были устроены приделы, позволявшие осуществлять отдельные службы поминального, задравного, мемориального или другого, но всегда частного предназначения. И эти приделы (а не кельи) были важнейшей частью пространственного устройства храма, придавая сложность в построении углов, выделяя их, создавая в западной ветви пространственного креста двухъярусную структуру, разделенную настилом (или, в редких случаях, сводом) и противопоставляющую уровень пола и уровень хор.

Следует остановиться на том факте, что северный придел на хорах церкви Спаса на Ильине улице, посвященный Троице, был расписан, тогда как южный придел, Космы и Дамиана, не был расписан. Это обстоятельство, на которое обратил внимание В. Д. Сарабьянов²⁸, объясняется, на наш взгляд, следующим образом: один из заказчиков храма заказал роспись в «своем» приделе Троицы, тогда как другой заказчик (или другие заказчики) в «своем» приделе Космы и

Дамиана роспись по каким-то причинам не оплатил. Осталась нерасписанной и палатка над дьяконником.

Строительство каменного храма Спаса-Преображения на Ильине улице в 1374 г. и его роспись Феофаном Греком в 1378 г. не должны рассматриваться как два почти независимых друг от друга и случившихся последовательно события. Построенный в 1374 г. храм не имел ни росписи внутри, ни обмазки на фасадах. Этот факт, установленный В. Д. Сарабьяновым, особенно важен для понимания архитектуры фасадов, но также проясняет масштаб работ 1378 г. Итак, храм оставался с открытой кладкой как внутри, так и снаружи несколько лет, до 1378 г., когда его весь побелили как внутри (там, где росписи не было – например, в приделе Космы и Дамиана и в помещении на втором ярусе над дьяконником), так и снаружи. Эти работы были, вероятно, синхронны росписи храма внутри, кроме того, они сопровождалась декоративной раскраской тоном ниш на фасадах.

С художественной точки зрения приделы на хорах и сами хоры представляли собой довольно сложную задачу. Зодчий церкви Спаса на Ильине решил эту задачу с оглядкой на традицию, но во многом по-новому. Хоры в церкви Спаса устроены довольно низко, в чем нельзя не видеть желания мастера создать над площадкой хор, перерезающей западную ветвь креста, высокое и цельное пространство, таким образом, уменьшив влияние вторгшейся в нижнюю часть площадки и включив западную ветвь в общую крестообразную структуру интерьера, как будто позволив тем самым сравнение этой западной ветви с другими ветвями, никакими дополнительными структурами не прерывающимися.

Думается, что мастер не только специально устроил площадку хор довольно низко, но еще и намеренно сделал ее узкой, тем самым сократив воздействие этой врезанной в западный рукав плоскости и сведя ее к минимуму. Стоять на этой узкой площадке, на этом корабельном трапе, боярская семья уже никак не могла, да это, видимо, совсем и не предполагалось. Заметим, что в других новгородских храмах площадка намного шире и чаще всего занимает весь западный рукав, так что сравнение хор церкви Спаса на Ильине улицы с довольно обширным кругом аналогий примерно того же времени подтверждает соображение о намеренности создания небольшой площадки зодчим церкви 1374 г.

Для придельных церквей в угловых помещениях хор сложность низкого расположения площадки второго яруса заключалась в том, что пространства приделов стали очень высокими, почти столпообразными. Эта столпообразность несколько затемнялась тем, что приделы перекрыты полукоробовыми сводами (в четверть окружности), а потому их перекрытия не могут быть и не являются симметричными. Этот перекосяк в области завершения делается еще более заметным из-за того, что в одном

²⁷ Седов Вл. В. Влияние идей Сергия Радонежского на новгородскую архитектуру середины XV века // Сергей Радонежский и русское искусство второй половины XIV – первой половины XV века в контексте византийской культуры : тезисы докладов международного научного симпозиума. Москва, 10–12 ноября 2014 года. М., 2014. С. 30–31.

²⁸ Сарабьянов В. Д. Помещения второго этажа в древнерусских церквях, их функция и иконография // В созвездии Льва : сборник статей по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. М., 2014. С. 438–439. О декоративных покрасках на фасадах В. Д. Сарабьянов сообщил автору устно и показал полевые зарисовки таких покрасок.

из восточных углов этих приделов выступает подкупольный столб – откровенно и по-новгородски.

Эту асимметрию и случайность зодчий постарался снять необычной системой освещения: в отличие от почти всех других новгородских храмов, за исключением церкви Федора Стратилата на Федоровой улице (построенной тринадцатью годами раньше), приделы церкви Спаса имеют два яруса света в западной и боковых стенах. Это подчеркивает торжественность небольших помещений. По сравнению с церковью Федора Стратилата, где окна первого и второго света в боковых частях расположены близко друг к другу, в церкви Спаса окна как будто специально раздвинуты по вертикали, отдалены друг от друга, что создает более ровное «движение» взгляда вверх. Нужно также отметить, что в обращенных в сторону западного и боковых рукавов креста стенах приделов никаких световых проемов (за исключением дверных на площадку хор) нет, что из храма подчеркивает непрерывный характер ограничивающих ветви креста стен, а изнутри приделов дополняет несимметричность освещения.

Приделы церкви Спаса можно отнести к наиболее ярким сооружениям подобного рода в новгородской архитектуре. Эти приделы осмыслены как частные молельни, существующие отдельно от основного пространства храма, эти молельни имеют глубокую традицию, но внутри этой традиции решены по-новому и в соответствии, прежде всего, с образной структурой основного пространства храма.

Формула интерьера

Византийская архитектура средневизантийского периода нашла формулу храма, в которой символическое содержание было пересказано архитектурным языком. Наиболее ясно и полно это содержание было передано в типе «вписанный крест». За основу брался равноконечный, так называемый «греческий» крест, который внутри должен был читаться ясно, но читался и во внешнем облике – за счет того, что углы храма были понижены относительно ветвей креста. Эти углы, дополнявшие план храма от креста до квадрата (или прямоугольника, если ветви креста были не равны), были второстепенными пространствами, но в столичной архитектуре, в зодчестве Константинополя, они сливались в нижней зоне интерьера с пространством креста и средокрестья: поскольку опорами купола служили не столбы, а мраморные колонны, обтекаемые взглядом, не разъединяющие, а проводящие. На этих колоннах покоился купол на барабане, купол говорил о небе, венчая средокрестье. В результате храм повествовал одновременно о кресте и небесах.

Провинциальное зодчество взяло основную схему, но пользовалось ею в меру своего понимания или непонимания. То крест читался плохо, то вообще поч-

ти не читался, то купол помещался на слишком высоком и узком барабане и никак не напоминал небеса. Эти провинциальные прочтения столичной схемы, часто интуитивные, а не рациональные, могут служить полем самых разных исследований: от психологических до фольклорных. Для историка архитектуры важнее те памятники или их группы, в которых эти прочтения приобрели особый художественный оттенок, в которых мастера, пусть и провинциальные, нашли средства для своеобразного выражения заимствованных и не до конца освоенных идей.

Двигателем такого своеобразного выражения в условиях отдаленности от центра, от места рождения новых форм, пересказывающих новые идеи, могло быть только сильное художественное чувство, сродни одержимости. Это чувство в момент воплощения в камне не имело множества средств, приемов, формальных «ходов», количество их в провинциальной среде было ограниченным, если не скудным. Но, несмотря на это, художественная цельность могла найти пути выражения и при ограниченных художественных средствах; в таком случае одержимость выявлялась посредством наития, именно наитие, внезапное озарение было проводником художественности.

Церковь Спаса на Ильине улице, особенно – ее интерьер, является результатом такого интуитивного творчества, построенного на использовании форм известных, давно найденных, сто раз «сказанных», но одухотворенных сильным чувством, сдвинутых и слепленных посредством наития, художественного прозрения. Сужение ветвей креста и их одновременное удлинение, выделение этого пространственного креста, его оформление стенами – вот основные составляющие «формулы» интерьера. Выявлению пространственного креста служат и другие приемы: превращение площадки хор в узкий мосточек, почти не вторгающийся в западный рукав креста, крестообразное освещение из торцов рукавов креста, особенно подчеркнутое в верхнем, четвертом уровне света, в люнетах, откуда свет скользит по крестообразно сходящимся к центру коробовым сводам. Наконец, тема креста поддержана крестообразным расположением окон в барабане (возможно, не первоначальным, но и при восьмиконном барабане крестообразность проемов по сторонам света «работает» на главную тему).

Если выводить самую короткую формулу интерьера церкви Спаса на Ильине, то получится: сочетание крестообразности и башнеобразности, выразившееся в вертикальности. Эта вертикальность все же не крайняя, не запредельная, а постигаемая. Крестообразность же, напротив, очень законченная, хотя и не до конца доведенная (вспомним укороченный восточный рукав креста). Обе составляющие указанной «формулы» уже присутствовали внутри новгородской школы: и крестообразность, выде-

ленная почти глухими стенами внутри храма, восходящая к собору псковского Мирожского монастыря, и вертикальность, пришедшая из башнеобразных храмов начала XIII в., лучшим сохранившимся примером которых служит храм на Перыни. Но большие физические размеры, взятый большой масштаб, поддержанный последовательным, неукоснительным развитием главных тем, сочетали указанные составляющие формулы в единое целое, и храм стал полным выражением не только новгородской школы с ее отдельными приемами, но и всех ее возможностей и того духовного содержания, которое она смогла получить и развить.

О покрытии основного объема

Почти все авторы, писавшие о церкви Спаса на Ильине во второй половине XX в., утверждали, что первоначально покрытие храма было полопастным, трехлопастным на каждом фасаде, и только потом, в XVI в., оно было переделано на восьмискатное, с треугольными щипцами²⁹. Откуда проистекает уверенность в том, что именно так все и было, мы не знаем. Доказательств этому на самом памятнике пока не найдено. Мало того, само устройство полопастного покрытия для крупных памятников, таких как церковь Федора Стратилата и Спаса на Ильине улице, остается дискуссионным, хотя оно и было устроено в натуре на первом из названных памятников. В памятниках ранних, начала XIII в., таких как церковь Рождества Богородицы на Перыни, полопастное покрытие отвечало трехлопастной кривой, завершавшей каждый фасад (лопатки же устраивались только по краям); то же видим и в церкви Николы на Липне (1292 г.)³⁰. Но позже, в первой половине XIV века, когда в среднюю часть фасадов вернулись лопатки и прясел на фасаде стало опять три, трехлопастное покрытие стало не так уж и отвечать форме завершающих фасад поднимающихся лопастных арок, присутствующих в каждом прясле. Вполне возможно, что в небольших сооружениях, таких как церковь Успения на Волотовом поле (1352 г.) с ее трехлопастными арками в завершении каждого фасада и отсутствием лопаток, полопастное покрытие было единственно возможным, но для крупных храмов едва ли не предпочтительнее видеть пощипцовую форму с треугольными формами завершения – она, надо сказать, ближе к западноевропейским, пре-

жде всего северогерманским аналогам, которые на архитектуру Новгорода оказывали значительное воздействие. Не настаивая на предположении о первоначальности восьмискатного покрытия церкви Спаса на Ильине улице, мы хотим призвать к проверке существующих реконструкций и к тщательному изучению как существующих памятников, так и архивных материалов и чертежей – для проверки сведений о формах покрытия новгородских храмов.

Декоративная система фасадов

В основе членения фасадов лежит, конечно же, еще византийская система деления плоскости некими вертикальными тягами (в данном случае – лопатками) на отдельные отрезки (прясла в древнерусской традиции), которые точно или примерно соответствовали проекции трехчастного деления внутреннего пространства основной части храма. Поэтому прясел, естественно, три; они завершаются трехлопастными арками или ползучими лопастными арками. Такое членение и завершение является развитием схемы фасадов башнеобразных храмов начала XIII века, в которых деление на три прясла сочеталось с единой трехлопастной кривой, «накрывавшей» каждый фасад (как это было в церкви Михаила Архангела в Смоленске и как это, вероятно, было в церкви Параскевы Пятницы на Торгу в Новгороде). В начале XIV века из западноевропейской архитектуры пришло завершение каждого прясла лопастной аркой, из этих арок боковые были ползучими. Такое завершение в новгородской архитектуре впервые отмечено в новгородском монастырском храме Николы Белого (1312–1313 г.), а затем встречается в Никольском соборе в Изборске, сооруженном в 1330-е годы³¹. В дальнейшем подобное членение фасадов в Новгороде стало основным.

С 1230-х до 1360-х гг. в новгородской архитектуре мы знаем только храмы с тремя уровнями световых проемов, а в церкви Федора Стратилата на Федоровой улице едва ли не впервые (мы уверены, что – впервые) было применено четырехуровневое построение фасадов, отвечавшее башнеобразному образу храма, который в церкви Федора Стратилата выдержан совсем не полностью. В церкви Спаса на Ильине улице четырехуровневое построение фасадов много больше соответствует разработанному и продуманному образу башнеобразного храма. Более того, те «пустые места», которые во множестве оставались на фасадах церкви Федора, мастера, строившие церковь Спаса, старались заполнить, вводя бровки, выложенные кладкой рельефные кресты,

²⁹ См. особенно: Шуляк Л. М. Памятники архитектуры Новгорода. Церковь Спаса Преображения. Новгород, 1958. С. 5; укажем также на специальную работу: Дмитриев Ю. Н. О формах покрытия в новгородском зодчестве XIV–XVI веков // Древнерусское искусство. XV–XVI вв. М., 1963. С. 196–207.

³⁰ Седов Вл. В. Церковь Николы на Липне и новгородская архитектура XIII в. во взаимосвязи с романо-готической традицией // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 393–412.

³¹ Штендер Г. М. Исследования и реставрация церкви Николы Белого в Новгороде // Реставрация и архитектурная археология: новые материалы и исследования. М., 1991. С. 89–109; Седов Вл. В. Никольский собор в Изборске // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М., 2004. С. 247–258.

круглые и стрельчатые оконподобные ниши, пояски поребрика и бегунца. В принципе можно говорить о структурной схеме, основе фасада.

К этой структурной схеме прибавляются в качестве заполнения названные выше окна, бровки, ниши и кресты, но только вместе с этой структурной схемой они составляют декоративную систему. Эта декоративная система создана, она состоит из довольно большого количества компонентов как структурных, так и чисто декоративных, в ней есть определенная законченность и способность развития.

Двухступчатые лопатки: прецеденты и их объяснение

Фасады церкви Спаса на Ильине улице структурированы с помощью необычных двухступчатых лопаток. Эти лопатки, по нашему мнению, восходят к южнорусской архитектуре рубежа XII–XIII вв.; в Новгороде они могли появиться с южнорусскими мастерами, строившими здесь в начале XIII в. В трех частично сохранившихся новгородских памятниках этого времени (церковь Параскевы Пятницы на Торгу 1207 г., храм Михаила Архангела на Прусской улице 1219–1224 гг., церковь Рождества в Перыньском монастыре 1220–1230-х гг.) лопатки другие, соответственно, – или пучковые, или простые с наложенным профилем, или простые – только с прямоугольным в сечении выступом. Но позднее, в 1330-е и в 1340-е гг. появились два храма с двухступчатыми лопатками.

Первым известным новгородским памятником с двухступчатыми лопатками является церковь Входа в Иерусалим в Детинце, сооруженная в 1336–1337 гг. по заказу новгородского архиепископа Василия Калики³². В 1338 г. владыка Василий заказал Исаяе Гречину «с другы» настенную роспись этого храма³³, а в 1339 г. эта роспись была окончена, причем летописец называет храм «владычной церковью», подчеркивая тем самым владычный заказ.

Основания церкви Входа в Иерусалим 1336–1337 гг. были недавно открыты и уже достаточно подробно освещены новгородскими и петербургскими археологами. Остатки памятника были открыты впервые М. А. Родионовой, зафиксировавшей участки кладки и давшей предварительную реконструкцию³⁴. В дальнейшем церковь была полностью раскрыта и внимательнейшим образом изучена³⁵. Выяснилось,

³² НПЛ. С. 347–348.

³³ НПЛ. С. 348.

³⁴ Родионова М. А. Архитектурно-археологические исследования церкви Входа в Иерусалим в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 24. Великий Новгород, 2010. С. 34–44.

³⁵ Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В., Родионова М. А. Изучение церкви Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг. в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 25. Великий

что это был четырехстолпный храм с двумя круглыми западными столбами и одной алтарной абсидой. Фасады храма были расчленены двухступчатыми лопатками. В принципе формы храма с внутрисклонной лестницей с запада, круглой западной парой столбов и двухступчатыми лопатками на фасадах, а также объединение западного прясла в единую плоскость, включающую лопатки, все эти формы и детали очень похожи на то, что несколькими годами позже мы видим в новгородской церкви Благовещения на Городище, сооруженной в 1342–1343 гг. при участии того же архиепископа Василия Калики³⁶.

Двухступчатые лопатки церкви Спаса на Ильине улице были взяты зодчим этого храма или в церкви Входа в Иерусалим, или в церкви Благовещения или даже в каком-то не дошедшем до нас новгородском памятнике начала XIII в., построенном в южнорусских формах. Мы предполагаем, что смоленские или южнорусские формы (на новгородской почве) и были источником для мастеров XIV в., причем как для мастеров времени Василия Калики, построивших храмы Входа в Иерусалим и Благовещения на Городище, так и для мастера или мастеров, которые возвели в 1374 г. церковь Спаса на Ильине улице. Интересно, что в церкви Спаса нет других характерных форм двух упомянутых храмов времени Василия Калики: круглых западных столбов, выступающих прясел, соединенных с лопатками. Это может означать, что мастера Спаса на Ильине обращались непосредственно к новгородским памятникам южнорусского стиля, а не к храмам 1330-х – 1340-х гг. В любом случае последние служили важным передаточным звеном или прецедентом для заказчиков и мастеров церкви Спаса на Ильине улице.

Следует сказать еще раз, что в Новгороде начала XIII в. мы пока не знаем памятников с двухступчатыми лопатками с прямоугольными обломами. Поэтому важно найти те памятники древнерусской архитектуры XII–XIII вв., в которых есть лопатки такого профиля. И действительно, двухступчатые лопатки с прямоугольными в сечении уступами находим в Полоцке, на фасадах храма-усыпальницы в Спасо-Евфросиниевом монастыре³⁷, датированном исследо-

Новгород, 2011. С. 84–93; Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В., Родионова М. А. Архитектурно-археологические исследования 2011 г. в кремле Великого Новгорода и Новгородском районе // Там же. Вып. 26. Великий Новгород, 2012. С. 55–58; Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В., Родионова М. А. Исследования церкви Входа Господня в Иерусалим в новгородском Детинце в 2012 г. // Там же. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 53–59.

³⁶ Седов Вл. В. Церковь Благовещения на Городище. XIV век // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 391–404.

³⁷ Каргер М. К. Храм-усыпальница в Евфросиниевом монастыре в Полоцке // СА. 1977. № 1. С. 240–247; Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.: каталог памятников. Л., 1982. С. 95–96.

вателями первой половиной XII в. Двухступчатые лопатки членят фасады церкви Иоанна Богослова (конец XII в.) в Луцке³⁸. В Смоленске такой же профиль имеет открытая на боковом фасаде лопатка церкви на Окопном кладбище³⁹, датированной рубежом XII–XIII вв. Заметим, что именно в Смоленске находим двухступчатые лопатки, наиболее близкие по времени к тем предполагаемым памятникам южнорусской архитектуры на новгородской почве, в которых были лопатки подобного профиля и из которых подобную форму могли брать новгородские мастера первой половины – середины XIV в.

Уступчатый профиль с прямоугольным сечением уступов можно встретить в памятниках византийского круга, например, в храмах Болгарии, построенных в XI–XII вв., в период византийской власти в этой стране. Отметим подобный профиль лопаток в храмах Грузии в Колуше (в городе Кюстендил), Иоанна Богослова в Земенском монастыре и Димитрия в Паталенице⁴⁰. Мы указываем на эти храмы потому, что они указывают на вероятное объяснение происхождения двухступчатых лопаток: они могли прийти из средневизантийской архитектуры.

Усложнение уступчатых лопаток с прямоугольным в сечении профилем уступов видим на двух древнерусских храмах рубежа XII–XIII вв., в которых находим трехступчатые лопатки. В церкви Успения в Дорогобуже⁴¹, датированной второй половиной XII в., находим даже треуступчатые лопатки, сочетающиеся со скругленными углами, подобные трехступчатые лопатки видим на западном фасаде церкви Богородицы на Церковщине в Киеве⁴², сооруженной на рубеже XII–XIII вв.

Уникальной чертой церкви Входа в Иерусалим являются «двойные уступы в местах сопряжения северо- и юго-восточных стен с апсидой (уступы, видимо, продолжали двухступчатые лопатки, находившиеся над апсидой)»⁴³.

³⁸ Малевская М. В. Церковь Иоанна Богослова в Луцке – вновь открытый памятник архитектуры XII века // Древнерусское искусство : исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 9–35.

³⁹ Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 287–299.

⁴⁰ Миятев К. Архитектурата в средновековна България. София, 1965. С. 165–171.

⁴¹ Малевская М. В., Пескова А. А. Древнерусская Успенская церковь в Дорогобуже Вольнском // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб., 1996. С. 57–60; Прищепа Б. А. Дорогобуж на Горині у X–XII ст. Рівне, 2011. С. 193–199.

⁴² Харламов В. А. Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X–XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев, 1985. С. 116–119.

⁴³ Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В., Родионова М. А. Изучение церкви Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг. в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 25. Великий Новгород, 2011. С. 92.

Надо сказать, что подобные уступы, отвечающие выступу крайних лопаток на восточном фасаде и примыкающие к абсиде, встречаются в новгородской архитектуре: так устроен восточный фасад в Никольском соборе в Изборске, сооруженном в 1330-е гг. Но в этом памятнике лопатки одноступчатые, соответственно – одноступчатые и лопатки, фланкирующие абсиду. Двухступчатых же фланкирующих абсиду лопаток мы в Новгороде больше не видим: уже в церкви Благовещения на Городище с ее двухступчатыми лопатками абсиду расширили, так что лопатки среднего прясла исчезли из нижней зоны храма. Ту же картину находим и в церкви Спаса на Ильине улице. В церкви Спаса на Ильине мы видим, что выше абсиды и как будто по ее краям возникают двухступчатые лопатки, ограничивающие среднее прясло и отвечающие своими уступами уступам крайних лопаток. В верхней зоне вынужденно нарушенная из-за расширения абсиды логика восстанавливается.

Однако само устройство боковых прясел церкви новгородской Входа в Иерусалим с ее уступами, у абсиды зеркально отвечающими уступам лопаток на краях восточного фасада, требует объяснения. На наш взгляд, эта форма с «полными» боковыми пряслами и зеркально отвечающими друг другу лопатками, формирующими эти прясла, является еще одним свидетельством смоленского или, шире, южнорусского влияния, сказавшегося в новгородской архитектуре конца XIII – середины XIV вв. Сразу же нужно указать на тот факт, что в самом Новгороде и на Северо-Западе Руси за исключением церкви Входа в Иерусалим и Никольского собора в Изборске нет подобных «полных» боковых прясел. Однако в архитектуре Византийского мира и, как увидим ниже, даже в древнерусской архитектуре примеры подобного решения встречаются, что дает нам право говорить и об этой форме как о продолжении южнорусской традиции в послемонгольском Новгороде.

Несколько раз подобные «полные» прясла в сочетании с двухступчатыми лопатками встречаются в архитектуре сербской Македонии XIV века. Укажем на одноабсидные церкви Никиты в Чучере (начало XIV в.), Николы в Люботене (1337 г.) и Введения (Спаса) в Кучевиште (между 1332 и 1337 гг.)⁴⁴. В соседней Болгарии в том же XIV в. был построен храм в Риле, имеющий те же формы на восточном фасаде⁴⁵. Но архитектура всех этих памятников основана на прямой связи с византийской архитектурой, в том числе – предшествующего периода, так что для объяснения новгородского феномена в церкви Входа в Иерусалим мы должны искать памятники, сооруженные раньше, чем македонские храмы.

⁴⁴ Коран В. Споменици монументалне српске архитектуре XIV века у Повардарју. Београд, 2003. С. 15–27, 109–120, 129–144.

⁴⁵ Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура в България през XI–XIV век. София, 1988. С. 94–95.

И действительно, такие памятники есть. В уже упоминавшемся храме Димитрия в Паталенице (XI–XII вв.)⁴⁶ находим и двухступчатые лопатки и «полные» восточные прясла по сторонам единственной абсиды; в этих пряслах двухступчатые профили встречаем на обеих сторонах упомянутых прясел. Вот и все известные нам храмы типа «вписанный крест» средневизантийского времени с подобным решением восточного фасада.

Но есть и древнерусские памятники с «полными» боковыми пряслами по сторонам единственной абсиды. К этому типу можно отнести церковь Благовещения в Витебске, сооруженную в второй четверти XII в.⁴⁷ Здесь на восточном фасаде ситуация довольно сложная: внизу прясла по сторонам единственной абсиды фланкированы лопатками в один уступ, причем лопатки есть и у самой абсиды и по краям, то есть прясла от низа полные, но выше, в уровне второго яруса проемов, помещены большие арочные ниши в два уступа, завершающие верх боковых прясел; подобные ниши есть и в крайних пряслах боковых фасадов. Перед нами ранний пример «полных» прясел, который вполне мог повлиять на последующие памятники, а те, в свою очередь, могли повлиять на предполагаемые новгородские образцы начала XIII в. То, что такие более поздние памятники в южнорусской и западнорусской архитектуре домонгольского времени были, показывает церковь Иоанна Богослова в Луцке (конец XII в.)⁴⁸, где по сторонам единственной абсиды были устроены полные прясла, в которых, впрочем, профиль крайних лопаток был двухступчатым, тогда как к абсиде примыкали лопатки только в один уступ (второй, возможно, начинался выше).

Двухступчатые лопатки церкви Спаса на Ильине улице по времени «оторваны» от precedентов в новгородском зодчестве 1330–1340-х гг. Как и эти precedенты, эти лопатки представляются нам «воспоминанием» о домонгольских формах. Но в этом «воспоминании» не было прямой цитатности, это была именно где-то взятая форма, способствующая более сложной системе расчленения фасадов. И на фасадах церкви Спаса эти лопатки играют очень важную роль, сообщая сложность и даже многоплановость системе основных членений фасадной плоскости. Перед нами важное средство для достижения впечатления богатства и сложности, которой мастер или мастера этой церкви свободно пользуются.

⁴⁶ Миятев К. Архитектура в средновековна България. София, 1965. С. 165–171; Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура в България през XI–XIV век. София, 1988. С. 92–94.

⁴⁷ Раппопорт П.А. Церковь Благовещения в Витебске // Памятники культуры. Новые открытия : ежегодник. 1985. М., 1987. С. 522–528.

⁴⁸ Малевская М.В. Церковь Иоанна Богослова в Луцке – вновь открытый памятник архитектуры XII века // Древнерусское искусство : исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 9–35.

Логичность и прихотливость

Структурная схема фасадов дает ту степень логичности, которая отличает этот памятник. Подчеркнем, что эта логичность не так уж велика. Даже в структурной схеме памятника много случайного: независимость положения лопаток от положения столбов, перемены в уровне арок, когда арки наползают на столбы. В результате схема есть, но работает она только очень обобщенно, на уровне целого, которое все же «схвачено» основными силовыми линиями лопаток, арок, вертикальных тяг и пунктирно ощущаемых ярусов световых проемов. Эта схема, островок логичности, пусть и ограниченной, может быть противопоставлена декоративному заполнению плоскостей: здесь, в области украшения, определенный порядок, конечно же, есть, но он задан все той же структурной схемой, тогда как декор сам по себе как будто стремится к полной свободе, даже – прихотливости. Нелогичность, прихотливость, необязательность расположения декора и выбора его составляющих для того или иного места – всё это признаки не столько полной «народности» или «фольклорности» этого декора, сколько свидетельство того же художественного чувства, которое ощущается в интерьере: одержимости, стремления к созиданию нового. В области украшения фасадов это выразилось в преувеличенной тяге к применению различных форм. Об избытке декорации здесь говорить не приходится, декоративные элементы даны в соответствии с определенной мерой, но можно говорить о некоторой нелогичности применения декора, вызванной как состоянием архитектурной логики в новгородском зодчестве этого времени, так и тем, что мы хотели бы назвать «состоянием эксперимента». В этом состоянии декоративные элементы распределяются на плоскости фасадов, но не всегда еще занимают четко определенное, иерархически заданное место. Это прихотливость во время эксперимента.

Лопастные композиции на фасадах

В новгородской архитектуре середины XIV – начала XV в. изредка встречаются композиции из окон и ниш, объединенные сверху пятилопастной бровкой. Они состоят из среднего арочного окна, обрамляющих его двух ниш с полуарочным завершением и двух крайних окон – тоже с полуарочным завершением. Надо сказать, что до исследований Л. М. Шуляк эта форма не была известна, можно даже сказать, что она не только была открыта, но и во многом создана этой выдающейся исследовательницей новгородского зодчества. Ведь на месте этих нишек во всех храмах, включая Спас на Ильине улице, предполагались поздние окна, а сами эти композиции сохранились в виде фрагментов на периферии этих окон. Это значит, что такие или подобные компози-

ции были, но их нынешний вид во многом является результатом доделок, выполненных Л. М. Шуляк.

Эти композиции всегда размещены в средних пряслах фасада, над порталом. Такие композиции впервые появляются в церкви Спаса-Преображения на Ильине улице (1374 г.; исследование Л. М. Шуляк). Кроме того, подобные композиции встречаются в следующих памятниках: в церкви Рождества Богородицы на Михалице (1379 г., южный и северный фасады; исследование Л. Е. Красноречьева), в монастырской церкви Иоанна Богослова на Витке (1383–1384 гг., южный фасад; исследование Л. М. Шуляк), в церкви Покрова в Зверине монастыре (1399 г., северный фасад; исследование Л. М. Шуляк), в приходской церкви Петра и Павла в Кожевниках (1406 г. западный и южный фасады; исследование Г. М. Штендера). Кроме того, в церкви Иоанна Милостивого в Воскресенском монастыре на Мячине видим трехчастные композиции под трехлопастной бровкой (1421 или 1422 г., западный и южный фасады; исследование Л. Е. Красноречьева). Как видим, это достаточно редкая форма, использовавшаяся новгородскими зодчими в короткий промежуток длиной в 60 лет.

Откуда появилась эта форма? У нас нет сомнений в том, что она пришла, как и многие другие формы фасадов новгородских храмов, из башнеобразной архитектуры начала XIII в., представленной на новгородской почве храмом Параскевы Пятницы на Торгу, построенной, вероятно, смоленскими мастерами в 1207 г.⁴⁹ В этом храме сохранились только нижние части композиции из трех окон на северном фасаде, но о том, что такие композиции были распространены в начале XIII в., свидетельствует храм Михаила Архангела в Смоленске (конца XII века)⁵⁰, где трехчастные оконные композиции из одного арочного окна и двух окон с полуарочными завершениями по бокам и с венчающими бровками есть на северном, западном и южном фасадах. Есть тройные окна и в церкви Параскевы Пятницы в Чернигове (начала XIII в.)⁵¹.

Эти трехчастные окна с трехлопастным завершением (арочное окно в центре и два полуарочных

⁴⁹ Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 201–214 [глава «Церковь Параскевы Пятницы»]; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 348–353.

⁵⁰ Подъяпольский С. С. Церковь Архангела Михаила // Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 163–195.

⁵¹ Барановский П. Д. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.; Л., 1948. С. 13–34; Холостенко Н. В. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в Чернигове // СА. 1956. Т. 26. С. 271–292; Шуляк В. В. Пятницкая церковь в Чернигове // Археология. 1975. Т. 16. С. 118–121; Штендер Г. М. Разметка архитектурных форм древними зодчими // Памятники культуры: исследование и реставрация. Т. 1. М., 1959. С. 70–71.

окна по сторонам) являются, на наш взгляд, продолжением подобных композиций на фасадах византийских храмов XII в. (храм монастыря Паммакарistos⁵² и храм монастыря Хора в Константинополе⁵³, Космосотира в Вире⁵⁴, Николая в Куршумлии⁵⁵), многочисленных церквей на территории нынешних Греции, Албании и Турции⁵⁶: XI в. – Панагия Ликодиму в Афинах, собор монастыря Луки в Фокиде; XII в. – Агиа-Мони в Навплионе, Панагии в Мербаке, Георгия в Китте, Пантанасса в Герумане, Варвары в Эремесе, Николая в Камбии; вторая половина XIII – начало XIV в.⁵⁷ – базилика Като-Панагия в Арте, церковь Василия в Арте, церкви Троицы в Берате, придельный храм монастыря Паммакарistos (Фетхие-Джами) в Константинополе, южный придел храма монастыря Хора (Кахрие-Джами) в Константинополе, церковь Екатерины в Фессалониках, Ильи Пророка в Салониках, нартекс Софии в Охриде (1313/1314 г.), собор монастыря Хиландар на Афоне, храм Федора в Мистре, церковь Георгия в Оморфоклессиа.

Из этого последнего источника, из Греции, возможно, через посредство храма Богородицы в Студенице (около 1186 г.), где трехлопастные мотивы есть⁵⁸, прием трехлопастной композиции перешел в храмы Македонии и Косово-Метохии конца XIII – на-

⁵² Hallensleben H. Untersuchungen zur Baugeschichte der ehemaligen Pammakaristoskirche, der heutigen Fethie camii in Istanbul // Istanbulur Mittelungen. Band 15. 1965. S. 208–217.

⁵³ Ousterhout R. The architecture of the Kariye Camii in Istanbul. Washington, D. C., 1987. P. 81, Fig. 14, 15, 17, 18, 20. (Dumbarton Oaks Studies. 25).

⁵⁴ Sinos S. Die Klosterkirche der Kosmosoteira in Bera (Vira). München, 1985. (Byzantinischen Archiv, Heft 16); Ćurčić S. Architecture in the Balkans: From Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven – London, 2010. P. 408–409.

⁵⁵ Чанак-Медић М., Бошковић Ђ. Архитектура Немањиног доба. I. Цркве у Топлици и долинама Ибра и Мораве. Београд, 1986. С. 15–36; Седов Вл. В. Церковь Николая в Куршумлии и вопрос о центрическом освещении византийских и древнерусских храмов // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы: материалы научной конференции. 2009. М., 2009. С. 36–61.

⁵⁶ Millet G. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916. P. 50–51; 126–127; 141–142; 168, 239, 208–211; Ćurčić S. Architecture in the Balkans: From Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven; London, 2010. P. 424–427, 430–431.

⁵⁷ Злокович М. Старе цркве у области Преспе и Охрида // Старинар. Сер. III. Кн. III (за 1924–1925). Београд, 1925. С. 120–127; Bošković D., Tomovski K. L'architecture medievale d'Ochrid // Musee National d'Ochrid. Recueil de Travaux. Ochrid, 1961. P. 71–84; Ćipan B. St. Sophia. The Cathedral Church of the Ohrid Archbishopric. Skopje, 1996; Ćurčić S. Architecture in the Balkans: From Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven; London, 2010. P. 536–54, 550–552, 563–564, 570–571, 588–589, 606, 654–655.

⁵⁸ Чанак-Медић М., Бошковић Ђ. Архитектура Немањиног доба. I. Цркве у Топлици и долинама Ибра и Мораве. Београд, 1986. С. 79–17; Ćurčić S. Architecture in the Balkans: From Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven; London, 2010. P. 496–497.

чала XIV в.⁵⁹: на южном фасаде церкви св. Николая в Люботене 1337 г., на северном фасаде церкви монастыря Лесново 1341 г., а также, в двухчастном варианте, на южном и северном фасадах храма Маркова монастыря (прясла, отвечающие притвору; храм начат в 1345 г.). Но эти поздние примеры в македонской архитектуре Сербии никак не соотносятся с лопастными композициями в Новгороде: это не более как две ветви, разошедшиеся от одного ствола и друг с другом не сообщающиеся.

Отметим, что новгородские мастера (или мастер) второй половины XIV в., заимствовавшие принцип этой лопастной формы ниш и окон в соборных «смоленских» памятниках начала XIII в., сумели развить эту композицию, в далеком прошлом восходящую к термальному окну: из трехчастной с трехлопастным завершением композиции домонгольского времени новгородцы в XIV в. сделали пятичастную композицию из окон и ниш с пятилопастной же бровкой сверху. Вполне вероятно, что развить и обогатить эту композицию сумел мастер, построивший церковь Спаса на Ильине улице. Пятилопастная композиция появилась, скорее всего, прямо во время строительства храма 1374 г.

Соотношение декора церкви Спаса на Ильине с декором церкви Федора Стратилата

В принципе, и схема фасада и основные составляющие декоративного убранства в обоих храмах те же, но в церкви Спаса декора просто больше: появились бровки над некоторыми окнами (в церкви Федора они есть только в барабане) и над южным порталом, возникли лопастные (пятичастные) композиции из окон и ниш под бровками, умножилось количество рельефных крестов, усложнился их рисунок. Декоративность на фасадах церкви Спаса заметно усилилась. Это подчеркивалось и зубчиками в лопастных арках, и двойным уступом лопаток (ни того, ни другого в церкви Федора нет).

Зодчий Спаса пошел, как мы уже знаем, по пути подчеркивания башнеобразности, во многом он, вероятно, отталкивался от облика церкви Федора: он повысил объем храма, отчего абсида зрительно стала ниже, над ней возвышается большой участок восточного фасада. Поскольку боковые «нефы» оказались, как мы уже говорили, расширены, то зодчий расширил и боковые прясла, отчего на коротких западном и восточном фасадах доминирование средних прясел, заметное на фасадах церкви Федора Стратилата на Федоровой улице, сильно снизилось. Кроме того, он поднял угол ползучих арок, завершающих боковые прясла, от чего верти-

⁵⁹ Кораћ В. Споменници монументалне српске архитектуре XIV века у Повардарју. Београд, 2003. С. 15–27, 109–120, 129–144.

кальность повысилась. Два уровня окон в середине высоты храма, второй и третий, в церкви Федора были несколько сближены; в церкви Спаса за счет большей вытянутости четверика оказалось возможно их раздвинуть, что дало дополнительный вертикализм и определенную свободу пространства на фасадах.

Если в церкви Федора на абсиде первая, крупная, аркатура была расположена на середине высоты, а верхняя, с удвоенным шагом, завершала композицию, то в церкви Спаса, в которой абсида стала выше, аркатуру первого яруса подняли вверх, а окна внутри этой аркатуры включили во второй уровень проемов четверика, чего в церкви Федора не было. Двухъярусная аркатура церкви Спаса стала стройнее, что выражало и более вертикальные пропорции абсиды.

Наконец, в барабане церкви Спаса для того, чтобы подчеркнуть его вертикальность, встраивающуюся в общую вертикальность храма, в декоративный пояс добавлен отсутствующий в церкви Федора Стратилата пояс арочных нишек – верх барабана стал наряднее и выше.

Две составляющие декора: смоленская и готическая

Декор церкви Спаса на Ильине принципиально сводится к двум составляющим или к двум линиям: смоленской и готической. Эти термины требуют пояснения.

Смоленскими мы называем формы, пришедшие в новгородскую архитектуру в начале XIII в. Считается, что эти формы были перенесены в Новгород смоленскими мастерами, но есть и соображение о том, что пришедшие в Новгород в первом десятилетии XIII в. мастера были полоцкими⁶⁰. Мы продолжаем называть их смоленскими, поскольку предположение о приходе именно смоленских мастеров в 1207 г. для постройки новгородской церкви Параскевы Пятницы на Торгу⁶¹ кажется нам наиболее вероятным – и по стилистическим и по политическим соображениям (Новгород в это время был ближе связан именно со смоленским княжеским домом – на княжение в начале XIII века несколько раз приходили представители южнорусского княжеского клана

⁶⁰ Булкин В.А. Церковь Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде и новгородское зодчество начала XIII в. // ДРИ. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 377–392.

⁶¹ Brounoff N. Un nouveau type d'église dans la Russie du nord-ouest au XII siècle // *Arsbok der Vatenskaps-Societaten I Lund*. Lund, 1925. P. 3–38; Гладенко Т.В., Красноречьев Л.Е., Штендер Г.М., Шуляк Л.М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // *Новгород. К 1100-летию города*. М., 1964. С. 201–214 [глава «Церковь Параскевы Пятницы»]; Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 348–353.

Ростиславичей, связанного и со Смоленском⁶²). Но можно называть эти формы начала XIII века более общим термином – южнорусскими формами. Эти формы пришли в Новгород вместе с южнорусскими мастерами (смоленскими ли, полоцкими ли, может быть, даже и черниговскими), построившими здесь не только церковь Параскевы Пятницы на Торгу, а также еще несколько храмов, среди которых следует назвать церковь Михаила Архангела на Прусской улице (1219–1224 гг.)⁶³. Эти же мастера осуществили закладку окон храма Николы на Дворище⁶⁴. К 1220–1230-м годам многие формы южнорусской архитектуры были упрощены, примером чему служит церковь Рождества Богородицы в Перыни⁶⁵.

Памятники смоленской линии на новгородской почве с их сложным многосоставным декором, прежде всего, церковь Параскевы Пятницы, но, видимо, и другие храмы, оставались источником форм для последующей архитектуры Новгорода: в конце XIII – середине XIV в. мы в целом ряде новгородских памятников видим внимательное изучение домонгольских храмов Новгорода смоленской линии. Эти формы есть и в церкви Николы на Липне (1292 г.), и в церкви Благовещения на Городище (1342–1343 гг.), и в церкви Параскевы Пятницы на Торгу, отремонтированной и достроенной в 1345 г. после падения в 1340 г., и в церкви Федора Стратилата на Федоровой улице (1360–1361 гг.)⁶⁶.

Рядом со смоленскими формами с конца XIII в. в новгородском зодчестве присутствуют западные декоративные элементы: сначала романо-готические (на рубеже XIII–XIV вв.), затем только готические. Они

⁶² Феннел Д. Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989. С. 90–100; Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 166–212.

⁶³ Булкин В. А. Церковь Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде и новгородское зодчество начала XIII в. // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 377–392.

⁶⁴ Седов Вл. В., Скрипцова Е. В. Закладка окон Николо-Дворищенского собора в Новгороде в начале XIII в. // Новгородские древности. Вып. V. Архив архитектуры. Вып. XI. М., 2000. С. 5–23.

⁶⁵ Седов Вл. В. Церковь Рождества Богородицы в Перыни: новгородский вариант башнеобразного храма // Древнерусское искусство. Идея и образ. Опыт изучения византийского и древнерусского искусства. М., 2009. С. 29–54.

⁶⁶ Об этих памятниках и смоленских формах в них см.: Седов Вл. В. Церковь Николы на Липне и новгородская архитектура XIII в. во взаимосвязи с романо-готической традицией // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 393–412; Седов Вл. В. Церковь Благовещения на Городище. XIV век // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 391–404; Седов Вл. В. Церковь Федора Стратилата в Новгороде // Архив архитектуры. Вып. IX. М., 1997. С. 3–43. См. также: Антипов И. В. Восстановление новгородской церкви Параскевы Пятницы на Торгу (1345 г.) и строительство «на старой основе» в конце XIII–XV вв. // Новгород и Новгородская земля: искусство и реставрация. Великий Новгород, 2014. С. 110–125.

присутствуют ограниченно, но все же достаточно заметно, причем со временем число этих элементов накапливается, приобретая все большее значение⁶⁷.

В церкви Федора Стратилата на Федоровой улице смешение смоленских и готических форм на фасадах уже состоялось, новый стиль, построенный на этом смешении, был уже найден. Смешение двух групп декоративных форм заметно и в новгородской церкви Петра и Павла на Славне (1367 г.)⁶⁸. В сооруженной через семь лет церкви Спаса на Ильине улице это смешение продолжилось и, следовательно, продолжилось формирование нового стиля. Но готика здесь несколько отступила, оставшись в виде стрельчатых окон и нишек, а также круглых нишек. В наследство от романо-готического стиля, очень запоздалого, Новгороду (и церкви Спаса) достались двухъярусные аркатуры на абсидах.

Смоленские (южнорусские) формы, наоборот, умножились, и к ним следует отнести: арочные окна с бровками, арки с зубчиками, рельефные кресты, двухступчатые лопатки (как воспоминание о многоступчатых «пучковых» лопатках башнеобразных храмов южнорусской архитектуры домонгольского времени). Вместо готических порталов церкви Федора Стратилата в церкви Спаса применены арочные перспективные порталы, тоже напоминающие смоленские или шире – южнорусские памятники рубежа XII–XIII вв. Наконец, к южнорусским формам следует отнести и впервые появляющиеся в церкви Спаса пятичастные композиции из окон и ниш: на сохранившихся южнорусских башнеобразных храмах таких композиций нет, но они могли быть: идея сочетания арочного окна или ниши с окнами и нишами с полуарочным завершением известна по церкви Михаила Архангела в Смоленске⁶⁹. Это значит, что пятичастная композиция могла быть «изобретена» еще в домонгольское время, хотя нельзя исключить и усложнения трехчастной композиции и превращения ее в пятичастную непосредственно в церкви Спаса на Ильине улице.

Способность к развитию

Стиль, который был создан в церкви Федора Стратилата на основе смешения смоленских и готических декоративных форм, в церкви Спаса на

⁶⁷ О западных влияниях, кроме приведенных в предыдущей сноске статей, см. также: Седов Вл. В. Собор Михаила Архангела Сковородского монастыря // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 5. М., 1999. С. 264–270; Седов Вл. В. Никольский собор в Изборске // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М., 2004. С. 247–258.

⁶⁸ Седов Вл. В. Церковь Петра и Павла на Славне в Новгороде // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. Вып. 2. М., 2011. С. 188–211.

⁶⁹ Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 163–195 [глава «Церковь Михаила Архангела», написанная С. С. Подъяпольским].

Ильине показывает свою подвижность, способность к развитию. Эта способность дает представление о незаконченности процесса стилиобразования. Мы как будто присутствуем при рождении всё новых и новых решений, видим процесс «припоминания» или актуализации старых форм южнорусской архитектуры, наблюдаем собирание всё новых и новых готических форм. Потенциальная способность к вариации, к усложнению, к продолжению творчества на фасадах – всё это можно увидеть в декоративном убранстве церкви Спаса. Но нужно сказать, что дальнейшее развитие новгородской архитектуры второй половины XIV – начала XV в. не показывает ни усложнения, ни особых вариаций: фасады церкви Спаса на Ильине улице отмечают не очередную высоту, после которой подъем продолжился, а вершину, после которой развитие практически прекратилось и новгородское зодчество даже обнаружило признаки упадка. Но тем важнее для нас отметить еще раз присутствующую, улавливаемую в фасадном декоре церкви Спаса способность к дальнейшему развитию.

Развитие не было продолжено

Новгородская архитектура не сохранила всех храмов конца XIV – первой трети XV в., и теоретически мы можем предположить, что были здания, приближавшиеся по образному строю и пониманию композиционных проблем к церкви Спаса на Ильине. Но это чисто теоретическое предположение не снимает ощущения того, что в принципе новгородские зодчие эпохи политической независимости после сооружения церкви Спаса на Ильине улице больше не поднимались до такого уровня архитектуры: ведь в сохранившихся зданиях нет ни малейшего намека на желание создать большие, значительные, изощренные по композиции и декору церковные постройки. Если бы такое желание было, мы бы смогли зафиксировать его отражение в каком-то из дошедших до нас памятников. Но мы, наоборот, видим возвращение к формам церкви Федора Стратилата – например в церкви Рождества Богородицы на Михалице (на Молоткове, 1379 г.)⁷⁰. Непосредственного отражения схемы церкви Спаса на Ильине улице мы почти не находим, а если и находим подражание этому храму, как в церкви Петра и Павла в Кожевниках (1406 г.)⁷¹, то это подражание одновременно говорит и об упрощении и об отсутствии творческих сил для развития композиционных и декоративных приемов образца. Церковь Спаса на Ильине улице так и осталась непревзойденной вершиной новгородского зодчества.

⁷⁰ Седов Вл. В. Новгородский храм эпохи расцвета боярского строительства: церковь Рождества Богородицы на Молоткове // РА. 2004. № 1. С. 46–54.

⁷¹ Штендер Г. М. Новгородская церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. // СА. 1966. № 2. С. 210–232.

Предположение об авторстве: «мастер Спаса на Ильине» или «мастер больших храмов»

Изучение новгородской архитектуры середины XIV в. и, прежде всего, церкви Спаса-Преображения на Ильине улице, построенной в 1374 г., приводит к мысли о том, что в 60–70-е годы XIV столетия в Новгороде жил крупный архитектор, который смог создать церкви, выражающие сам дух боярского Новгорода. За вершину творчества этого архитектора, которого можно было бы назвать «мастером церкви Спаса на Ильине», мы принимаем этот храм, в котором наиболее впечатляющими чертами является вертикализм храма и его внутреннего пространства, вертикализм, позволяющий говорить об этом памятнике как о развитии идей башнеобразных храмов начала XIII в., а также сложная система фасадного декора, в которой стройность фасада сочетается с прихотливым расположением отдельных форм и их групп, не перерастающим в перегруженность. В этой системе «смоленские» или южнорусские формы сочетаются с отдельными декоративными мотивами северогерманской кирпичной готики.

За всем этим, за большим размером храма (16 × 16 м), его высотностью и художественно осмысленной и подчеркнутой вертикальностью, а также за богатым фасадным декором, прибавляющим внешности храмов особый оттенок монументальности, стоит чувство довольства, уверенности, в котором мы видим не столько ощущения самого автора (мастера), сколько переданные автором здания возможности и желания заказчиков, представителей новгородского боярства. Эта аристократическая группа, осуществлявшая государственную деятельность Новгорода, была замкнутой и очень активной, она, как мы видели выше, давала основных заказчиков каменной архитектуры, причем заказчиками были как отдельные представители боярства, так и целые корпорации, например, так называемые «уличане», среди которых преобладали бояре.

Боярский заказ предполагал выражение вкусов и стремлений боярства, именно эти вкусы и стремления обусловили исключительные размеры и исключительную по богатству декорацию исследуемого памятника. Можно говорить о своеобразном запросе на исключительность этого памятника, который мастер церкви Спаса услышал и сумел воплотить.

Связь архитектуры церкви Спаса на Ильине улице с боярским заказом дает ключ к пониманию выдающихся качеств архитектуры этого ключевого в истории новгородской архитектуры храма. Но боярский заказ не объясняет полностью того, как получилась эта архитектура. Для ее создания должна была существовать артель мастеров или, по нашему предположению, один мастер, которому поручен-

ный ему заказ дал возможность развернуть все свои возможности и создать шедевр.

Этот мастер, вероятно, мог создать в 1360–1361 гг. по боярскому же заказу тысяцкого Семёна Андреевича и его матери Натальи храм Федора Стратилата на Федоровой улице. Этот храм во многом подготавливает формы церкви Спаса на Ильине, но он ниже, строже, приземистей, вертикализм и богатство декора в нем звучат приглушенно. Определенные черты, схожие с церковью Федора и с церковью Спаса, можно видеть в несохранившихся и известных нам лишь очень ограниченно храмах Спаса в Торжке (1364 г.) и Троицы в Пскове (1365–1367 гг.). Можно рассматривать эти три храма как последовательную работу одного мастера, а церковь Спаса на Ильине – как вершину его творчества. Если предположить, что в 1360 г. этому мастеру было 25 лет (до этого он должен был учиться внутри артели), то храма Спаса в Торжке он построил в 29 лет, а Троицкий собор в Пскове – в 30–32 года. К моменту создания церкви Спаса на Ильине в 1374 г. ему было уже довольно много по средневековым меркам: 39 лет.

Это предположение выглядела бы как история о счастливом восхождении средневекового мастера к своему шедевр, если бы не еще один храм, церковь Рождества Богородицы на Молоткове улице, сооруженный в 1379 г., через 5 лет после церкви Спаса. В нем чувствуется та же рука: окна были расположены в 4 яруса, как в церкви Федора и Спаса на Ильине, абсида украшена двойной аркатурой, стены украшали окна с разными прорезями, вкладные кресты и готические, стрельчатые порталы. И все же церковь Рождества на Молоткове воспринимается как откат назад, к церкви Федора Стратилата, то

есть на двадцать лет назад. И размеры, и высотность церкви Спаса не воспроизводятся, архитектура возвращается к норме, пышной и уверенной, но все же норме. Если это работа все того же мастера (а считать этот храм работой эпигона мешает то, что памятник демонстрирует очень узнаваемые, хорошо переданные и потом не повторяющиеся приемы), то перед нами уже закатная, почти «старческая» (по нашим расчетам, автору должно было быть 44 года). Можно, конечно, предположить, что мастеру Спаса на Ильине в момент начала строительства церкви Федора Стратилата было 30 лет, тогда его вершина пришлась бы на 44 года, а закат или начало заката – на 49 лет. Этот сдвиг, на наш взгляд, менее вероятный, не меняет картины: судьбу предполагаемого мастера мы видим как высокое начало в церкви Федора Стратилата, далее – как последовательное восхождение к шедевр, к личной вершине – церкви Спаса на Ильине улице. И в последней постройке, в которой можно предположить ту же руку, тот же «почерк», уже видно определенное самоповторение и возврат к собственной «норме».

Мы понимаем всю условность нашей реконструкции «истории» мастера, соорудившего церковь Спаса на Ильине улице. Но вместе с пониманием условности нас не оставляет ощущение присутствия во всех перечисленных храмах одной творческой воли, одного почерка, одной художественной манеры, что может говорить о работе одного архитектора. Такая концентрация узнаваемых художественных приемов очень редка в истории древнерусской архитектуре, и тем ценнее оказывается это свидетельство художественной самостоятельности, содержашееся в формах церкви Спаса.

Заключение

В церкви Спаса на Ильине улице отразилась целая эпоха в истории Великого Новгорода. Эта эпоха может быть охарактеризована как период наивысшей стабилизации, даже в какой-то степени как период переизбытка сил новгородского общества и государства. Хронологические рамки этого периода – 1330–1390-е гг., но особенно заметно «здоровье» (или «сила») Новгородского государства и общества стало заметно к 1360-м гг.

В 1360–1370-е гг. мы не встретим в Новгороде никаких замечательных событий в интеллектуальной жизни: ни ярких споров, ни сочинений, всколыхнувших умы, ни заметных личностей, влиявших на духовную жизнь новгородского общества. В области христианской мысли фиксируется проникающая в это время в Новгород ересь стригольников, но она была быстро подавлена (в 1375 г., год спустя после построения церкви Спаса, трое ее лидеров были казнены), к тому же это было не слишком четко оформленное еретическое движение, содержание учения которого сводится к очищению форм религиозной жизни и к отказу от некоторых церковных норм¹. Это была характерная городская ересь, но она, по всей видимости, мало повлияла на искусство того времени, а интеллектуальной жизни, заключенной в оформившейся традиции, могла придать только некоторую остроту – в связи с появлением оппозиции официальной церкви.

Новгородская литература характеризуется каким-то чрезвычайно трезвым взглядом, который видит все мелочи, проясняет все туманности, фиксирует последовательность событий, их мотивацию, их смысл. Новгородские летописи и новгородские произведения середины – второй половины XIV в. хочется назвать демократической литературой (что часто и делают), но это какая-то особая, боярская демократичность, в которой даже простота и ясность были следствием образа мысли особой касты, правящей гигантским городом и принадлежащей ему обширной землей. Отметим новгородские «хождения», описания паломнических путешествий в Константинополь, в которых ясность и трезвость взгля-

да сочетаются с точной фактографией². Те же черты видим в новгородской былине о Василии Буслаеве³, а также в отражающих новгородские реалии второй половины XIV столетия житиях двух новгородских юродивых, Николы Качанова и Феодора, в которых обнаруживается непримиримость Софийской и Торговых сторон Новгорода, представляемых этими персонажами, не позволяющими оппоненту переходить Волхов и пребывать на чужой стороне реки⁴. А в житии Николы Качанова встречаем краткую, но четкую характеристику родителей будущего святого, происходившего из боярской среды: «богатством избобилующих и имеющих сел и рабов множество».

И все же при взгляде на летописные сообщения второй четверти XIV в. не покидает ощущение, что Новгород в это время переживал подъем, причем подъем не столько духовный, сколько материальный, это было время довольства и даже несколько избыточной силы. В политическом отношении⁵, вроде бы, не было ничего необычного, все так же Новгород балансировал между Западом (Ливонским орденом, Швецией), Москвой, более слабой Тверью и Великим княжеством Литовским; все так же спорили между собой разные территориальные, кончанские группировки новгородского боярства. Территория Новгородской земли не расширялась и не уменьшалась, на горизонте не видно было катастрофических бедствий большого масштаба, шла налаженная политическая, церковная, экономическая жизнь, все существовало в рамках традиции, накатанной, освоенной и как будто нерушимой. Боярство в период пребывания на новгородской архиепископской кафедре владыки Алексия (1360–1388) получило даже больше влияния, чем при властных архиепископах первой половины XIV века, Моисее (1325–1330, 1352–1359) и Василии Калике (1330–1352), но такая ситуация уже, кажется, была в начале столетия, и в этой боярской силе без ограничений не было ничего необычного.

Единственным признаком чего-то необычного, выходящего за пределы традиции и налаженной жизни, было ушкуйничество. Это были походы мо-

¹ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 34–71, 230–255; см. также крайне дискуссионную, но яркую книгу: Рыбаков Б. А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993; Печников М. В. К вопросу о религиозной практике стригольников // *Ad fontem / У источника*: сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 224–236; Алексеев А. И. К изучению ереси стригольников // *Древняя Русь*. 2004. № 4 (18), декабрь. С. 22–34; Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012.

² Сперанский М. Н. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934; Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л., 1962. С. 41–46; Петров Д. А. Новгородцы в Константинополе в XIV веке // *Изучение и реставрация памятников архитектуры и монументального искусства*. СПб., 2007. С. 189–200. (Труды Государственного Эрмитажа, XXXIV).

³ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 427–449.

⁴ Терешкина Д. Б. Новгородская житийная литература. Великий Новгород, 2006. С. 84–90.

⁵ См.: Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 207–242.

лодых бояр с набранными дружинами, осуществлявшиеся без формального разрешения Новгорода (и даже как будто и без ведома Новгородского государства), но в действительности они, возможно, были спланированы. Эти походы наносили ощутимые удары как по Верхнему Поволжью в пределах древнерусских княжеств, так и по территории Золотой Орды⁶.

Походы новгородских ушкуйников в Поволжье начинаются в 1360 г. и потом устраиваются очень часто: в 1364, 1366, 1369, 1371, 1374, 1375, 1377, 1379, 1391, 1392 и 1409 гг. Можно отметить, что год строительства церкви Спаса на Ильине улице тоже отмечен походом ушкуйников (на Болгар и на Волгу), мало того, 1374 г. находится в самом средоточии, в сгущении энергии этих походов, сравнимых с походами викингов. Кровавые, бешеные походы ушкуйников на север и на восток и благочестивые путешествия на юг, в Константинополь, в Иерусалим – две близкие крайности, в которые пускалось множество новгородцев. Можно вспомнить другую новгородскую былинку, о смерти Василия Буслаева, который после своих новгородских походов отправляется «в Ерусалим град со всею дружиною хороброу»⁷.

Здесь не место заниматься подробным рассмотрением самих походов ушкуйников, осуществлявшихся по рекам на специальных ладьях (они и назывались ушкунями), но их сила, неожиданность, повторяемость, смелость – всё это говорит о том, что перед нами движение, выражающее ту самую избыточную силу, о которой было сказано в самом начале, избыточную настолько, что для ее канализации, для отведения «лишней» силы из самого Новгорода требовались походы внешние, далекие. Если смотреть шире, то и ушкуйничество, и паломничество, и стригольничество – негосударственные рейды, хождения к Святой земле и ересь – три индикатора общего переизбытка новгородского здоровья.

При другом устройстве общества и государства такая избыточная сила привела бы, вероятно, к завоеваниям, к присоединениям территорий слабых соседей, к борьбе за гегемонию. Но Новгород был на это не способен: хотя бы в силу традиционности устройства, существования особых великокняжеских прав (а значит, неполного суверенитета) в Новгороде, церковной зависимости от Москвы. Избежать этой зависимости от Москвы новгородские бояре все же пытались: так, в 1386 г. новгородцы отказались от митрополичьего суда по церковным вопросам и передали право такого суда архиепископу Алексею. Но уже к концу того же года в резуль-

⁶ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 36–51.

⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 449–460.

тате похода великого князя Дмитрия Ивановича (Донского) на Новгород право митрополичьего суда было восстановлено, а Новгородская земля была обязана выплатить контрибуцию. Этот поход, вызванный неповиновением новгородцев в области выплаты великому князю «черного бора», особого налога в пользу великого князя, а также походами ушкуйников, был серьезным ударом по наметившемуся усилению Новгорода⁸. Еще один удар по Новгородской земле нанес великий князь Василий Дмитриевич в 1391 г.; в результате московско-новгородского конфликта был заключен мир «по старине». Новгород к концу XIV в. был смирен двумя войнами с Москвой, которой теперь приобретение им полного суверенитета не грозило. Движение ушкуйников, к прекращению которого Москва приложила значительные усилия, тоже сошло на нет, и после 1409 г. все улеглось в старые рамки, избыток сил исчез, Новгородское государство смогло просуществовать еще 70 лет, но оно было уже обречено – поскольку не развивалось и пребывало в полусвязанном состоянии.

Отметим еще раз, что ересь стригольников, практически не повлиявшая, по нашему мнению, на искусство Новгорода, может рассматриваться как еще один знак избыточности, переполненности жизни города: от этой чрезмерной полноты и возникают движения в сторону, попытки пересмотра существующего порядка вещей, ревизии идеологии.

Выражением силы города, прежде всего, его боярства, было строительство огромного количества каменных храмов: иногда закладывалось и строилось одновременно по три-четыре церкви. Это каменное строительство довольно подробно отражают новгородские летописи. Но след этой необычайно активной деятельности есть и в новгородских былинах. Так, былинный Садко, правда, не боярин, а купец, гость, от полноты своей казны мог соорудить три храма в три дня и «Кресты, маковицы золотом золотил, Он местны иконы изукрашавал, изукрашавал иконы, чистым жемчугом усадил. Царские двери вызолачавал»⁹. Нигде на Руси не было столь активного каменного строительства, как в Новгороде, только Псков в какой-то степени следовал за Новгородом: псковские летописи фиксируют похожее по интенсивности каменное строительство в этом втором по величине и значению средневековом мегаполисе Северо-Западной Руси.

Еще одним показателем избыточного здоровья новгородской культуры XIV в. было приглашение сторонних мастеров для росписи новгородских храмов. Мы не хотели бы касаться специального и

⁸ Янин В. Л. Средневековый Новгород. М., 2004. С. 216–225.

⁹ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938. С. 185–186; Новгородские быliny. М., 1978. С. 178–179.

деликатного вопроса о существовании собственно новгородской школы монументальной росписи в XIV столетия, но обратить внимание только на тот факт, что при создании в храме Спаса на Ильине улице настенной росписи в 1378 г. главным мастером был Феофан Грек, мастер, без сомнения византийский, приезжий. В 1338–1339 гг. роспись церкви Входа в Иерусалим в новгородском Детинце осуществил Исая Гречин «с други»¹⁰, то есть другая артель византийских мастеров под руководством Исая. С искусством византийским связывают и роспись церкви Федора Стратилата на Федоровой улице, осуществленную во второй половине XIV в., возможно, в 1370-е гг. (здесь предполагают сотрудничество византийского и новгородского мастеров)¹¹. Не затрагивая росписей церкви Успения на Волотове поле и Спаса-Преображения на Ковалёве, тоже не вписывающихся только в новгородский контекст, скажем, что приглашение издалека сторонних артелей фрескистов свидетельствует о высоких запросах заказчиков, об ощущавшейся ими возможности такого приглашения, свидетельствует, наконец, всё о том же избытке силы, об осознанном довольстве, приводящем к удовлетворению высоких устремлений с помощью приглашенных внешних сил. В принципе такой ход – привлечение мастеров из иных земель и стран – был возможен и в архитектуре, но во второй половине XIV в. новгородские зодчие оказались способны удовлетворить имеющиеся запросы, ответить на вызов времени, и иностранных мастеров в это время, по всей видимости, не приглашали.

В новгородском «Сказании о построении церкви Вознесения на Прусской улице» рассказывается о создателях этого каменного храма, которые были или тысяцкими или посадниками, то есть принадлежали к боярству, представители которого только и могли занимать высокие государственные посты; эти бояре, перечисленные по именам, создали храм с двумя приделами «на полатях» и расписали его с помощью приглашенных греческих мастеров-живописцев (изографов): «и подписаша настенным подписанием греческими изуграфы пречюдно велими, елико очи зрящих удивлятися могут»¹². Восхищение перед качествами росписи, созданной греческими художниками, звучащее в приведенном тексте – одно из объяснений самого факта приглашения византийских мастеров.

¹⁰ НПЛ. С. 348: «Того же лета повеле владыка Василии писати церковь Вход Иерусалимь господя нашего Иисуса христа Исаю Гречину с други; месяца мая в 4, на память святого священномученика Селивана; в той же день нача писати».

¹¹ Царевская Т. Ю. Роспись церкви Федора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М., 2007. С. 201–233, 291–292, 351.

¹² Сказания Новгорода Великого (IX–XIV вв.) СПб., 2004. С. 380–381.

И всё же кажется, что середина – третья четверть XIV столетия для Новгорода были не только временем подъема, но и временем неиспользованных возможностей, накопившихся к тому времени. Эти возможности в политическом и идеологическом отношении были полностью упущены: не было сделано ни одного сложного или хитрого политического шага, служащего к усилению Новгородской земли, не было создано значительных письменных, «верховых» литературных памятников, фиксирующих надежды Новгорода в идейном отношении. Исключением служит только оформившаяся в середине XIV в. «Знаменская легенда», записанная в «Повести о битве новгородцев с суздальцами». Если эта повесть и не принадлежит к лучшим образцам древнерусской литературы, то она, по крайней мере, ясно говорит о былом величии Новгорода, о божественном покровительстве новгородцам, о победе над суздальцами, в которых нетрудно узнать предков москвичей.

Характерно, что церковь Спаса на Ильине улице попадает сразу и в орбиту «Знаменской легенды» – поскольку построена в том самом месте, где икона Знамения пребывала первоначально, и в круг наших представлений о некоторой избыточности сил в новгородском обществе (и прежде всего – в кругу новгородского боярства) в этот период. Эта избыточность сказалась в архитектуре храма на Ильине улице – и в размерах, и в ясной монументальности интерьера, и в необычайной украшенности фасадов. Можно сказать даже, что церковь Спаса на Ильине улице служит одним из важнейших показателей этого избытка, внутреннего довольства, преисполненности сил. А поскольку это церковь, то все это здоровье трансформируется не в показное богатство, не в роскошь (каких можно было бы ожидать в светском здании), а в претворенное, подлинное искусство, в архитектуру, максимально полно выражающую всё ту же избыточность, но в этом случае – формальную избыточность, богатство приемов, накопленных внутри новгородского сообщества мастеров-каменщиков, архитекторов. То есть это была избыточность, направленная на духовные смыслы, на передачу высоких мыслей, избыточность материальная и действенная, но заключенная в рамки традиционного, канонического повествования о высших силах, созданного не в Новгороде, а только завещанного новгородским мастерам. Перед нами поэтому, но также и в силу убедительности и ясности самих архитектурных форм, избранных мастерами, – образец архитектурной силы, определенный итог периода собирания и накопления форм и формальных решений.

В контексте сказанного об архитектурной силе следует попытаться очертить круг средств, с помощью которых достигается выражение этой силы, этой избыточности, этого душевного здоровья го-

родской культуры. Для культуры и, следовательно, для архитектуры, в которой своих средств выражения было немного и которая их не производила в достаточных количествах в момент создания необычного сооружения, более того, для архитектуры, в которой само создание необычного сооружения (произведения) не ставилось как цель, а вся необычность заключалась в некотором превышении нормы (размера, формы, количества декоративных элементов), единственным способом достичь значительности, прямо говоря – величия, было претворение всех превышений, всех больших и малых крайностей, в единую тему, единую структуру. В этой структуре звучит только один мотив, это не симфония, это песня, даже речитатив, но и в мелодике, и в поэтике, и в ритме здесь собирается столько силы, что энергия пронизывает всю ткань произведения, все тело здания, весь его массив.

Этот способ творить искусство можно связать с варварским миром, не с тем, где нет правил и царит анархия, а с тем, который чутко вслушивается в соседний с ним мир культуры, интерпретирует ее, пытается принять правила высокого творчества, высокого искусства. У варварского мира для такой интерпретации всего два пути: растворение в подражании (без особой надежды на успех в виде яркой самобытности) или свободное творчество без оглядки на сложные законы, правила, соподчинения соседней культуры. Если культура (и архитектура, которая нас интересует прежде всего) смело идет по второму пути, то перед ней открываются такие возможности: она может попытаться использовать данные ей особенности (как в кирпичной готике Северной Германии использован материал, возникший в результате отсутствия естественного камня, но осознанный мастерами и ставший основой формотворчества), может попытаться сказать собственное слово, развить собственную тему (из чего и развилась культура средневековой Европы и романский стиль в архитектуре в частности), а может попытаться сказать все пришедшее из края большой культуры своим цельным, простым и энергичным языком.

К этой третьей возможности, к пересказу большой и развитой архитектурной культуры Византии языком простым и ясным, чаще всего и обращались древнерусские мастера. То, что получалось в результате слияния сложнейшей и разработаннейшей в деталях византийской архитектурной культуры и творчества древнерусских мастеров, стремившихся выделить из этой искушенной культуры близкие им и твердо звучащие темы, мы предложили называть «варварской монументализацией»¹³. Речь идет о

¹³ Седов Вл. В. Сакральное пространство древнерусского храма: архитектурный аспект // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 556–575.

процессе усиления зодчими-неофитами отдельных выразительных черт сложной архитектуры, при одновременном усилении выразительности путем увеличения размеров. Это не столько провинциальное упрощение (хотя и оно имело место), сколько однобокое развитие с одновременным смещением акцентов и смысла в сторону простого, ясного величия. Собственно движение идет от дарованного пышного и многосложного величия (как в Софийских соборах Киева и Новгорода) к формульному, односложному, одноплановому величию – как в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1119 г.) и как в церкви Спаса на Ильине улице, сооруженной 250 лет спустя.

Церковь Спаса на Ильине улице принадлежит, по нашему мнению, к крайним, исключительным по выразительности примерам варварской монументализации. В этом храме основные идеи византийской архитектуры пересказаны таким простым и одновременно сильным языком, что если не превращаются в свою противоположность, то приобретают такое звучание, в которых слышны новые реалии, в которых назидательность и поучительность отступают перед натиском и повторяемостью, в которых слышится голос молодого народа, принимающего культуру внешне, только в главных чертах, но зато с невероятным энтузиазмом.

На что похоже это новгородское созидание своего стиля, отражавшего претензии правящего класса и всего Новгородского государства на значительную роль в раздробленном Византийском мире? Само желание создать архитектуру выразительную характерно даже для мелких государств, но желание создать архитектуру выразительную и вместе с тем крупную, исключительную, способную напоминать об архитектуре самой Византии, как-то конкурировать с ней (пусть в отдалении от нее, но с явным желанием приблизиться к великим образцам), это амбициозное желание создать новую архитектуру в кругу Византийского мира мы видим в Сербии, где архитектура первой половины – середины XIV в.¹⁴ явно выходит на имперский, мощный и одновременно довольно изощренный уровень. Чем-то подобным была и новгородская архитектура второй половины XIV в.: со всеми оговорками, с пониманием того, что если Сербия действительно хотела стать на место Византии, а Новгород даже помыслить не мог о том, чтобы заменить империю. И всё же новгородская архитектура в таком примере, как церковь Спаса на Ильине улице, является таким же примером околотовизантийского художественного

¹⁴ Ćurčić S. Church Architecture of the Serbo-Greek Empire (1346–1371) // Fifth Annual Byzantine Studies Conference (BSA). Abstracts of Papers. Washington, 1979. P. 37–38; Ćurčić S. Gracanica: Istorija i arhitektura. Belgrade and Pristina, 1988; Ćurčić S. Architecture in the Byzantine Sphere of Influence around the Middle of the Fourteenth Century // Дечани и византијска уметност средином XIV века. Београд, 1989. P. 55–68.

дерзания молодых государств, окружавших старую и слабую Византию, что и церковь в Грачанице (1310-е гг.)¹⁵.

Другим способом создать необычное здание в условиях молодой, еще варварской культуры, было культивирование изящности, перевод хрупкости и утонченности в категории варварской культуры, применение своеобразной «варварской утонченности». По этому пути, начав его в таких памятниках середины XIV в., как монастырская церковь Успения на Волотове поле (1352 г.), но как будто оставив его на время, пойдут столетием позже заказчики и зодчие крупнейших монастырских храмов Новгорода и его округи в середине XV в.

Оба этих способа созидания, достигающие или варварского монументализма или варварской утонченности, ведут только к созданию сильных образов, но не создают новой системы выразительности, состоящей из новых частей и способных «обработать» по-новому пространство и плоскости; можно сказать, что эти способы не создают новой архитектурной «решетки». Такую готовую систему могло бы принести извне заимствование европейской, готической стилистики, но полного принятия такой системы так никогда и не произошло. Такую систему можно было заимствовать из прошлого, как взяли многие формы из «смоленского», южнорусского архитектурного арсенала новгородские зодчие вто-

рой половины XIV в. Однако и южнорусская система была принята новгородцами только отчасти, с ограничениями и упрощениями. Новгородцы предпочли попытаться создать из «смоленских» и готических форм нечто цельное, но сделали это слишком эскизно, даже небрежно. В результате новая система фасадного декора, с наибольшей полнотой отразившаяся в церкви Спаса на Ильине, получила распространение и даже оказалась способной организовывать стены новгородских храмов на протяжении еще ста лет, но она не имела той силы, которую имеют системы, полностью законченные, а потому легко поддавалась влияниям во время вторжения иногочужд архитектурного языка, по-настоящему готического (в 1430-е гг.), или московского (в начале XVI в.).

Церковь Спаса на Ильине улице – памятник многозначный, как всякий памятник, находящийся «на переломе», не в начале большого пути развития, в процессе которого его формы или принимаются или отвергаются, но в конце подъема и, одновременно, в той шарнирной точке, после которой начинается падение стиля. Но для истории русской архитектуры важнее не его положение в точке неустойчивого равновесия внутри истории новгородского зодчества, а то общерусское значение, которое имеет этот храм, воплотивший в себе подъем Новгородского государства и новгородского боярства, мечту о величественном зодчестве, передающем величие веры, а также те художественные, архитектурные приемы, сильные и простые, которыми были переданы этот подъем, эта мечта и это величие.

¹⁵ Ćurčić S. Gracanica: Istorija i arhitektura. Belgrade and Pristina, 1988.

Избранная литература

- Азбелев С. Н. Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. // ТОДРЛ. Т. XV. 1958. С. 129–262.
- Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960.
- Алексеев А. И. К изучению ереси стригольников // Древняя Русь. 2004. № 4 (18), декабрь. С. 22–34.
- Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012.
- Алешковский М. Х. Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения их социальной истории // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. I. М., 1975. С. 22–30.
- Алпатов М. В. Феофан Грек. М., 1979.
- Андреев В. Ф. Новый список «Семисоборной росписи» Новгорода // НИС. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 219–223.
- Анисимов А. И. Новооткрытые фрески Новгорода // Старые годы. 1913. № 12. С. 53–55.
- Анкудинов И. Ю. Роспись новгородских церквей 1615 г. // НИС. Вып. 11 (21). СПб., 2008. С. 367–382.
- Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967.
- Антипов И. В., Соленикова Е. В. Формат новгородских брусковых кирпичей конца XIII – середины XV вв. // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб., 1996. С. 121–128.
- Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В. Исследование памятников архитектуры в пригородных новгородских монастырях // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Великий Новгород, 2007. С. 313–318.
- Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В., Родионова М. А. Изучение церкви Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг. в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 25. Великий Новгород, 2011. С. 84–93.
- Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В., Родионова М. А. Архитектурно-археологические исследования 2011 г. в кремле Великого Новгорода и Новгородском районе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 26. Великий Новгород, 2012. С. 50–59.
- Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В., Родионова М. А. Исследования церкви Входа Господня в Иерусалим в новгородском Детинце в 2012 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 53–59.
- Антипов И. В. Восстановление новгородской церкви Параскевы Пятницы на Торгу (1345 г.) и строительство «на старой основе» в конце XIII–XV вв. // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Великий Новгород, 2014. С. 110–125.
- Барановский П. Д. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.; Л., 1948. С. 13–34.
- Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.-Л., 1961.
- Булкин В. А. Церковь Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде и новгородское зодчество начала XIII в. // ДРИ. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 377–392.
- Булкин В. А. Знаменская церковь XIV в. в Новгороде // ДРИ. Византия, Русь, Западная Европа : искусство и культура. СПб., 2002. С. 246–259.
- Булкин В. А., Прудников О. А. Древнейший ансамбль Ильинской улицы // София. 1999. № 3. С. 16–20.
- Булкин В. А., Штендер Г. М. Исследование Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря // Изучение истории и культуры Новгородской земли : тезисы докладов научной конференции. Новгород, 1987. С. 54–56.
- Булкин В. А., Штендер Г. М. Спасо-Преображенский собор – древнейшая каменная постройка Хутынского монастыря под Новгородом // ПКНО : ежегодник. 1993. М., 1994. С. 510–515.
- Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. М., 1996.
- Бычков И. А. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. Вып. 1. СПб., 1891.
- Вага В. Проблема пространственной формы в средневековой архитектуре Латвии и Эстонии. Тарту, 1960. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 86).
- Вагнер Г. К. Искусство мыслить в камне. М., 1990.
- Великий Новгород : энциклопедический словарь. СПб., 2007.
- Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века. М., 2005.
- Вздорнов Г. И. Фрески Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. М., 1976.
- Вздорнов Г. И. Феофан Грек. Творческое наследие. М., 1983.
- Воронин Н. Н. Архитектура // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 2 : Духовная культура. М., 1969.
- Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979.
- Всеобщая история архитектуры. Т. 6. М., 1968.
- Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992.
- Гаршин Е. М. Новгородские древности. 3-е изд. СПб., 1890.
- Гиппиус А. А. «Суть люди новгородцы от рода варяжска»: опыт генеалогической реконструкции // Восточная Европа в древности и средневе-

- ковье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В. Т. Пашуто, 11–13 апреля 2001 : материалы конференции. М., 2001. С. 59–65.
- Гиппиус А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // *Slavica Helsingiensia*. 27. The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology / ed. by Juhani Nuorluoto. Helsinki, 2006. P. 98–108.
- Гиппиус А. А. «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2011. № 1 (43). С. 18–30.
- Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // *Новгород. К 1100-летию города*. М., 1964. С. 183–263.
- Гордиенко Э. А. Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житии и мистериях XII–XVI века. М.; СПб., 2010.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Греков А. П. Фрески церкви Спаса Преображения на Ковалёве. М., 1987.
- Давыдов С. Н. Восстановление архитектурных памятников Новгорода в 1945–1949 годах // *Практика реставрационных работ : сборник первый*. М., 1950. С. 47–73.
- Даль Л. В. Историческое исследование памятников русского зодчества. Ч. III // *Зодчий*. 1872. № 7. С. 101–105.
- Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973.
- Дмитриев Ю. Н. О формах покрытия в новгородском зодчестве XIV–XVI веков // *ДРИ*. XV–XVI вв. М., 1963. С. 196–207.
- Дмитриева С. О. Фрески храма Спаса на Ковалёве в Новгороде 1380 года. М., 2011.
- Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938.
- Злокович М. Старе цркве у области Преспе и Охрида // *Старинар*. Сер. III. Кн. III (за 1924–1925). Београд, 1925. С. 120–127.
- Иконников А. В. Тысяча лет русской архитектуры. М., 1990.
- История русской архитектуры : краткий курс. М., 1951.
- История русской архитектуры. М., 1956.
- Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955.
- Каргер М. К. Новгород Великий. М., 1946.
- Каргер М. К. Новгородское зодчество // *История русского искусства*. Т. II. М., 1954.
- Каргер М. К. К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феодана Грека в Новгороде // *ТОДРЛ*. XIV. М.; Л., 1958. С. 565–568.
- Каргер М. К. Новгород Великий. Л.; М., 1961.
- Каргер М. К. Новгород. Л.; М., 1970.
- Каргер М. К. Храм-усыпальница в Евфросиниевом монастыре в Полоцке // *СА*. 1977. № 1. С. 240–247.
- Ковалёва В. М. К вопросу об изменении первоначальной цветовой гаммы некоторых памятников монументальной живописи XII–XV столетий // *Древний Новгород. История. Искусство. Археология. Новые исследования*. М., 1983. С. 295–313.
- Колчин Б. А., Черных Н. Б. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // *Археологическое изучение Новгорода*. М., 1978. С. 57–116.
- Комеч А. И. Роль княжеского заказа в построении Софийского собора в Киеве // *ДРИ*. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 50–64.
- Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. М., 1987.
- Комеч А. И. Церковь Спаса Преображения на Ильине улице // *Великий Новгород : энциклопедический словарь*. СПб., 2007. С. 505–506.
- Конявская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // *НИС*. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 322–383.
- Кораћ В. Споменици монументалне српске архитектуре XIV века у Повардарју. Београд, 2003.
- Корецкий В. И. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV–XV вв. // *Археографический ежегодник за 1967 год*. М., 1969. С. 275–290.
- Куприянов И. К. Прогулка по Новгороду и его окрестностям. Новгород, 1862.
- Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.; Л., 1947.
- Лазарев В. Н. Феодан Грек и его школа. М., 1961.
- Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески XI–XV вв. М., 1973.
- Лифшиц Л. И. Монументальная живопись Новгорода XIV–XV веков. М., 1987.
- Лифшиц Л. И. Фрески Феодана Грека в Троицком приделе церкви Спаса на Ильине улице (Об иконографической программе росписи) // *ДРИ*. Византия, Русь, Западная Европа : искусство и культура. СПб., 2002. С. 269–288.
- Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л., 1962.
- Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009.
- Лукин П. В. Существовал ли в средневековом Новгороде «Совет господ»? // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2012. № 1 (47). С. 15–27.
- Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014.
- Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860.
- Макарий, архимандрит. Древние церковные обряды в Новгороде, по указанию письменного архие-

- рейского чиновника или устава // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1861, январь-март. Кн. 1. М., 1861. С. 1–44.
- Максимов П. Н. Зарубежные связи в архитектуре Новгорода и Пскова XI – начала XVI веков // АН. № 12. М., 1960. С. 23–44.
- Максимов П. Н. Творческие методы древнерусских зодчих. М., 1976.
- Макьявелли Никколо. История Флоренции. Л., 1973.
- Малевская М. В. Церковь Иоанна Богослова в Луцке – вновь открытый памятник архитектуры XII века // ДРИ. Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 9–35.
- Малевская М. В., Пескова А. А. Древнерусская Успенская церковь в Дорогобуже Волынском // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб., 1996. С. 57–60.
- Малыгин П. Д., Гиппиус А. А. К истории новоторжского Рождественского монастыря // Новгород и Новгородская земля. История и археология : материалы научной конференции. Вып. 19. Новгород, 2005. С. 272–278.
- Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640 : эссе по исторической психологии. М., 2010.
- Мильчик М. И., Штендер Г. М. Западные камеры собора Мирожского монастыря (к вопросу о первоначальной композиции храма) // ДРИ. Художественная культура X – первой половины XIII в. М., 1988. С. 77–94.
- Миятев К. Архитектурата в средновековна България. София, 1965.
- Молчанов А. А. Ярл Регнвальд Ульвссон и его потомки на Руси. (О происхождении ладожско-новгородского посадничего рода Роговичей-Гюргятиничей) // Памятники старины : Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. СПб.; Псков, 1997. С. 80–84.
- Муравьев М. В. Новгород Великий. Л., б.г.
- Наследие сакрального искусства и архитектуры Риги. Riga, 2010.
- Некрасов А. И. Византийское и русское искусство. М., 1924.
- Некрасов А. И. Великий Новгород и его художественная жизнь. М., 1924.
- Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII века. М., 1936.
- Новгородские былины. М., 1978.
- Новицкий А. П. История русского искусства. М., 1899.
- Опись Новгорода 1617 года. Ч. 1–2. М., 1984.
- Орлов С. Н. К топографии Новгорода X–XVI вв. // Новгород. К 1100-летию города : сборник статей. М., 1974. С. 276–278.
- Орлов С. Н., Красноречьев Л. Е. Археологические исследования на месте Аркажского монастыря под Новгородом // Культура и искусство Древней Руси. Сборник статей в честь профессора М. К. Каргера. Л., 1967. С. 69–76.
- Орлова М. А. Наружные росписи средневековых памятников архитектуры. Византия. Балканы. Древняя Русь. М., 1990. С. 176–177.
- Орлова М. А. Орнамент и декоративные приемы в росписи Спаса на Ильине улице в Новгороде // Византия. Русь. Западная Европа. Искусство и культура : тезисы докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора В. Н. Лазарева (1897–1976). Москва, 29 сентября – 2 октября 1997. СПб., 1997. С. 28.
- Орлова М. А. О некоторых типах орнамента в росписи церкви Спаса на Ильине улице в Новгороде и особенности декорации ее алтаря // ДРИ. Византия, Русь, Западная Европа : искусство и культура. СПб., 2002. С. 289–299.
- Орлова М. А. Орнамент в монументальной живописи Древней Руси, конец XIII – начало XVI в. Ч. 1–2. М., 2004.
- Павлинов А. М. История русской архитектуры. М., 1894.
- Памятники архитектуры в Советском Союзе : очерки истории архитектурной реставрации. М., 2004.
- Памятники литературы Древней Руси, XIV – середина XV века. М., 1981.
- Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 1. СПб., 1860.
- Пассек В. Новгород сам в себе // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1869. Кн. 4. М., 1869. С. 1–187.
- Петров Д. А. О каменных гражданских зданиях Новгорода XIV–XVI вв. // Новгородские древности. Архив архитектуры. Вып. IV. М., 1993. С. 151–165.
- Петров Д. А. Новгородцы в Константинополе в XIV веке // Изучение и реставрация памятников архитектуры и монументального искусства. СПб., 2007. С. 189–200. (Труды Государственного Эрмитажа, XXXIV).
- Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // НИС. 8(18). СПб., 2000. С. 95–157.
- Повести о житии Михаила Клопского. М.; Л., 1958.
- Печников М. В. К вопросу о религиозной практике стригольников // Ad fontem / У источника : сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 225–237.
- Пилявский В. И., Тиц А. А., Ушаков Ю. С. История русской архитектуры. Л., 1984.
- Плугин В. А. Боярин Василий Данилович Машков и Феофан Грек // Древний Новгород. История. Искусство. Археология. Новые исследования. М., 1983. С. 248–270.

- Подвигина Н.Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М., 1976.
- Подъяпольский С.С. Церковь Михаила Архангела // Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 163–195.
- Преображенский А.С. Ктиторские портреты средневековой Руси, XI – начало XVI века. М., 2012.
- Прищепа Б.А. Дорогобуж на Горині у X–XII ст. Рівне, 2011.
- Пропп В.Я. Русский героический эпос. Л., 1955.
- Прохоров В.А. О новгородских и псковских церквах // Христианские древности и археология. 1872. № 1. С. 25.
- Прудников О.А. О времени строительства первого каменного собора Хутынского монастыря // ДРИ. Русь и страны Византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 314–321.
- Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.
- Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
- Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. : каталог памятников. Л., 1982.
- Раппопорт П.А. Церковь Благовещения в Витебске // ПКНО : ежегодник. 1985. М., 1987. С. 522–528.
- Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993.
- Родионова М.А. Архитектурно-археологические исследования церкви Входа в Иерусалим в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 24. Великий Новгород, 2010. С. 34–44.
- Рожков И. Политические партии в Великом Новгороде XII–XV веков // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCCXXXIV. 1901. Апрель. С. 241–286.
- Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. : Законодательство Древней Руси. М., 1984.
- Рыбаков Б.А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993.
- Салимов А.М., Романов В.В., Салимова М.А. Спасо-Преображенский собор 1364 года в Торжке: итоги и перспективы изучения // АН. Вып. 52. М., 2010. С. 20–40.
- Сарабьянов В.Д. К вопросу о функциональном назначении палаток на хорах Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. Псков, 2011. С. 177–194.
- Сарабьянов В.Д. Помещения второго этажа в древнерусских церквах, их функция и иконография // В созвездии Льва. Сборник статей по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. М., 2014. С. 396–439.
- Седов Вл.В. Псковская архитектура XIV–XV веков. М., 1992.
- Седов Вл.В. Собор Спасо-Мирожского монастыря: иконография и происхождение типа // Архив архитектуры. Вып. I. М., 1992. С. 3–37.
- Седов Вл.В. Церковь Николы на Липне и новгородская архитектура XIII в. во взаимосвязи с романско-готической традицией // ДРИ. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 393–412.
- Седов Вл.В. Церковь Федора Стратилата в Новгороде // Архив архитектуры. Вып. IX. М., 1997. С. 3–43.
- Седов Вл.В. Собор Михаила Архангела Сквородского монастыря // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 5. М., 1999. С. 264–270.
- Седов Вл.В. Церковь Благовещения на Городище. XIV век // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 391–404.
- Седов Вл.В., Скрипцова Е.В. Закладка окон Николо-Дворищенского собора в Новгороде в начале XIII в. // Новгородские древности. Вып. V. Архив архитектуры. Вып. XI. М., 2000. С. 5–23.
- Седов Вл.В. Никольский собор в Изборске // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М., 2004. С. 247–258.
- Седов Вл.В. Новгородский храм эпохи расцвета боярского строительства: церковь Рождества Богородицы на Молоткове // РА. 2004. № 1. С. 46–54.
- Седов Вл.В. Новый тип хор в древнерусской архитектуре XII в. // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 67–82.
- Седов Вл.В. Сакральное пространство древнерусского храма: архитектурный аспект // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 556–575.
- Седов Вл.В. Готика в новгородской архитектуре. Проба хронологии // Материалы научно-практической конференции МАРХИ «Наука, образование и экспериментальное проектирование». 13–17 апреля 2009 г. Секция 4 : История архитектуры и градостроительства. М., 2009. С. 17.
- Седов Вл.В. Церковь Двенадцати Апостолов в Новгороде // Великий Новгород и Средневековая Русь : сб. статей к 80-летию академика В.Л.Янина. М., 2009. С. 172–189.
- Седов Вл.В. Церковь Николая в Куршумли и вопрос о центрическом освещении византийских и древнерусских храмов // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы : материалы научной конференции. 2009. М., 2009. С. 36–61.
- Седов Вл.В. Церковь Рождества Богородицы в Перыни: новгородский вариант башнеобразного храма // ДРИ. Идея и образ. Опыт изучения византийского и древнерусского искусства. М., 2009. С. 29–54.
- Седов Вл.В. Церковь Петра и Павла на Славне в Новгороде // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. Вып. 2. М., 2011. С. 188–211.

- Седов Вл. В. Влияние идей Сергия Радонежского на новгородскую архитектуру середины XV века // Сергей Радонежский и русское искусство второй половины XIV – первой половины XV века в контексте византийской культуры : тезисы докладов международного научного симпозиума. Москва, 10–12 ноября 2014 года. М., 2014. С. 30–31.
- Селютина Н. Р., Павлов Н. Л., Ермоленко Е. В. Церковь Спаса на Ильине улице в Новгороде. Принципы пространственного и светового построения // Московский архитектурный институт. Научное, образовательное и экспериментальное проектирование : тезисы докладов Международной научно-практической конференции, 11–15 апреля 2011 г. Т. 1. М., 2011. С. 181–182.
- Селютина Н. Р., Павлов Н. Л., Ермоленко Е. В. Церковь Спаса на Ильине улице в Новгороде. Принципы пространственного и светового построения // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ : материалы Международной научно-практической конференции, 11–15 апреля 2011 г. : сборник статей. М., 2011. С. 117–123.
- Сказания Новгорода Великого (IX–XIV вв.) СПб., 2004.
- Сперанский М. Н. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934.
- Строков А. А., Богусевич В. А. Новгород Великий. Л., 1939.
- Судьба культурного наследия России. XX век. Белая книга. М., 2003.
- Суслов В. В. Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. СПб., 1888.
- Суслов В. В. Церковь Спаса Преображения в Новгороде // Памятники древнерусского искусства. Издание Императорской Академии художеств. Вып. II. СПб., 1909. С. 34–37.
- Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939.
- Терешкина Д. Б. Новгородская житийная литература. Великий Новгород, 2006.
- Терская И. В. Церковь Спаса Преображения на Ильиной улице // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области / составитель и научный редактор М. И. Мильчик. СПб., 2008. С. 267–269.
- Терская И. В. Церковь Спаса Преображения на Ильиной улице // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области / составитель и научный редактор М. И. Мильчик. 2-е изд., исправленное и дополненное. СПб., 2014. С. 267–269.
- Тихомиров П. Сказание о новгородской чудотворной иконе Знамени Божией Матери. Новгород, 1872.
- Тэн И. Философия искусства. М., 1933.
- Фараджева Н. Н. Становление и развитие строительной культуры древнего Новгорода // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Славянский средневековый город. Т. 2. М., 1997. С. 401–410.
- Фараджева Н. Н. Типология и эволюция срубных построек древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Новгород, 2000. С. 80–99.
- Фараджева Н. Н. Четырехстенные срубные постройки средневекового Новгорода (тенденции их развития) // Новгородские археологические чтения-2 : материалы научной конференции, посвященной 70-летию Новгородской археологической экспедиции и 100-летию со дня рождения А. В. Арциховского. Новгород, 2004. С. 182–191.
- Фараджева Н. Н. Срубные постройки древнего Новгорода (вопросы сложения и эволюции) // РА. № 1. М., 2007. С. 115–125.
- Фараджева Н. Н. Вопросы формирования и развития пятистенных срубов (по материалам археологических исследований средневекового Новгорода) // Археология Балтийского региона : материалы Международной научной конференции / отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мاستыкова, А. Н. Хохлов. М.; СПб., 2013. С. 194–206.
- Феннел Д. Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989.
- Флоря Б. Н. Общественная жизнь Новгорода XIII–XIV вв. // Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого Средневековья / отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2014. С. 31–74.
- Фор Э. Дух форм. СПб., 2001.
- Фролов А. А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. Т. 1. М., 2012. С. 110–154.
- Харламов В. А. Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X–XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев, 1985. С. 106–120.
- Хёйзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988.
- Хёйзинга Й. Культура Нидерландов в XVII веке. Эразм. Избранные письма. Рисунки. СПб., 2009.
- Холостенко Н. В. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в Чернигове // СА. 1956. Т. 26. С. 271–292.
- Хорошев А. С. Боярское строительство в новгородском Аркаже монастыре // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1966. № 2 (март-апрель). С. 77–82.
- Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV веках. М., 1963.
- Царевская Т. Ю. Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М., 2007.
- Царевская Т. Ю. Фреска церкви Спаса на Ильине улице «Богоматерь Одигитрия» и ее художественные истоки // Зограф. Бр. 34. Београд, 2010. С. 125–136.

- Царевская Т.Ю. Церковь Спаса Преображения на Ильине улице / Новгородский музей-заповедник. 2010.
- Царевская Т.Ю. Фреска церкви Спаса на Ильине улице «Богоматерь Одигитрия» и ее художественные истоки // ДРИ. Искусство средневековой Руси и Византии эпохи Андрея Рублёва. М., 2012. С. 73–85.
- Чанак-Медић М., Бошковић Ђ. Архитектура Неманьиног доба. I. Цркве у Топлици и долинама Ибра и Мораве. Београд, 1986.
- Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура в България през XI–XIV век. София, 1988.
- Шамурин Ю.И. Великий Новгород. М., 1914.
- Шаповалова С.А. Реконструкция новгородской усадьбы начала XIII в. // Новгородские древности. Вып. V. Архив архитектуры. Вып. XI. М., 2000. С. 24–46.
- Шаповалова С.А. Каменный дом посадника Онцифоровича в Неревском конце Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2002. С. 131–144.
- Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.
- Штендер Г.М. Разметка архитектурных форм древними зодчими // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Т. 1. М., 1959. С. 70–71.
- Штендер Г.М. Новгородская церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. // СА. 1966. № 2. С. 210–232.
- Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества // Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). М., 1981. С. 43–72.
- Штендер Г.М. Исследования и реставрация церкви Николы Белого в Новгороде // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 89–109.
- Штендер Г.М. Археологические исследования каменного терема на Нутном раскопе // Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. С. 116–122.
- Шуляк Л.М. Памятники архитектуры Новгорода. Церковь Спаса Преображения. Новгород, 1958.
- Шуляк В.В. П'ятницька церква в Чернігові // Археологія. 1975. Т. 16. С. 118–121.
- Щусев А.В., Покровский В.А. Расцвет новгородского зодчества // История русского искусства. М., б.г. [1909]. С. 208–209.
- Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.
- Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М., 1970.
- Янин В.Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 108–117.
- Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977; 2-е изд. М., 2013.
- Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981.
- Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988.
- Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1998.
- Янин В.Л. Планы Новгорода XVII–XVIII веков. М., 1999.
- Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003.
- Янин В.Л. Средневековый Новгород. М., 2004.
- Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998.
- Alpatov M., Brunov N. Geschichte der Altrussischen Kunst. Augsburg, 1932.
- Altoa K. Nõo Laurentsiuse kirikust // Kunstiteaduslikke uurimusi. 7. Tallinn. Lk. 231–244.
- Benevolo L. Storia della città. 2. La città medievale. Roma; Bari, 2006.
- Birnbaum H. Lord Novgorod the Grate. Essays in the History and Culture of a Medieval City-State. Part One: The Historical Background. Los Angeles: Slavica Publishers, 1981.
- Bošković D., Tomovski K. L'architecture medievale d'Ochrid // Musee National d'Ochrid. Recueil de Travaux. Ochrid, 1961. P. 71–84.
- Brounoff N. Un nouveau type d'église dans la Russie du nord-ouest au XII siècle // Arsboek der Vatenskaps-Societaten I Lund. Lund, 1925. P. 3–38.
- Caune A., Ose I. Latvijas viduslaiku mūra baznīcas 12. gs. beigās – 16. gs. Sākums. Rīga, 2010.
- Čipan B. St. Sophia. The Cathedral Church of the Ohrid Archibishopric. Skopje, 1996.
- Ćurčić S. Church Architecture of the Serbo-Greek Empire (1346–1371) // Fifth Annual Byzantine Studies Conference (BSA). Abstracts of Papers. Washington, 1979. P. 37–38.
- Ćurčić S. Gracanica. King Milutin's Church and Its Place in Late Byzantine Architecture. University Park and London, 1979.
- Ćurčić S. Architecture in the Byzantine Sphere of Influence around the Middle of the Fourteenth Century // Дечани и византијска уметност средином XIV века. Београд, 1989. P. 55–68.
- Ćurčić S. Смисао и функција катихумена у позновизантијској и српској архитектури (The Meaning and Function of Katechoumenia in Late Byzantine and Serbian Architecture) // Манастир Жича. Зборник радова. Краљево, 2000. С. 83–93.
- Ćurčić S. Cave and Church. An Eastern Christian Hierotopical Synthesis // Иеротопия. Создание сакралных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 216–236.
- Ćurčić S. Architecture in the Balkans: From Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven; London, 2010.

Delvoye Ch. Considerations sur l'emploi des tribunes dans l'église de la Vierge Hodigitria de Mistra // Actes du XIIe Congrès International des Etudes Byzantines. Tome III. Beograd, 1964. P. 41–47.

Eesti arhitektuuri ajalugu. Tallinn, 1965.

Faradjeva N.N. Buildings at Troitsky excavations // Wood use in medieval Novgorod / ed. by M. Brisbane and J. Hather. Oxford, 2007. P. 62–105.

Hallensleben H. Untersuchungen zur Baugeschichte der ehemaligen Pammakaristoskirche, der heutigen Fethie camii in Istanbul // Istanbul Mittelungen. Band 15. 1965. S. 208–217.

Hallensleben H. Untersuchungen zur Genesis und Typologie des «Mistratypus» // Marburger Jahrbuch für Kunstwissenschaft. XVIII. Marburg/Lahn, 1969. S. 105–118.

Kiesow G. Wege zur Backsteingotik. Bonn, 2003.

Mathews T.F. «Private» Liturgy in Byzantine Architecture: Toward a Re-appraisal // Cahiers Archéologiques. 30. Paris, 1982. P. 125–138 / Reprinted: T.F. Mathews. Art and Architecture in Byzantium and Armenia. Variorum, 1995.

Millet G. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916.

Morris M. Castle. A History of the Buildings that Shaped Medieval Britain. London, 2012.

Ousterhout R. The architecture of the Kariye Camii in Istanbul. Washington, D.C., 1987. (Dumbarton Oaks Studies. 25).

Ousterhout R. Beyond Hagia Sophia: Originality in Byzantine Architecture // Originality in Byzantine Literature, Art and Music. Oxford, 1995. P. 167–185.

Ousterhout R. An Apologia for Byzantine Architecture // Gesta. 1996. XXXV/1. P. 21–33.

Ousterhout R. The Holy Space // Heaven on Earth. Art and the Church in Byzantium. University Park, Pennsylvania, 1998. P. 81–120.

Raam V. Keskaegsete linnuste ja kirikute arengujooni Eestis // Ehitus ja arhitektuur. 1985. 1/2. Lk. 11–27.

Sinos S. Die Klosterkirche der Kosmosoteira in Bera (Vira). München, 1985. (Byzantinischen Archiv, Heft 16).

Taft R.F. Women at Church in Byzantium: Where, When – and Why? // Dumbarton Oaks Papers. № 52. Washington, D.C., 1998. P. 27–87.

Vodoff V. Le culte du Znamenie à Novgorod: Tradition et réalité historique // Oxford Slavonic Papers. New Series. XXVIII. 1995. P. 1–19.

Список сокращений

АН – Архитектурное наследство.
ГВНИП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В.Щусева, Москва.

ДРИ – Древнерусское искусство.

МАРХИ – Московский архитектурный институт (академия).

НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.

НИМАХ – Научно-исследовательский музей Академии художеств.

НИС – Новгородский исторический сборник.

НКЛ – Новгородская Карамзинская летопись, см.: ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Н2Л – Новгородская вторая летопись, см. в издании: Новгородские летописи. СПб., 1879.

Н3Л – Новгородская третья летопись, см. в издании: Новгородские летописи. СПб., 1879.

ПКНО – Памятники культуры. Новые открытия.

ПЛ 1 – Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

ПСРЛ 4-1-1 – ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Новгородская четвертая летопись. СПб., 1915.

ПСРЛ 4-1-2 – Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925.

ПСРЛ 4-1-3 – ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Новгородская четвертая летопись. Л., 1929.

ПСРЛ 6-2 – ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М., 2001.

ПСРЛ 11 – ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897.

ПСРЛ 16 – ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889.

ПСРЛ 31 – Полное собрание русских летописей. Том 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.

РА – Российская археология.

СА – Советская археология.

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы.

Список иллюстраций

Илл. 1. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юго-запада. Рисунок неизвестного художника середины XIX века. Из собрания РГБ. Опубликовано в книге: Кириченко Е.И, Щеболева Е.Г. Русская провинция. М., 1997. С. 16, илл. 3. (Культурное наследие России. Из собрания Российской государственной библиотеки).

Илл. 2. Церковь Спаса на Ильине улице. Южный фасад, план и продольный разрез. Обмерные чертежи И.И.Горностаева. НИМАХ, А 3565.

Илл. 3. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юго-запада. Рисунок Л.В.Даля. НИМАХ, А 22599.

Илл. 4. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юго-запада. Рисунок неизвестного художника середины – второй половины XIX в. НИМАХ, А 4929.

Илл. 5. Церковь Спаса на Ильине улице. Южный фасад, план, продольный разрез. Обмерные чертежи В.В.Суслова. Конец XIX в. НИМАХ, А 4932.

Илл. 6. Церковь Спаса на Ильине улице. Западный и восточный фасады, план по уровню хор. Обмерные чертежи В.В.Суслова. Конец XIX в. НИМАХ, А 5021.

Илл. 7. Церковь Спаса на Ильине улице. Западный фасад. Обмерный чертеж В.В.Суслова. Конец XIX в. НИМАХ, А 5020.

Илл. 8. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юго-запада. Фото начала XX века.

Илл. 9. Новгород. Знаменский собор и церковь Спаса. Открытка начала XX века.

Илл. 10. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с востока. Фото 1940-х годов.

Илл. 11. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с северо-востока. Фото 1940-х годов.

Илл. 12. Церковь Спаса на Ильине улице. Деталь северного фасада с разрушениями. Фото 1940-х годов.

Илл. 13. Церковь Спаса на Ильине улице. Разрушение сводов. Фото 1940-х годов.

Илл. 14. Церковь Спаса на Ильине улице. План с указанием раскопок М.К.Каргера 1970 г. НГОМЗ, КП 30131 1738.

Илл. 15. Церковь Спаса на Ильине улице. Раскоп М.К.Каргера. План абсиды, разрез по епископскому месту, стратиграфия. Чертеж НГОМЗ, КП 30131 1742.

Илл. 16. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юга. Фото 1980-х гг.

Илл. 17. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юго-востока. Фото П.Н.Шеронова. 2000 г.

Илл. 18. Церковь Спаса на Ильине улице. Южный портал. Фото П.Н.Шеронова. 2000 г.

Илл. 19. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер храма. Вид с юго-запада. Фото П.Н.Шеронова. 2000 г.

Илл. 20. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер храма. Вид с северо-востока. Фото П.Н.Шеронова. 2000 г.

Илл. 21. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с востока. Фото автора. 2007 г.

Илл. 22. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юга. Фото автора. 2007 г.

Илл. 23. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид на восток. Фото автора. 2008 г.

Илл. 24. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид на юг. Фото автора. 2008 г.

Илл. 25. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид на север. Фото автора. 2008 г.

Илл. 26. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид на юго-восток с хор. Фото автора. 2008 г.

Илл. 27. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид на юго-восток снизу. Фото автора. 2008 г.

Илл. 28. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид на северо-восток. Фото автора. 2008 г.

Илл. 29. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид на северо-запад. Фото автора. 2008 г.

Илл. 30. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид на север. Фото автора. 2008 г.

Илл. 31. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид на северо-восток с хор. Фото автора. 2008 г.

Илл. 32. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид с хор на восток, в среднюю абсиду. Фото автора. 2008 г.

Илл. 33. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид северного рукава креста с юга и снизу. Фото автора. 2008 г.

Илл. 34. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид на северо-восток снизу. Фото автора. 2008 г.

Илл. 35. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид сверху на восток, в среднюю абсиду. Фото автора. 2008 г.

Илл. 36. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид подкупольного квадрата и креста основных сводов снизу. Фото автора. 2008 г.

Илл. 37. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид подкупольной части. Фото автора. 2008 г.

Илл. 38. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид престола с востока. Фото автора. 2008 г.

Илл. 39. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид на северо-восточный угол с запада. Фото автора. 2008 г.

Илл. 40. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид внутренней лестницы сверху. Фото автора. 2008 г.

Илл. 41. Церковь Спаса на Ильине улице. Вход с хор в северо-западный, Троицкий, придел. Вид с юга. Фото автора. 2008 г.

Илл. 42. Церковь Спаса на Ильине улице. Фрески в северо-западном, Троицком, приделе. Вид с запада. Фото автора. 2009 г.

Илл. 43. Церковь Спаса на Ильине улице. Композиция «Троица» в Троицком приделе. Вид с запада, снизу. Фото автора. 2009 г.

Илл. 44. Церковь Спаса на Ильине улице. Основание барабана. Фото автора. 2008 г.

Илл. 45. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юго-востока. Фото автора. 2008 г.

Илл. 46. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юга. Фото автора. 2008 г.

Илл. 47. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с запада. Фото автора. 2008 г.

Илл. 48. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с северо-запада. Фото автора. 2008 г.

Илл. 49. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с севера. Фото автора. 2008 г.

Илл. 50. Церковь Спаса на Ильине улице. Западный портал. Фото автора. 2008 г.

Илл. 51. Церковь Спаса на Ильине улице. Южный портал. Фото автора. 2008 г.

Илл. 52. Церковь Спаса на Ильине улице. Нижняя часть среднего прясла южного фасада. Фото автора. 2008 г.

Илл. 53. Церковь Спаса на Ильине улице. Верхняя часть западного прясла южного фасада. Фото автора. 2008 г.

Илл. 54. Церковь Спаса на Ильине улице. Верхняя часть среднего прясла южного фасада. Фото автора. 2008 г.

Илл. 55. Церковь Спаса на Ильине улице. Крест в верхней части восточного прясла южного фасада. Фото автора. 2008 г.

Илл. 56. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юго-востока. Фото автора. 2008 г.

Илл. 57. Церковь Спаса на Ильине улице. План храма с раскопанным притвором. По данным Л. М. Шуляк.

Илл. 58. Церковь Спаса на Ильине улице. План существующего храма по нижнему уровню. По данным Л. М. Шуляк.

Илл. 59. Церковь Спаса на Ильине улице. План храма по уровню хор. По чертежу Л. М. Шуляк.

Илл. 60. Церковь Спаса на Ильине улице. Продольный разрез с видом на юг. По чертежу Л. М. Шуляк.

Илл. 61. Церковь Спаса на Ильине улице. Продольный разрез с видом на север. По чертежу Л. М. Шуляк.

Илл. 62. Церковь Спаса на Ильине улице. Поперечный разрез с видом на восток. По чертежу Л. М. Шуляк.

Илл. 63. Церковь Спаса на Ильине улице. Поперечный разрез с видом на запад. По чертежу Л. М. Шуляк.

Илл. 64. Церковь Спаса на Ильине улице. Разрез по северному боковому нефу с видом на юг. По чертежу Л. М. Шуляк.

Илл. 65. Церковь Спаса на Ильине улице. Разрез по южному боковому нефу с видом на север. По чертежу Л. М. Шуляк.

Илл. 66. Церковь Спаса на Ильине улице. Поперечный разрез по западной трети с видом на восток. По чертежу Л. М. Шуляк.

Илл. 67. Церковь Спаса на Ильине улице. Разрез по южному боковому нефу с видом на юг. По чертежу Л. М. Шуляк.

Илл. 68. Церковь Спаса на Ильине улице. Разрез по северному боковому нефу с видом на север. По чертежу Л. М. Шуляк.

Илл. 69. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема расположения ярусов света. Чертеж Н. Р. Селютиной по материалам автора.

Илл. 70. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема освещения храма по второму уровню проемов. Чертеж Н. Р. Селютиной по материалам автора.

Илл. 71. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема освещения храма по третьему уровню проемов. Чертеж Н. Р. Селютиной по материалам автора.

Илл. 72. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема освещения храма по четвертому уровню проемов. Чертеж Н. Р. Селютиной по материалам автора.

Илл. 73. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема освещения барабана. Чертеж Н. Р. Селютиной по материалам автора.

Илл. 74. Церковь Спаса на Ильине улице. Западный фасад с реконструированным притвором (условно). По чертежу Л. М. Шуляк.

Илл. 75. Церковь Спаса на Ильине улице. Южный фасад. По чертежу Л. М. Шуляк.

Илл. 76. Церковь Спаса на Ильине улице. Восточный фасад. По чертежу Л. М. Шуляк.

Илл. 77. Церковь Спаса на Ильине улице. Северный фасад. По чертежу Л. М. Шуляк.

Илл. 78. Церковь Спаса на Ильине улице и северогерманские соборы. Сравнение планов. Вверху слева: церковь Марии в Любеке. Вверху справа: Домский собор в Шверине. Справа в середине: Домский собор в Любеке. Внизу слева: собор и монастырь в Йерихове. Внизу справа (справа налево): церковь Федора Стратилата на Федоровой улице, церковь Спаса на Ильине улице, церковь Благовещения на Городище.

Илл. 79. Церковь Спаса на Ильине улице и северогерманские соборы. Сравнение пролетов. По Г. Кисову с дополнениями. 1) Штральзунд. Церковь Николая. 1270 г. 2) Шверин. Собор. 1270 г. 3) Любек. Церковь Марии. 1280 г. 4) Бад-Доберан. Монастырский храм. 1291 г. 5) Висмар. Церковь Святого Георгия. 1290 г. 6) Росток. Церковь Марии. 1339 г. 7) Висмар. Церковь Марии. 1339 г. 8) Висмар. Церковь Николая. 1381 г. 9) Висмар. Церковь Георгия, неф. 1404 г. 10) Штральзунд. Церковь Марии. 1382/1384 г. 11) Реймс. Собор. 1211–1221 гг. 12) Ле Ман. Собор. 1217–1254 гг. 13) Бове. Собор. 1238–

1272 г. 14) Кёльн. Собор. 1248–1320 г. 15) Церковь Спаса на Ильине улице в Великом Новгороде. 1374 г.

Илл. 80. Сравнение плана церкви Спаса на Ильине улице (вверху) и планов кирпичных храмов Лифляндии: церкви Якоба в Риге (XIII–XIV вв., в середине) и церкви Лаврентия в Нью (Эстония, около 1300 г., внизу).

Илл. 81. Сравнение фасадов: восточный фасад церкви Лаврентия в Нью (слева вверху) и западный фасад церкви Спаса на Ильине улице (справа вверху), северный фасад церкви Якоба в Риге (XIII–XIV вв., слева во втором ряду) и северный фасад церкви Спаса на Ильине (справа во втором ряду), южный фасад церкви Якоба в Риге (слева внизу) и южный фасад церкви Спаса на Ильине улице (справа внизу).

Илл. 82. Сравнение разрезов: поперечный разрез церкви Лаврентия в Нью (Эстония, около 1300 г., слева вверху), поперечный разрез церкви Спаса на Ильине улице (справа вверху), продольный разрез церкви Якоба в Риге (XIII–XIV вв., слева внизу), продольный разрез церкви Спаса на Ильине улице (справа внизу).

Илл. 83. Сравнение восточных фасадов (слева направо): церковь Лаврентия в Нью, церковь Якоба в Риге, церковь Спаса на Ильине улице.

Илл. 84. Сравнение планов древнерусских храмов и их поперечных сторон подкупольных квадратов. А – Софийский собор в Новгороде, Б – Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде, В – церковь Спаса на Ильине улице в Новгороде, Г – Троицкий собор Троице-Сергиевой Лавры.

Илл. 85. Церковь Спаса на Ильине улице. Аксонометрический разрез с вынутой южной половиной. По чертежу 1930-х годов.

Илл. 86. Церковь Спаса на Ильине улице. Аксонометрический разрез с вынутой юго-западной четвертью. По чертежу Н. Р. Селютиной и автора.

Илл. 87. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема пропорциональных закономерностей плана. По чертежу Н. Р. Селютиной и автора.

Илл. 88. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема пропорциональных закономерностей продольного разреза. По чертежу Н. Р. Селютиной и автора.

Илл. 89. Церковь Спаса на Ильине улице. Поперечный разрез с указанием уровня старого пола и синтрона в абсиде (по М. А. Орловой).

Илл. 90. Церковь Федора Стратилата на Федоровой улице. Схема пропорциональных закономерностей плана. По чертежу Н. Р. Селютиной и автора.

Илл. 91. Церковь Федора Стратилата на Федоровой улице. Схема пропорциональных закономерностей разреза. По чертежу Н. Р. Селютиной и автора.

Илл. 92. Церковь Рождества Богородицы на Молоткове. Схема пропорциональных закономерностей плана. По чертежу Н. Р. Селютиной и автора.

Илл. 93. Церковь Рождества Богородицы на Молоткове. Схема освещения 2-го яруса. По чертежу Н. Р. Селютиной и автора.

Илл. 94. Схемы ярусов света в новгородских храмах (разрезы, слева направо): Федора Стратилата на Федоровой улице, Спаса на Ильине улице, Рождества Богородицы на Молоткове улице. По чертежу Н. Р. Селютиной и автора.

Илл. 95. Схемы ярусов света в новгородских храмах (фасады, слева направо): Федора Стратилата на Федоровой улице, Спаса на Ильине улице, Рождества Богородицы на Молоткове улице. По чертежу Н. Р. Селютиной и автора.

Илл. 96. Церковь Спаса на Ильине улице. Сравнение декора барабана и абсиды; сдвиг к востоку лопастной арки среднего прясла боковых фасадов (на примере северного фасада). Чертеж Н. Р. Селютиной, Ю. С. Фомичевой и автора.

Илл. 97. Поперечные разрезы с видом на восток: церковь Федора Стратилата на Федоровой улице (слева) и церковь Спаса на Ильине улице (справа).

Илл. 98. Поперечные разрезы по западной трети (слева направо): церковь Рождества Богородицы в Перыни, церковь Николы на Липне, церковь Федора Стратилата на Федоровой улице, церковь Спаса на Ильине улице.

Илл. 99. Планы новгородских храмов XIV века с двухступчатыми лопатками (сверху вниз): церковь Входа в Иерусалим в Детинце (1336–1337 гг.), церковь Благовещения на Городище (1342–1343 гг.), церковь Спаса на Ильине улице (1374 г.).

Илл. 100. Планы древнерусских храмов XII – начала XIII в. с уступчатыми лопатками (сверху вниз): церковь на Окопном кладбище в Смоленске (рубеж XII–XIII вв.), церковь Успения в Дорогобуже (вторая половина XII в.?), церковь Богородице на Церковище в Киеве (рубеж XII–XIII вв.).

Илл. 101. Планы храмов Македонии XIV века с уступчатыми лопатками и законченными боковыми пряслами на восточных фасадах (сверху вниз): церковь Никиты в Чучере (начало XIV в.), церковь Николы в Люботене (1337 г.), церковь Введения (Спаса) в Кучевиште (между 1332 и 1337 гг.).

Илл. 102. Планы храмов средневизантийского времени с законченными боковыми пряслами на восточных фасадах (сверху вниз): церковь в Паталенице (XI–XII вв.), церковь Благовещения в Витебске (XII в.), церковь Иоанна Богослова в Луцке (рубеж XII–XIII вв.).

Илл. 103. Лопастные композиции на фасадах храмов Византийского мира. Верхний ряд: северный фасад церкви Спаса на Ильине (слева) и северный фасад церкви Николая в Куршумлии (справа). Второй ряд: южный фасад монастыря Космосотира в Вире (слева) и северный фасад Успенского собора Киево-Печерского монастыря (справа). Третий ряд: южный фасад собора Михайлово-Златоверхого монастыря в Киеве

(слева) и северный фасад церкви монастыря Хора (Кахрие Джами) (справа). Нижний ряд: южный фасад собора монастыря Студеница (слева) и северный фасад церкви Михаила Архангела в Смоленске (справа).

Илл. 104. Лопастные композиции на фасадах храмов XIV в. Верхний ряд: фрагмент южного фасада церкви Спаса на Ильине (слева) и фрагмент северного фасада собора монастыря в Лесново (справа) Нижний ряд: фрагмент северного фасада собора Маркова монастыря (слева) и фрагмент южного фасада церкви Николы в Люботене (справа).

Илл. 105. Планы трех новгородских храмов (слева направо): Федора Стратилата на Федорове улице (1360–1361 гг.), Спаса-Преображения на Ильине улице (1374 г.) и Рождества Богородицы на Молоткове улице (на Михалице, 1379 г.).

Илл. 106. Продольные разрезы трех новгородских храмов (слева направо): Федора Стратилата на Федорове улице, Спаса-Преображения на Ильине улице и Рождества Богородицы на Молоткове улице.

Илл. 107. Южные фасады и планы трех новгородских храмов (слева направо): Федора Стратилата на Федорове улице, Спаса-Преображения на Ильине улице и Рождества Богородицы на Молоткове улице.

Илл. 108. Поперечные разрезы трех новгородских храмов (слева направо): Федора Стратилата на Федорове улице, Спаса-Преображения на Ильине улице и Рождества Богородицы на Молоткове улице.

Илл. 109. Восточные фасады и планы трех новгородских храмов (слева направо): Федора Стратилата на Федорове улице, Спаса-Преображения на Ильине улице и Рождества Богородицы на Молоткове улице.

Илл. 110. Церковь Спаса на Ильине улице. План на отметке 0,00; план на отметке +450; план барабана на отметке +1732. Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской.

Илл. 111. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез I-I (разрез по южному боковому нефу с видом на юг). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской.

Илл. 112. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез II-II (разрез по южному боковому нефу с видом на север). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской.

Илл. 113. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез III-III (продольный разрез с видом на юг). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской.

Илл. 114. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез IV-IV (продольный разрез с видом на север). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской.

Илл. 115. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез V-V (разрез по северному боковому

нефу с видом на юг). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской.

Илл. 116. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез VI-VI (разрез по северному боковому нефу с видом на север). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской.

Илл. 117. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез VII-VII (разрез по восточной трети с видом на восток). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской.

Илл. 118. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез VIII-VIII (разрез по восточной трети с видом на запад). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской.

Илл. 119. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез IX-IX (поперечный разрез с видом на восток). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской.

Илл. 120. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез X-X (поперечный разрез с видом на запад). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской.

Илл. 121. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез XI-XI (разрез по западной трети с видом на восток). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской.

Илл. 122. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез XII-XII (разрез по западной трети с видом на запад). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской.

Илл. 123. Обмер церкви Спаса на Ильине улице. 1948 г. Под руководством Л. М. Шуляк, П. М. Заболотный, В. В. Богданов, Л. С. Липатов. Титульный лист.

Илл. 124. Обмер церкви Спаса на Ильине улице. 1948 г. Под руководством Л. М. Шуляк, П. М. Заболотный, В. В. Богданов, Л. С. Липатов. Оборот титула.

Илл. 125. План церкви (лист 1).

Илл. 126. План церкви на отметке 0.00 (лист 1).

Илл. 127. План по хорам (лист 2).

Илл. 128. План расположения металлических связей (лист 3).

Илл. 129. Западный фасад с раскрытой кладкой (лист 4).

Илл. 130. Западный фасад (первый вариант) с дополнениями (лист 9).

Илл. 131. Западный фасад (второй вариант) с реставрацией (лист 10).

Илл. 132. Западный фасад (третий вариант) с реставрацией и дополненным притвором (лист 11).

Илл. 133. Южный фасад с раскрытой кладкой (лист 7).

Илл. 134. Южный фасад с дополнениями (лист 6).

Илл. 135. Южный фасад с реставрацией (лист 6).

Илл. 136. Восточный фасад с раскрытой кладкой (лист 6).

Илл. 137. Восточный фасад с реставрацией (лист 8).

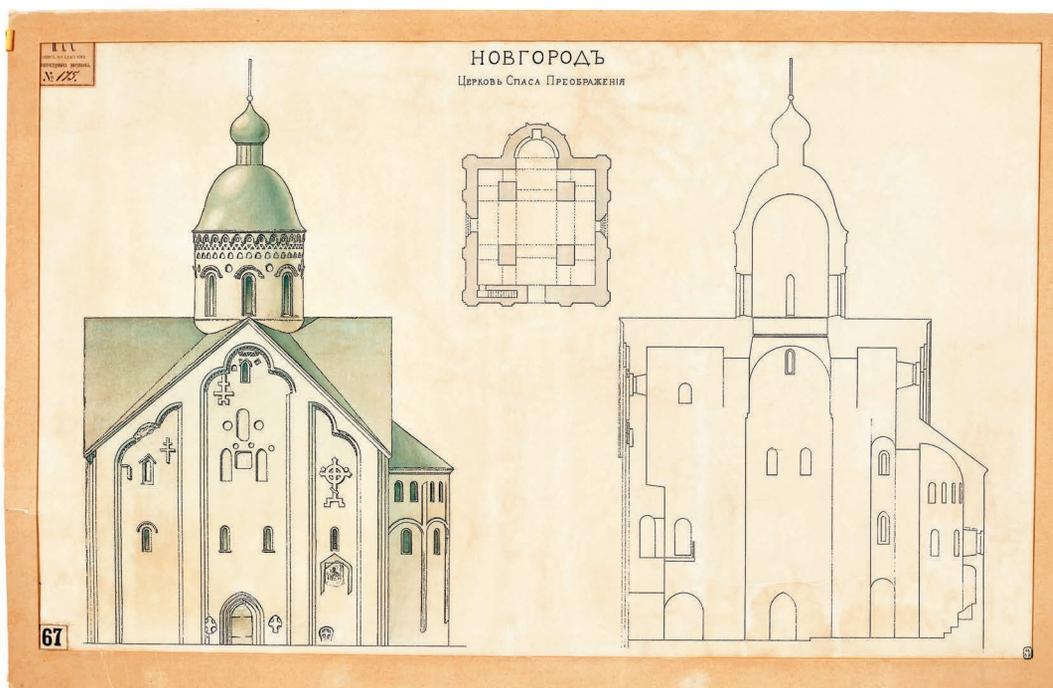
Илл. 138. Северный фасад с раскрытой кладкой.

- Илл. 139. Северный фасад с дополнениями (лист 7).
- Илл. 140. Разрез продольный с видом на север. После восстановления главы (лист 4).
- Илл. 141. Поперечный разрез с видом на восток. После восстановления главы (лист 5).
- Илл. 142. Разрез I–I. Разрез по южному боковому нефу с видом на юг (лист 8).
- Илл. 143. Разрез II–II. Разрез по южному боковому нефу с видом на север (лист 9).
- Илл. 144. Разрез III–III. Поперечный разрез с видом на юг (лист 10).
- Илл. 145. Разрез IV–IV. Поперечный разрез с видом на север (лист 11).
- Илл. 146. Разрез V–V. Разрез по северному боковому нефу с видом на юг (лист 12).
- Илл. 147. Разрез VI–VI. Разрез по северному боковому нефу с видом на север (лист 13).
- Илл. 148. Разрез VII–VII. Разрез по восточной трети с видом на восток (лист 14).
- Илл. 149. Разрез VIII–VIII. Разрез по восточной трети с видом на запад (лист 15).
- Илл. 150. Разрез IX–IX. Поперечный разрез с видом на восток (лист 16).
- Илл. 151. Разрез X–X. Поперечный разрез с видом на запад (лист 17).
- Илл. 152. Разрез XI–XI. Разрез по западной трети с видом на восток (лист 18).
- Илл. 153. Разрез XII–XII. Разрез по западной трети с видом на запад.
- Илл. 154. План храма с элементами реконструкции и реконструированным притвором.
- Илл. 155. Реконструкция храма на момент постройки. Перспектива с юго-востока.
- Илл. 156. Южный фасад. Центральное окно второго яруса. Раскрытие.
- Илл. 157. Южный фасад. Центральное окно второго яруса. Второй вариант реконструкции.
- Илл. 158. Южный фасад. Центральное окно второго яруса. Третий вариант реконструкции.
- Илл. 159. Южный фасад. Центральное окно второго яруса. Избранный вариант реконструкции.
- Илл. 160. Южный фасад. Центральные окна третьего яруса и киотики между ними.
- Илл. 161. Кресты южного и северного фасадов.
- Илл. 162. Западный фасад. Центральное окно третьего яруса.
- Илл. 163. Крест главы церкви. Цепь для крепления креста.
- Илл. 164. Северный фасад. Центральное окно второго яруса. Раскрытие.
- Илл. 165. Окно и ниша жертвенника. Обрамление изнутри двери во втором ярусе юго-восточной части храма.
- Илл. 166. Лестница на хоры.
- Илл. 167. Фрагмент барабана.
- Илл. 168. Фрагмент западного фасада.
- Илл. 169. Детали западного фасада № 1 и 3.
- Илл. 170. Детали западного и северного фасадов.
- Илл. 171. Фрагмент северного фасада.
- Илл. 172. Детали северного фасада.
- Илл. 173. Развертка абсиды. Детали.
- Илл. 174. Детали № 2, 13, 14, 15.
- Илл. 175. Деталь южного фасада.
- Илл. 176. Детали южного фасада № 17, 20, 23.
- Илл. 177. Детали южного фасада № 15, 19, 24.
- Илл. 178. Детали южного фасада № 16, 18, 22.
- Илл. 179. Деталь № 21. Портал южного фасада.
- Илл. 180. Деталь кладки барабана – № 30.
- Илл. 181. Кресты южного и северного фасадов.

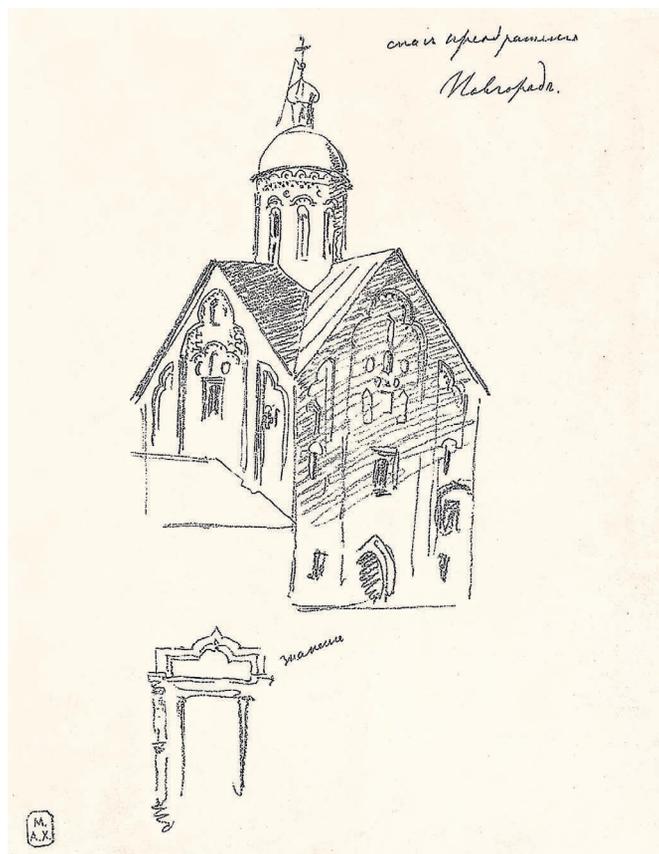
Иллюстрации

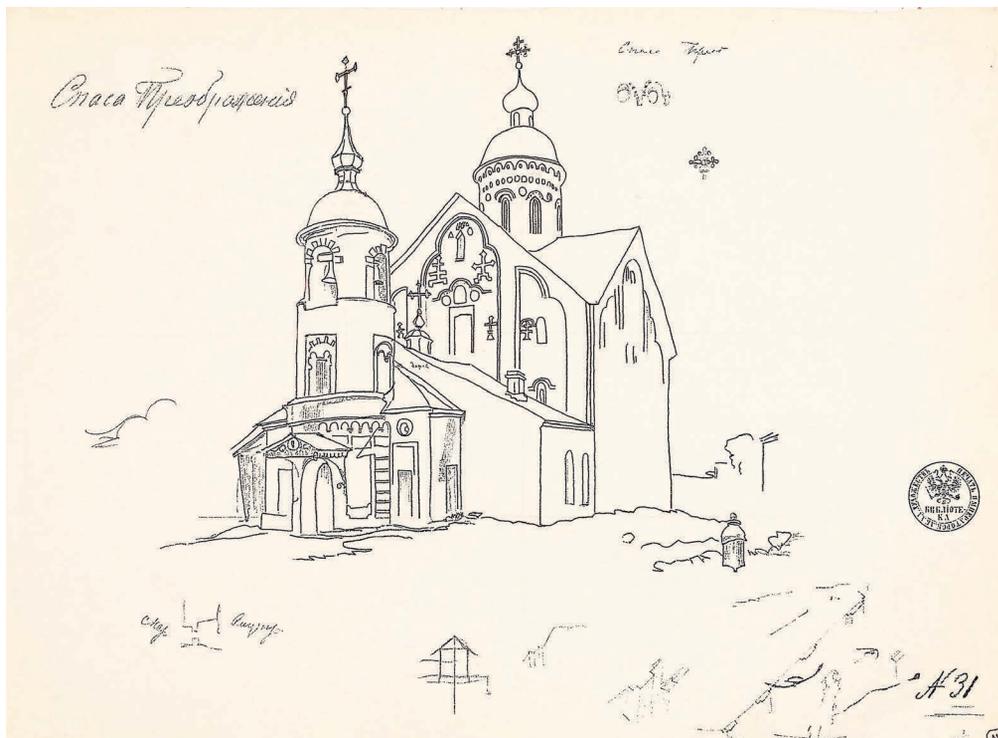
Илл. 1. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юго-запада. Рисунок неизвестного художника середины XIX века. Из собрания РГБ. Опубликовано в книге: Кириченко Е. И., Щеболева Е. Г. Русская провинция. М., 1997. С. 16, илл. 3. (Культурное наследие России. Из собрания Российской государственной библиотеки)

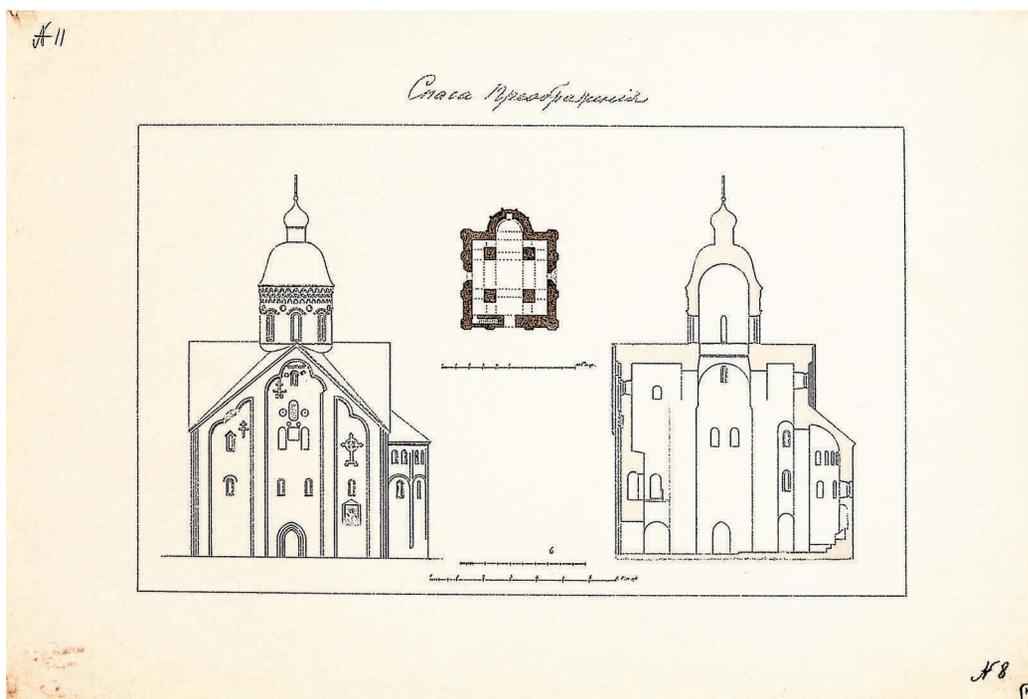
Илл. 2. Церковь Спаса на Ильине улице. Южный фасад, план и продольный разрез. Обмерные чертежи И. И. Горностаева. НИМАХ, А 3565

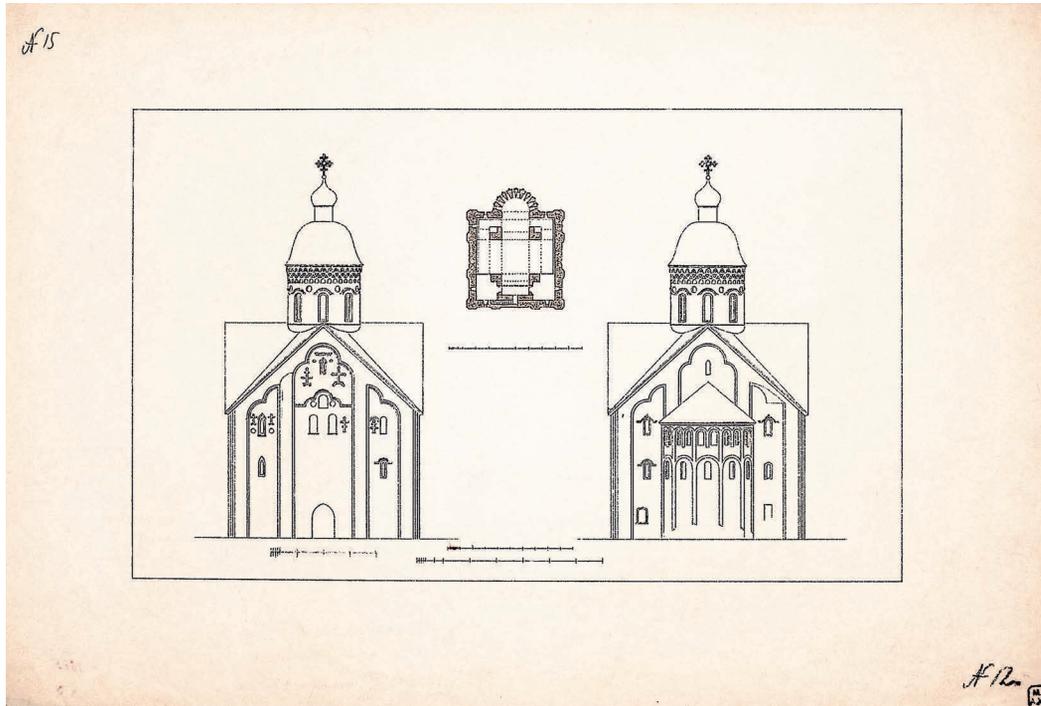
Илл. 3. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юго-запада. Рисунок Л. В. Дая. НИМАХ, А 22599

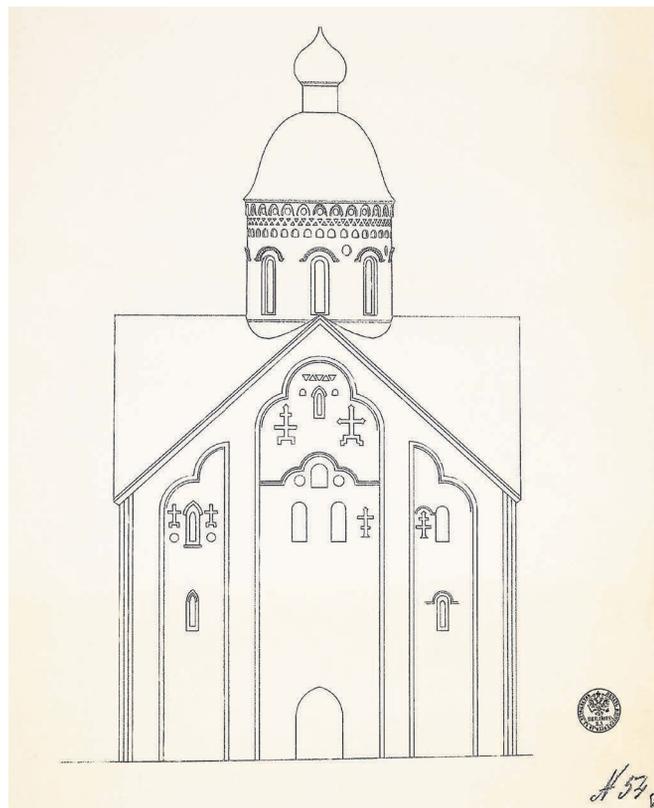
Илл. 4. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юго-запада.
Рисунок неизвестного художника середины – второй половины XIX в. НИМАХ, А 4929

Илл. 5. Церковь Спаса на Ильине улице. Южный фасад, план, продольный разрез.
Обмерные чертежи В. В. Сулова. Конец XIX в. НИМАХ, А 4932

Илл. 6. Церковь Спаса на Ильине улице. Западный и восточный фасады, план по уровню хор. Обмерные чертежи В. В. Сулова. Конец XIX в. НИМАХ, А 5021

Илл. 7. Церковь Спаса на Ильине улице. Западный фасад. Обмерный чертеж В. В. Сулова. Конец XIX в. НИМАХ, А 5020

Илл. 8. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юго-запада. Фото начала XX века

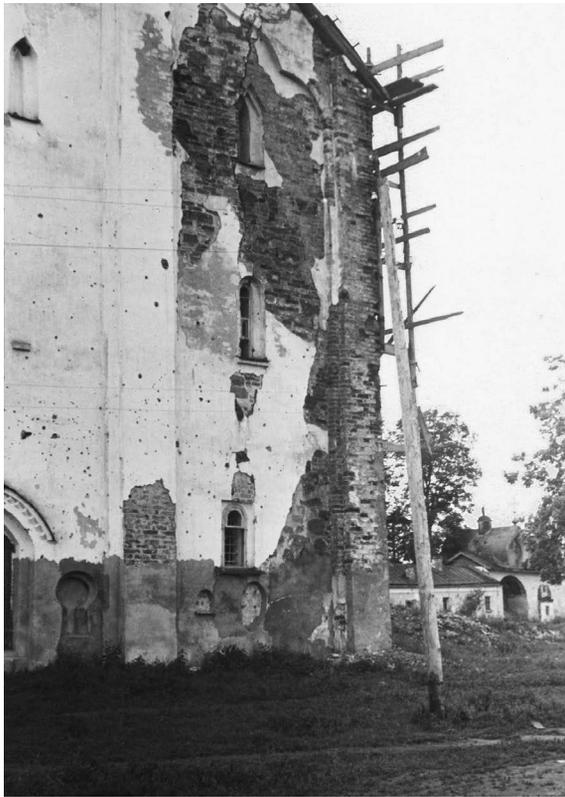
Илл. 9. Новгород. Знаменский собор и церковь Спаса. Открытка начала XX века

*Илл. 10. Церковь Спаса на Ильине улице.
Вид с востока. Фото 1940-х годов*

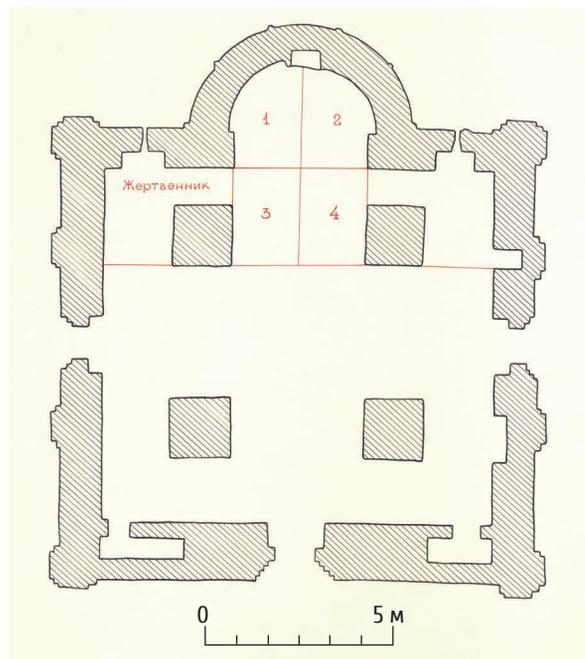
*Илл. 11. Церковь Спаса на Ильине улице.
Вид с северо-востока. Фото 1940-х годов*

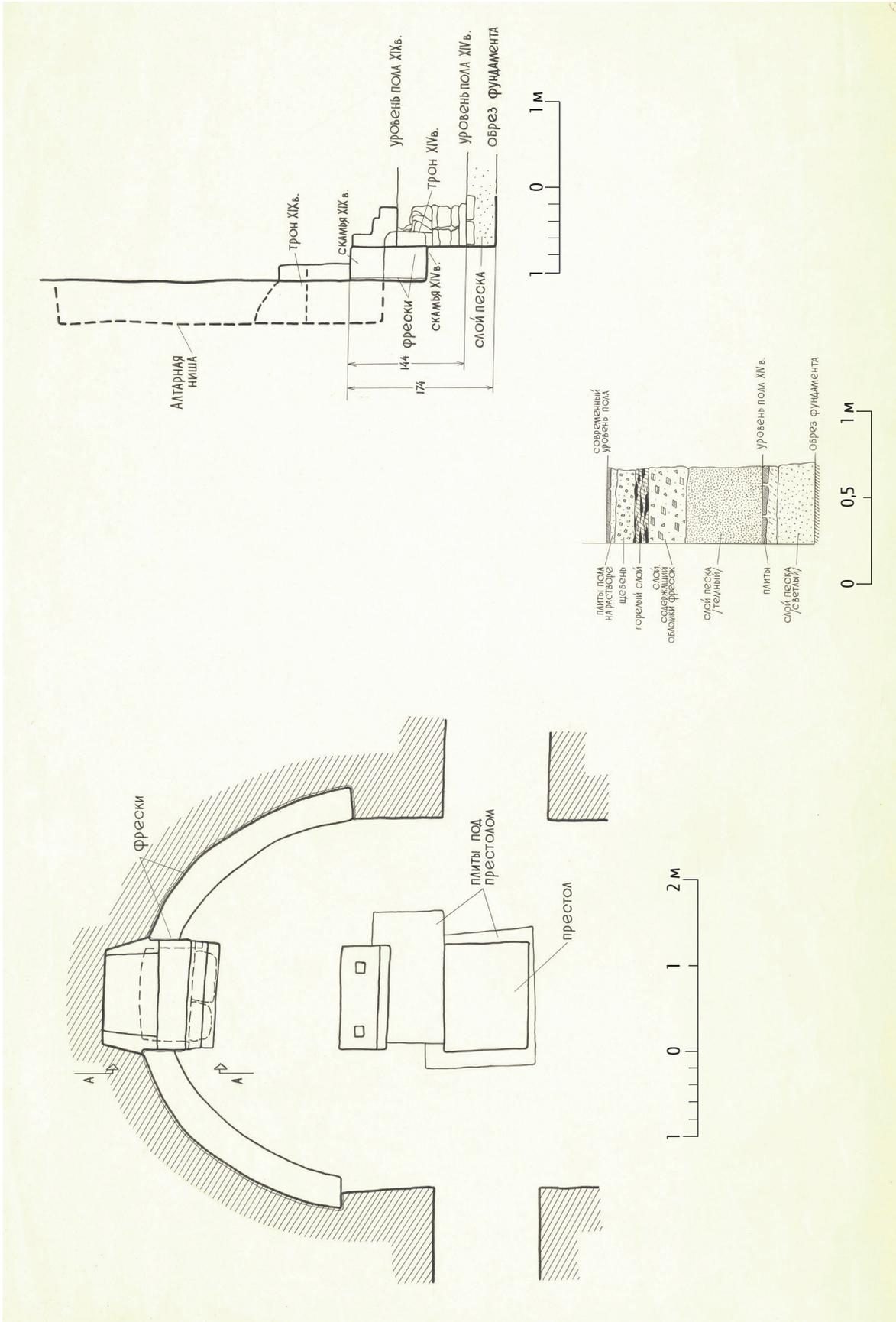
Илл. 12. Церковь Спаса на Ильине улице.
Фрагмент северного фасада с разрушениями.
Фото 1940-х годов

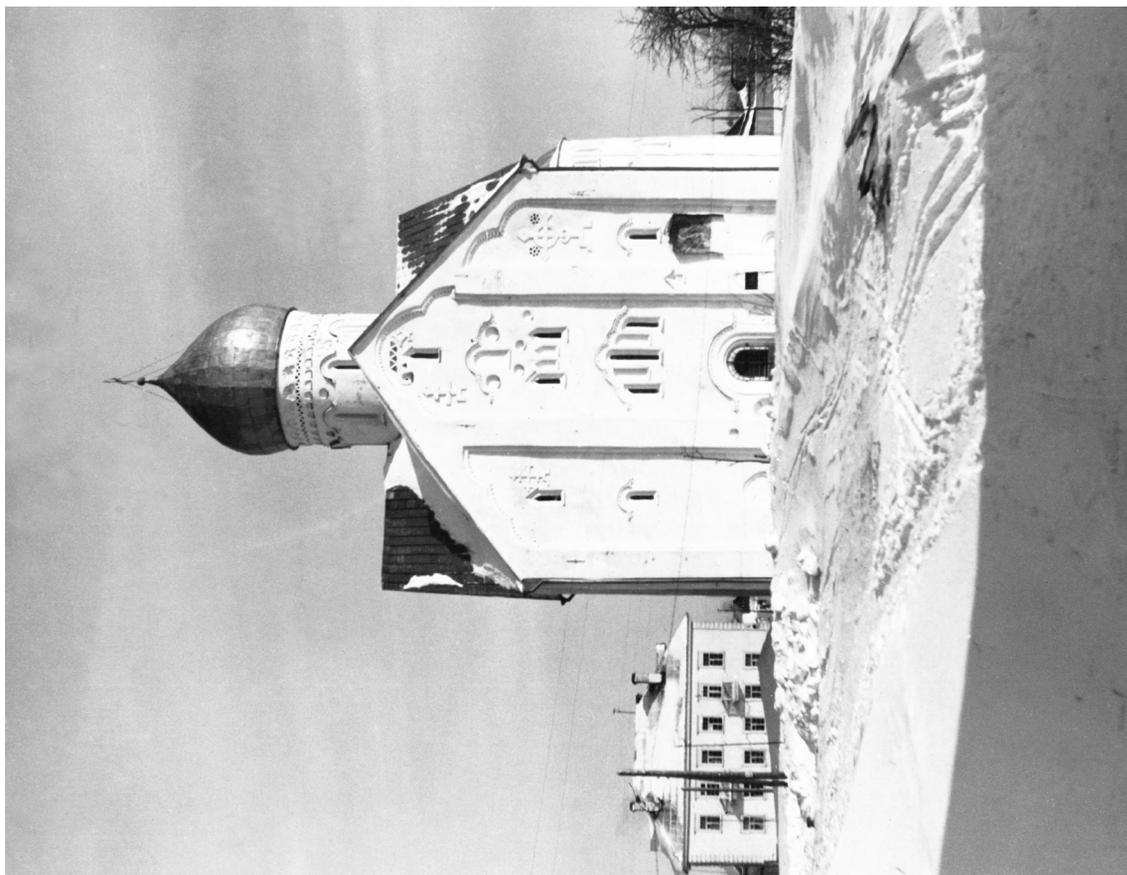
Илл. 13. Церковь Спаса на Ильине улице.
Разрушение сводов. Фото 1940-х годов

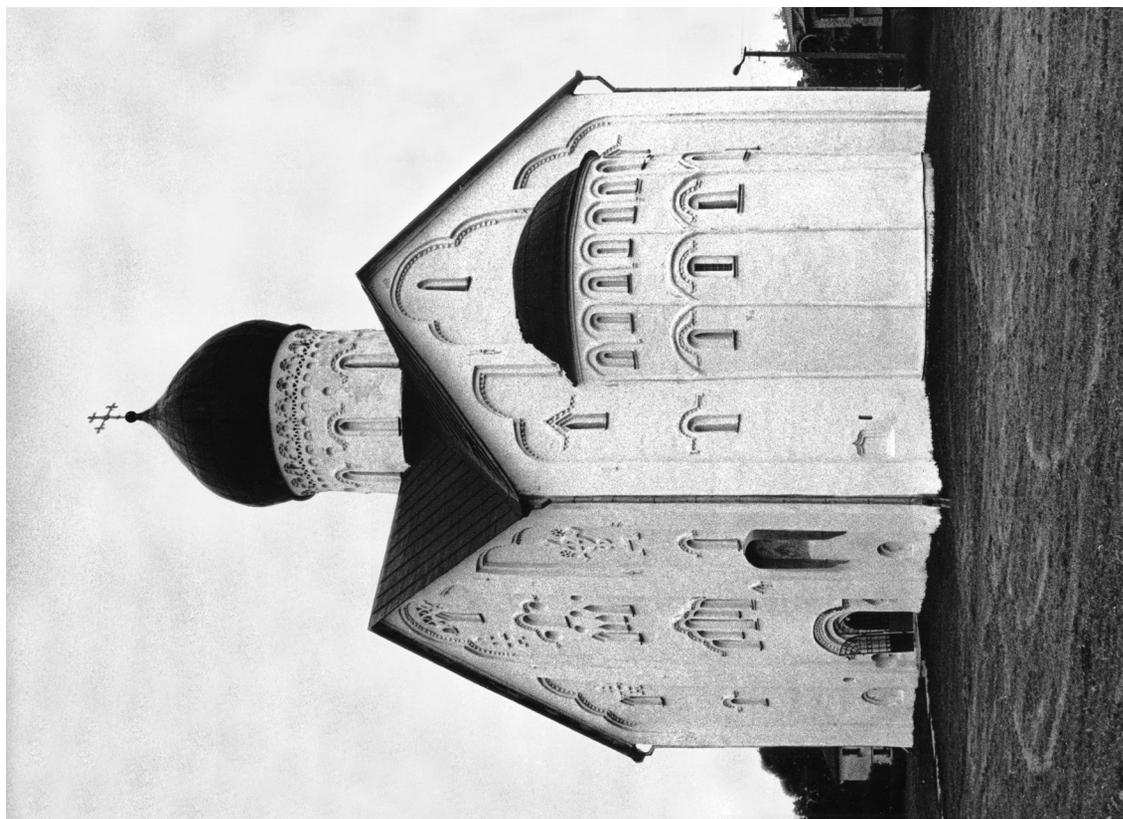
Илл. 14. Церковь Спаса на Ильине улице.
План с указанием раскопок М. К. Каргера 1970 г.
НГОМЗ, КП 30131 1738

Илл. 15. Церковь Спаса на Ильине улице. Раскоп М. К. Каргера. План абсиды, разрез по епископскому месту, стратиграфия.
Чертеж НГОМЗ, КП 30131 1742

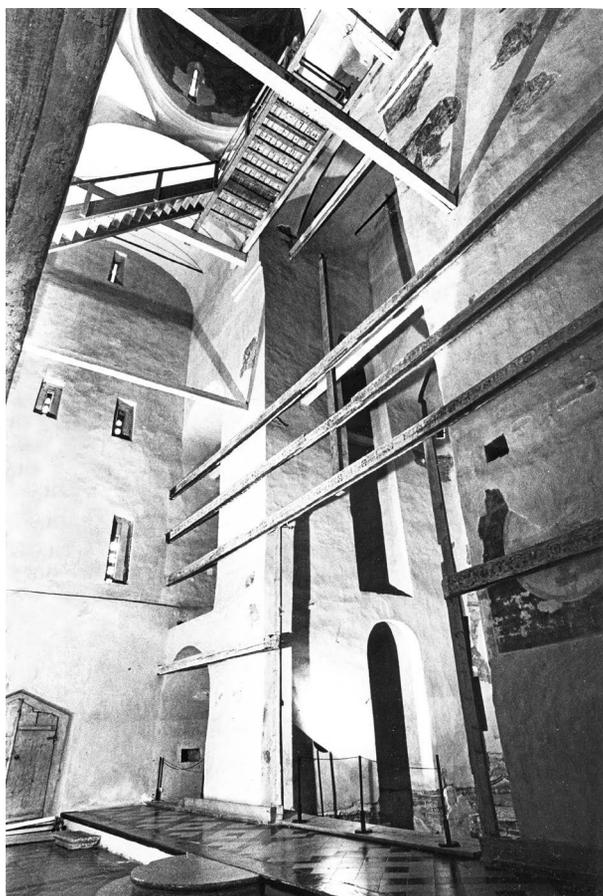
*Илл. 16. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юга.
Фото 1980-х гг.*

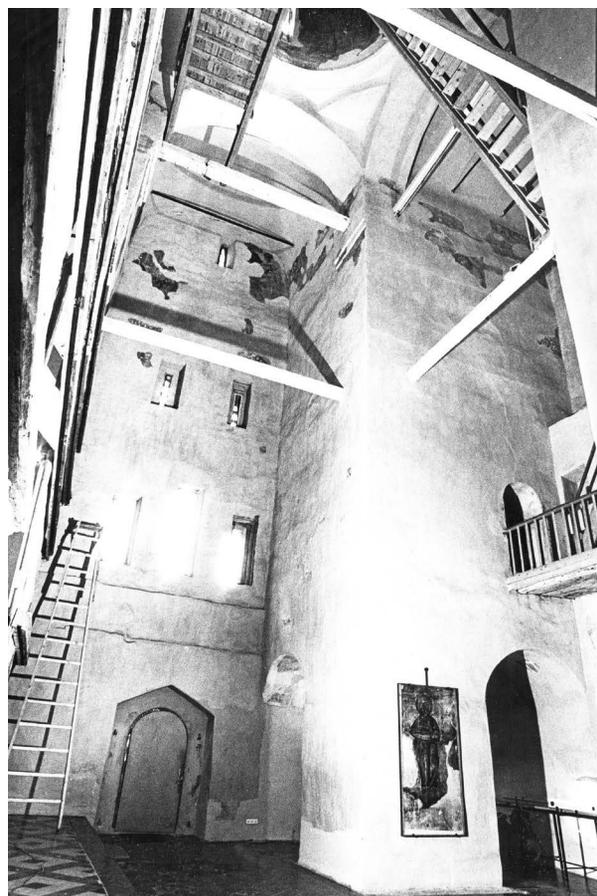
*Илл. 17. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юго-востока.
Фото П. Н. Шеронова. 2000 г.*

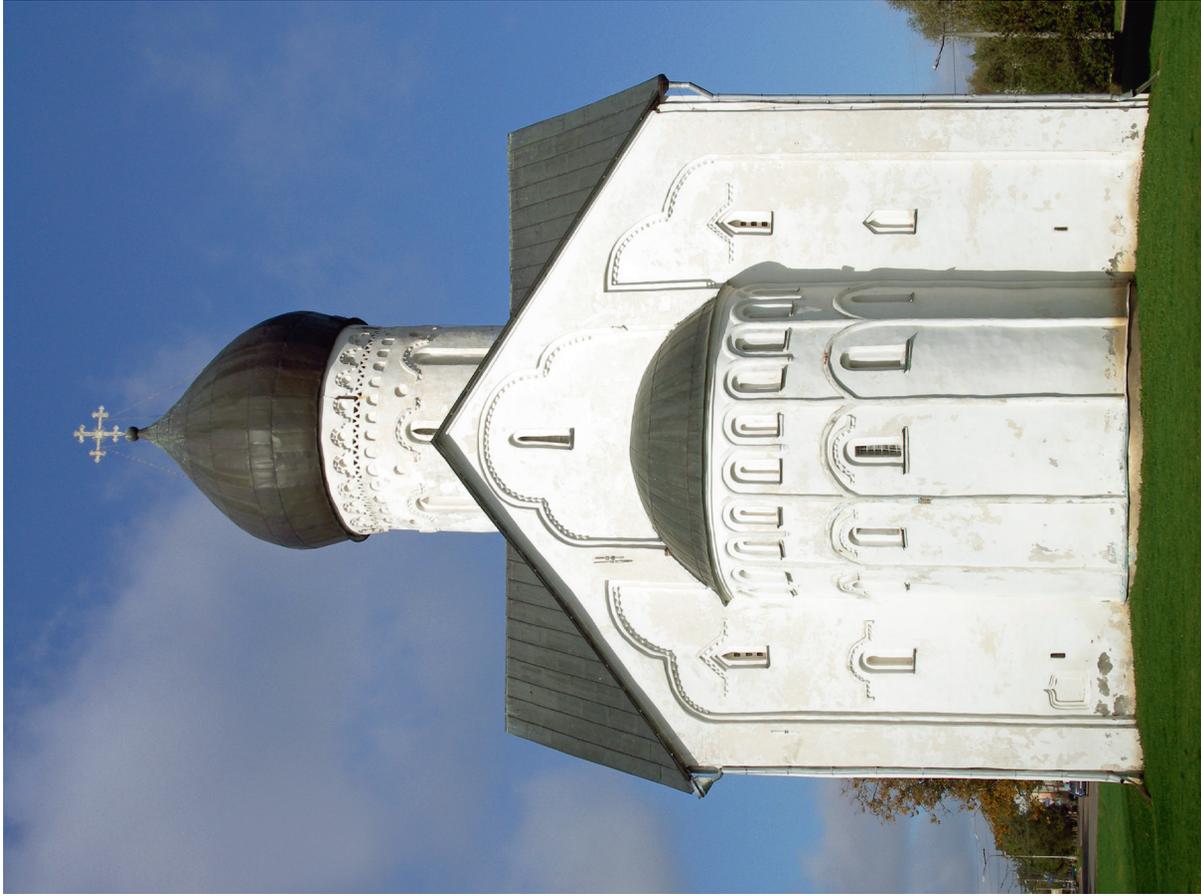
*Илл. 18. Церковь Спаса на Ильине улице. Южный портал.
Фото П. Н. Шеронова. 2000 г.*

*Илл. 19. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер храма.
Вид с юго-запада. Фото П. Н. Шеронова. 2000 г.*

*Илл. 20. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер храма.
Вид с северо-востока. Фото П. Н. Шеронова. 2000 г.*

*Илл. 21. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с востока.
Фото автора. 2007 г.*

*Илл. 22. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юга.
Фото автора. 2007 г.*

Илл. 24. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид на юг.
Фото автора. 2008 г.

Илл. 23. Церковь Спаса на Ильине улице. Интерьер, вид на восток.
Фото автора. 2008 г.

Илл. 25. Церковъ Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид на север. Фото автора. 2008 г.

Илл. 26. Церковъ Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид на юго-восток с хор. Фото автора. 2008 г.

*Илл. 28. Церковъ Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид на северо-восток. Фото автора. 2008 г.*

*Илл. 27. Церковъ Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид на юго-восток снизу. Фото автора. 2008 г.*

Илл. 30. Церковъ Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид на север.
Фото автора. 2008 г.

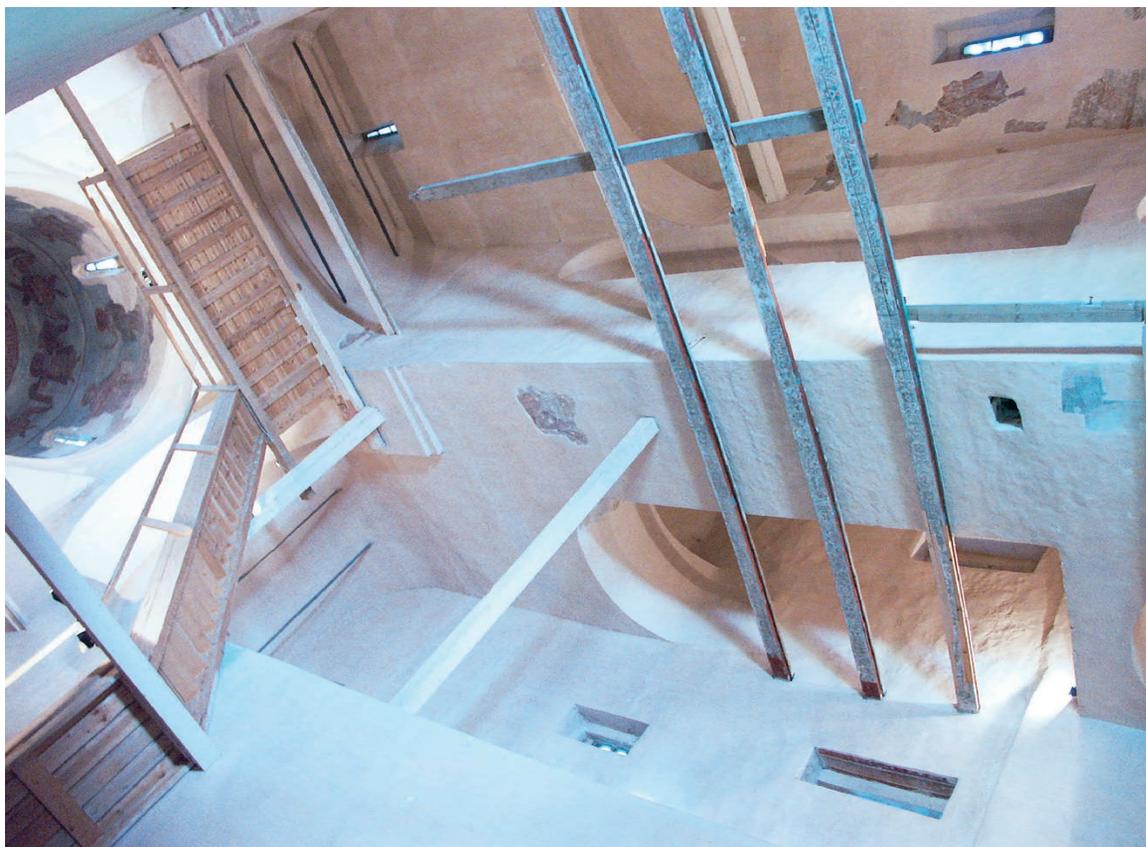
Илл. 29. Церковъ Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид на северо-запад.
Фото автора. 2008 г.

*Илл. 31. Церковь Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид на северо-восток с хор. Фото автора. 2008 г.*

*Илл. 32. Церковь Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид с хор на восток, в среднюю абсиду. Фото автора. 2008 г.*

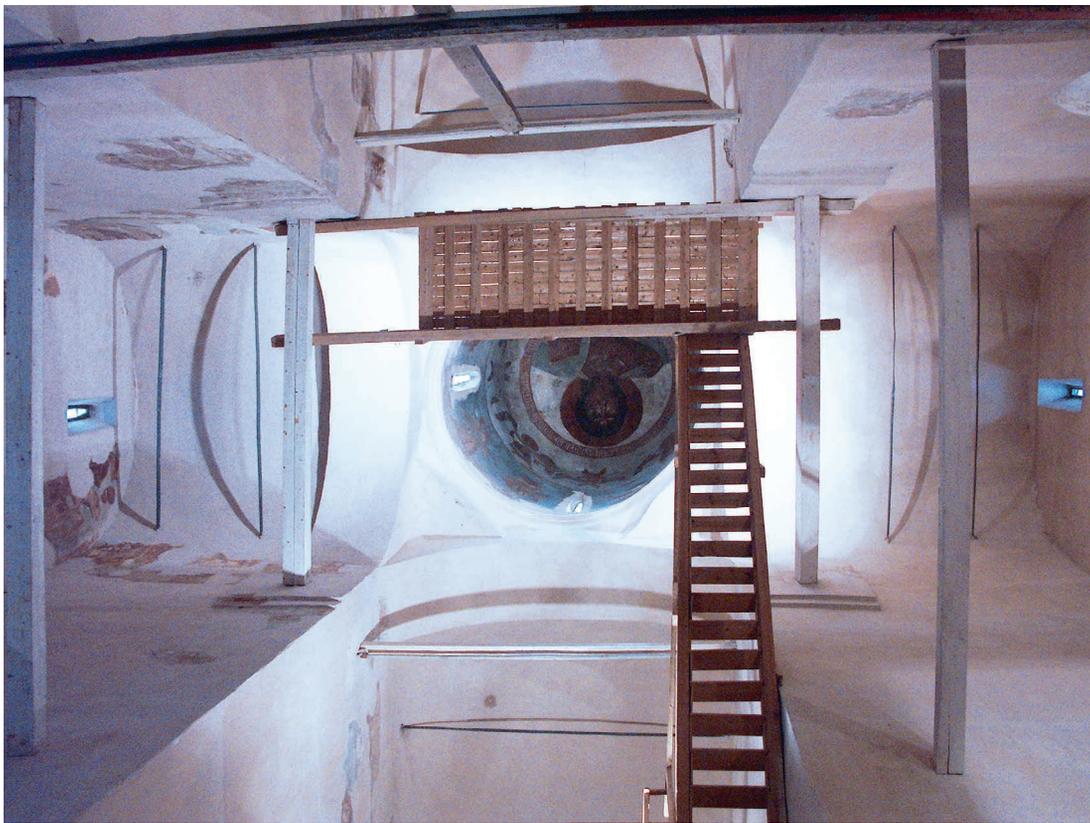
Илл. 34. Церковъ Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид на северо-восток снизу.
Фото автора. 2008 г.

Илл. 33. Церковъ Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид северного рукава креста с юга и снизу.
Фото автора. 2008 г.

*Илл. 35. Церковь Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид сверху на восток, в среднюю абсиду.
Фото автора. 2008 г.*

*Илл. 36. Церковь Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид подкупольного квадрата и креста
основных сводов снизу.
Фото автора. 2008 г.*

Илл. 37. Церковь Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид подкупольной части. Фото автора. 2008 г.

Илл. 38. Церковь Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид престола с востока. Фото автора. 2008 г.

*Илл. 40. Церковь Спаса на Ильине улице.
Вид внутренней лестницы сверху.
Фото автора. 2008 г.*

*Илл. 39. Церковь Спаса на Ильине улице.
Интерьер, вид на северо-восточный угол с запада.
Фото автора. 2008 г.*

*Илл. 41. Церковь Спаса на Ильине улице.
Вход с хор в северо-западный Троицкий придел.
Вид с юга. Фото автора. 2008 г.*

*Илл. 42. Церковь Спаса на Ильине улице. Фрески в северо-западном Троицком приделе.
Вид с запада. Фото автора. 2009 г.*

Илл. 43. Церковь Спаса на Ильине улице. Композиция «Троица» в Троицком приделе. Вид с запада, снизу. Фото автора. 2009 г.

Илл. 44. Церковь Спаса на Ильине улице. Основание барабана. Фото автора. 2008 г.

*Илл. 46. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юга.
Фото автора. 2008 г.*

*Илл. 45. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с юго-востока.
Фото автора. 2008 г.*

*Илл. 47. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с запада.
Фото автора. 2008 г.*

*Илл. 48. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с северо-запада.
Фото автора. 2008 г.*

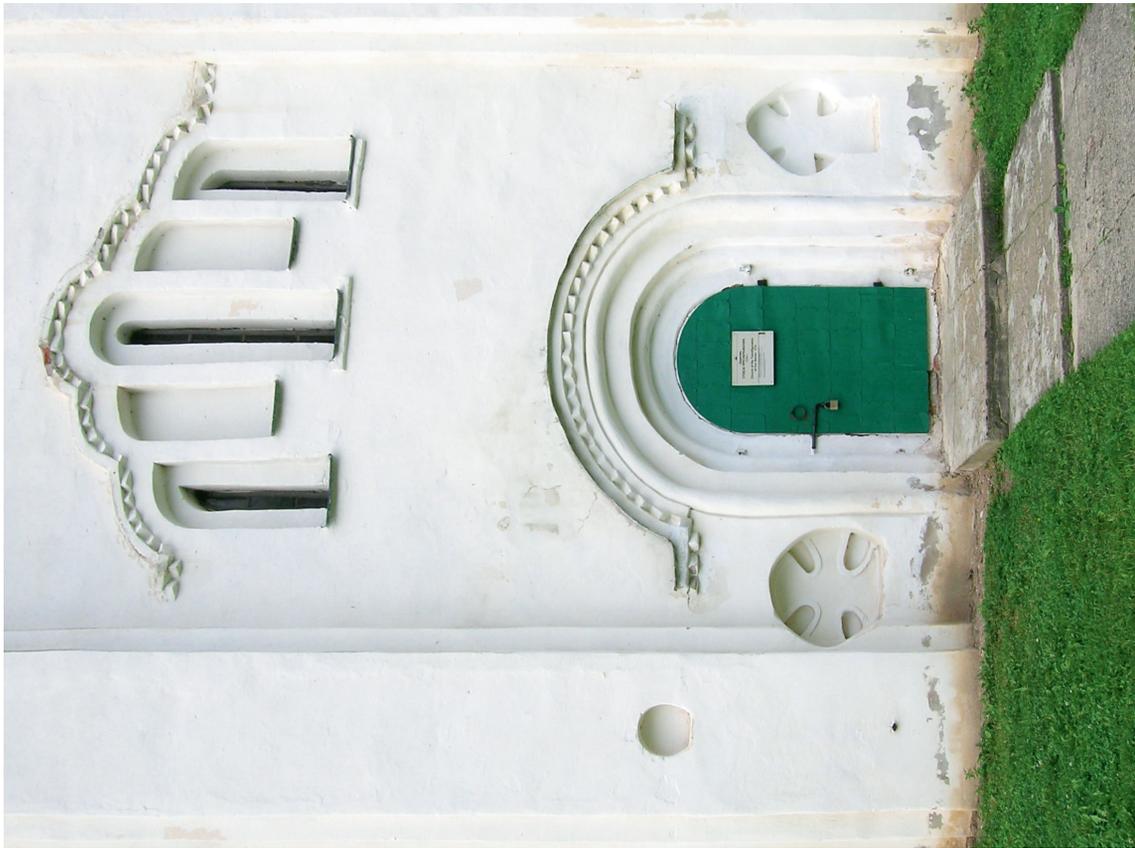
*Илл. 50. Церковь Спаса на Ильине улице. Западный портал.
Фото автора. 2008 г.*

*Илл. 49. Церковь Спаса на Ильине улице. Вид с севера.
Фото автора. 2008 г.*

Илл. 51. Церковь Спаса на Ильине улице. Южный портал.
Фото автора. 2008 г.

Илл. 52. Церковь Спаса на Ильине улице.
Нижняя часть среднего прясла южного фасада. Фото автора. 2008 г.

Илл. 54. Церковь Спаса на Ильине улице.
Верхняя часть среднего прясла южного фасада. Фото автора. 2008 г.

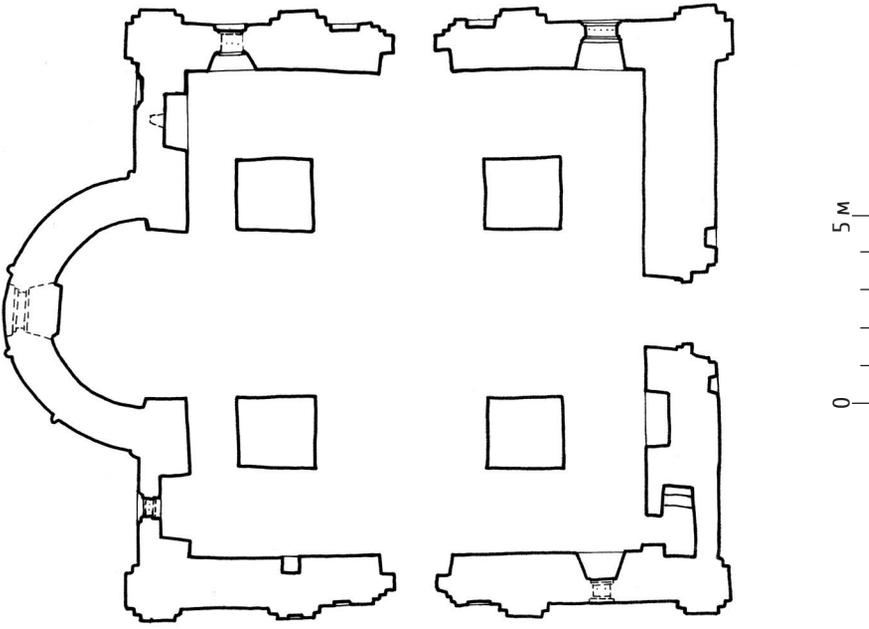
Илл. 53. Церковь Спаса на Ильине улице.
Верхняя часть западного прясла южного фасада. Фото автора. 2008 г.

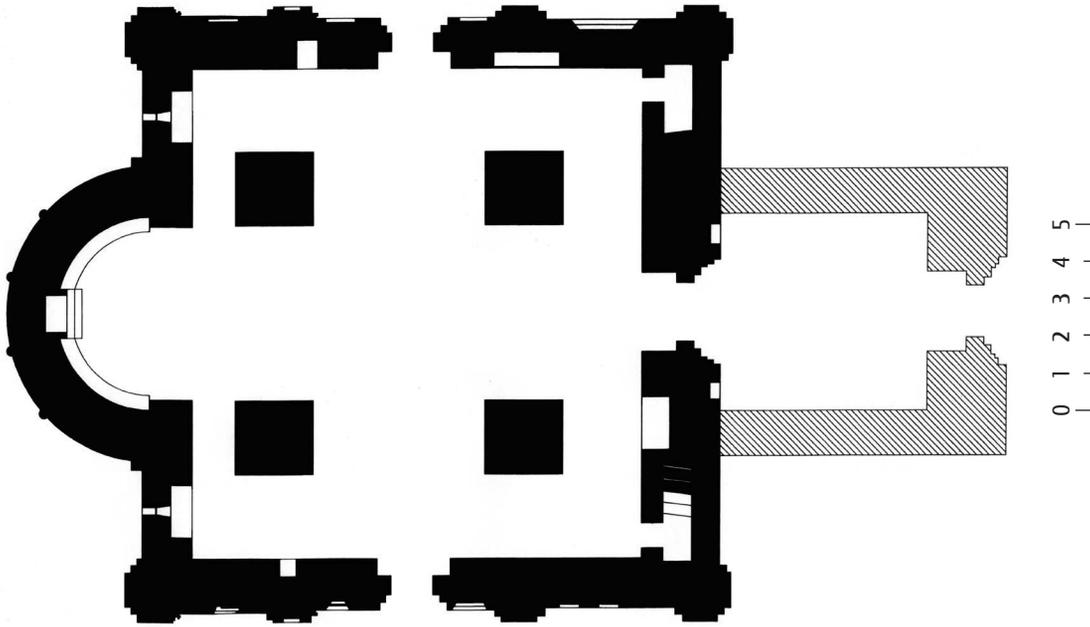
*Илл. 56. Церковь Спаса на Ильине улице.
Вид с юго-востока.
Фото автора. 2008 г.*

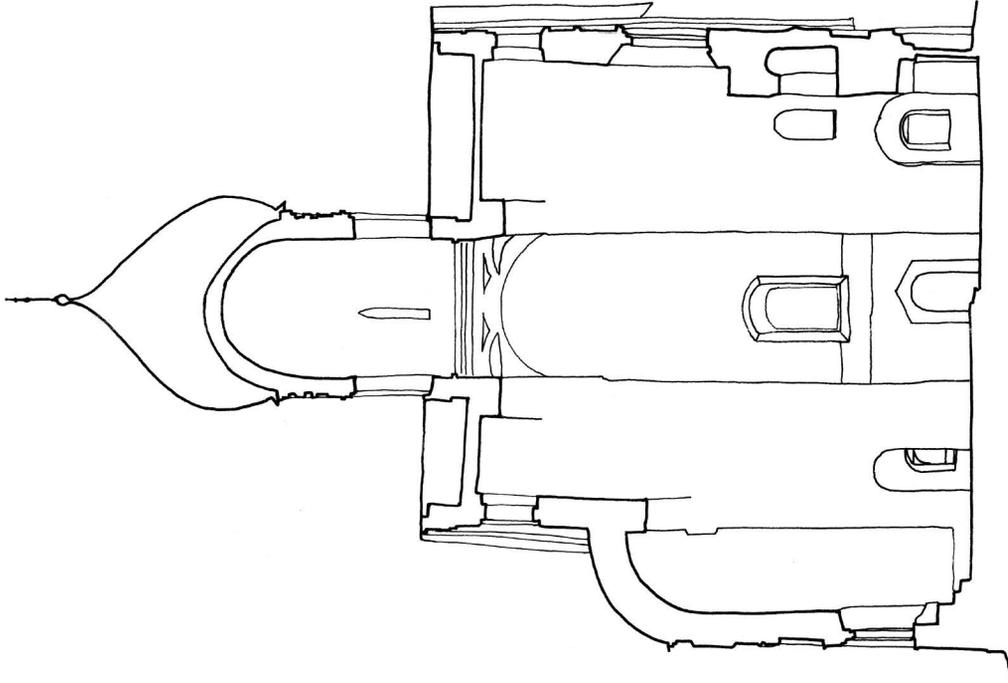
*Илл. 55. Церковь Спаса на Ильине улице.
Крест в верхней части восточного прясла южного фасада.
Фото автора. 2008 г.*

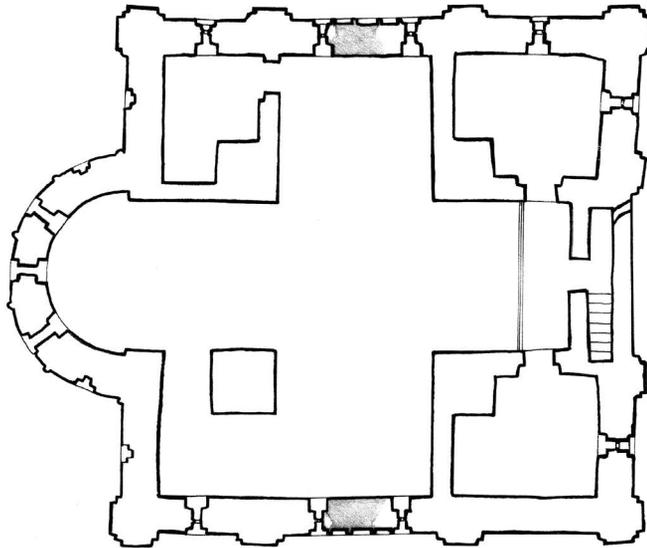
Илл. 58. Церковь Спаса на Ильине улице.
План существующего храма по нижнему уровню.
По данным Л. М. Шуляк

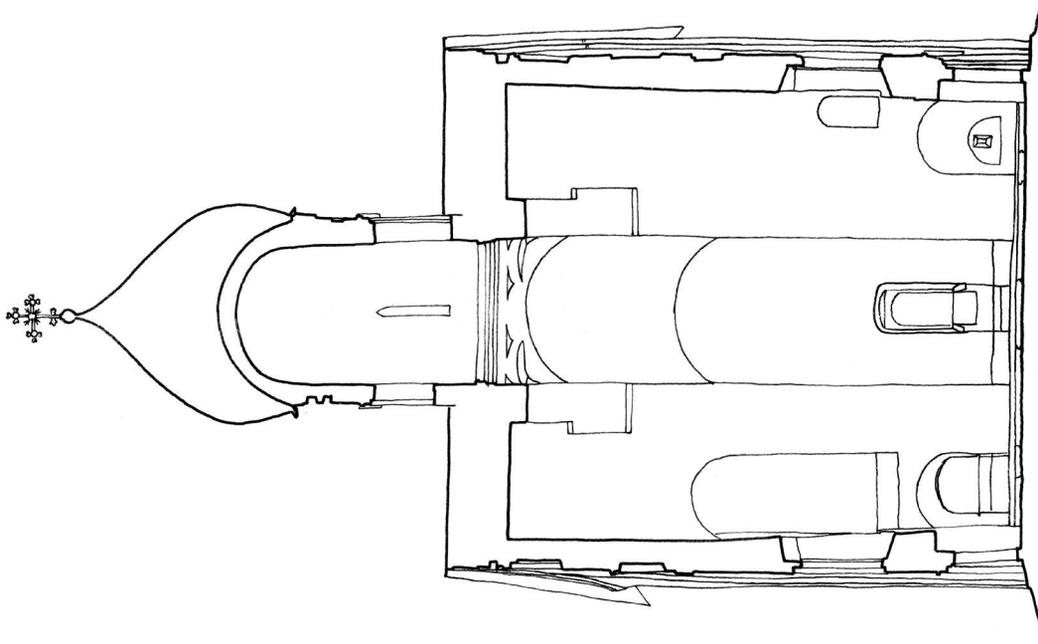
Илл. 57. Церковь Спаса на Ильине улице.
План храма с раскопанным притвором.
По данным Л. М. Шуляк

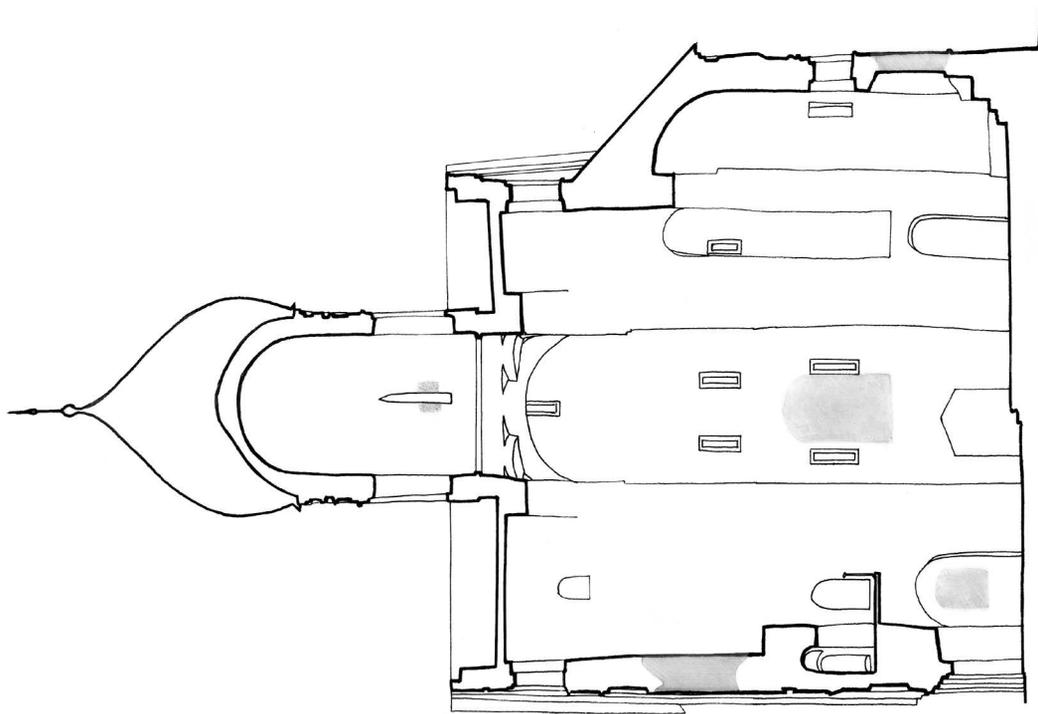
Илл. 60. Церковь Спаса на Ильине улице.
Продольный разрез с видом на юг.
По чертежу Л. М. Шуляк

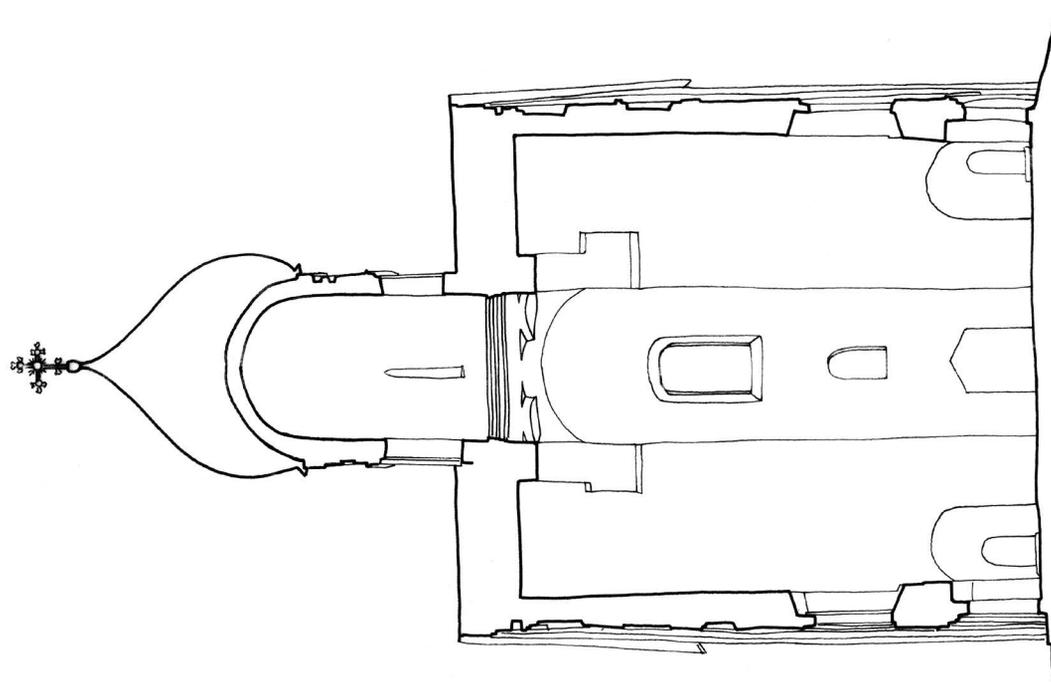
Илл. 59. Церковь Спаса на Ильине улице.
План храма по уровню хор.
По чертежу Л. М. Шуляк

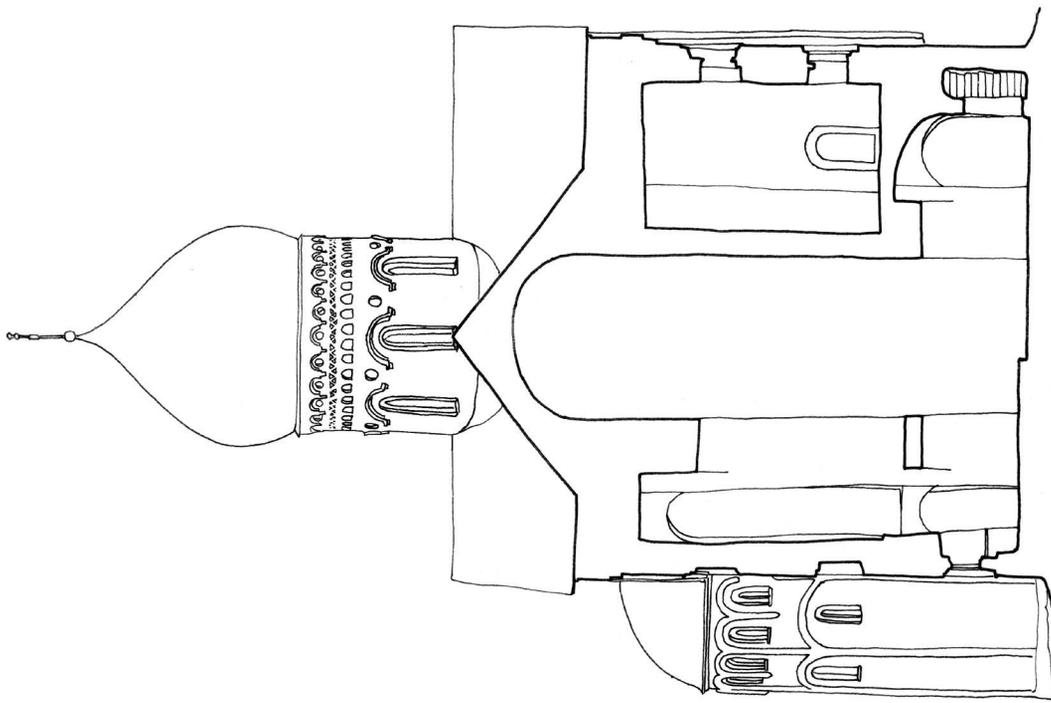
Илл. 62. Церковь Спаса на Ильине улице.
 Поперечный разрез с видом на восток.
 По чертежу Л. М. Шуляк

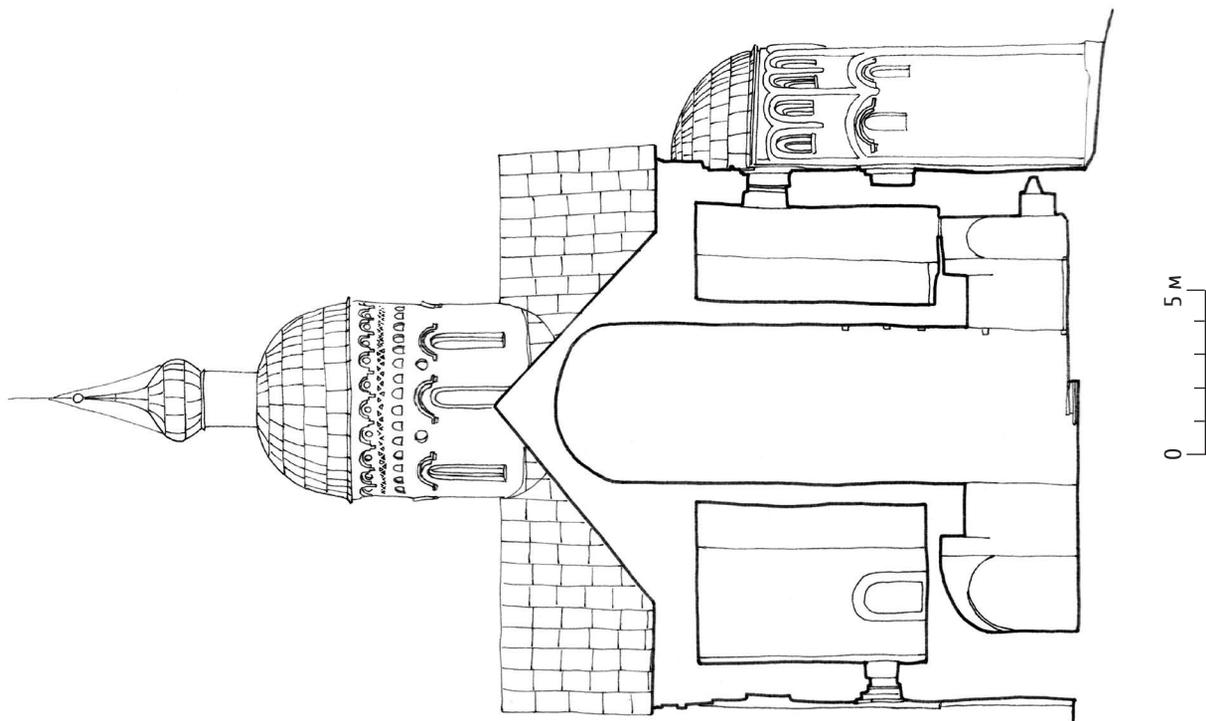
Илл. 61. Церковь Спаса на Ильине улице.
 Продольный разрез с видом на север.
 По чертежу Л. М. Шуляк

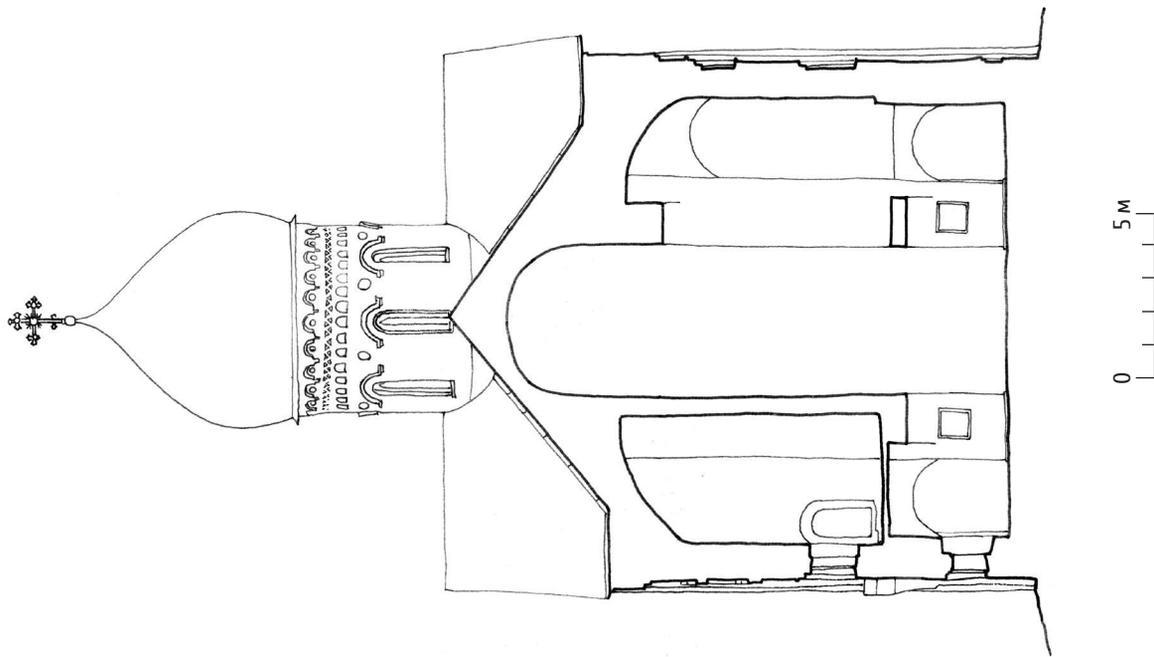
Илл. 63. Церковь Спаса на Ильине улице.
 Поперечный разрез с видом на запад.
 По чертежу Л. М. Шуляк

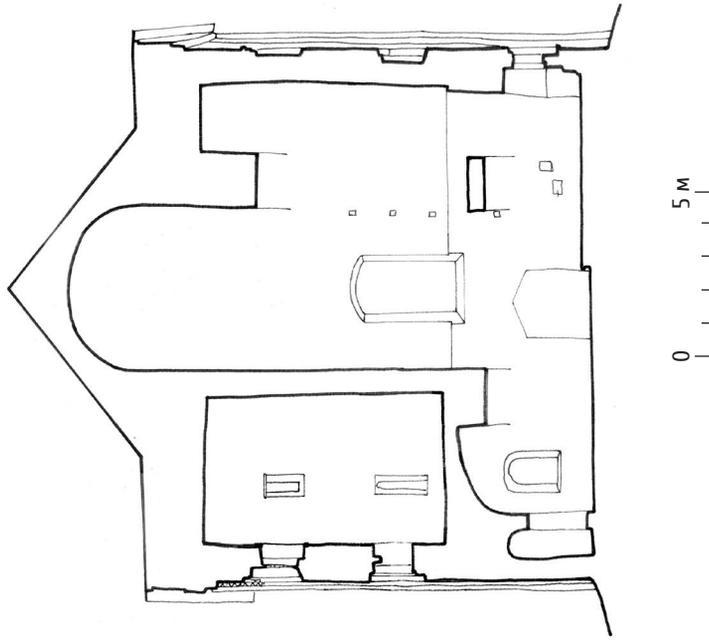
Илл. 64. Церковь Спаса на Ильине улице.
 Разрез по северному боковому нефу с видом на юг.
 По чертежу Л. М. Шуляк

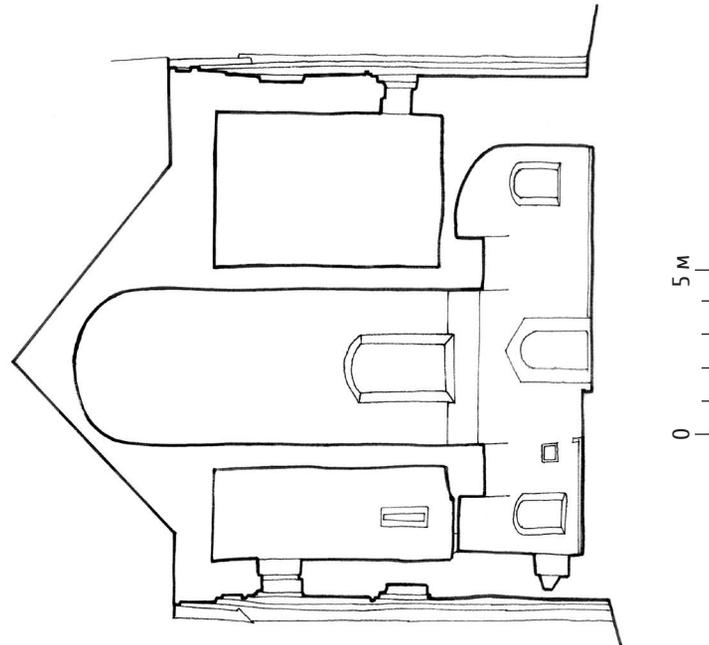
Илл. 65. Церковь Спаса на Ильине улице. Разрез по южному боковому нефу с видом на север. По чертежу Л. М. Шуляк

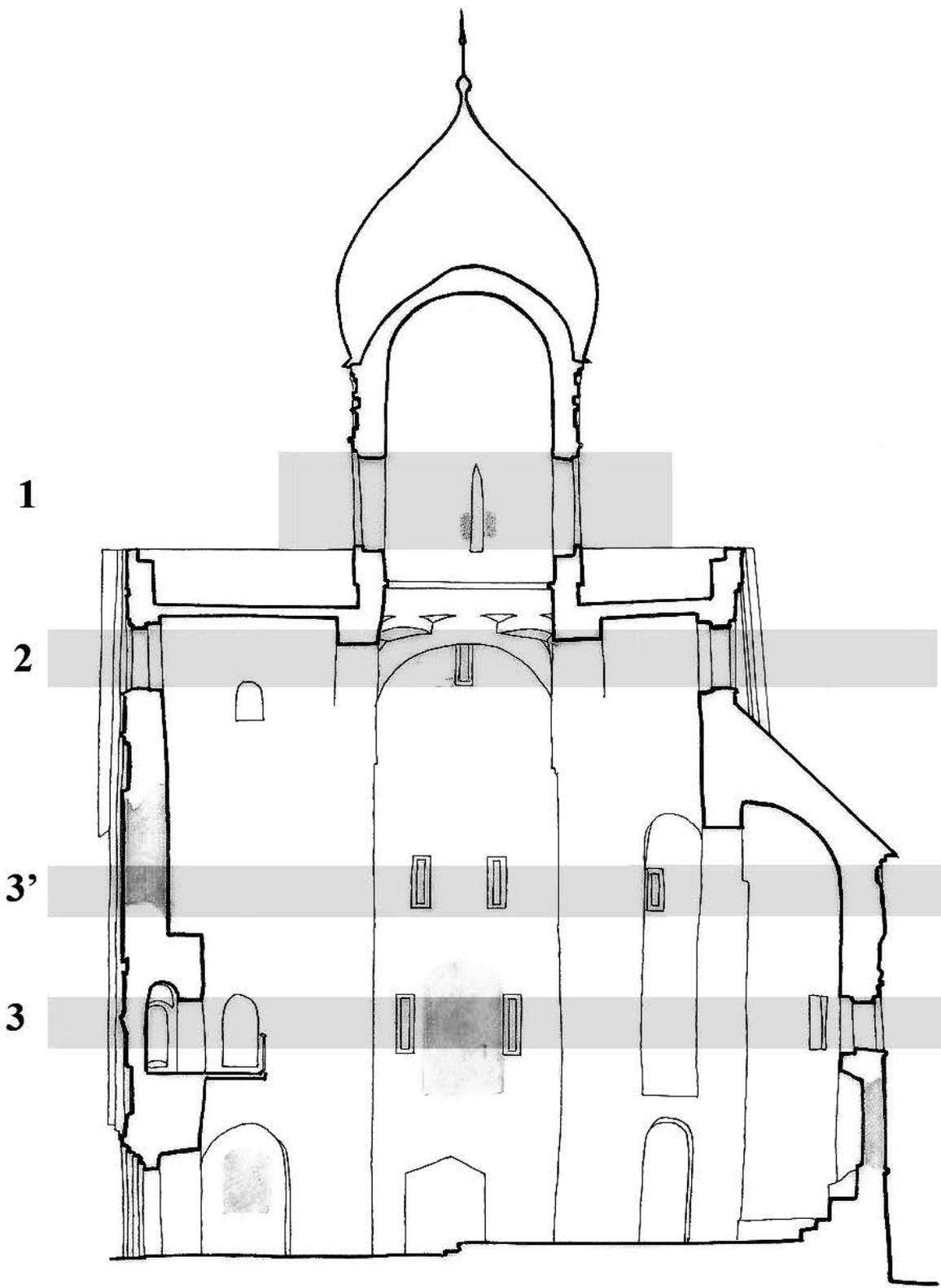
Илл. 66. Церковь Спаса на Ильине улице. Поперечный разрез по западной трети с видом на восток. По чертежу Л. М. Шуляк

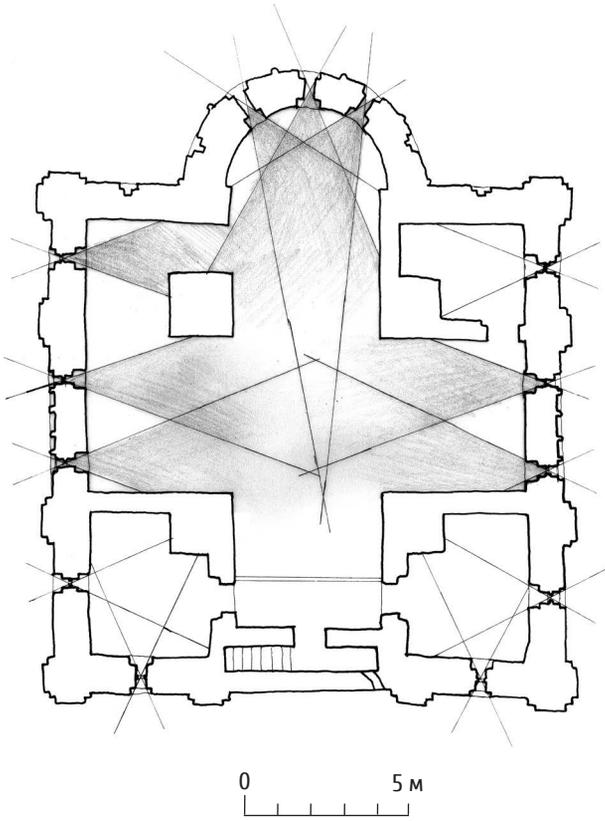
Илл. 68. Церковь Спаса на Ильине улице.
Разрез по северному боковому нефу с видом на север.
По чертежу Л. М. Шуляк

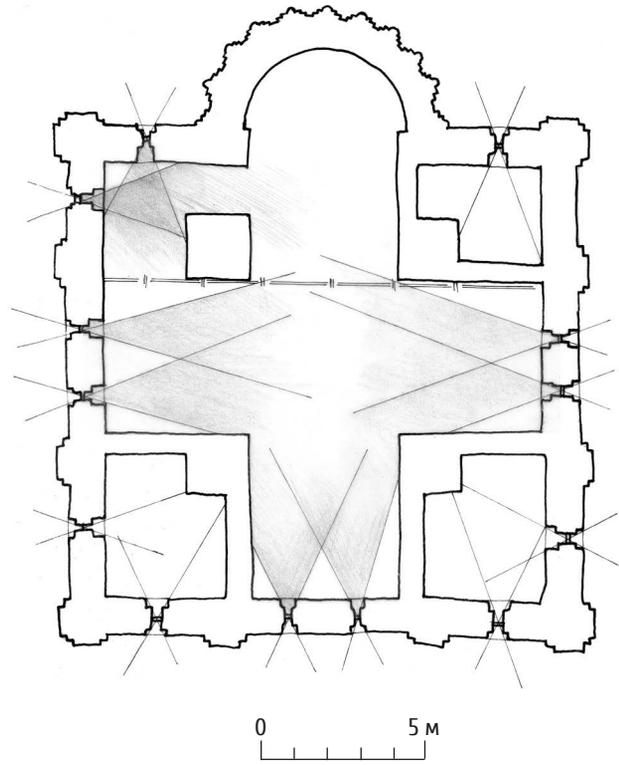
Илл. 67. Церковь Спаса на Ильине улице.
Разрез по южному боковому нефу с видом на юг.
По чертежу Л. М. Шуляк

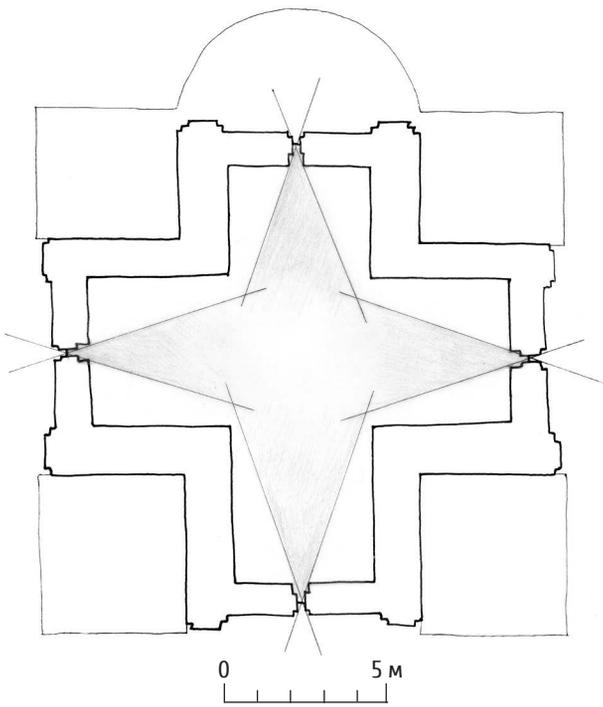
Илл. 69. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема расположения ярусов света

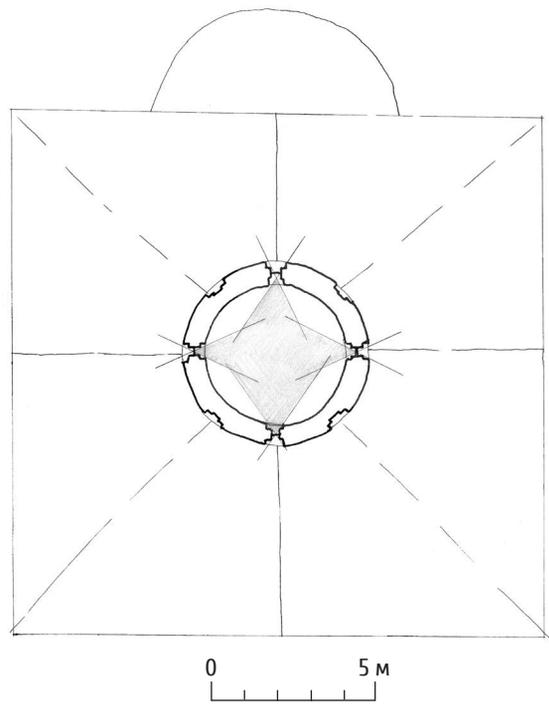
Илл. 70. Церковь Спаса на Ильине улице.
Схема освещения храма по второму уровню проемов

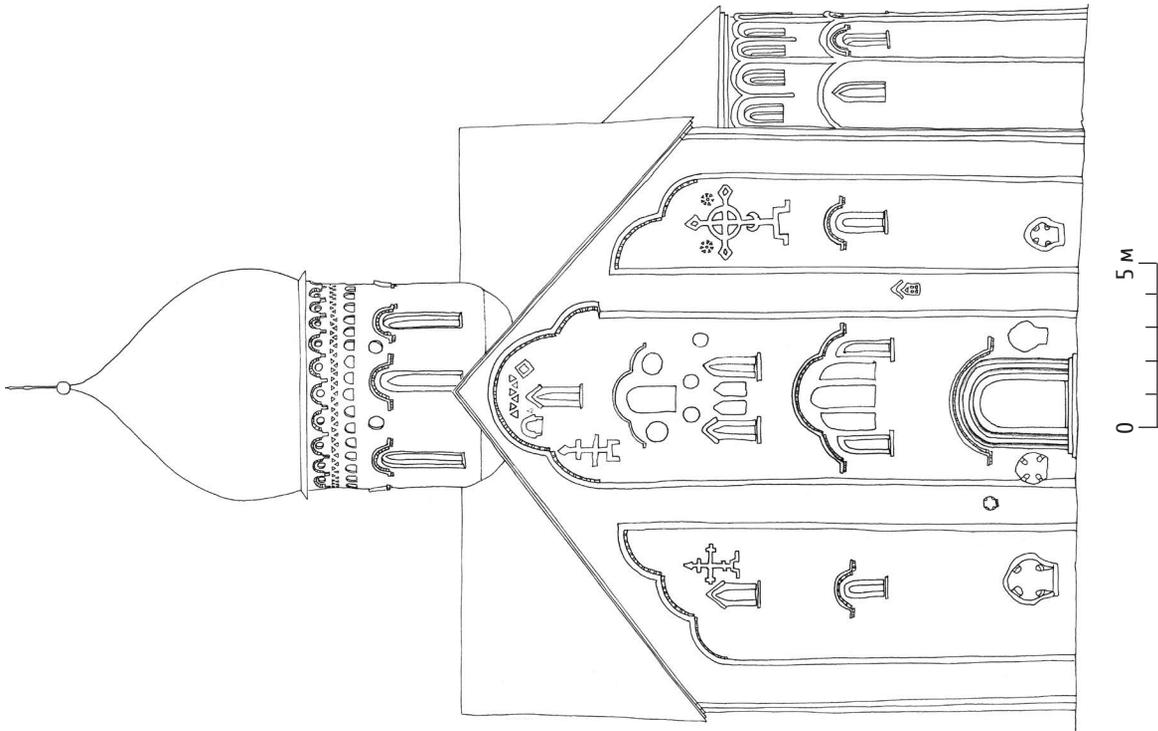
Илл. 71. Церковь Спаса на Ильине улице.
Схема освещения храма по третьему уровню проемов

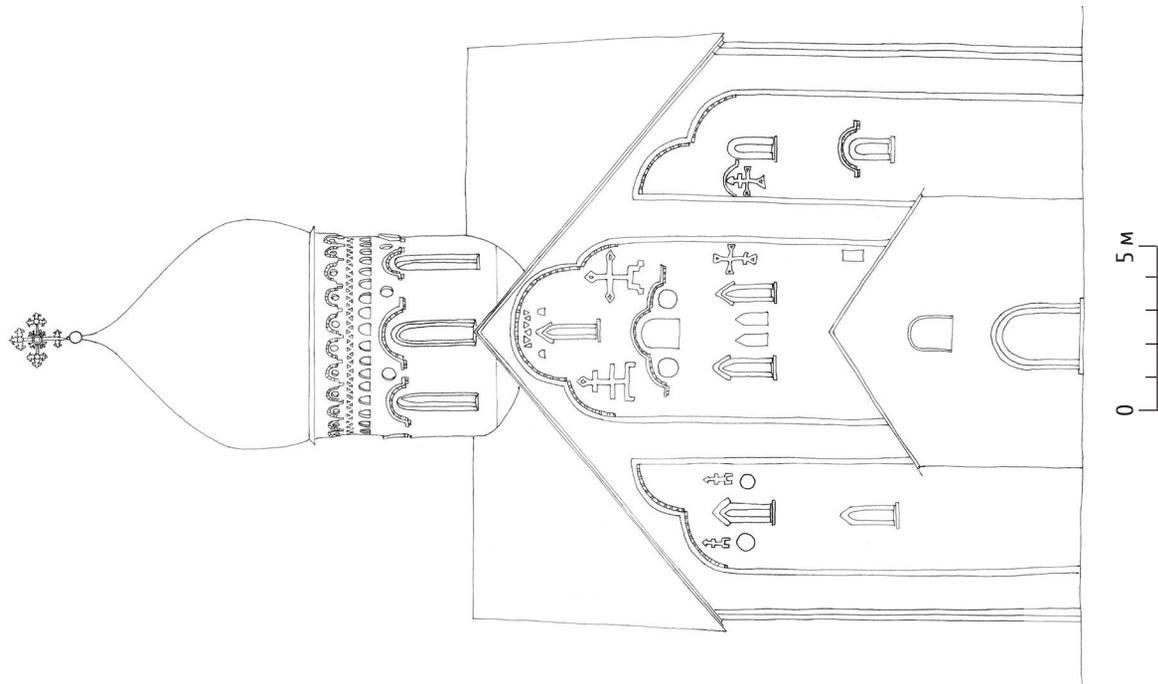
Илл. 72. Церковь Спаса на Ильине улице.
Схема освещения храма по четвертому уровню проемов

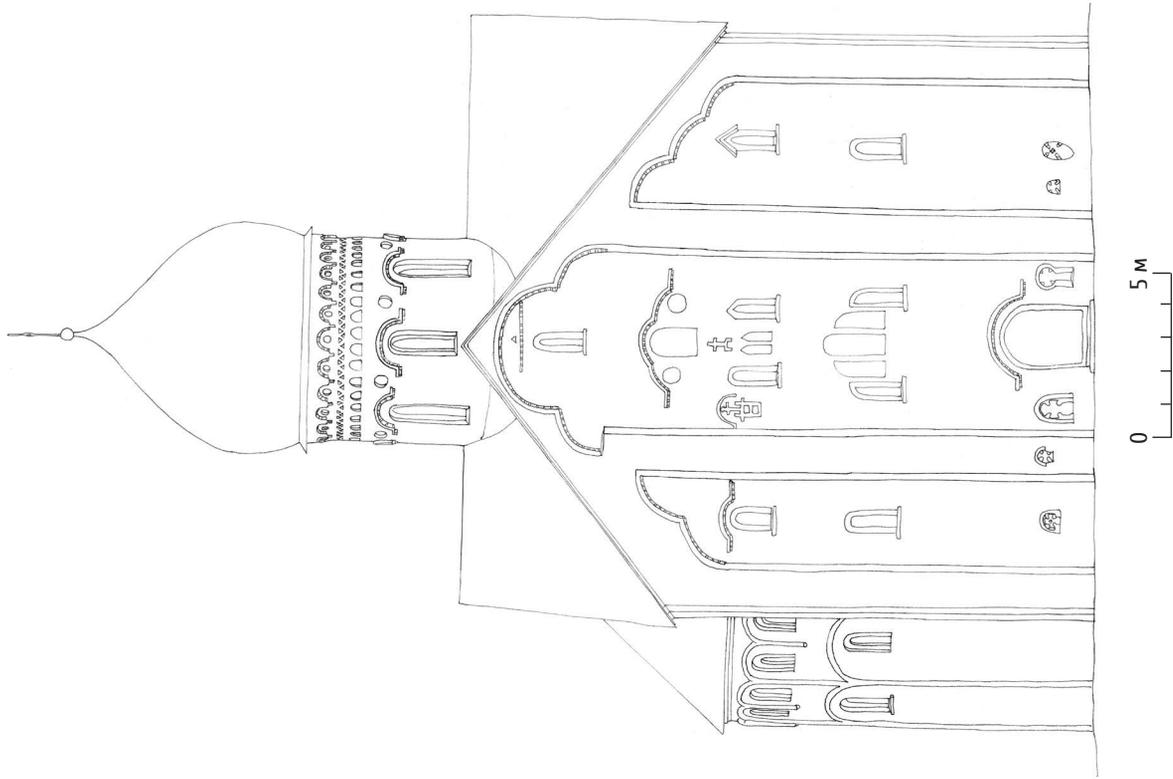
Илл. 73. Церковь Спаса на Ильине улице.
Схема освещения барабана

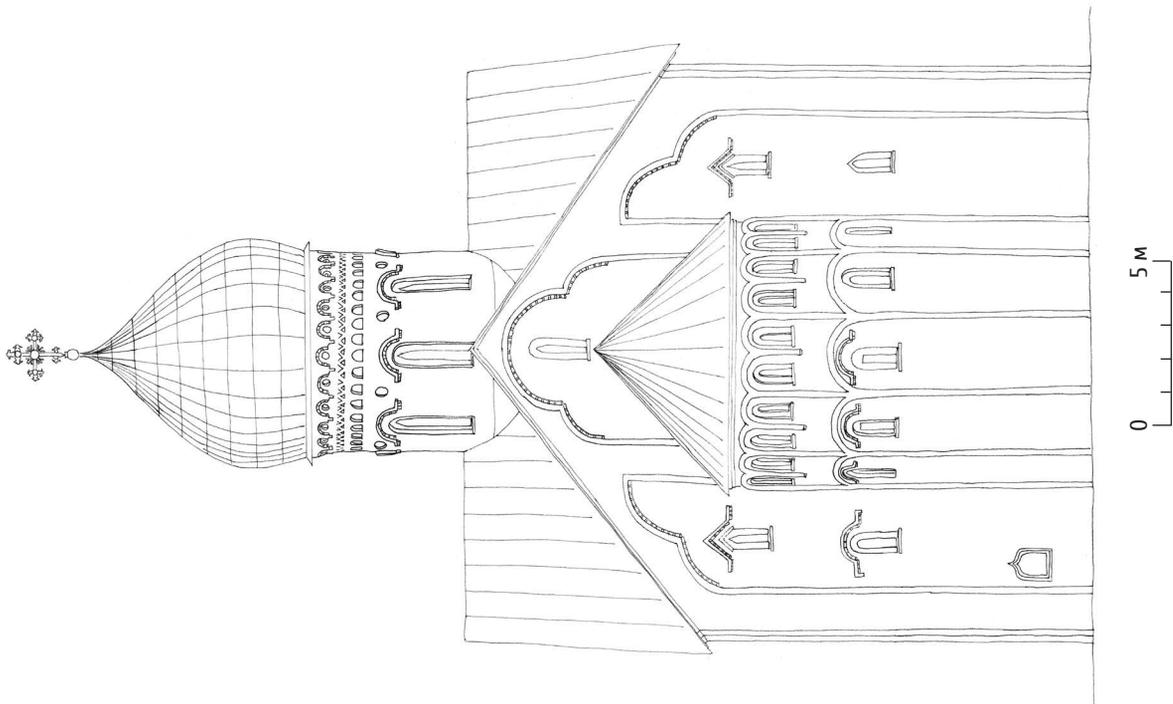
Илл. 75. Церковь Спаса на Ильине улице.
Южный фасад.
По чертежу Л. М. Шуляк

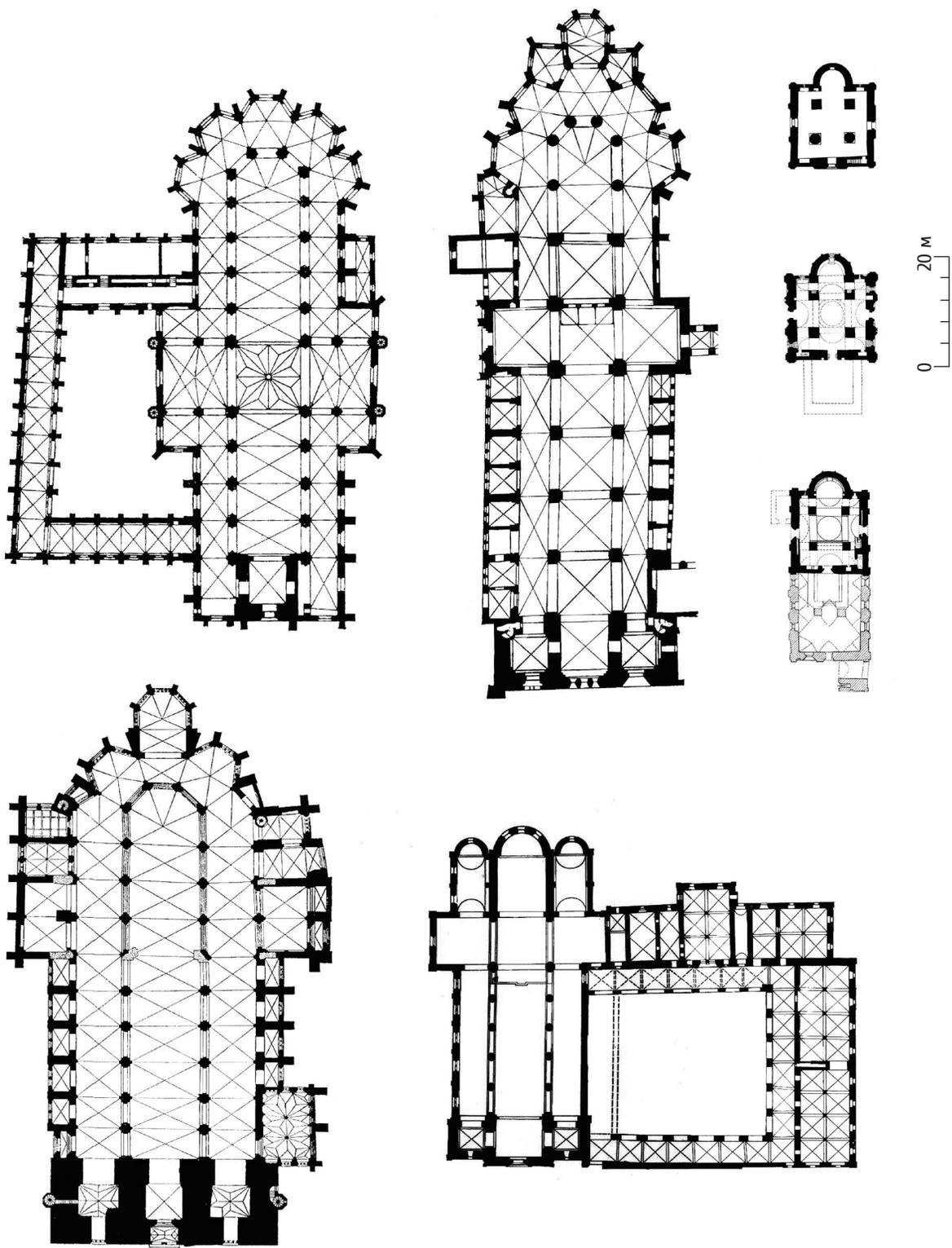
Илл. 74. Церковь Спаса на Ильине улице.
Западный фасад с реконструированным притвором (условно).
По чертежу Л. М. Шуляк

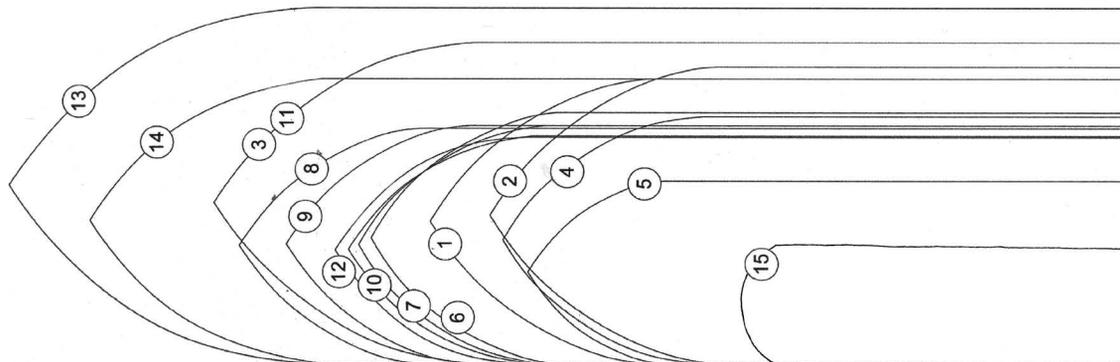
Илл. 77. Церковь Спаса на Ильине улице. Северный фасад.
По чертежу Л. М. Шуляк

Илл. 76. Церковь Спаса на Ильине улице. Восточный фасад.
По чертежу Л. М. Шуляк

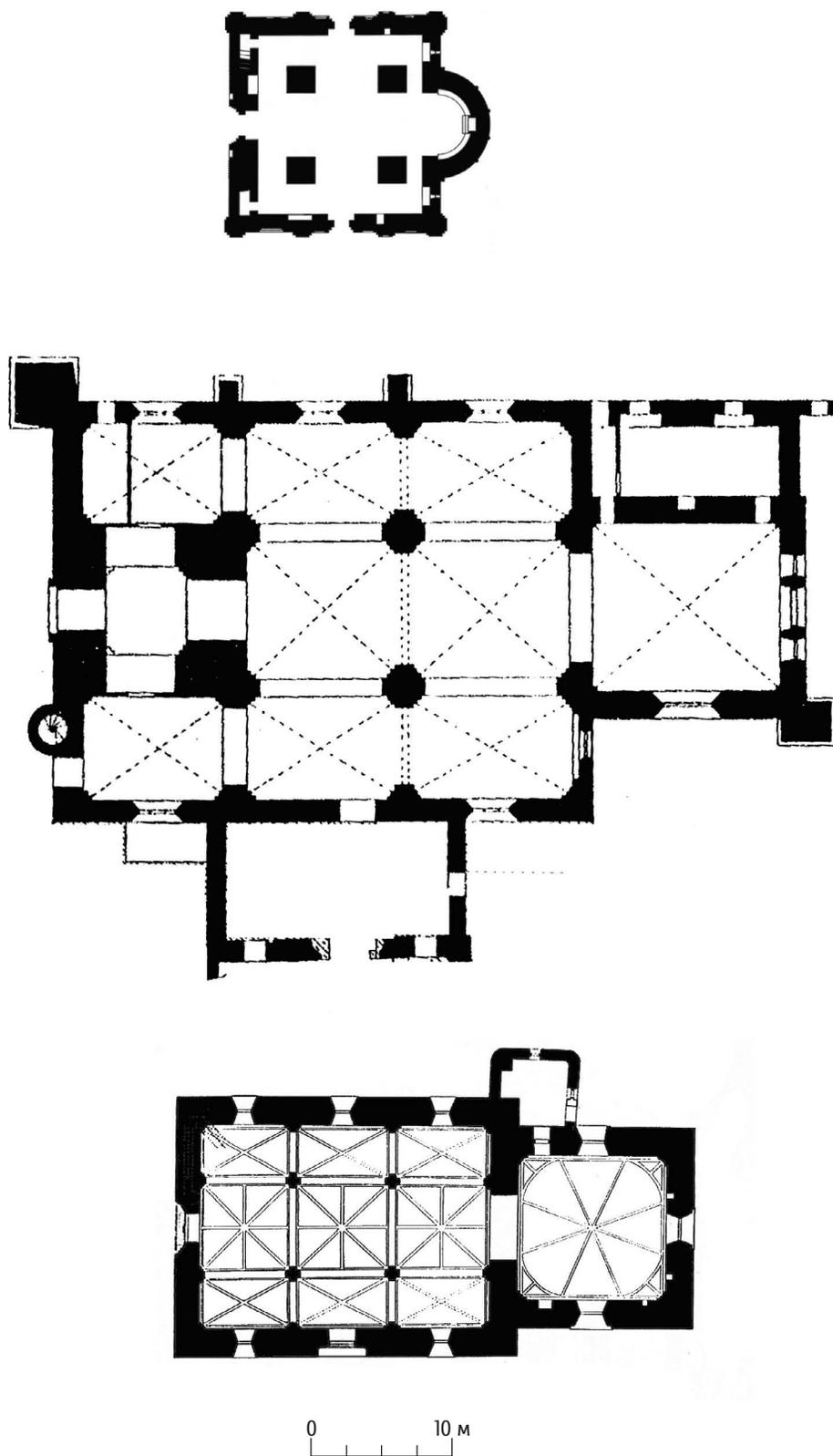

Илл. 78. Церковь Спаса на Ильине улице и северогерманские соборы. Сравнение планов. Вверху слева: церковь Марии в Любеке. Вверху справа: Домский собор в Шверине. Справа в середине: Домский собор в Любеке. Внизу слева: собор и монастырь в Йерихове. Внизу справа (справа налево): церковь Федора Стратилата на Федоровой улице, церковь Спаса на Ильине улице, церковь Благовещения на Городище

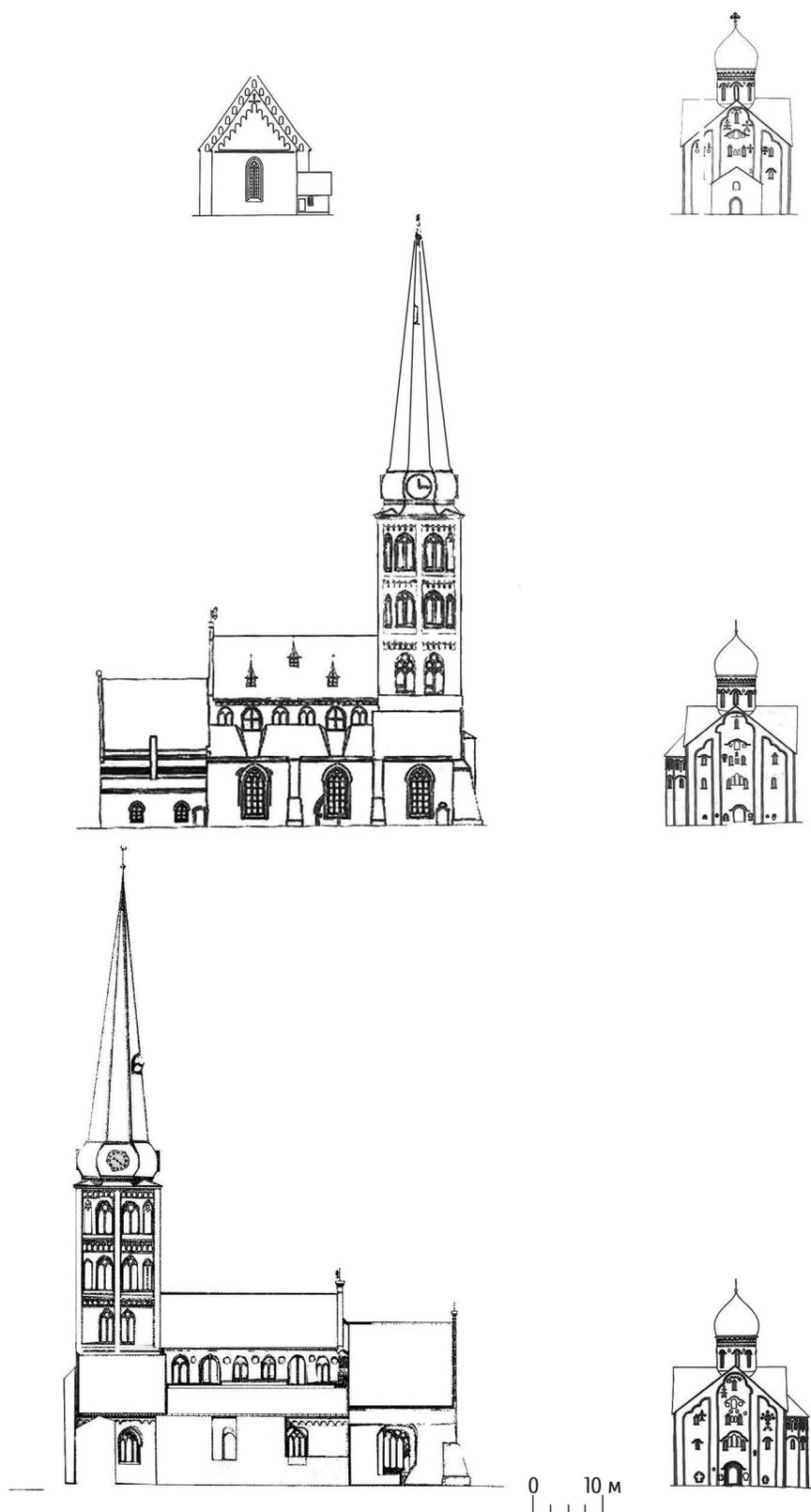

№	Расположение	Церковь	Начало строительства	Ширина, м	Высота, м	Соотношение
1	Штральзунд	Святого Николая	1270	12,5	29	1:2,3
2	Шверин	Собор	1270	13,1	26,5	1:2
3	Любек	Святой Марии	1280	14,1	38	1:2,6
4	Бад-Доберан	Церковь монастыря	1291	11	26	1:2,3
5	Висмар	Святого Георгия	1290	8,31	25	1:3
6	Росток	Святой Марии	1290	11	31,5	1:2,8
7	Висмар	Святой Марии	1339	10,5	32	1:3
8	Висмар	Святого Николая	1381	10,5	37	1:3,5
9	Висмар	Святого Георгия, неф	1404	10,55	35	1:3,3
10	Штральзунд	Святой Марии	1382/84	10,15	32,4	1:3,1
11	Реймс	Собор	1211-21	14,1	38	1:2,6
12	Ле Ман	Собор, хор	1217-54	10,06	33	1:3,3
13	Бове	Собор	1238-72	15,5	46,75	1:3
14	Кёльн	Собор	1248-1320	12,5	43,35	1:3,5
15	Великий Новгород	Церковь Спаса Преображения	1374	5	16,1	1:2,7

Илл. 79. Церковь Спаса на Ильине улице и северогерманские соборы. Сравнение пролетов. По Г. Кисову с дополнениями.
 1) Штральзунд. Церковь Николая. 1270 г. 2) Шверин. Собор. 1270 г. 3) Любек. Церковь Марии. 1280 г. 4) Бад-Доберан. Монастырский храм. 1291 г.
 5) Висмар. Церковь Святого Георгия. 1290 г. 6) Росток. Церковь Марии. 1339 г. 7) Висмар. Церковь Марии. 1339 г. 8) Висмар. Церковь Николая. 1381 г.
 9) Висмар. Церковь Георгия, неф. 1404 г. 10) Штральзунд. Церковь Марии. 1382/1384 г. 11) Реймс. Собор. 1211–1221 гг. 12) Ле Ман. Собор. 1217–1254 гг.
 13) Бове. Собор. 1238–1272 гг. 14) Кёльн. Собор. 1248–1320 гг. 15) Церковь Спаса на Ильине улице в Великом Новгороде. 1374 г.

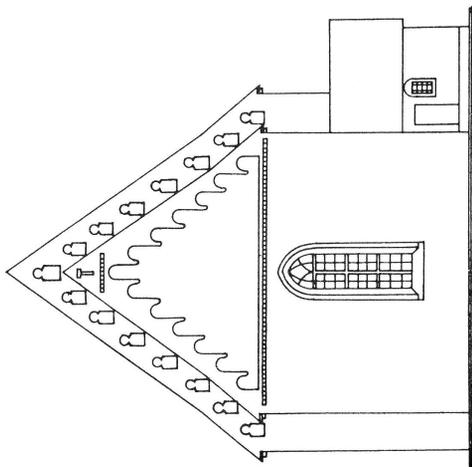
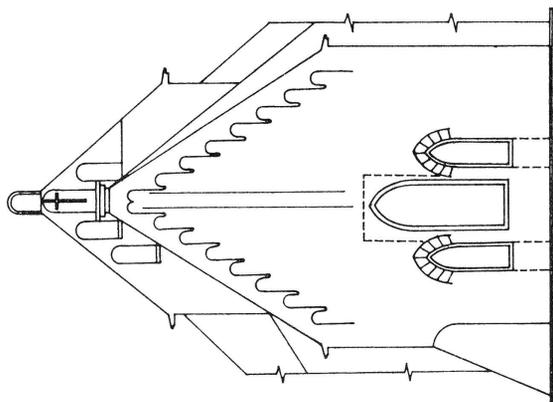
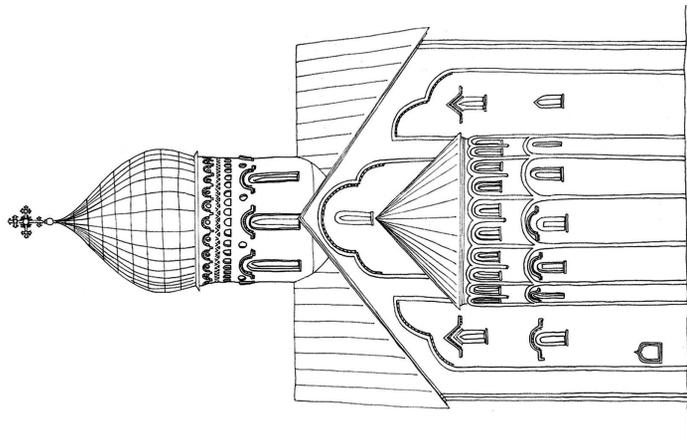
*Илл. 80. Сравнение плана церкви Спаса на Ильине улице (вверху)
и планов кирпичных храмов Лифляндии: церкви Якова в Риге (XIII–XIV вв., в середине)
и церкви Лаврентия в Нью (Эстония, около 1300 г., внизу)*

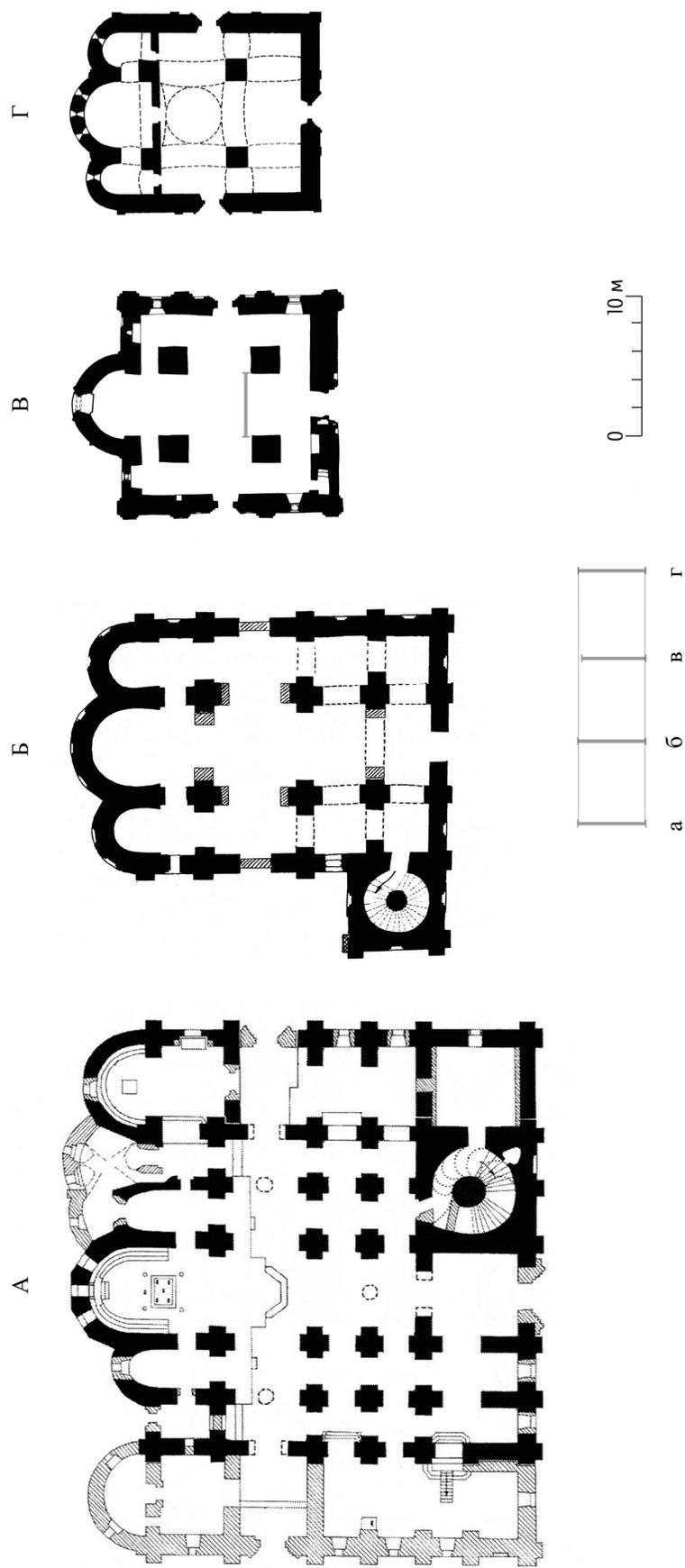
Илл. 81. Сравнение фасадов: восточный фасад церкви Лаврентия в Нью (слева сверху) и западный фасад церкви Спаса на Ильине улице (справа сверху), северный фасад церкви Якоба в Риге (XIII–XIV вв., слева во втором ряду) и северный фасад церкви Спаса на Ильине (справа во втором ряду), южный фасад церкви Якоба в Риге (слева внизу) и южный фасад церкви Спаса на Ильине улице (справа внизу)

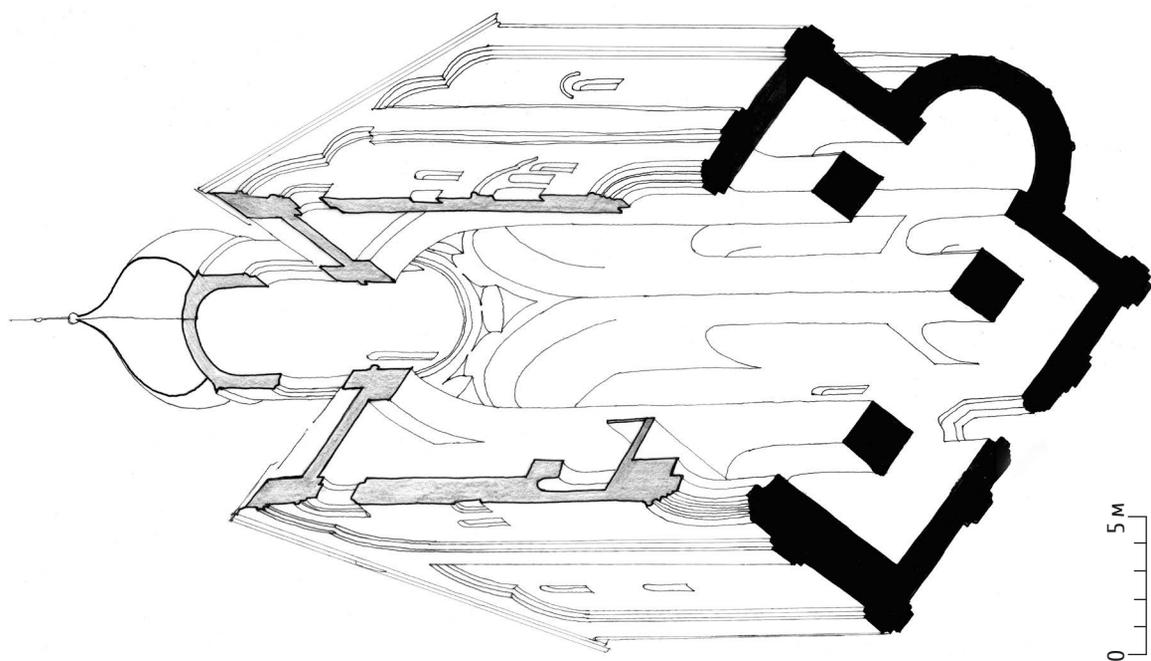
Илл. 82. Сравнение разрезов: поперечный разрез церкви Лаврентия в Нью (Эстония, около 1300 г., слева вверху), поперечный разрез церкви Спаса на Ильине улице (справа вверху), продольный разрез церкви Якоба в Риге (XIII – XIV вв., слева внизу), продольный разрез церкви Спаса на Ильине улице (справа внизу)

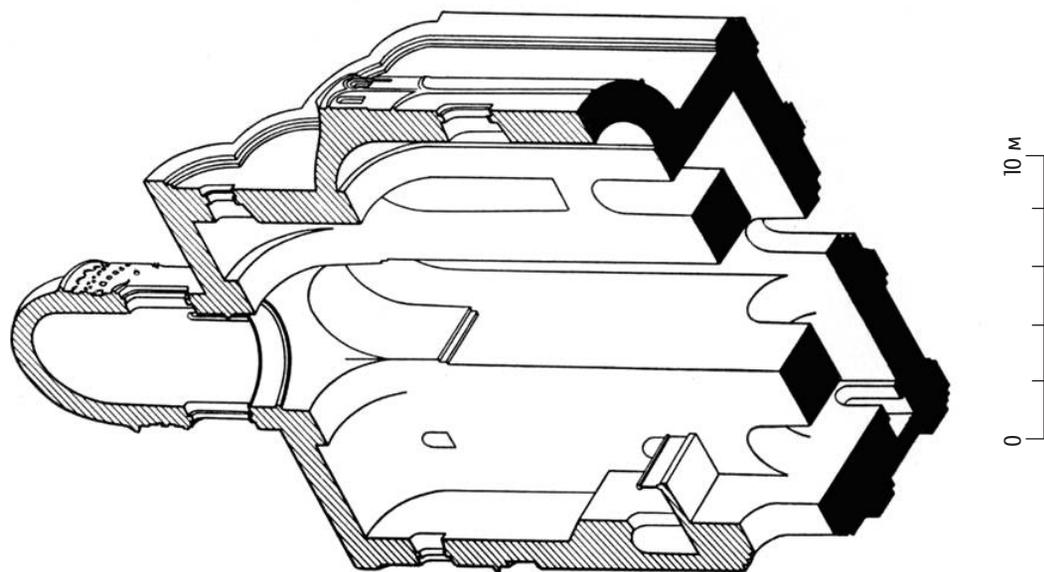
Илл. 83. Сравнение восточных фасадов (слева направо):
церковь Лаврентия в Нью-Йорке, церковь Якова в Риге, церковь Спаса на Ильине улице

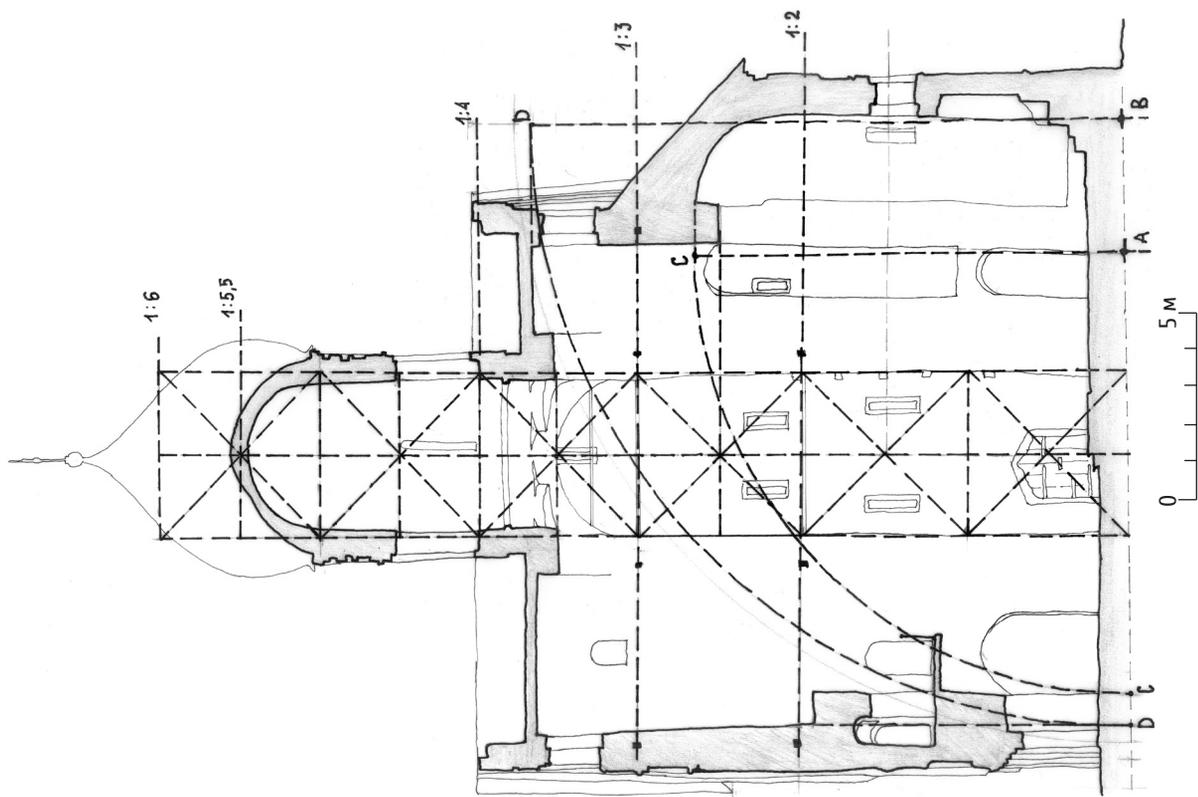
Илл. 84. Сравнение планов древнерусских храмов и их поперечных сторон подкупольных квадратов.
 А – Софийский собор в Новгороде, Б – Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде,
 В – церковь Спаса на Ильине улице в Новгороде, Г – Троицкий собор Троице-Сергиевой Лавры

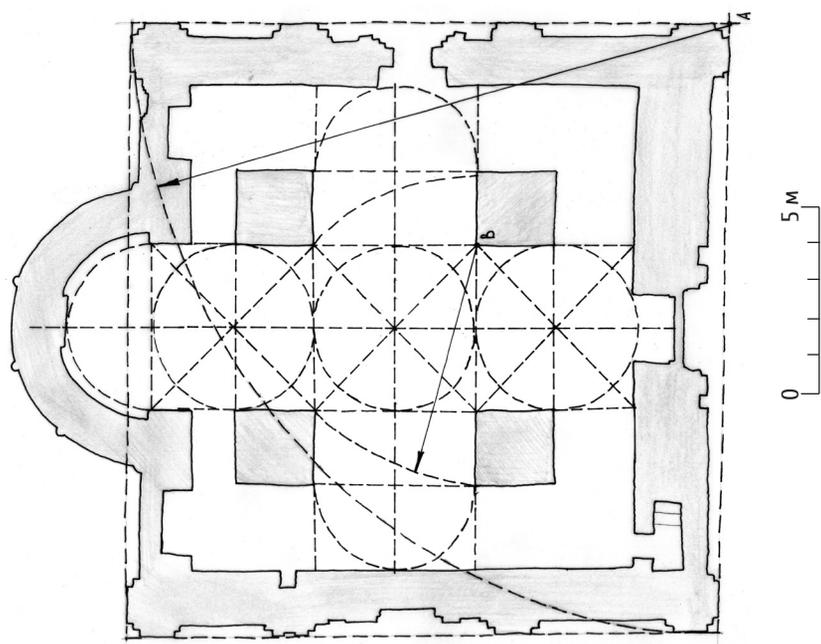
Илл. 86. Церковь Спаса на Ильине улице. Аксонометрический разрез с вьнутой юго-западной четвертью. По чертежу Н.Р. Селютиной и автора

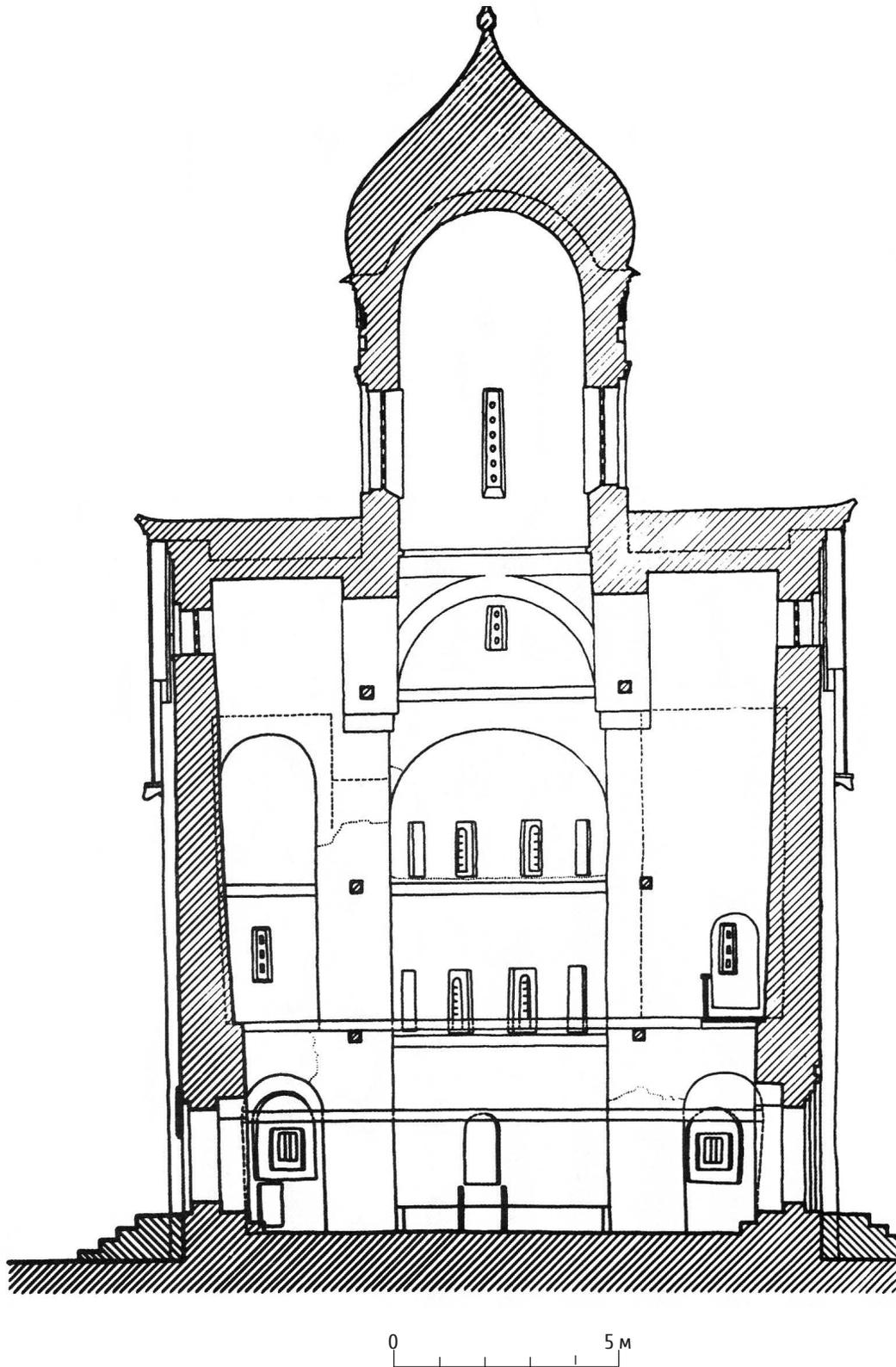
Илл. 85. Церковь Спаса на Ильине улице. Аксонометрический разрез с вьнутой южной половиной. По чертежу 1930-х годов

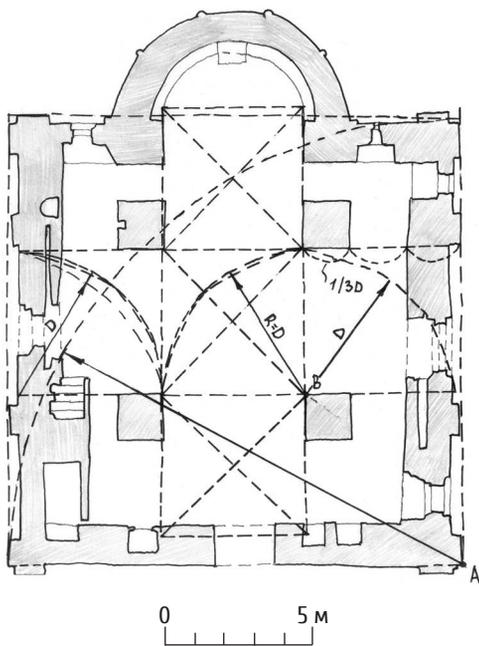
Илл. 88. Церковь Спаса на Ильине улице.
Схема пропорциональных закономерностей продольного разреза.
По чертежу Н. Р. Селютинной и автора

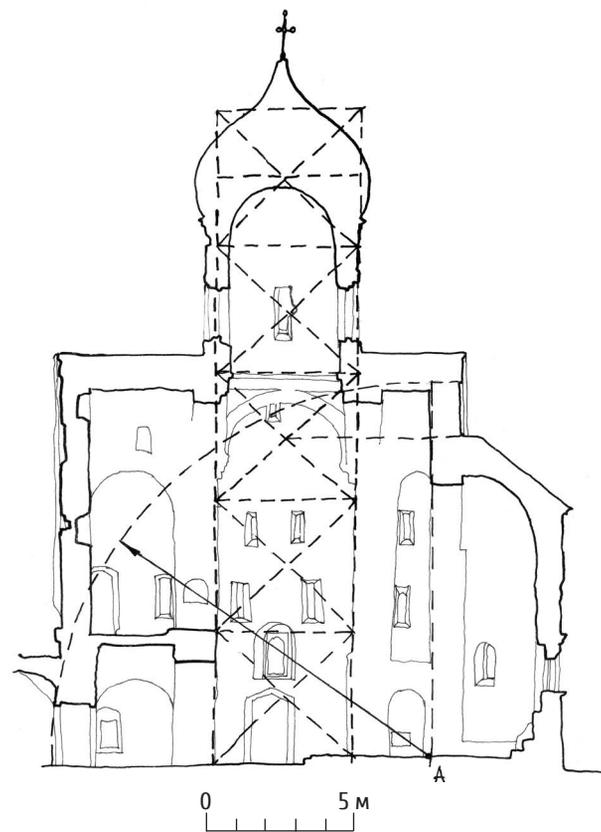
Илл. 87. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема пропорциональных
закономерностей плана. По чертежу Н. Р. Селютинной и автора

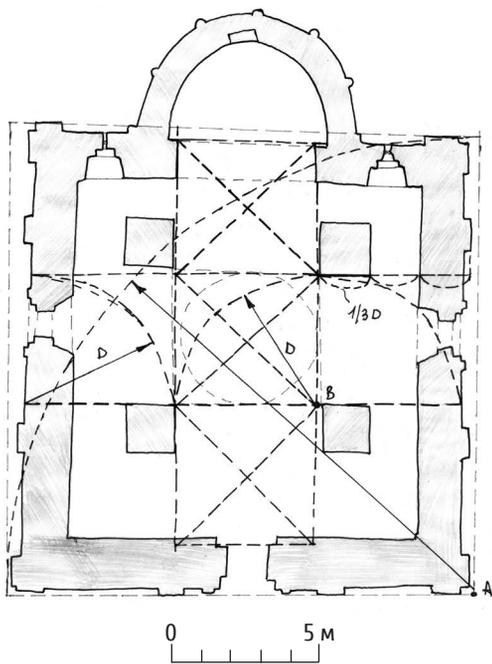
Илл. 89. Церковь Спаса на Ильине улице.
Поперечный разрез с указанием уровня старого пола и синтрона в абсиде
(по М. А. Орловой)

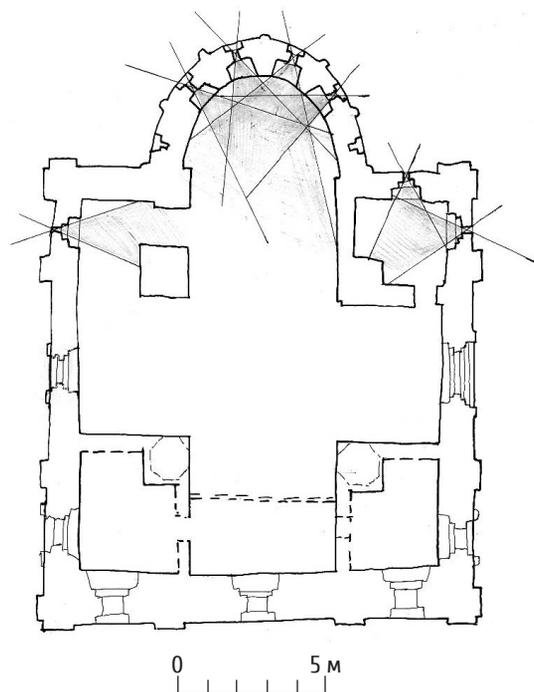
Илл. 90. Церковь Федора Стратилата на Федоровой улице. Схема пропорциональных закономерностей плана. По чертежу Н. Р. Селютиной и автора

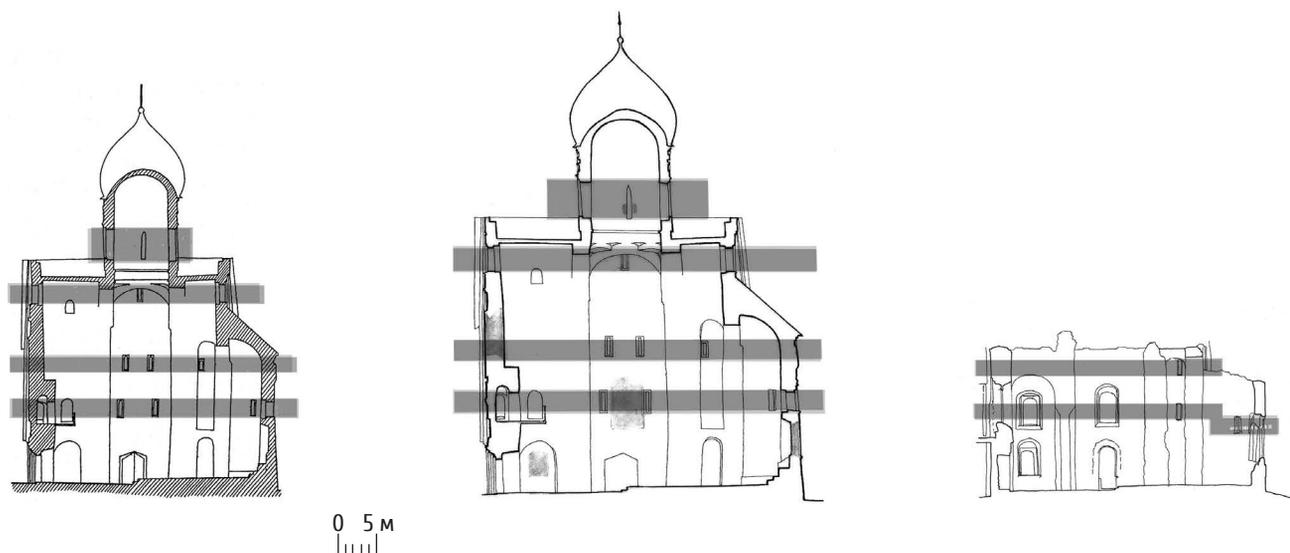
Илл. 91. Церковь Федора Стратилата на Федоровой улице. Схема пропорциональных закономерностей разреза. По чертежу Н. Р. Селютиной и автора

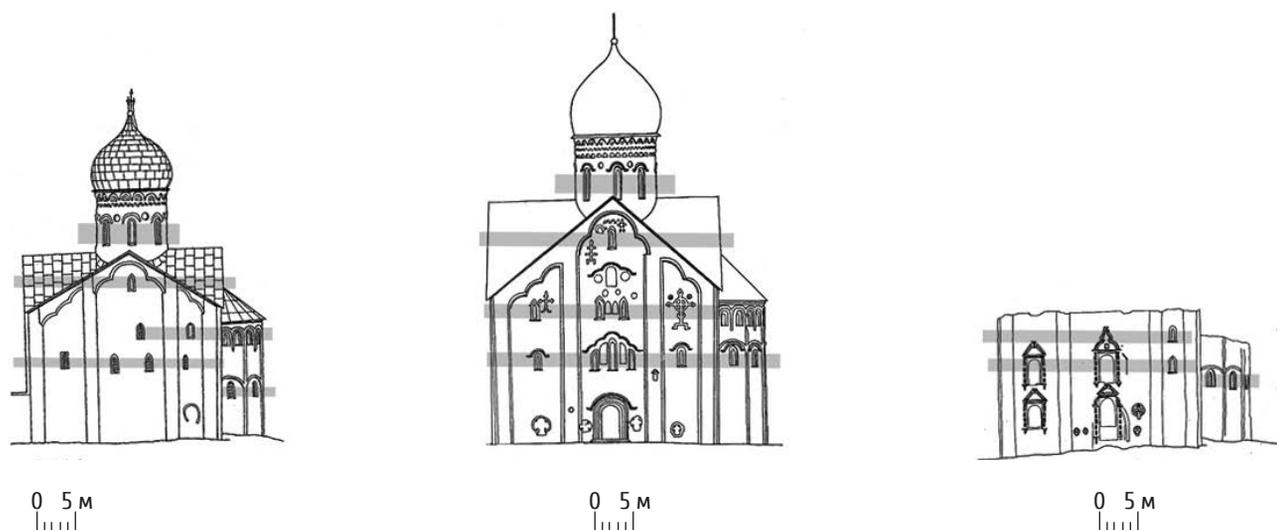
Илл. 92. Церковь Рождества Богородицы на Молоткове. Схема пропорциональных закономерностей плана. По чертежу Н. Р. Селютиной и автора

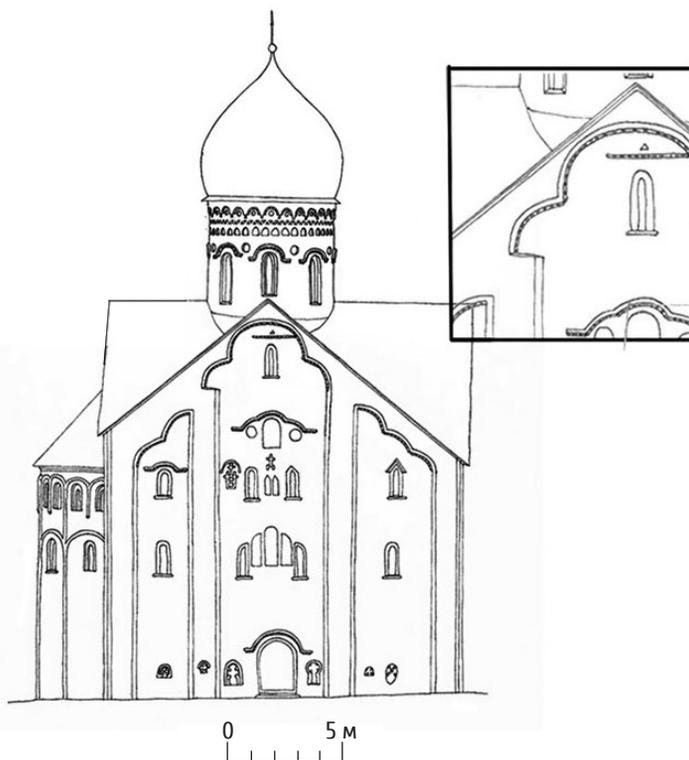
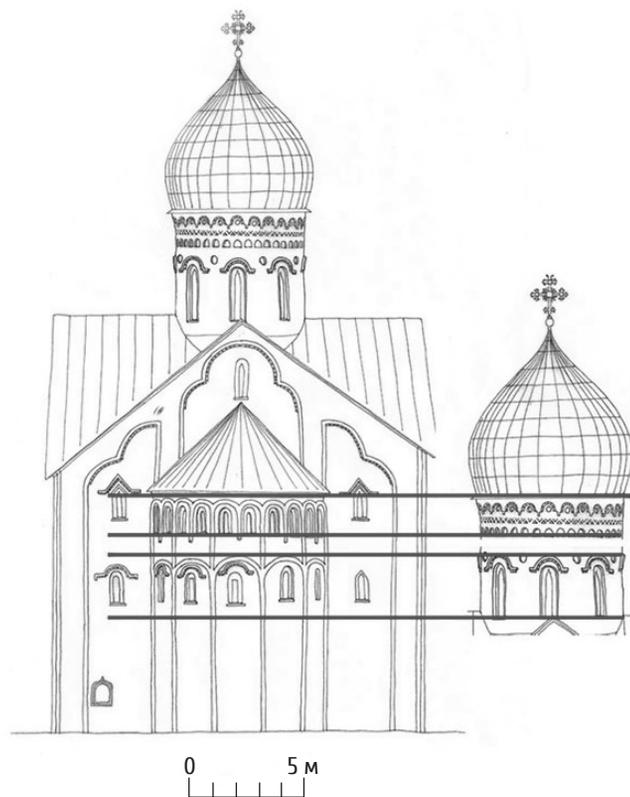
Илл. 93. Церковь Рождества Богородицы на Молоткове. Схема освещения 2-го яруса. По чертежу Н. Р. Селютиной и автора

Илл. 94. Схемы ярусов света в новгородских храмах (разрезы, слева направо):
 Федора Стратилата на Федоровой улице, Спаса на Ильине улице,
 Рождества Богородицы на Молоткове улице.
 По чертежу Н. Р. Селютиной и автора

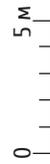
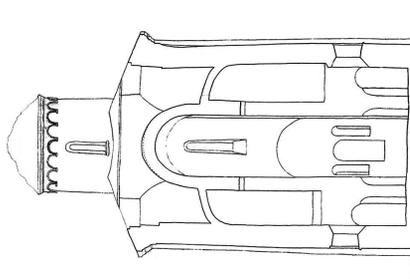
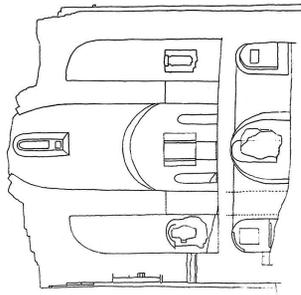
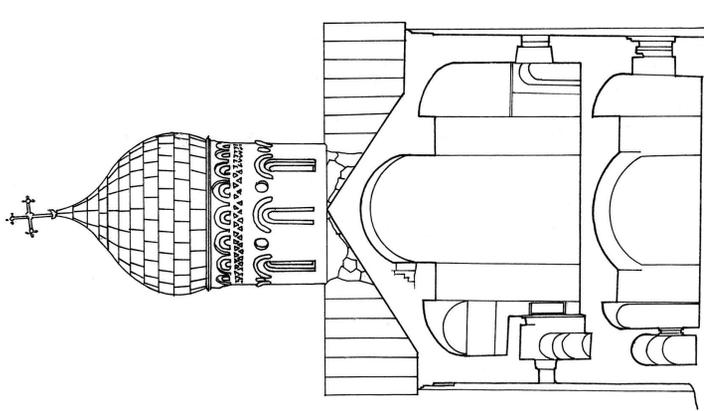
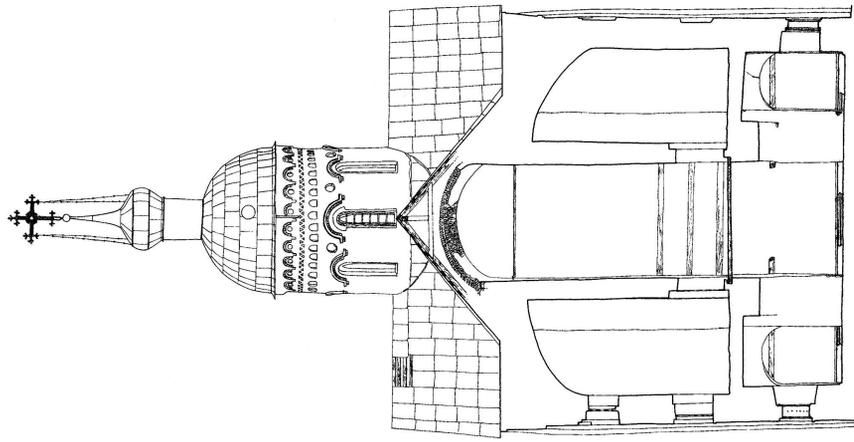
Илл. 95. Схемы ярусов света в новгородских храмах (фасады, слева направо):
 Федора Стратилата на Федоровой улице, Спаса на Ильине улице,
 Рождества Богородицы на Молоткове улице.
 По чертежу Н. Р. Селютиной и автора

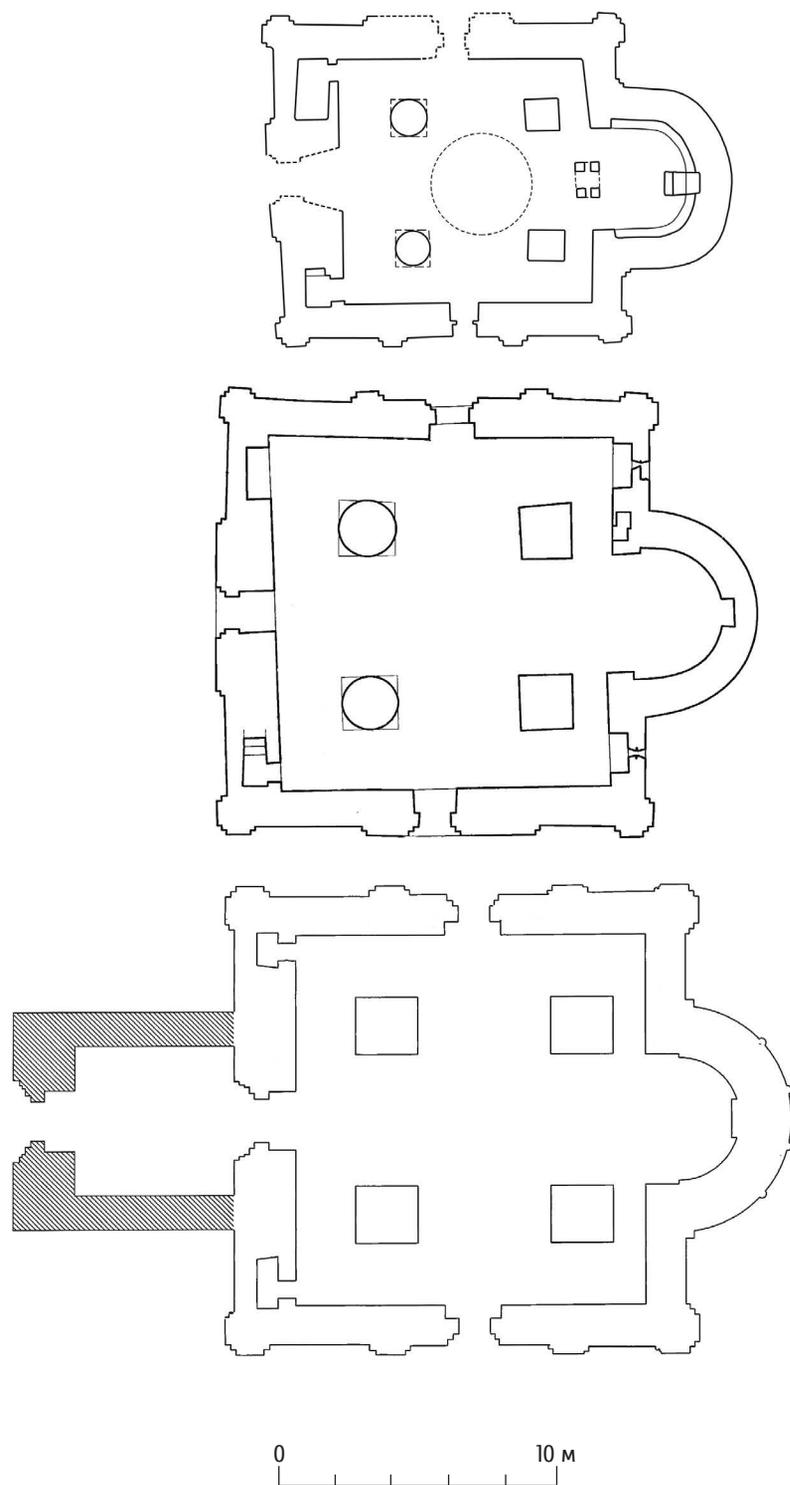
Илл. 96. Церковь Спаса на Ильине улице. Сравнение декора барабана и абсиды; сдвиг к востоку лопастной арки среднего прясла боковых фасадов (на примере северного фасада).
Чертеж Н. Р. Селютиной, Ю. С. Фомичевой и автора

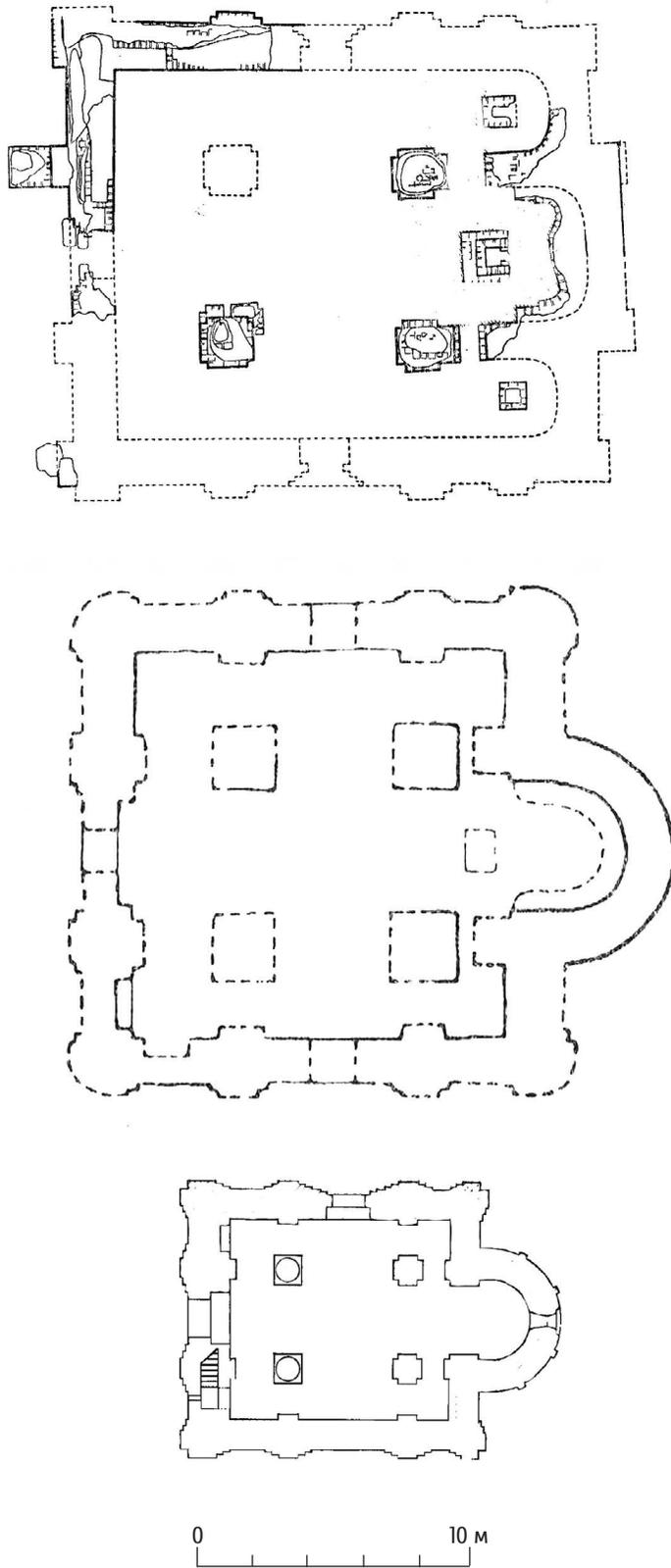
*Илл. 97. Поперечные разрезы с видом на восток:
церковь Федора Стратилата на Федорове улице (слева)
и церковь Спаса на Ильине улице (справа)*

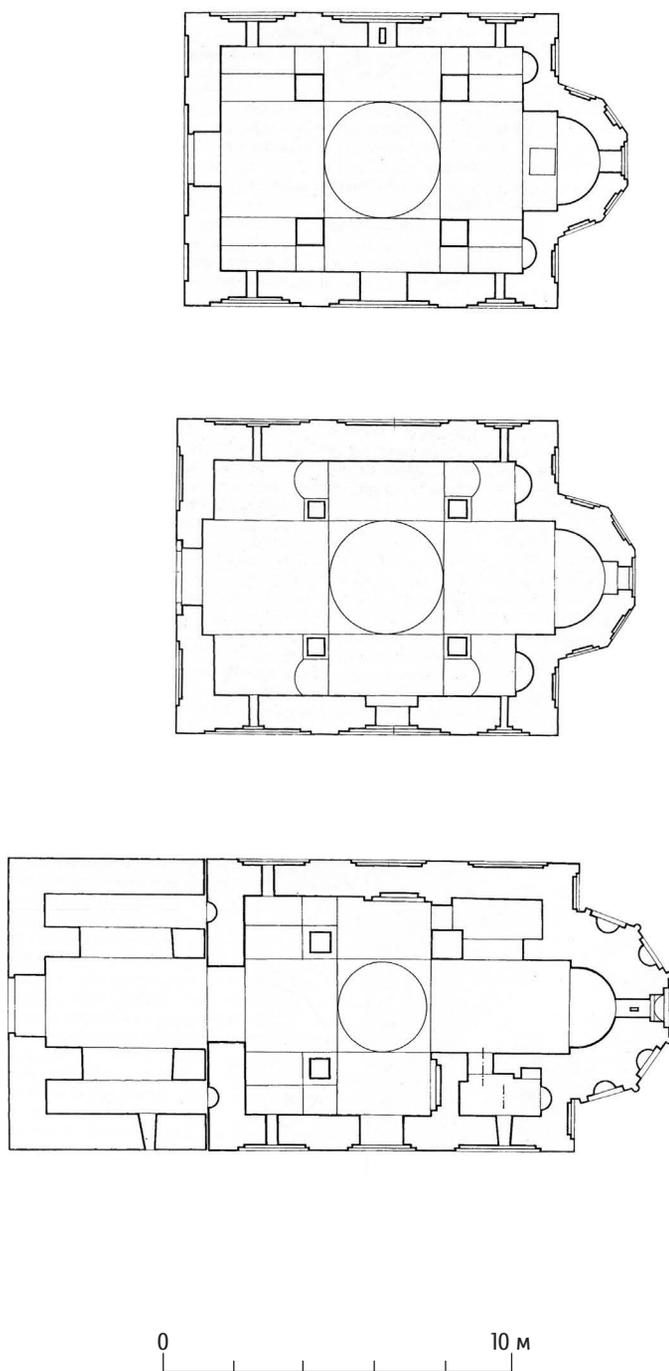
Илл. 98. Поперечные разрезы по западной трети (слева направо): церковь Рождества Богородицы в Перыни, церковь Николая на Липне, церковь Федора Стратилата на Федорове улице, церковь Спаса на Ильине улице

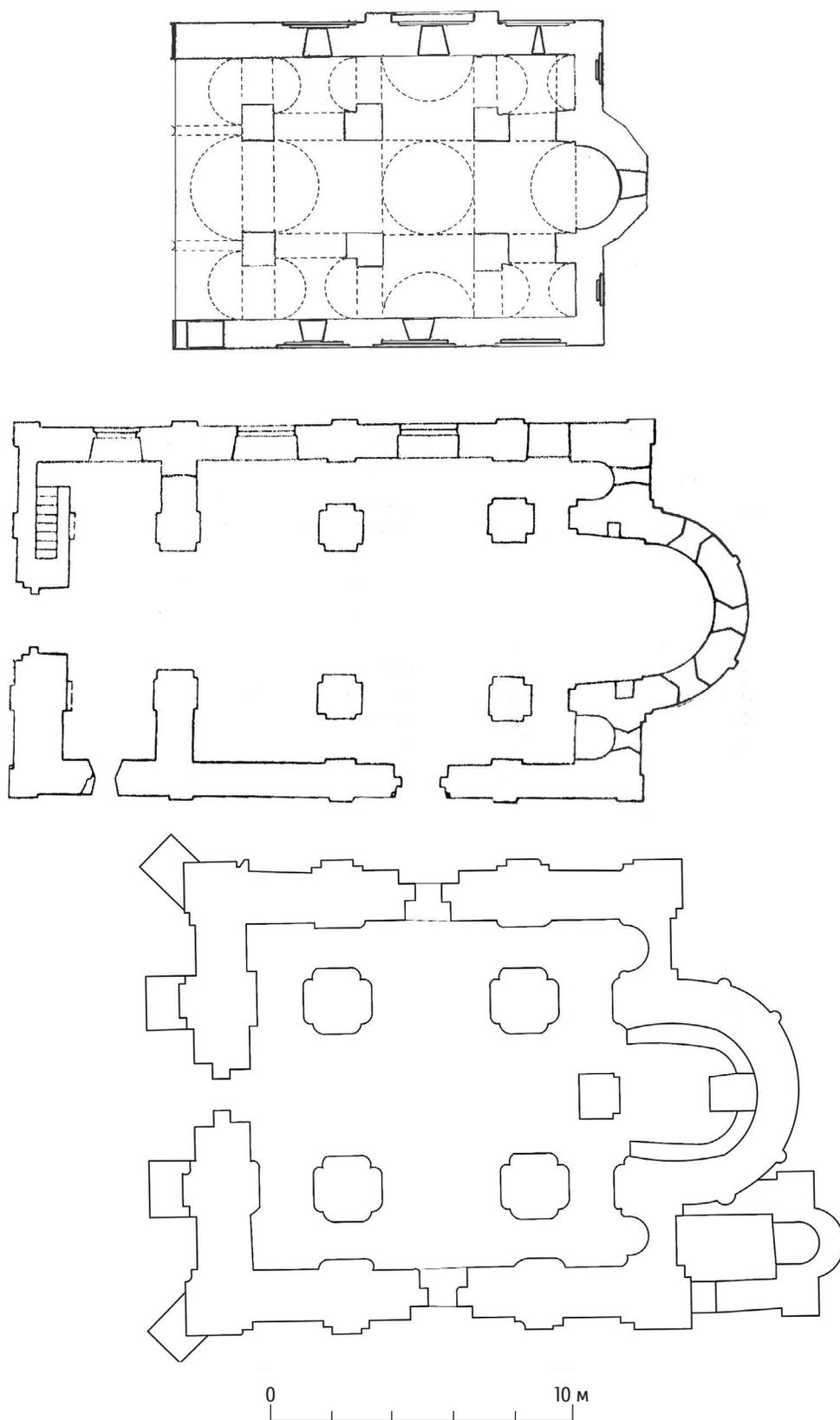
*Илл. 99. Планы новгородских храмов XIV века с двухступчатыми лопатками (сверху вниз):
церковь Входа в Иерусалим в Детинце (1336–1337 гг.),
церковь Благовещения на Городище (1342–1343 гг.),
церковь Спаса на Ильине улице (1374 г.)*

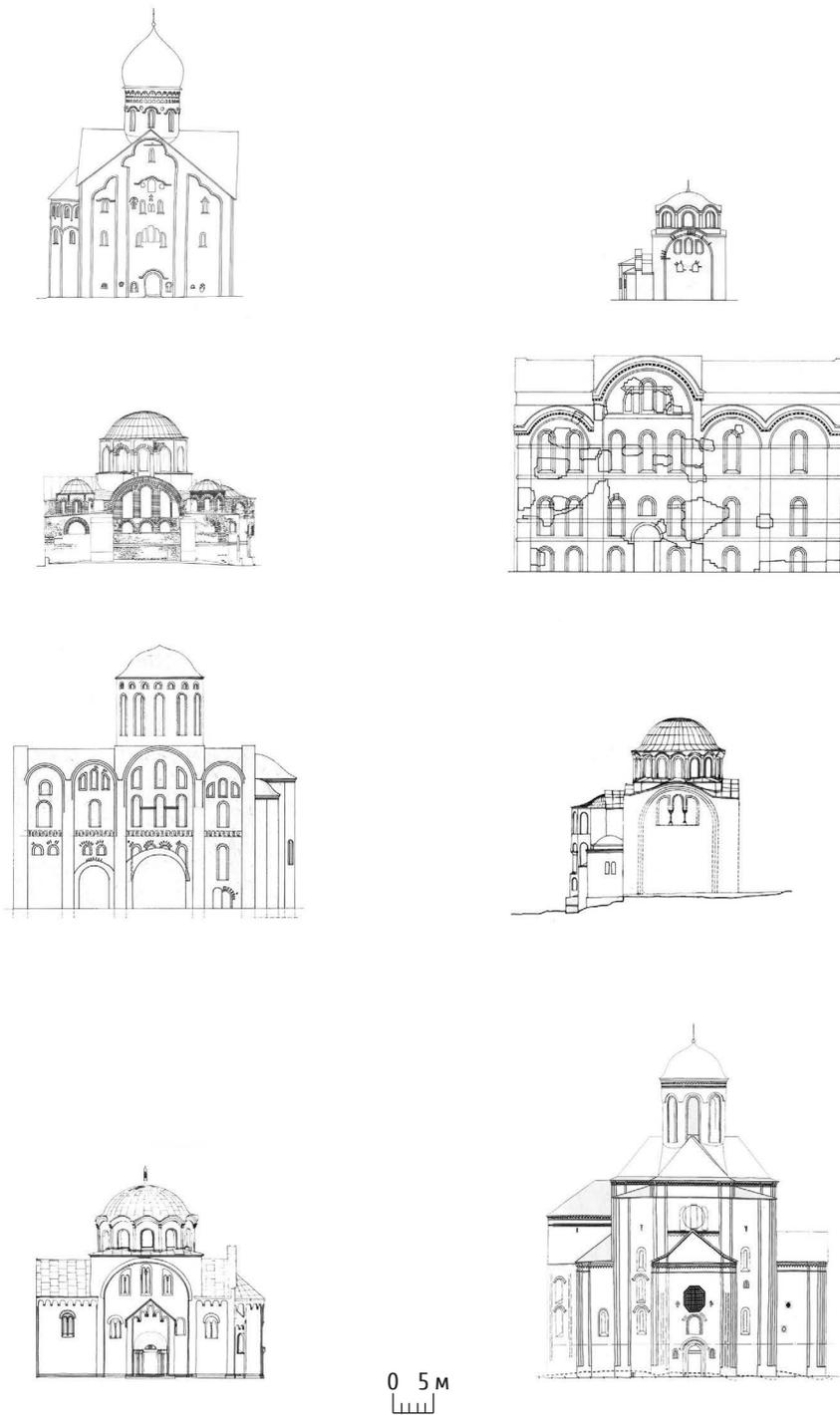
Илл. 100. Планы древнерусских храмов XII – начала XIII в. с уступчатыми лопатками (сверху вниз):
 церковь на Окопном кладбище в Смоленске (рубеж XII–XIII вв.),
 церковь Успения в Дорогобуже (вторая половина XII в.?),
 церковь Богородице на Церковище в Киеве (рубеж XII–XIII вв.)

Илл. 101. Планы храмов Македонии XIV века с уступчатыми лопатками и законченными боковыми пряслами на восточных фасадах (сверху вниз): церковь Никиты в Чучере (начало XIV в.), церковь Николы в Люботене (1337 г.), церковь Введения (Спаса) в Кучевиште (между 1332 и 1337 гг.)

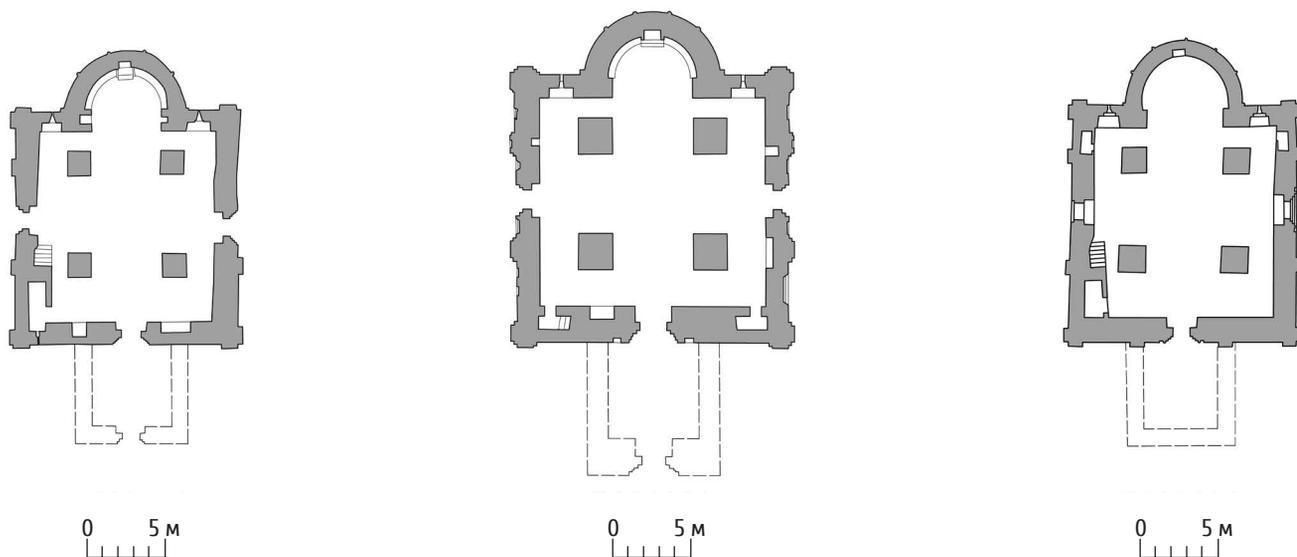
Илл. 102. Планы храмов средневизантийского времени с законченными боковыми пряслами на восточных фасадах (сверху вниз): церковь в Паталенице (XI–XII вв.), церковь Благовещения в Витебске (XII в.), церковь Иоанна Богослова в Луцке (рубеж XII–XIII вв.)

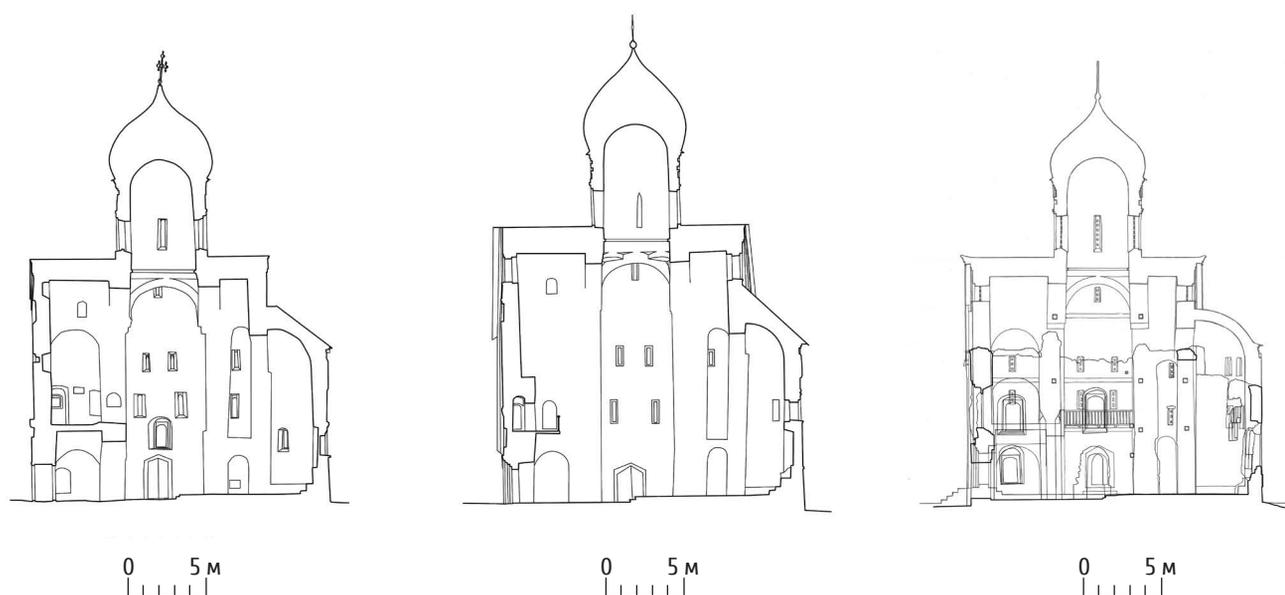
Илл. 103. Лопастные композиции на фасадах храмов Византийского мира.
 Верхний ряд: северный фасад церкви Спаса на Ильине (слева)
 и северный фасад церкви Николая в Куршумлии (справа).
 Второй ряд: южный фасад монастыря Космосотира в Вире (слева)
 и северный фасад Успенского собора Киево-Печерского монастыря (справа).
 Третий ряд: южный фасад собора Михайлово-Златоверхого монастыря в Киеве (слева)
 и северный фасад церкви монастыря Хора (Кахрие Джамии) (справа).
 Нижний ряд: южный фасад собора монастыря Студеница (слева)
 и северный фасад церкви Михаила Архангела в Смоленске (справа)

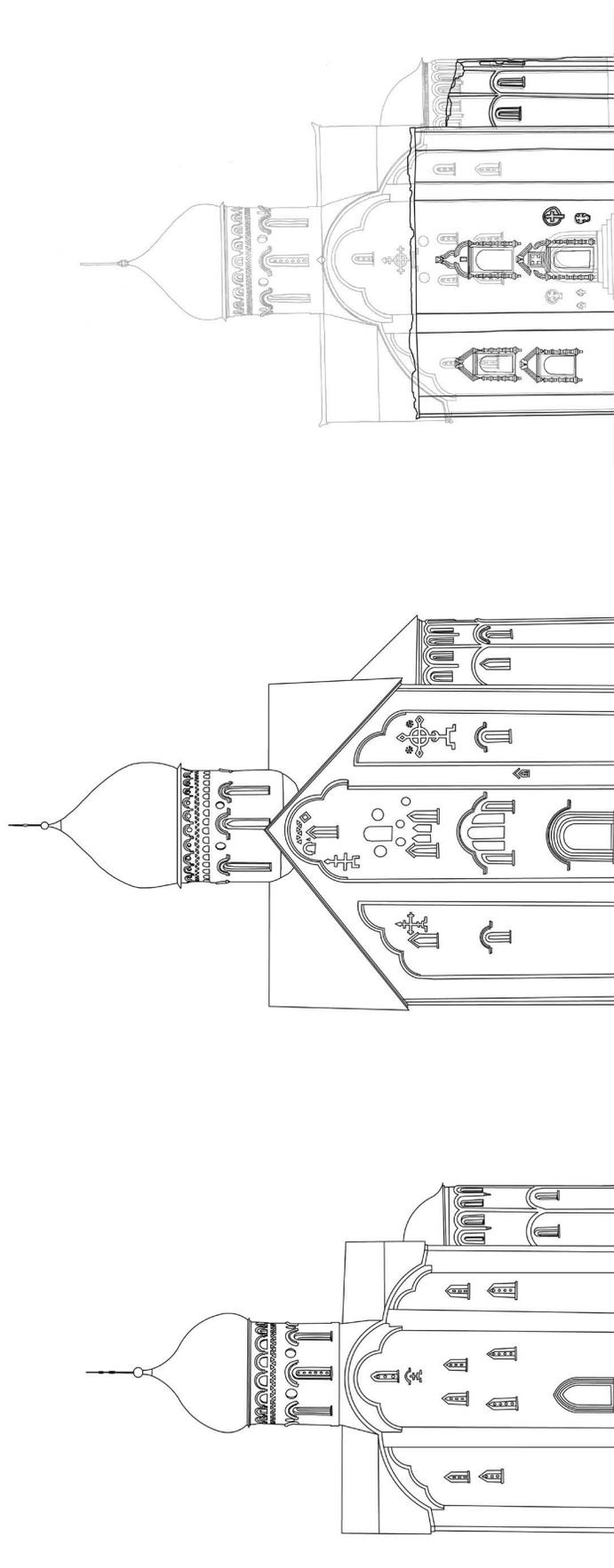
Илл. 104. Лопастные композиции на фасадах храмов XIV в.
 Верхний ряд: фрагмент южного фасада церкви Спаса на Ильине (слева)
 и фрагмент северного фасада собора монастыря в Лесново (справа)
 Нижний ряд: фрагмент северного фасада собора Маркова монастыря (слева)
 и фрагмент южного фасада церкви Николы в Люботене (справа)

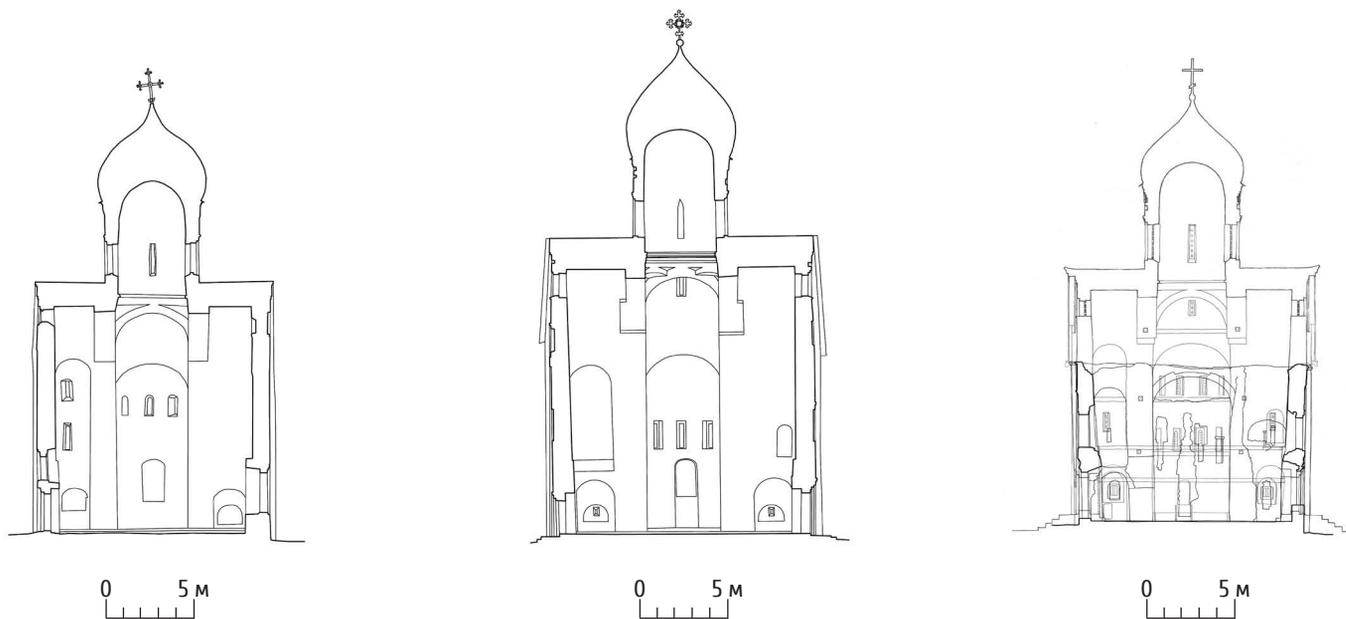
*Илл. 105. Планы трех новгородских храмов (слева направо):
 Федора Стратилата на Федорове улице (1360–1361 гг.),
 Спаса-Преображения на Ильине улице (1374 г.)
 и Рождества Богородицы на Молоткове улице (на Михалице, 1379 г.)*

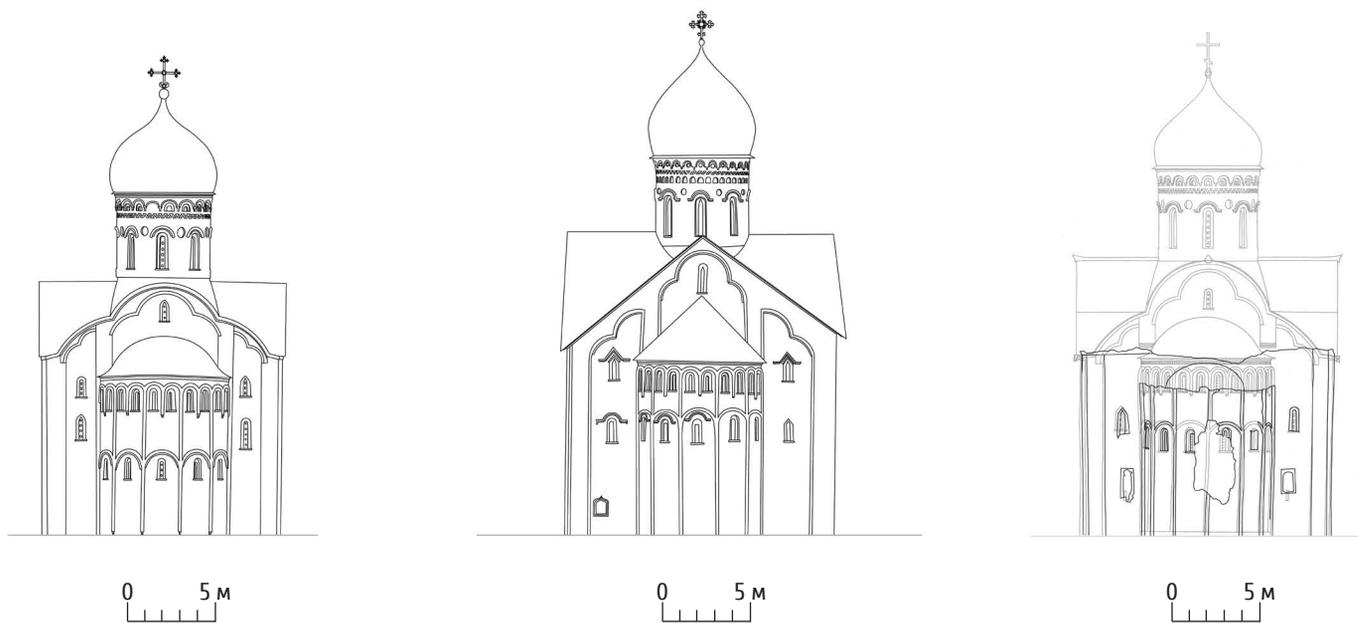
*Илл. 106. Продольные разрезы трех новгородских храмов (слева направо):
 Федора Стратилата на Федорове улице,
 Спаса-Преображения на Ильине улице и Рождества Богородицы на Молоткове улице*

Илл. 107. Южные фасады и планы трех новгородских храмов (слева направо): Федора Стратилата на Федорове улице, Спаса-Преображения на Ильине улице и Рождества Богородицы на Молоткове улице

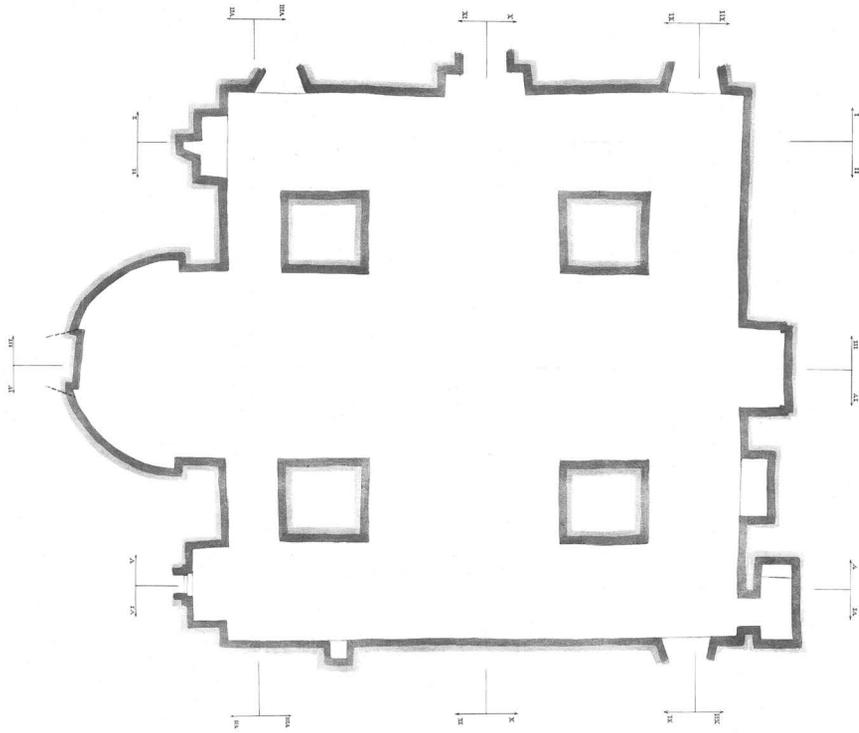
*Илл. 108. Поперечные разрезы трех новгородских храмов (слева направо):
Федора Стратилата на Федорове улице, Спаса-Преображения на Ильине улице
и Рождества Богородицы на Молоткове улице*

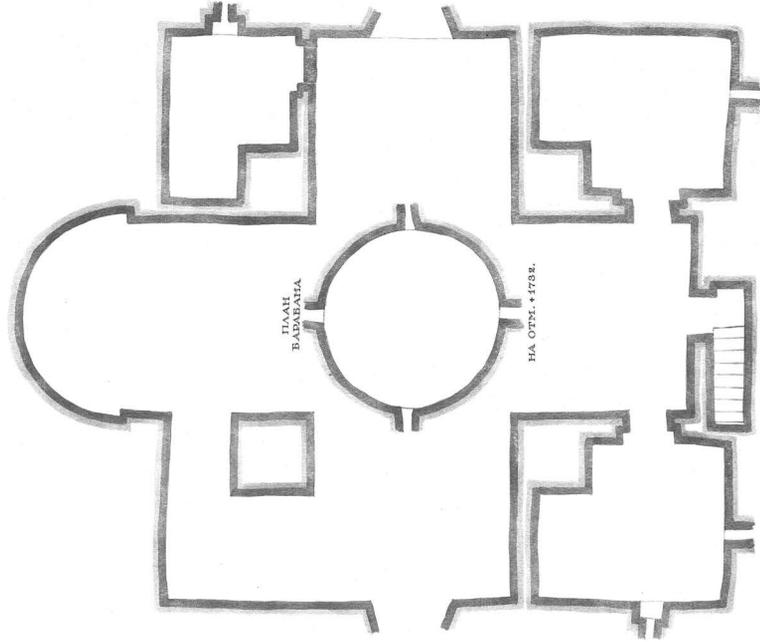
*Илл. 109. Восточные фасады и планы трех новгородских храмов (слева направо):
Федора Стратилата на Федорове улице, Спаса-Преображения на Ильине улице
и Рождества Богородицы на Молоткове улице*

Церковь Спаса - Пророка Исаия на Ильине улице
в г. Новгороде.

ПЛАН НА ОТМЕТКЕ +0,00

ПЛАН НА ОТМЕТКЕ +4,50

Составитель: Инженер-архитектор А.А. Спасский
 Проверил: Инженер-архитектор А.А. Спасский
 Директор: Ст. преподаватель И.И. Ильинский

ЖЕЛЕНА ЗА СРЕДСТВОМ 1900-1901-1902.
 НАЧ. ВОСТОЧНОЙ. *Ильинский* Ст. Давыдов С.И.
 Редактор: *Спасский* А.А. М.И. Спасский
 Сдано в печать: *А.А.* Августов Д.И.
 Объем листов: 1
 Стр. 1. А.А.

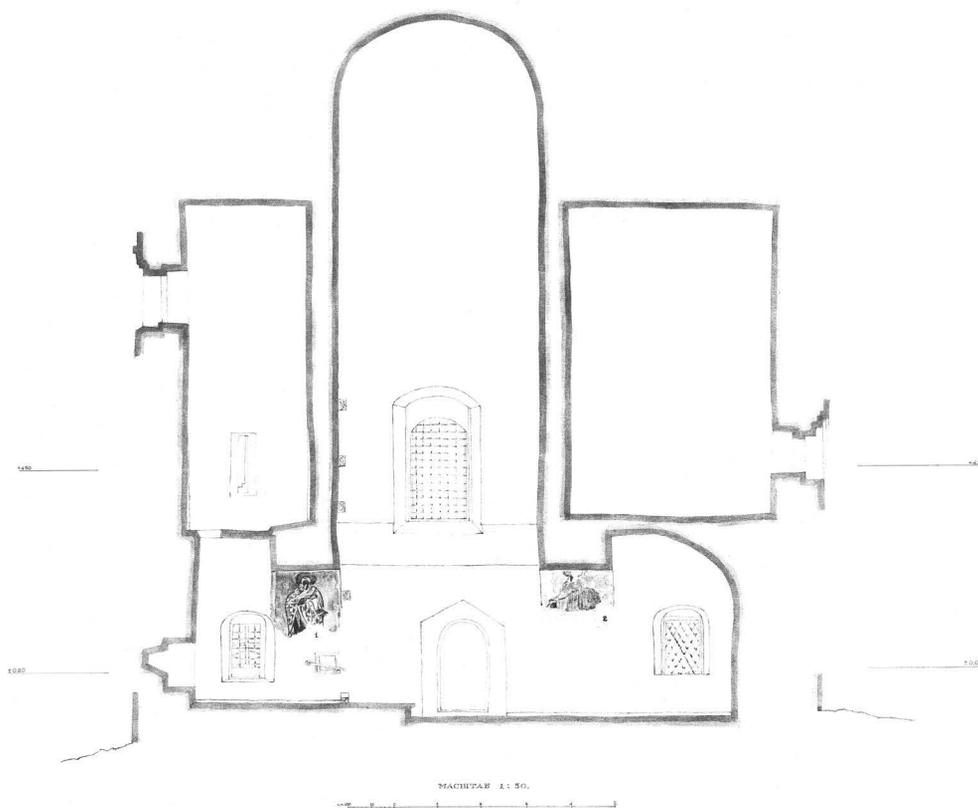
Илл. 110. Церковь Спаса на Ильине улице. План на отметке 0,00; план на отметке +4,50; план барабана на отметке +1,732. Чертеж А.Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской

Церковь Спаса - Преображения на Ильине улице.
в г. Новгороде.

СХЕМА РОСПИСИ — РАЗРЕЗ I—I

УКАЗАТЕЛЬ РОСПИСИ:

- 1. Святитель.
- 2. Кирик и Умта.

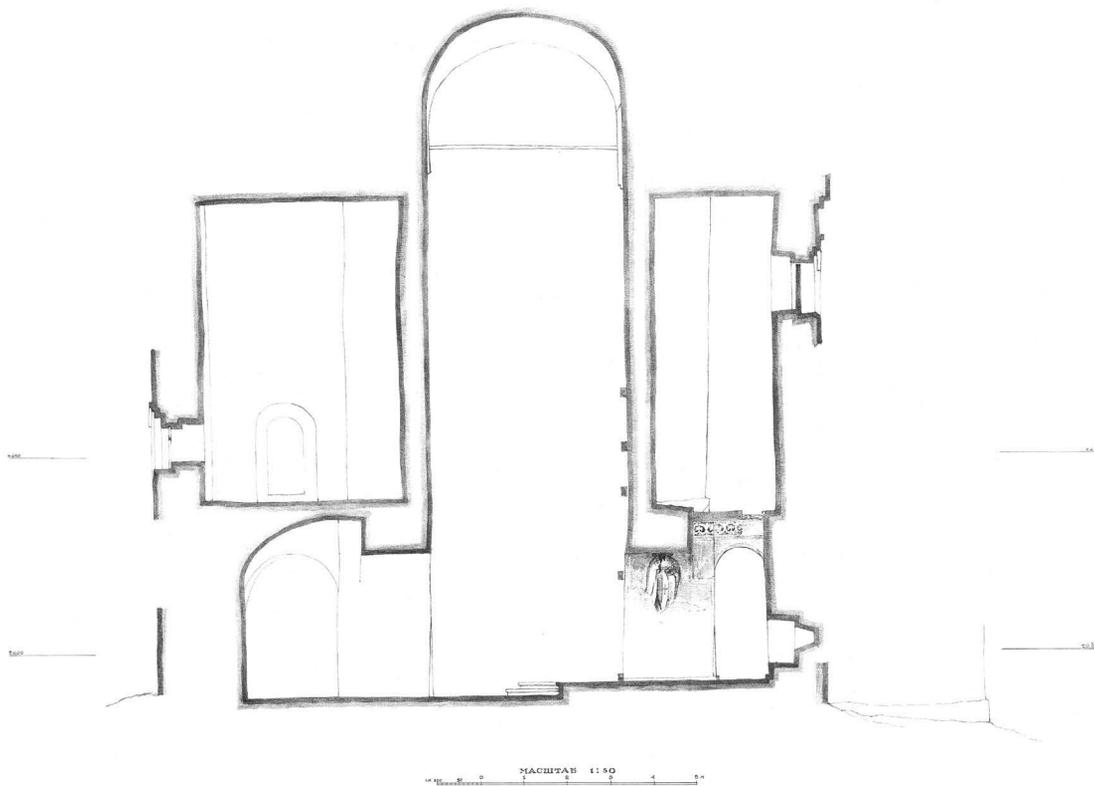
Специальный Проектно-Реставрационный Мастерская
Комитета по делам архитектуры при СН ССОР
Церковь Спаса-Преображения на Ильине улице
в г. Новгороде.
СХЕМА РОСПИСИ — РАЗРЕЗ I—I
ИЗ КОПИИ: *А. Д. Стены* С. И. Давыдов С. И.
ПРОЕКТИРОВЩИК: *А. Д. Стены* Давыдов С. И.
САМЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ: *А. Д. Стены* Стены А. Д.
План. № 54/1 1948.

Илл. 111. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез I-I (разрез по южному боковому нефу с видом на юг). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской

Церковь Спаса - Прображский на Ильине улице
в г. Новгороде.

СХЕМА РОСПИСИ.—РАЗРЕЗ II—II

- УКАЗАТЕЛЬ РОСПИСИ:
- 1. Святитель с книгой.
 - 2. Полоса орнамента.

Специальное Проектно-Реставрационное Управление
Комитета по делам архитектуры при ЦК КПСР.
Церковь Спаса - Прображский на Ильине улице
в г. Новгороде.
СХЕМА РОСПИСИ.—РАЗРЕЗ II—II
Нач. института: *Медведев С.И.* Инженер С.И.
Руководитель: *Александров С.И.* Инженер С.И.
Сквозь вышана: *Афанасий* Стена А.А.
Новгород - 1948 г.

Илл. 112. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез II-II (разрез по южному боковому нефу с видом на север). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской

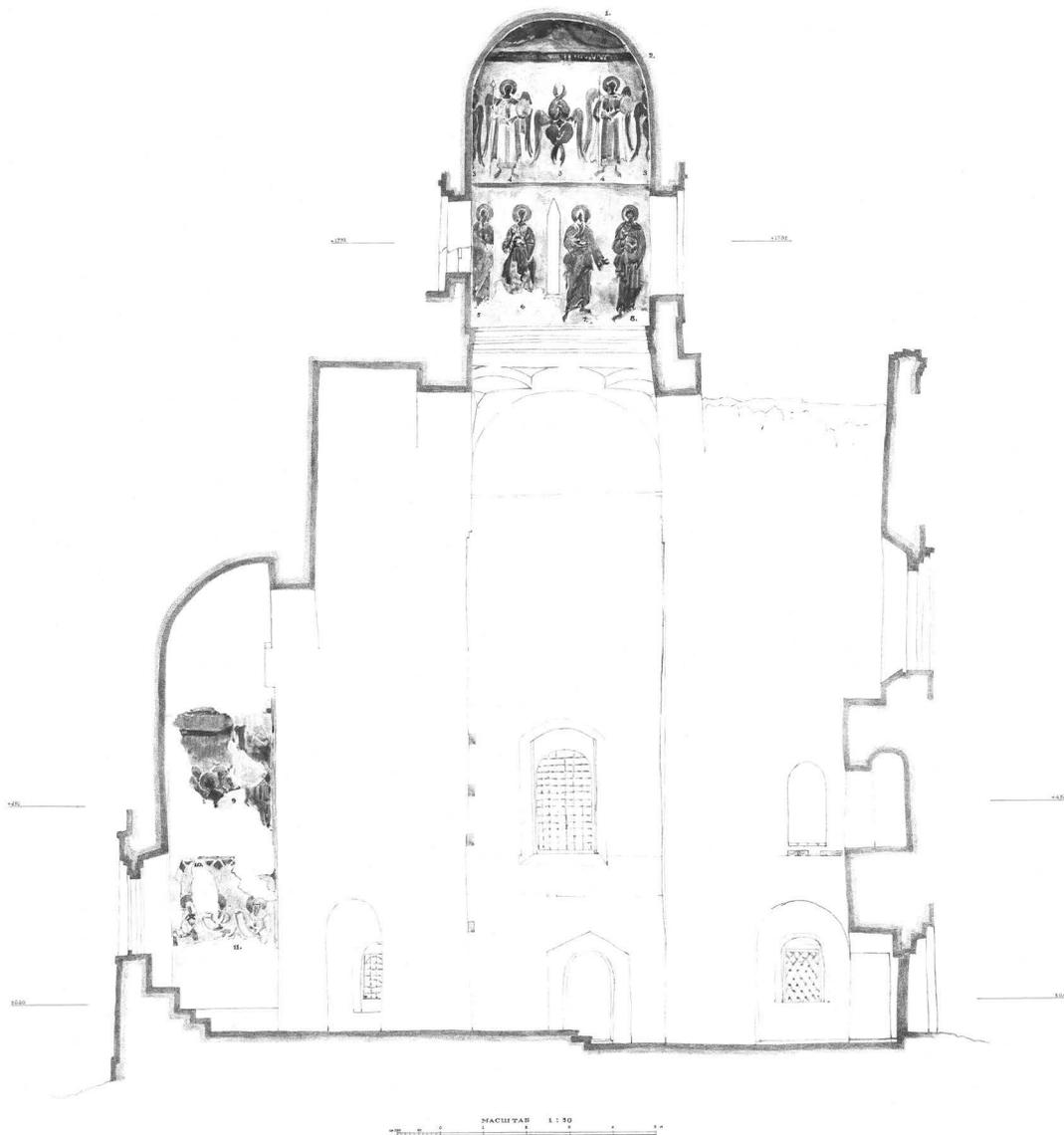
Церковь Спаса - Провождения на Ильине улице
в г. Новгороде.

СХЕМА РОСПИСИ.—РАЗРЕЗ III—III

УКАЗАТЕЛЬ РОСПИСИ:

- 1. „Вседержитель“
- 2. Текст
- 3. Серафимы
- 4. Архангелы

- 5. Пророки
- 6. ————— Авель
- 7. —————
- 8. —————
- 9. Фрагменты комп. „Евхаристия“
- 10. ————— орнаментального пояса.
- 11. ————— изобр. святителей.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРОЕКТИРОВАТЕЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ
КОПИТЕЛЯ ПО ДВАМ АКАДЕМИКАМ ИМ. С.М. СОВЕТ
ДЛЯ СЕВЕРНО-ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ
г. Новгород.

СХЕМА РОСПИСИ.—РАЗРЕЗ III—III

Исполнитель: *А. Д. Стены* Архитектор С.М.
Утвердил: *А. Д. Стены* Архитектор Ю.М.
Секретарь: *А. Д. Стены* Осеню А.А.
1948 г.

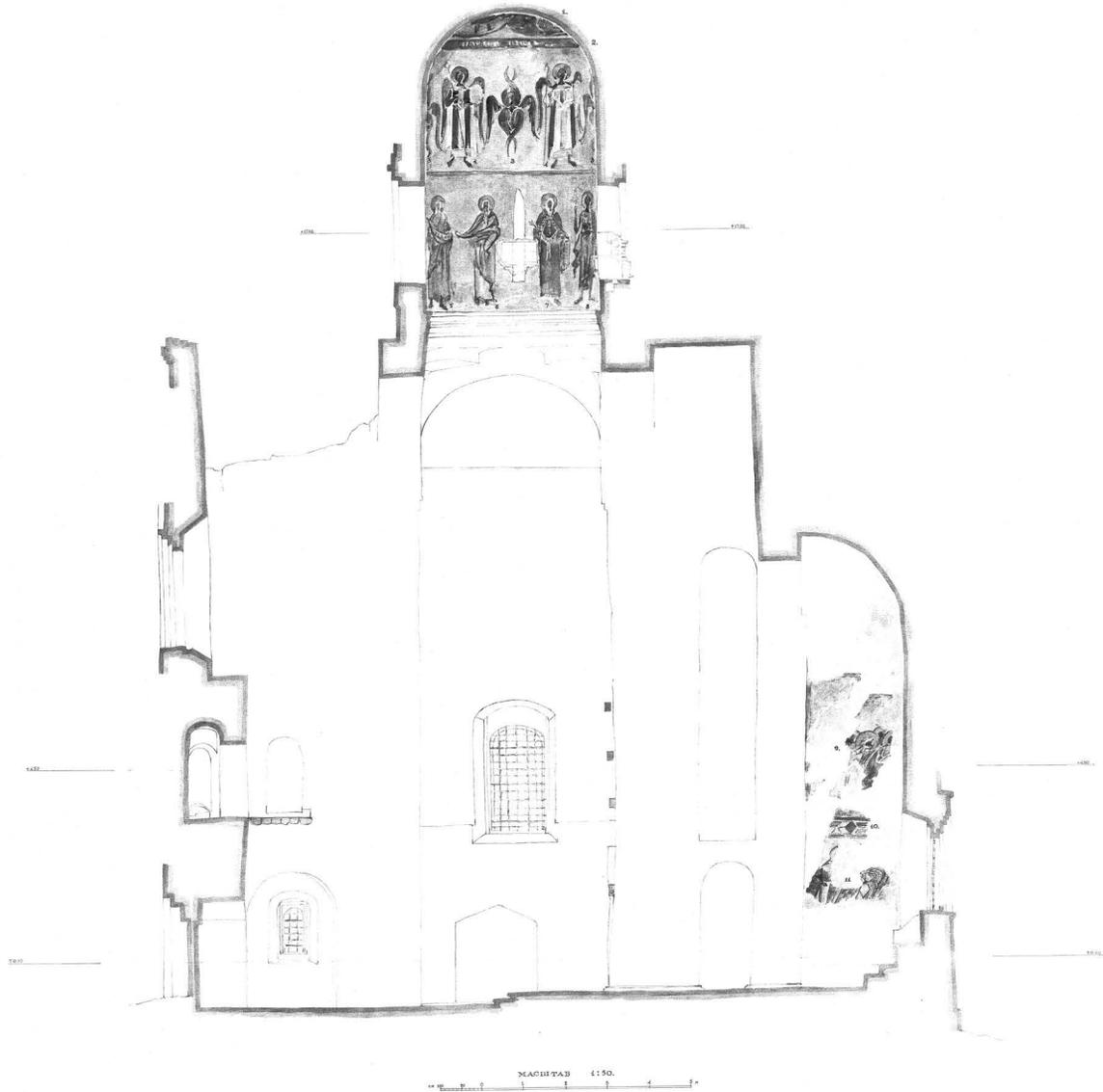
Илл. 113. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез III-III (продольный разрез с видом на юг).
Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской

Церковь Спаса - Пресобращения на Ильине улице
в г. Новгороде.

СХЕМА РОСПИСИ.—РАЗРЕЗ IV—IV

- УКАЗАТЕЛЬ РОСПИСИ:
1. Вседержитель
 2. Текст
 3. Серафимы
 4. Архангелы
 5. Пророк Ной

6. Пророк Мефиссаек
7. Пророк Иамв.
8. Пророк Св.
9. Фрагменты композиции „Божия Милость“
10. Орнаментальный пояс.
11. Святители (фрагменты).

Специальная Проектно-Реставрационная Мастерская
Комитета по делам архитектуры при СМ СССР
Церковь Спаса - Пресобращения на Ильине улице
в г. Новгороде
СХЕМА РОСПИСИ.—РАЗРЕЗ IV—IV
Идею разработали: А.Д. Стены, Л.В. Мухоморова, Г.Н. Давыдов
Утвердили: А.Д. Стены, Г.Н. Давыдов
Сквозь масштаб: А.Д. Стены
1948 г.

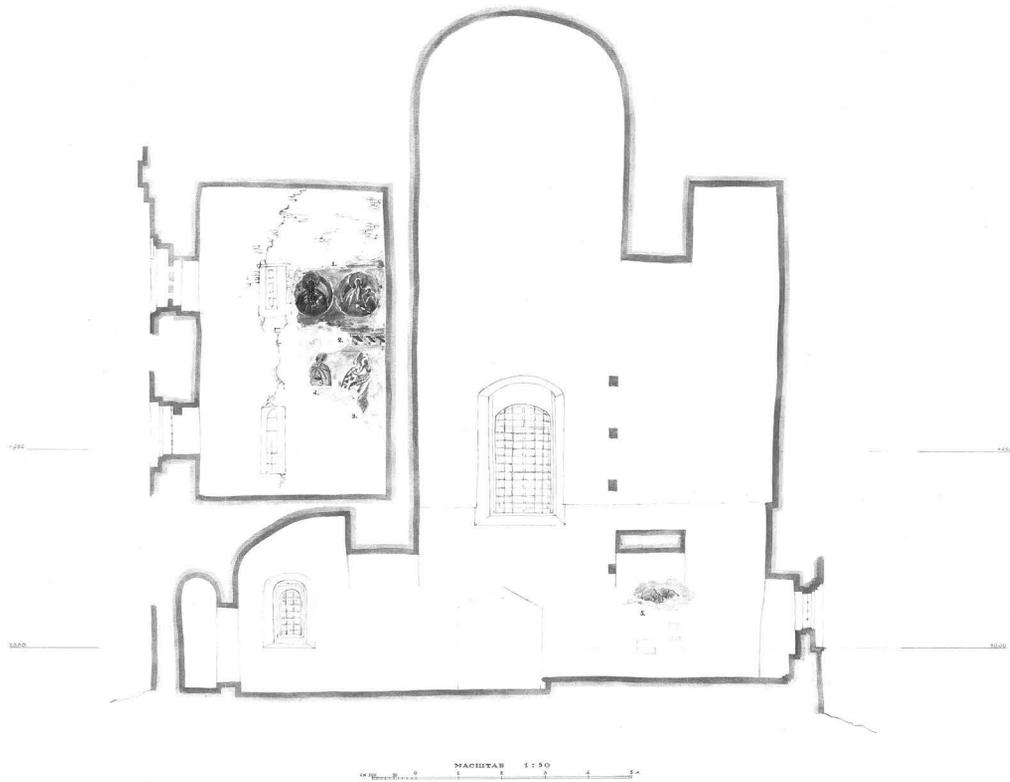
Илл. 114. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез IV-IV (продольный разрез с видом на север). Чертеж А.Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской

Церковь Спаса-Преображения на Ильине улице
в г. Новгороде.

СХЕМА РОСПИСИ.—РАЗРЕЗ VI—VI

УКАЗАТЕЛЬ РОСПИСИ:

- 1. Два протна в медальонах.
- 2. Ориентальный пояс.
- 3. Святитель со свитком.
- 4. Фрагмент женской фигуры.
- 5. ———— святительской одежды.

Специальная Проектно-Реставрационная Мастерская
Комитета по делам Академии наук при СМ СССР
Мастерская Спаса-Преображения на Ильине улице
в г. Новгороде
СХЕМА РОСПИСИ.—РАЗРЕЗ VI—VI
Исполнитель: *А. Д. Стены* С. И. Давыдов С. И.
Проектировщик: *А. Д. Стены* Давыдов С. И.
Секрет. мастерской: *А. Д. Стены* С. И. Давыдов
1948 г.

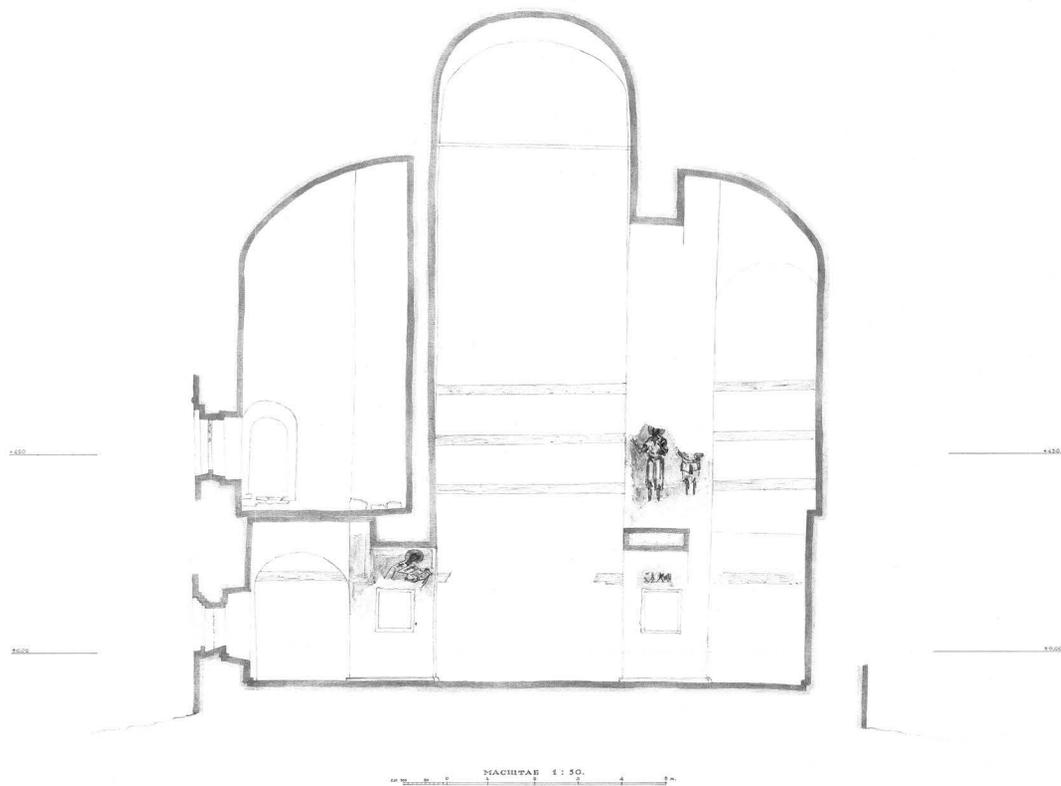
Илл. 116. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез VI-VI (разрез по северному боковому нефу с видом на север). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской

Церковь Спаса - Пресобращения на Ильине улице
в г. Новгороде.

СХЕМА РОСПИСИ - РАЗРЕЗ VIII-VIII

УКАЗАТЕЛЬ РОСПИСИ:

- 1. Две фигуры святых
- 2. Фрагмент святительской одески
- 3. Святитель со свитком.

Специальная Проектно-Реставрационная Мастерская
Комитета по делам Архитектуры при СН СРСР
Церковь Спаса-Пресобращения на Ильине улице
в г. Новгороде
СХЕМА РОСПИСИ - РАЗРЕЗ VIII-VIII
Илл. 118
Утверждена: *А. Д. Стены* Инж. Архитектор С. И.
Секрет-Мастерская: *А. Д. Стены* Инженер Д. И.
Секрет-Мастерская: *А. Д. Стены* Секрет. А. Д.
Новгород, 1948 г.

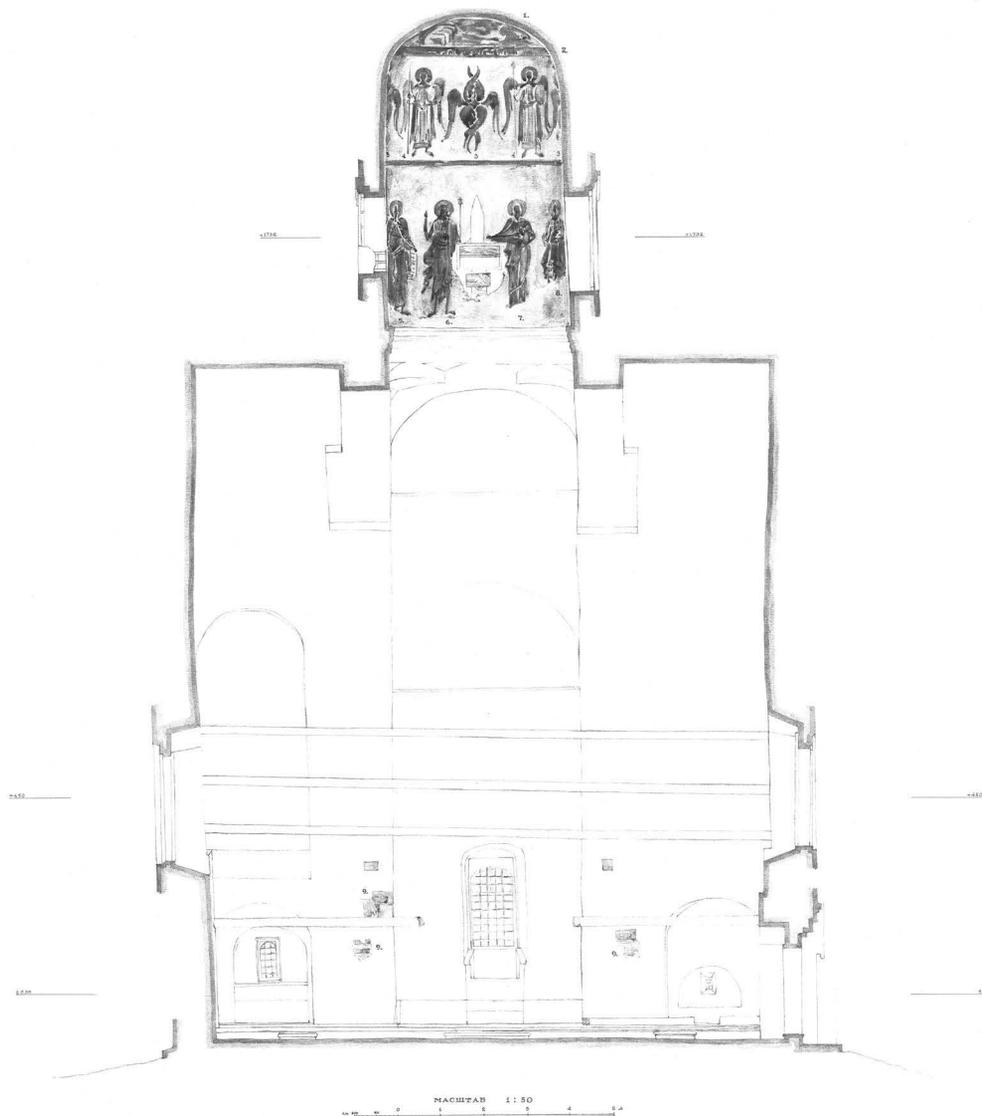
Илл. 118. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез VIII-VIII (разрез по восточной трети с видом на запад). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской

Церковь Спаса - Преображения на Ильине улице
в г. Новгороде.

СХЕМА РОСПИСИ — РАЗРЕЗ IX—IX

- УКАЗАТЕЛЬ РОСПИСИ:
1. „Вседержитель“.
 2. Текст.
 3. Серафимы.
 4. Архангелы.

5. Пророк Иамия.
6. Предтеча.
7. Пророк.
8. — — Авель.
9. Фрагменты святительских одежд (?)

Специальный Проект Реставрационных Мастерских
Комитета по делам архитектуры при СН СССР
Церковь Спаса-Преображения на Ильине улице
в г. Новгороде.
СХЕМА РОСПИСИ — РАЗРЕЗ IX—IX
Исполнитель: *А. Д. Стены* инж. Левин С. И.
Рисованная: *А. Д. Стены* Дитурба Ю. И.
Сметы и расчеты: *А. Д. Стены* Стены А. А.
1948 г.

Илл. 119. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез IX-IX (поперечный разрез с видом на восток).
Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской

Церковь Спаса - Преображения на Ильине улице,
в г. Новгороде.

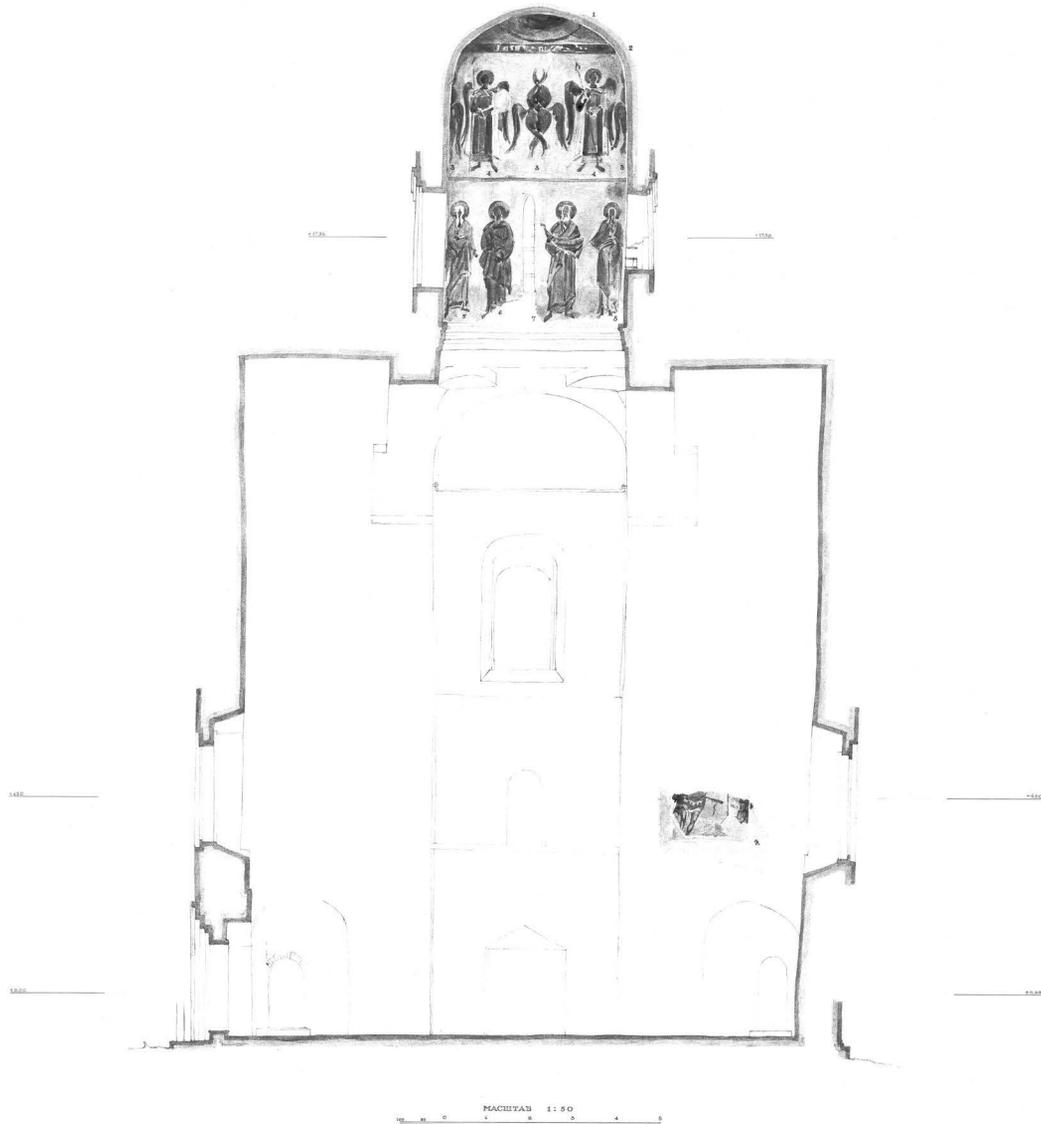
СХЕМА РОСПИСИ.—РАЗРЕЗ X—X

УКАЗАТЕЛЬ РОСПИСИ:

1. „Вседержитель“
2. Текст.
3. Серафимы.
4. Архангелы.

1. Протои

2. — Ной.
3. — Мельхиседек.
4. Фрагменты двух фигур воинов.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ ПЕЧАТНИКОВИНА ИЛИ УСТРОИТЕЛЯ
КОПИРОВАНО ПО ЗАКАЗУ АРХИТЕКТУРЫ ПРИ СМ СССР
Церковь Спаса - Преображения на Ильине улице
в г. Новгороде.
СХЕМА РОСПИСИ.—РАЗРЕЗ X—X
ИМ. ИСТОРИКОВ: *А. Д. Стены* С. И. Давыдов С. И.
РУКОВОДИТЕЛЬ РАБОТ: *А. Д. Стены* Директор Д. И.
СМЕРЬ ИСТОРИКОВ: *А. Д. Стены* Сечка А. Д.
Человек 1948 г.

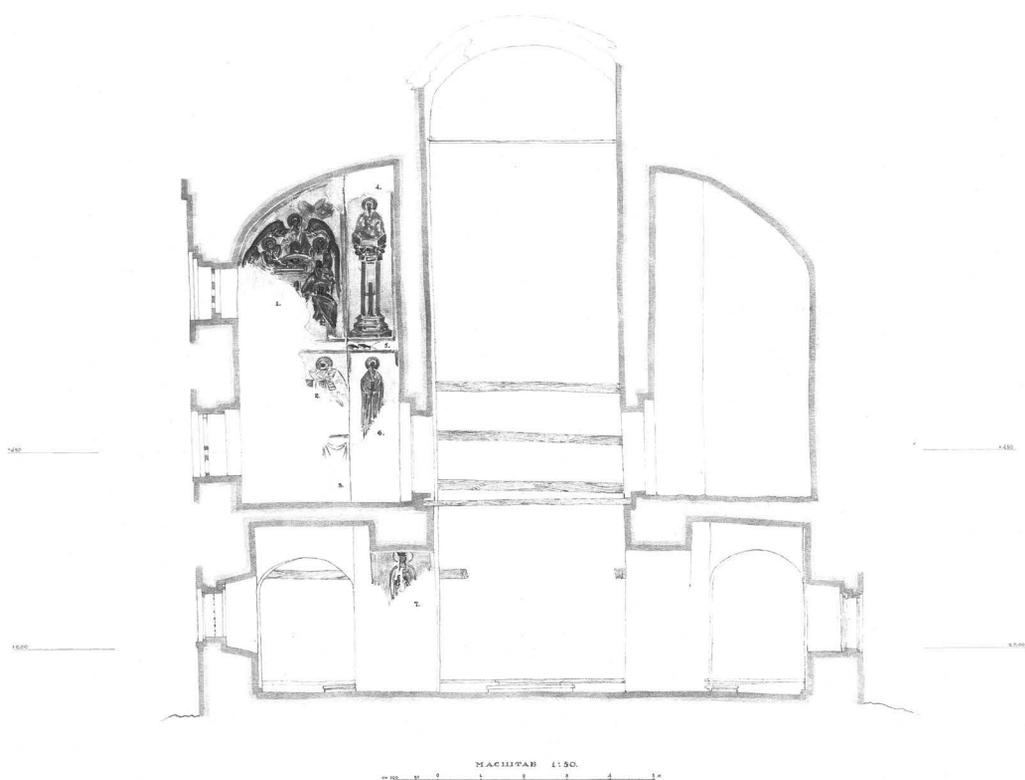
Илл. 120. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез X-X (поперечный разрез с видом на запад).
Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской

Церковь Спаса-Преображения на Ильине улице
в г. Новгороде.

СХЕМА РОСПИСИ—РАЗРЕЗ XI—XI

УКАЗАТЕЛЬ РОСПИСИ:

1. Троица.
2. Святитель.
3. Педана.
4. Столпник.
5. Оризментальный пояс.
6. Святой с кингой.
7. Мученица в венце.

ОСНОВАННАЯ ПРОЕКЦИЯ РЕСТАВРАЦИОННОЙ МАСТЕРСКОЙ
КОМПЛЕКСА НА ДАВНО АРХИТЕКТУРНОМ ФУНДАМЕНТЕ
Церковь Спаса-Преображения на Ильине улице
в г. Новгороде
СХЕМА РОСПИСИ—РАЗРЕЗ XI—XI
ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА
РЕСТАВРАЦИОННОЙ МАСТЕРСКОЙ
СВЯТЫХ МЕДИАНСКИХ
1948 г.

Инж. Давыдов С. И.
Инженер В. И.
Стены А. Д.

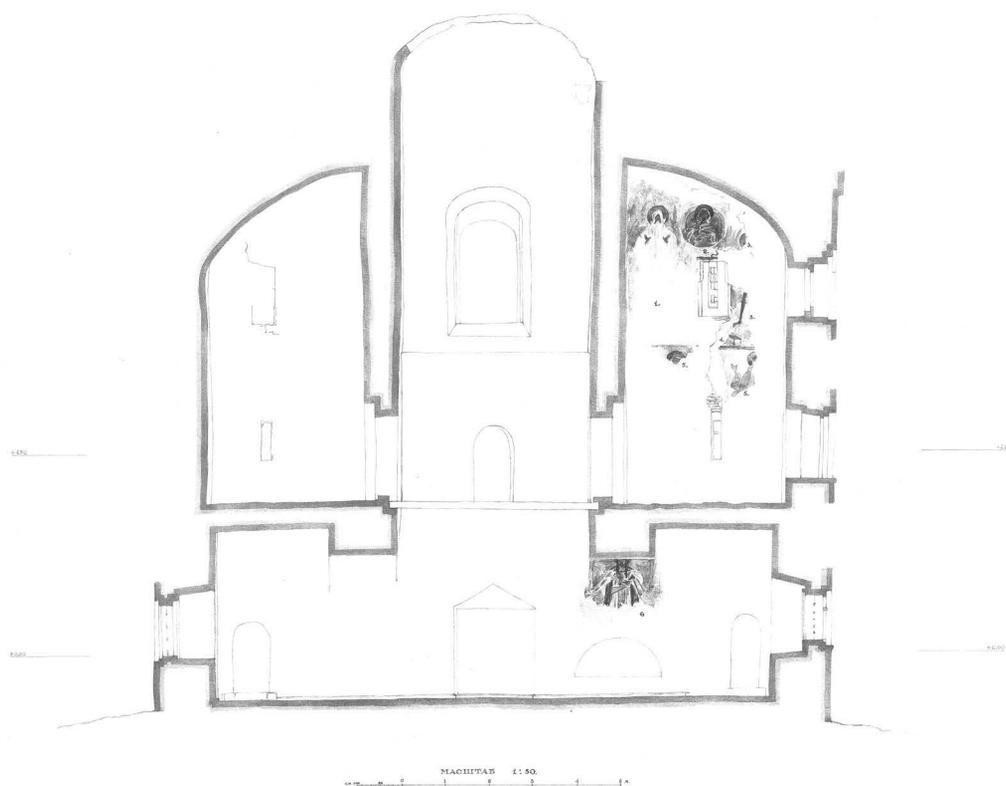
Илл. 121. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез XI—XI (разрез по западной трети с видом на восток). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской

Церковь Спаса - Преображения на Ильине улице
в г. Новгороде.

СХЕМА РОСПИСИ-РАЗРЕЗ XII-XIII

УКАЗАТЕЛЬ РОСПИСИ:

1. Макарий.
2. Мученик Акакий.
3. Фрагмент изобр. пустынника.
4. ——— орнаментального пояса.
5. Фрагменты фигур святых.
6. Святая жена в царской одежде.

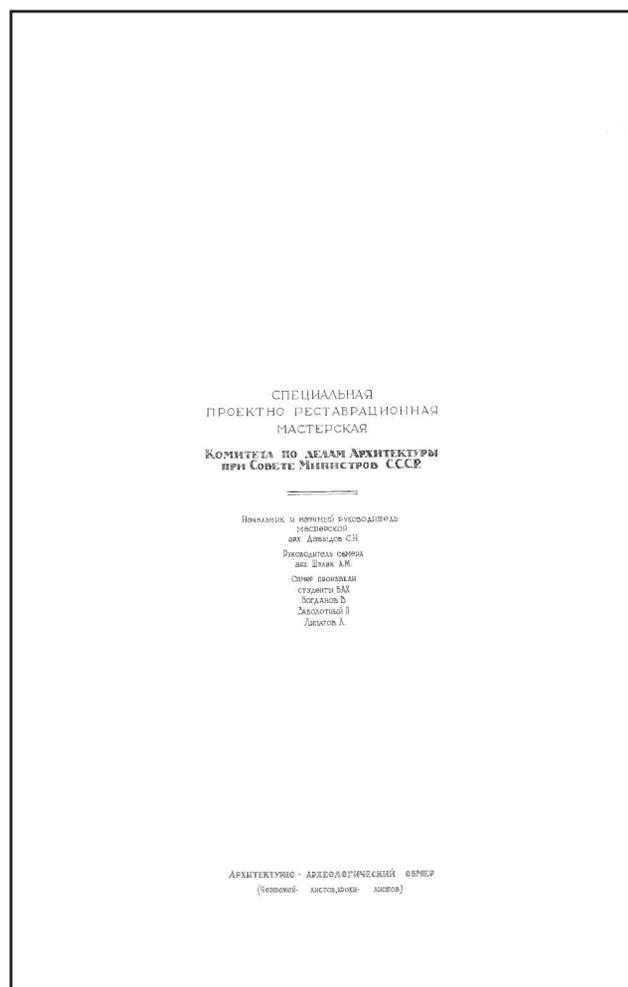
СПЕЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ МАСТЕРСКАЯ
КОПИИСТА ГОС. АКАД. АРХИТЕКТУРЫ ПРИ СМ СССР
Церковь Спаса - Преображения на Ильине улице
в г. Новгороде.
СХЕМА РОСПИСИ - РАЗРЕЗ XII-XIII
Исполнитель: *А. Д. Стены* Инж. Леонид С. И.
Утверждена: *А. Д. Стены* Инж. Леонид С. И.
Сектор живописи: *А. Д. Стены* Инж. Леонид С. И.
Сектор мебели: *А. Д. Стены* Инж. Леонид С. И.
Дата: 1948 г.

Илл. 122. Церковь Спаса на Ильине улице. Схема росписи. Разрез XII-XIII (разрез по западной трети с видом на запад). Чертеж А. Д. Стены. 1948 г. Архив Новгородской реставрационной мастерской

Обмер церкви Спаса на Ильине улице. 1948 г.
Под руководством Л. М. Шуляк, П. М. Заболотный, В. В. Богданов, Л. С. Липатов

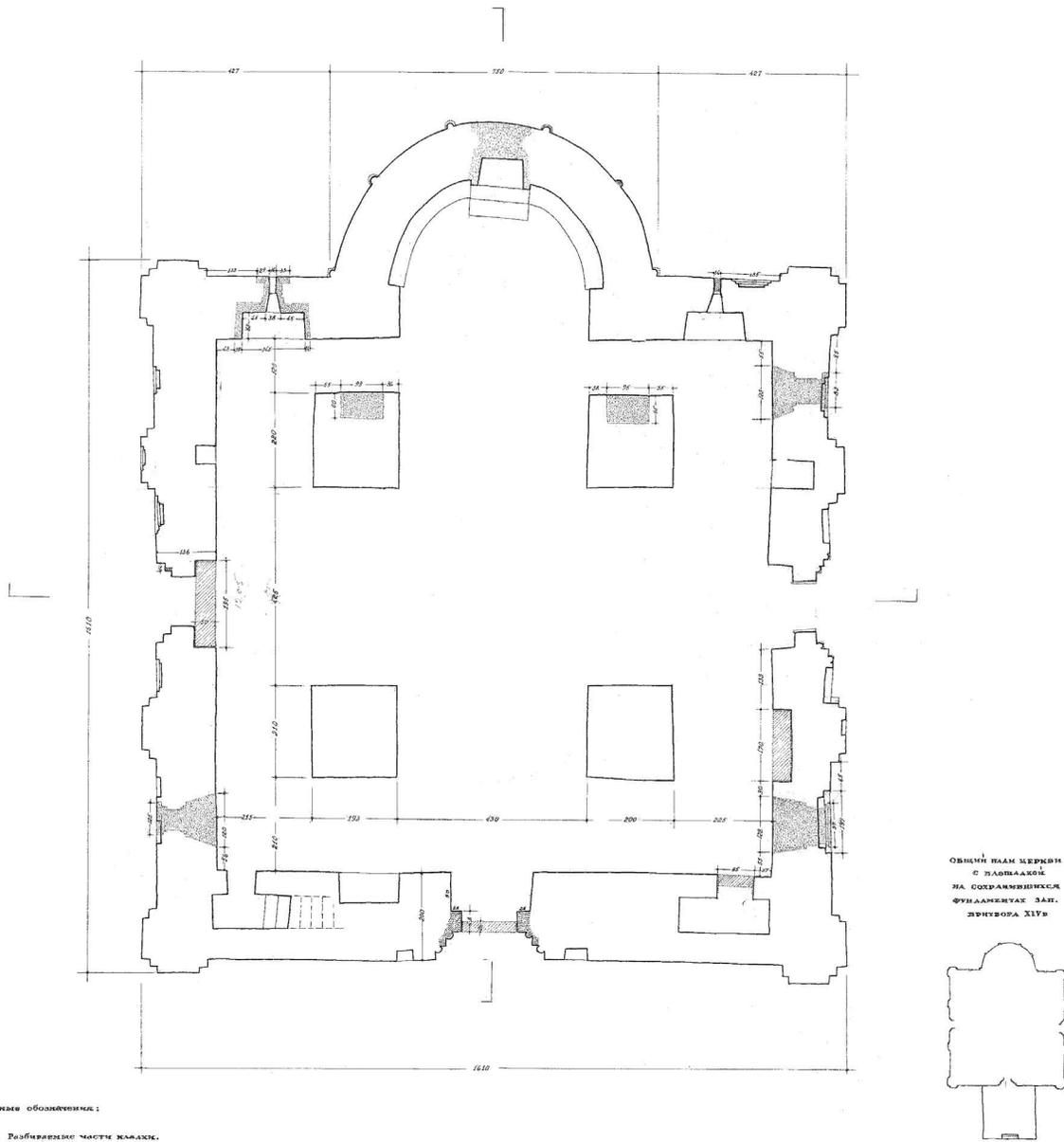
Илл. 123. Титульный лист

Илл. 124. Обрат титула

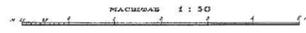
Церковь Св. Спаса-Преображения на Ильине улице
- в г. Новгороде.

ПЛАН ЦЕРКВИ

Условные обозначения:
 Разбиваемые части каменки.
 Восстанавливаемые части каменки.

Примечание:
 Ничего из каменки не восстановлено.

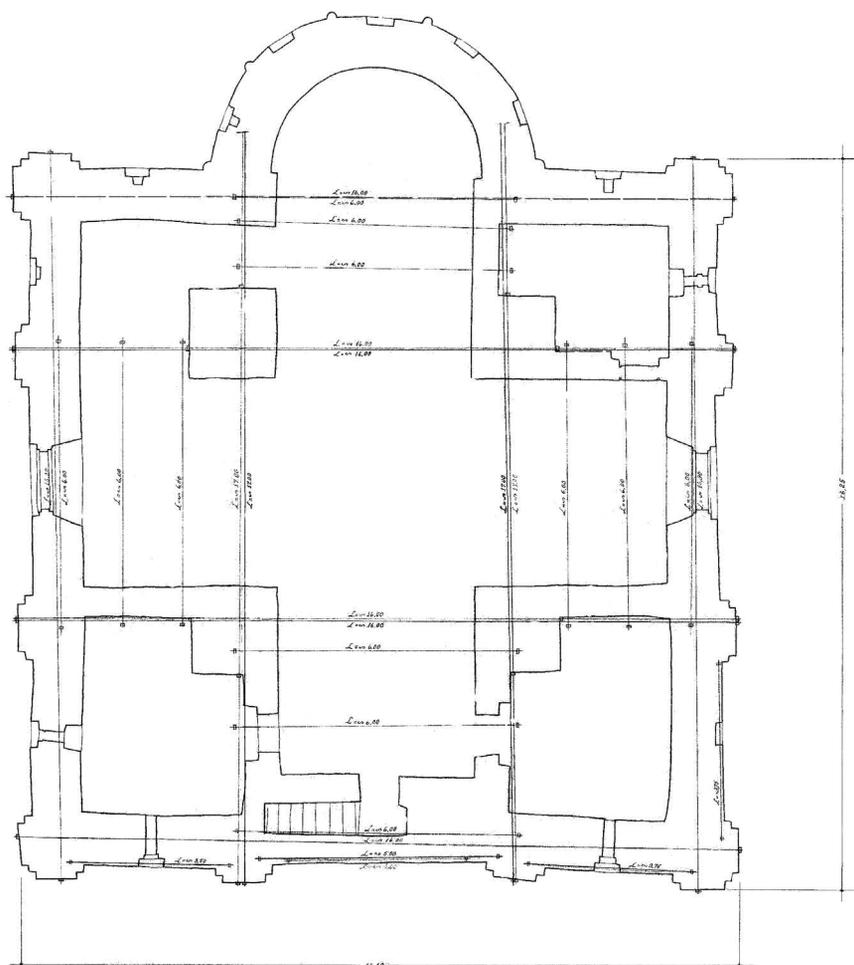

ОБЩИЙ ПЛАН ЦЕРКВИ
 С ПЛАНАМИ
 НА СОХРАНИТЕЛЬСКОМ
 ФУНДАМЕНТАХ ЗАП.
 ПОЛУБОКА XIV

СРЕДСТВОМ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ
 ЗАДАЧИ ПО ПЛАНАМ АРХИТЕКТУРЫ ИЛИ СХЕМЫ
 Для Св.-Спаса-Преображения на Ильине ул. в г. Новгороде
 Проект архитектора
 С. И. ИВАНОВА
 Исполнитель: Давыдов С. И., Гринин А. Г., Шильов А. И.
 1950 г.

Илл. 125. План церкви (лист 1)

ПЛАН РАСПОЛОЖЕНИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Существующие металлические связи Новые усиленные металлические связи на плоского железя Железо-бетонные связи, поставленные в 1946.

- Связи на ошн. +6.00 (упреждаю)
- Связи на ошн. +11.50 (уширл пол-пожизных стоек).
- Связи на ошн. +12.00
- Связи на ошн. +12.56
- Связи на ошн. +11.50 (по чертёку)
- Связи на ошн. +13.00 (уширл сводов)
- Связи на ошн. +6.00

Числовая 1:50

Примечания:

1. Новые металлические связи и их уширл выполняются в соответствии с чертежом существующих стоек.
2. План привязан к уровню +4.00

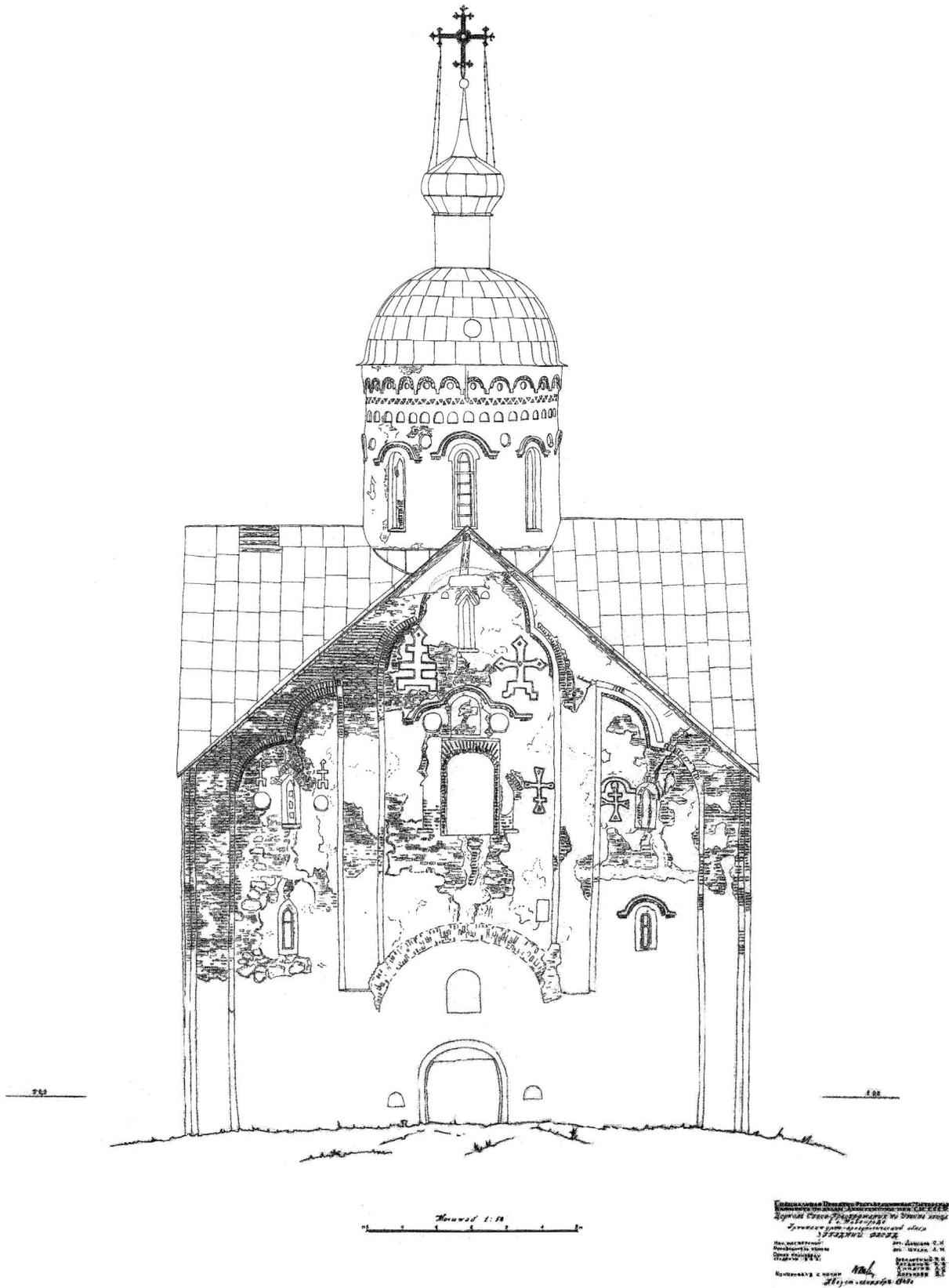
Составитель: Марко Д. С. (подпись)
 Инженер-проектировщик: С. Н. (подпись)
 Автор проекта: А. М. (подпись)

Инженер: Акимов С. Н.
 Инженер: Гринин Д. Г.
 Автор проекта: Шалин А. М.
 1950 г.

Илл. 128. План расположения металлических связей (лист 3)

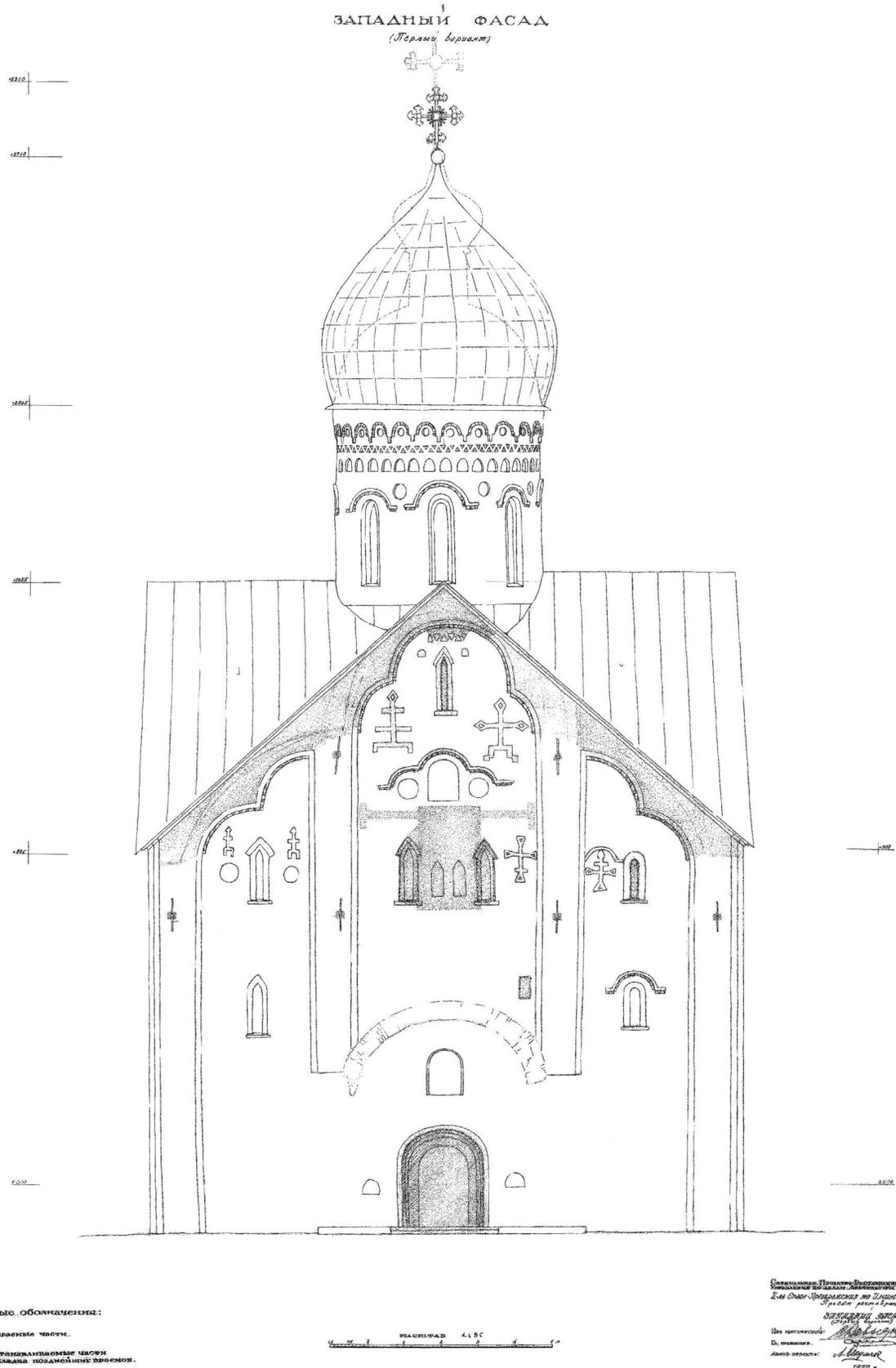
Церковь Спасо-Преображения на Члвине у ж. д.
п. в. Новоорольс

ЗАПАДНЫЙ ФАСАД

Илл. 129. Западный фасад с раскрытой кладкой (лист 4)

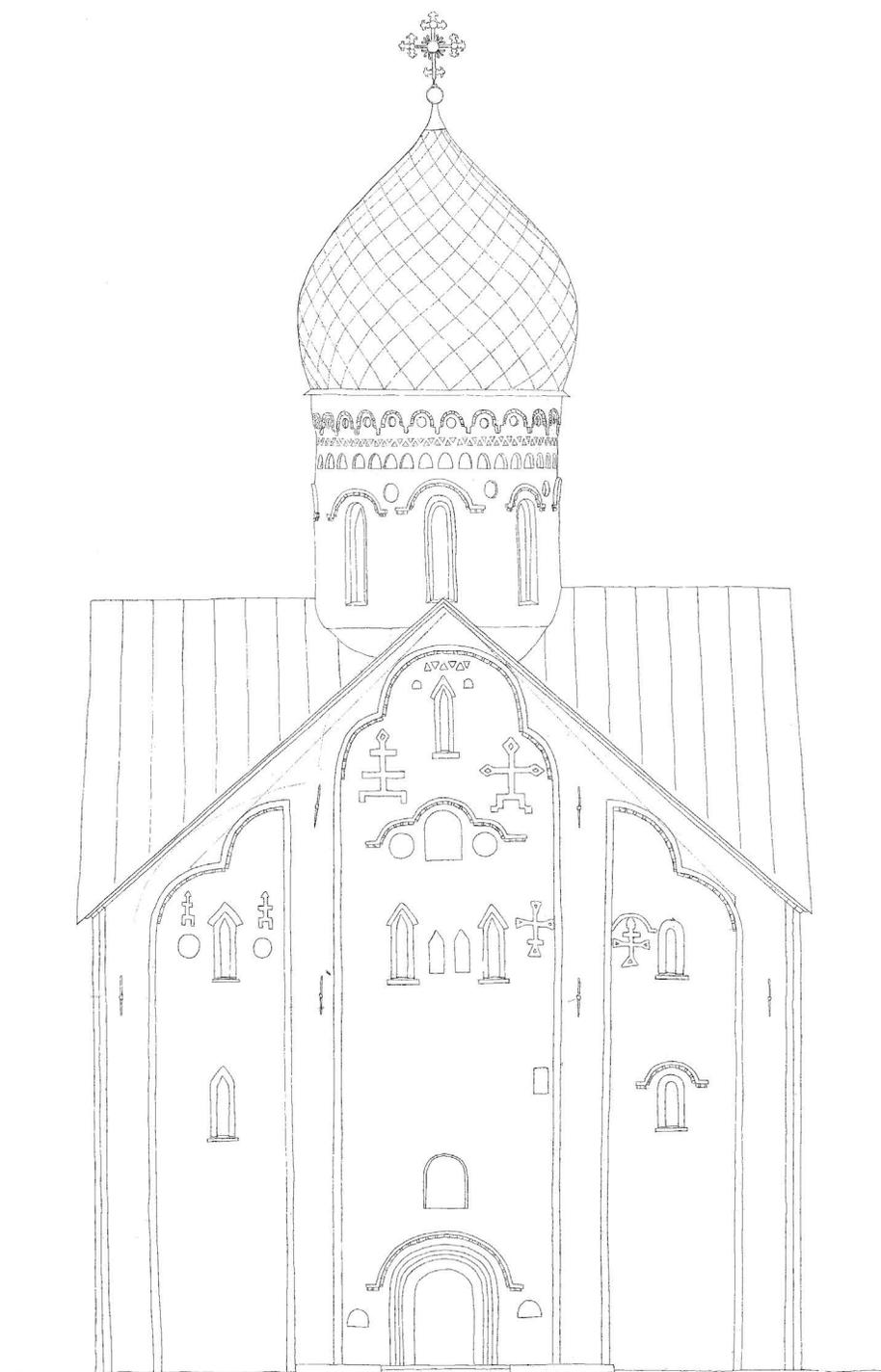
Церковь Спаса-Преображения на Ильинке улице в г. Вологоре.

Илл. 130. Западный фасад (первый вариант) с дополнениями (лист 9)

Церковь Св. Спаса-Преображения на Шлиме улице в г. Новгород.

ЗАПАДНЫЙ ФАСАД
(Второй вариант)

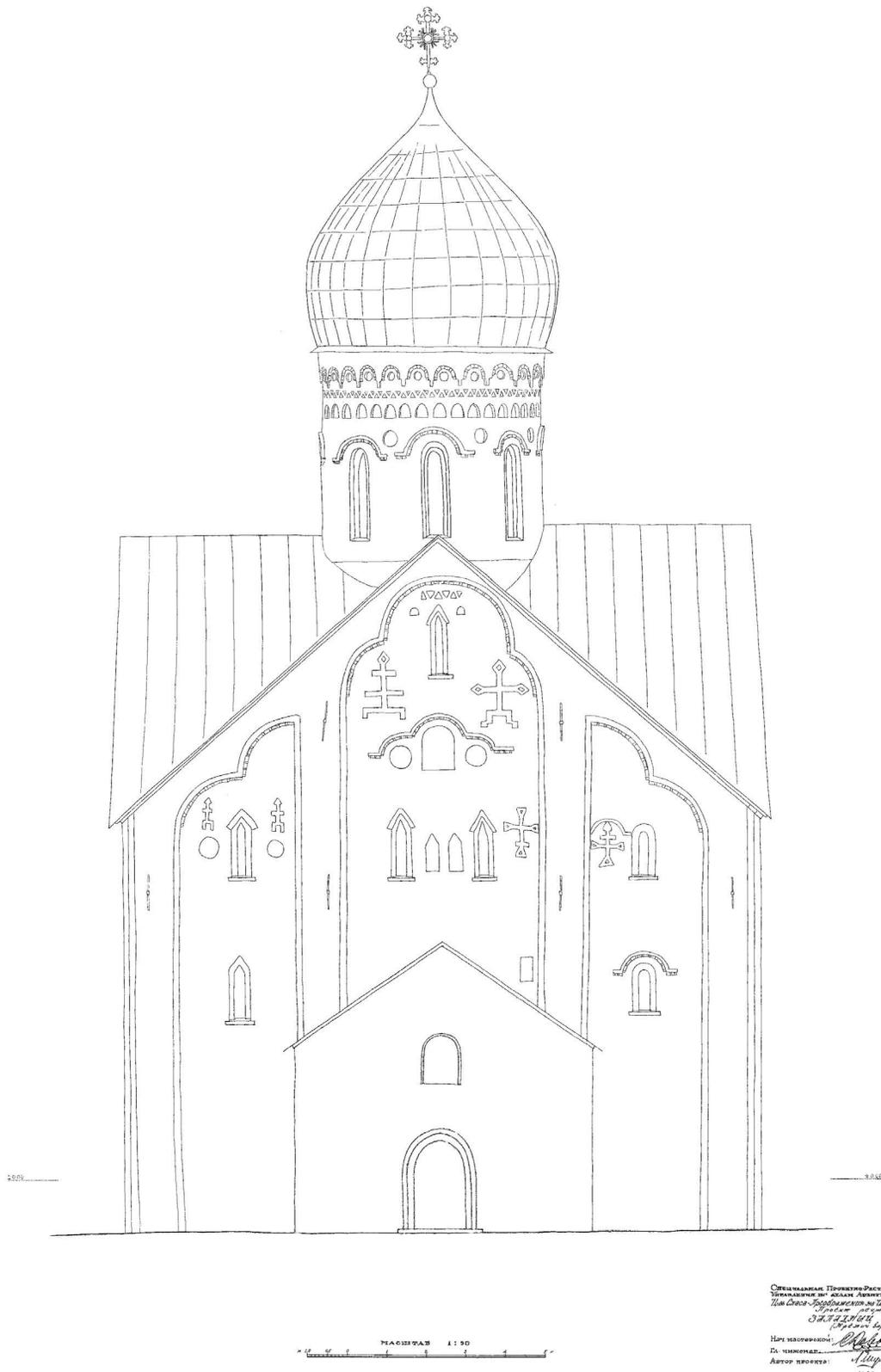

Специальный Проектно-Реставрационный Институт
Исследования и охраны архитектурного наследия
Ильи Св. Спаса-Преображения на Шлиме ул. в г. Новгороде
Группа архитекторов
ЗАПАДНЫЙ ФАСАД
(Второй вариант)
Исполнитель: *А. М. Шолов* А. М. Шолов С. И.
С. И. Гущина
Автор проекта: *А. М. Шолов* Шолов А. М.
1990 г.

Илл. 131. Западный фасад (второй вариант) с реставрацией (лист 10)

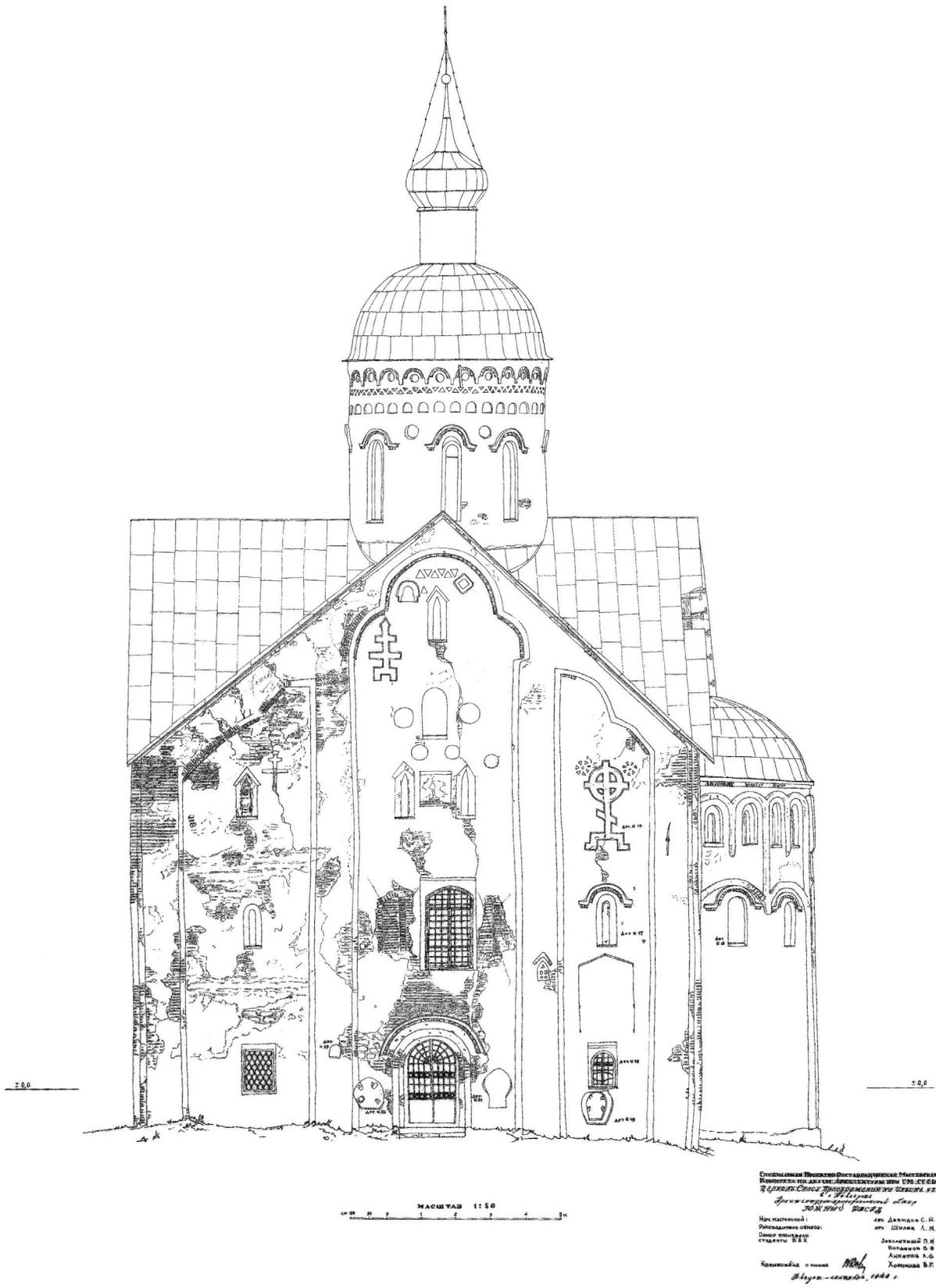
Церковь Св. Спаса-Преображения на Ильинском лице в Новгороде

ЗАПАДНЫЙ ФАСАД
(Третий вариант)

Илл. 132. Западный фасад (третий вариант) с реставрацией и дополненным притвором (лист 11)

Церковь Св. Спаса Преображения по Ильине улице
 в г. Новгороде
 ЮЖНЫЙ ФАСАД

Илл. 133. Южный фасад с раскрытой кладкой (лист 7)

ЮЖНЫИ ФАСАД

БОВНАЧЕННЯ:
ДАННІЕ ЧИСТЕ
ІЗ ПОДАВІСЬКІХ НЕФЕРМІ
НОВОГО ЧАСУ

МАСШТАБ 1:50

Спеціальний Інженер-Архітектор
Уповноважений на виконання проєкту
Церкви Спаса-Преображення на Ильине улице в Новгороде
Архітектор

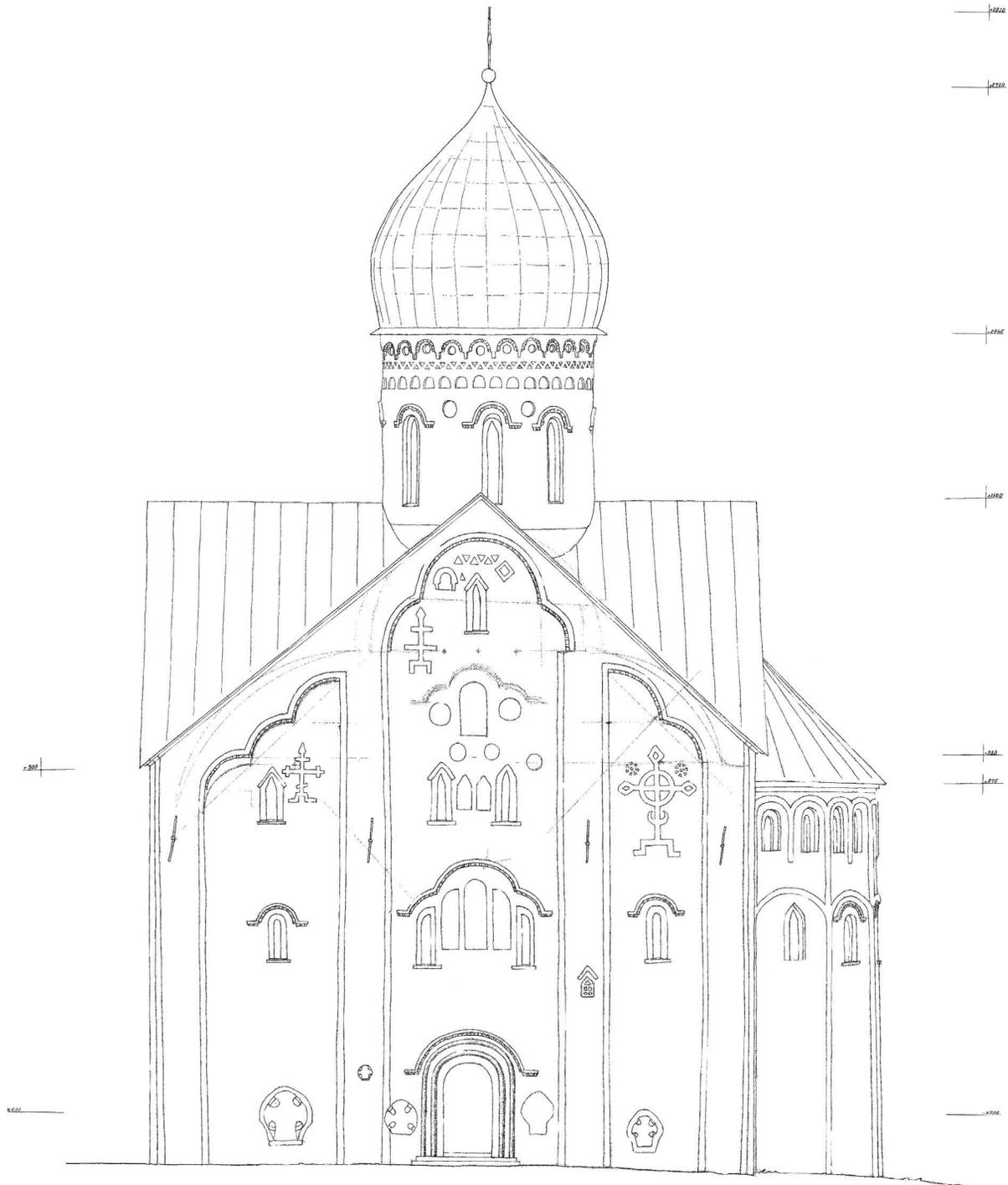
Ю. П. ПЕТРОВ

Нач. редакції: Демидов С. И.
Гл. інженер: Бунин А. Г.
Лінійні проєкти: Шугай А. М.

Илл. 134. Южный фасад с дополнениями (лист 6)

Церковь Спаса-Преображения на Ильине улице в Новгороде.

ЮЖНЫИ ФАСАД

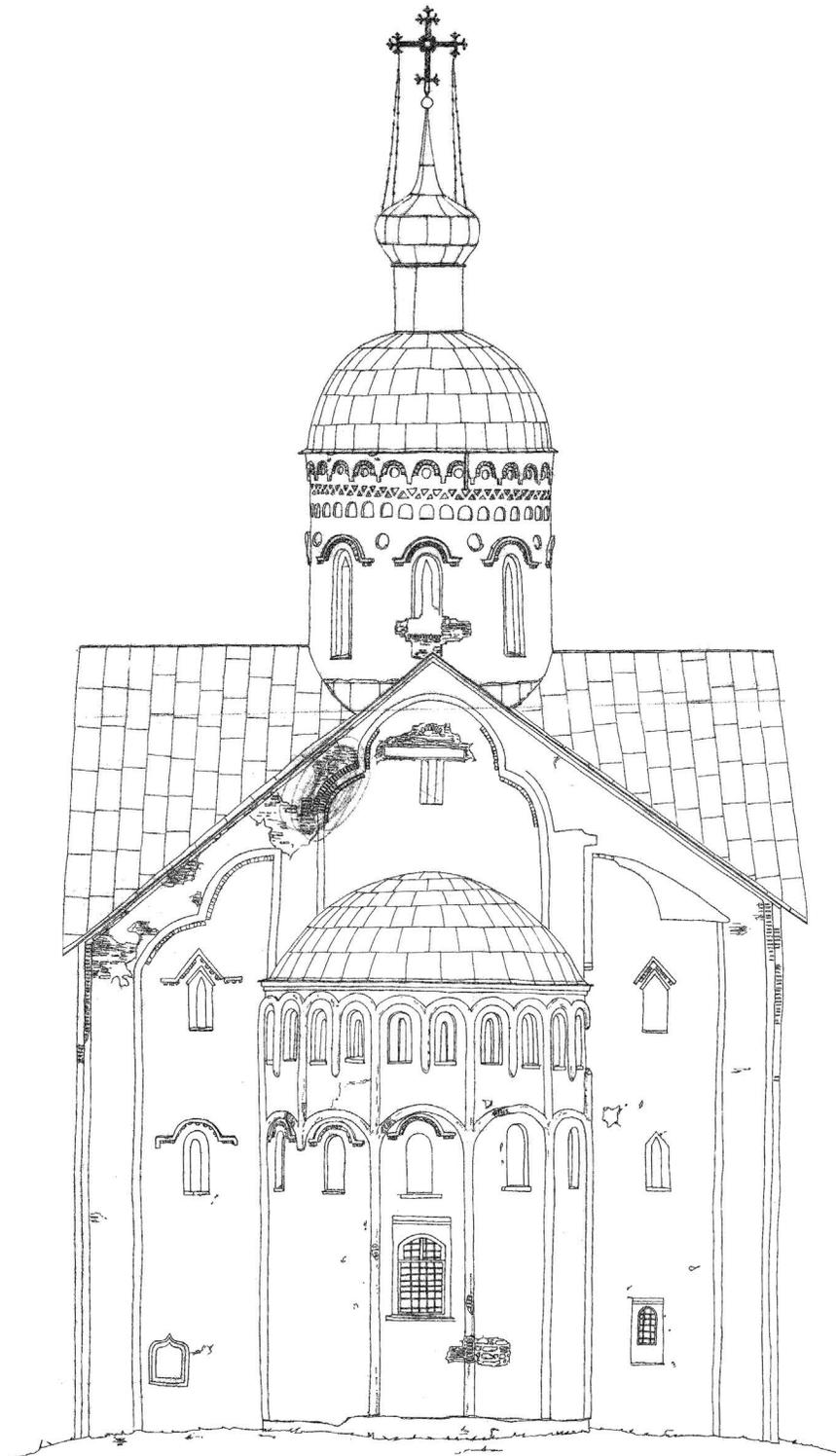

Строительный Проектно-Разрабатывающий Институт
 Инженерный институт архитектуры и строительства
 ЦНИИ «Архитектура»
 Южная реставрация
 Инженер А.Е. Руднев
 Инженер С.И. Давыдов
 Инженер А.Е. Руднев
 Инженер А.Е. Руднев
 1980г.

Илл. 135. Южный фасад с реставрацией (лист 6)

Церковь Спаса-Преображения на Пятых улицах
г. Вологды

ВОСТОЧНЫЙ ФАСАД

100

100

МАСШТАБ 1:50

СПЕЦИАЛЬНАЯ КОМПЛЕКТОВАЯ РЕСТАВРАЦИОННАЯ УСТАНОВКА
КОМПЛЕКТА ПО АДАПТИВНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ СП. 15.01.01
Церковь Спаса Преображения на Пятых ул.
г. Вологды. Восточный фасад
Восточный фасад

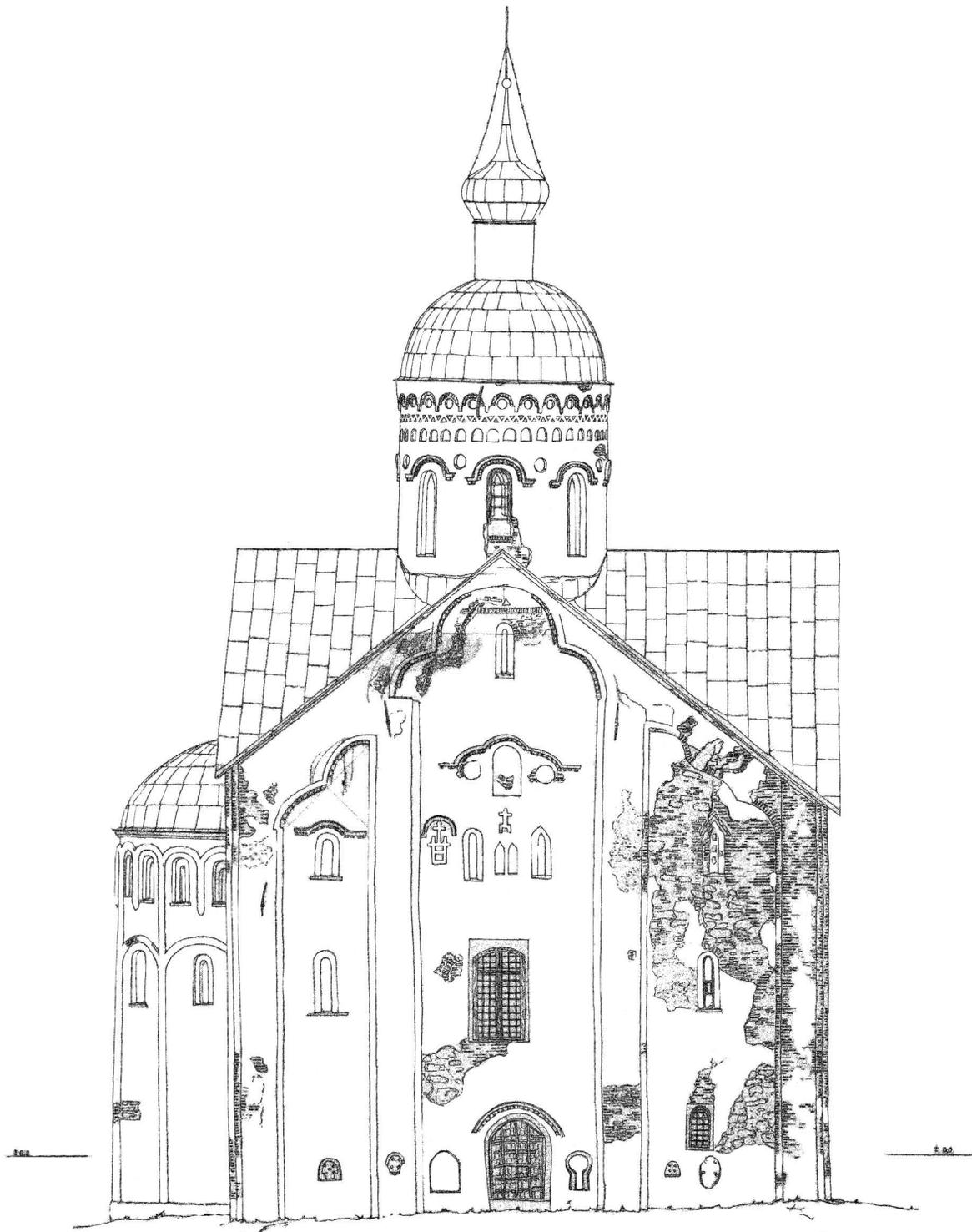
Исполнитель: арх. Александр С.П.
Руководитель объекта: арх. Сергей А.М.
Оперный архитектор: Зависловский П.И.
Структурный В.А.: Вязовский В.В.
Архитектор: А.С.
Художник: В.Т.

Копировано с листа № 10/11
Лист - сентябрь 1988

Илл. 136. Восточный фасад с раскрытой кладкой (лист 6)

Церковь Спаса-Преображения на Чыгыш улус
 А. в. Пурвострова

СЕВЕРНЫЙ ФАСАД

Институт истории, археологии и этнографии
 Академии наук Республики Саха (Якутия)
 Якутский государственный университет им. К. С. Леонтьева
 Якутский филиал Государственного музея истории и культуры Республики Саха (Якутия)

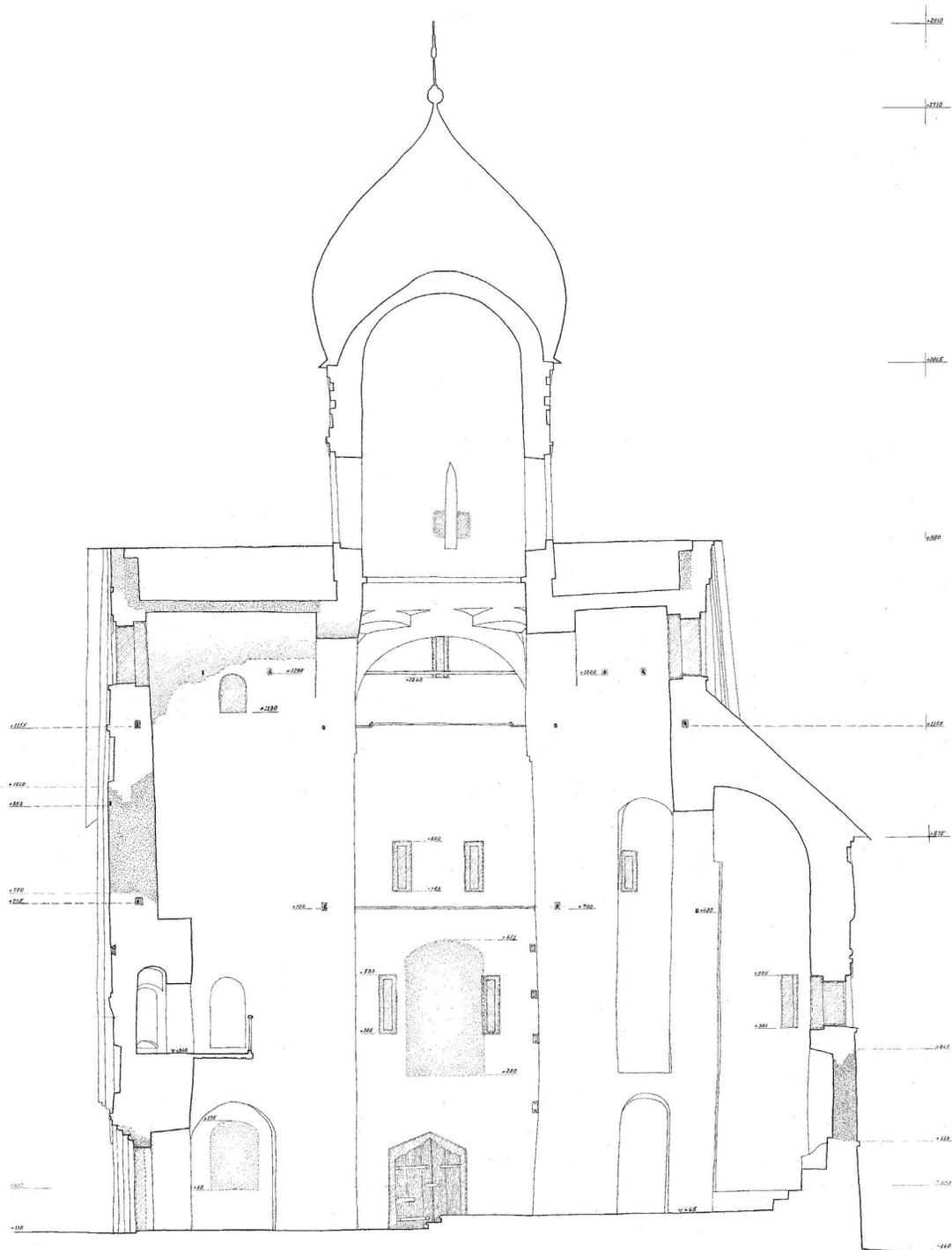
Исх. чертёжник: А. В. Пурвостров
 Руководитель проекта: А. В. Пурвостров
 Составитель: А. В. Пурвостров
 Редактор: А. В. Пурвостров

№ 10/2018
 10.10.2018

Илл. 138. Северный фасад с раскрытой кладкой

Церковь Спаса-Преображения на Члвинс улице в г. Новгороде.

РАЗРЕЗ С ЗАПАДА НА ВОСТОК ПО СРЕДНЕЙ ОСИ

Условные обозначения:

- Разбитые части
- Восстановленные части и закладка полостей проемов
- Установившиеся дол. к жем.-бет. слезам.

МАСШТАБ 1:50

Специальная Проектно-Исследовательская Мастерская
Уполномочен на работу Архитектором в г. Новгороде
Инженер-Проектировщик по Члвинс улице в Новгороде
Людмила Владимировна
Л.В.В.

РАЗРЕЗ С ЗАПАДА НА ВОСТОК ПО СРЕДНЕЙ ОСИ

Инженер-проектировщик: *Л.В.В.* Давыдов С.И.

Гл. инженер: *С.И.С.* Гринин А.Г.

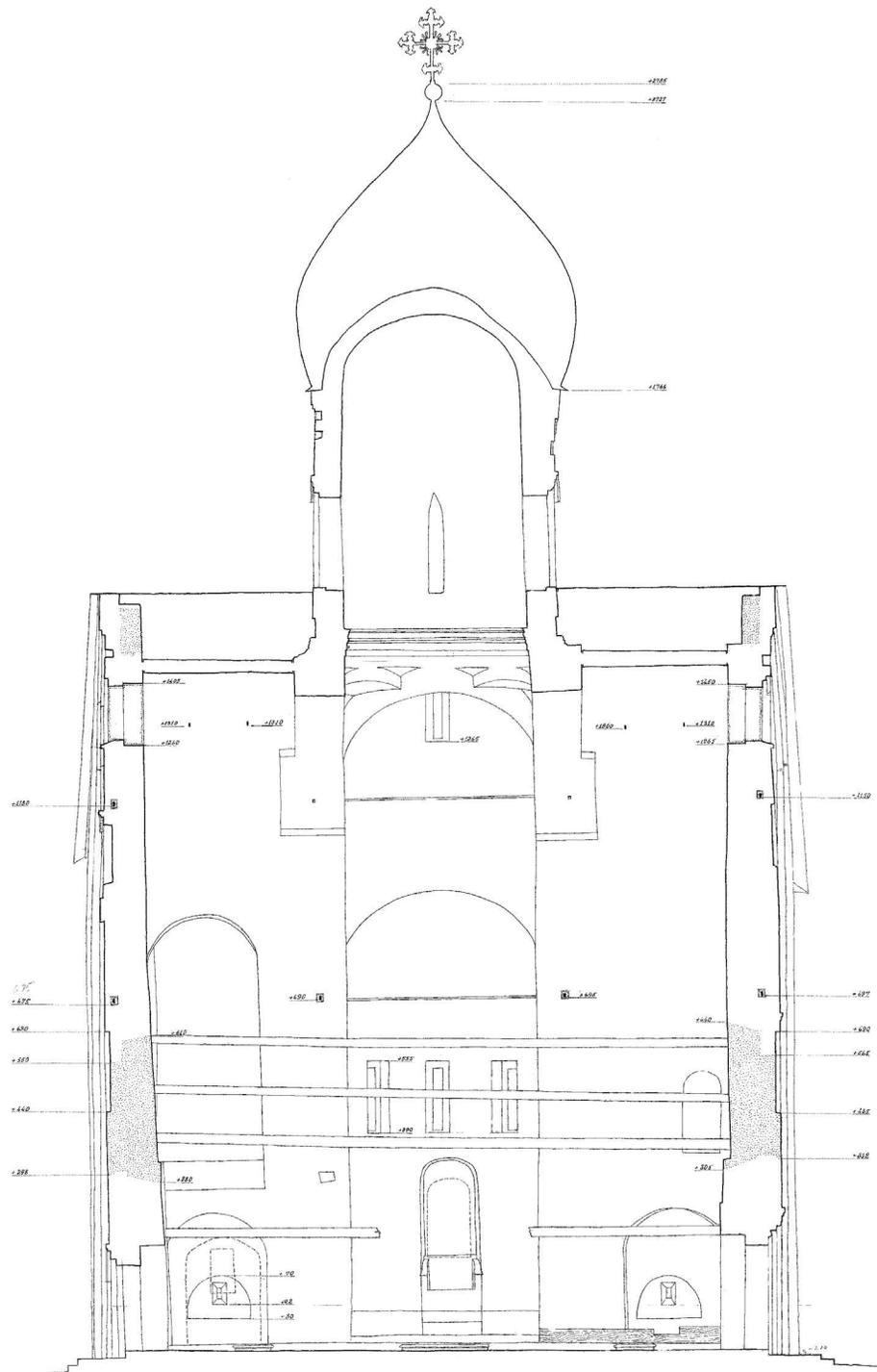
Арх. проект: *А.И.И.* Шумаков А.Н.

1950 г.

Илл. 140. Разрез продольный с видом на север. После восстановления главы (лист 4)

Церковь Св. Спаса-Преображения на Ильине улице в Новгороде

РАЗРЕЗ С СЕВЕРА НА ЮГ ПО СРЕДНЕЙ ОСИ

Примечание:
 1 Виден сверху из колодезьного люка (70x10 см), диаметр люка 70 см.
 2 В колодезьном люке от работы строительства 1924 г.
 3 Виден сверху из колодезьного люка.

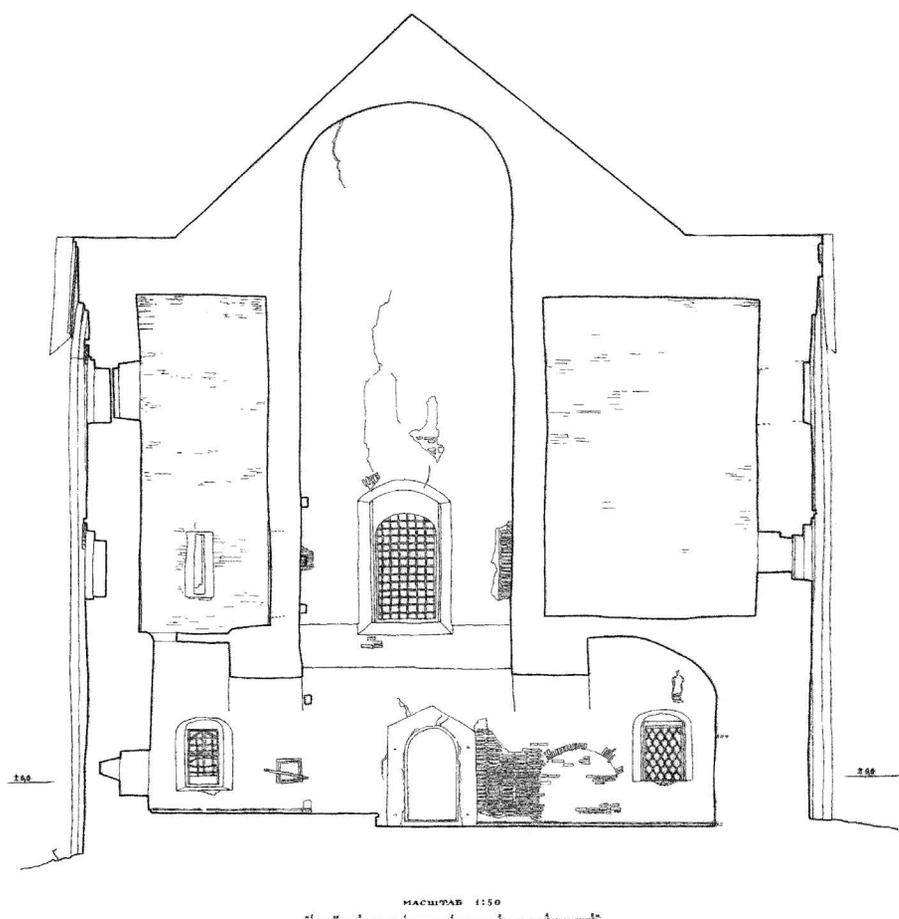
МАСШТАБ 1:50

Составитель: И. И. Давыдов
 Проверил: А. И. Давыдов
 Главный архитектор: А. И. Давыдов
 Проект: 1924 г.
 Разработано с осн. на кресте средней оси
 Изготовлено: А. И. Давыдов
 Гл. инженер: А. И. Давыдов
 Дата печати: 1924 г.

Илл. 141. Поперечный разрез с видом на восток. После восстановления главы (лист 5)

Церковь Спаса-Преображения на Ильинс улице
 в Новгороде

РАЗРЕЗ 1—1

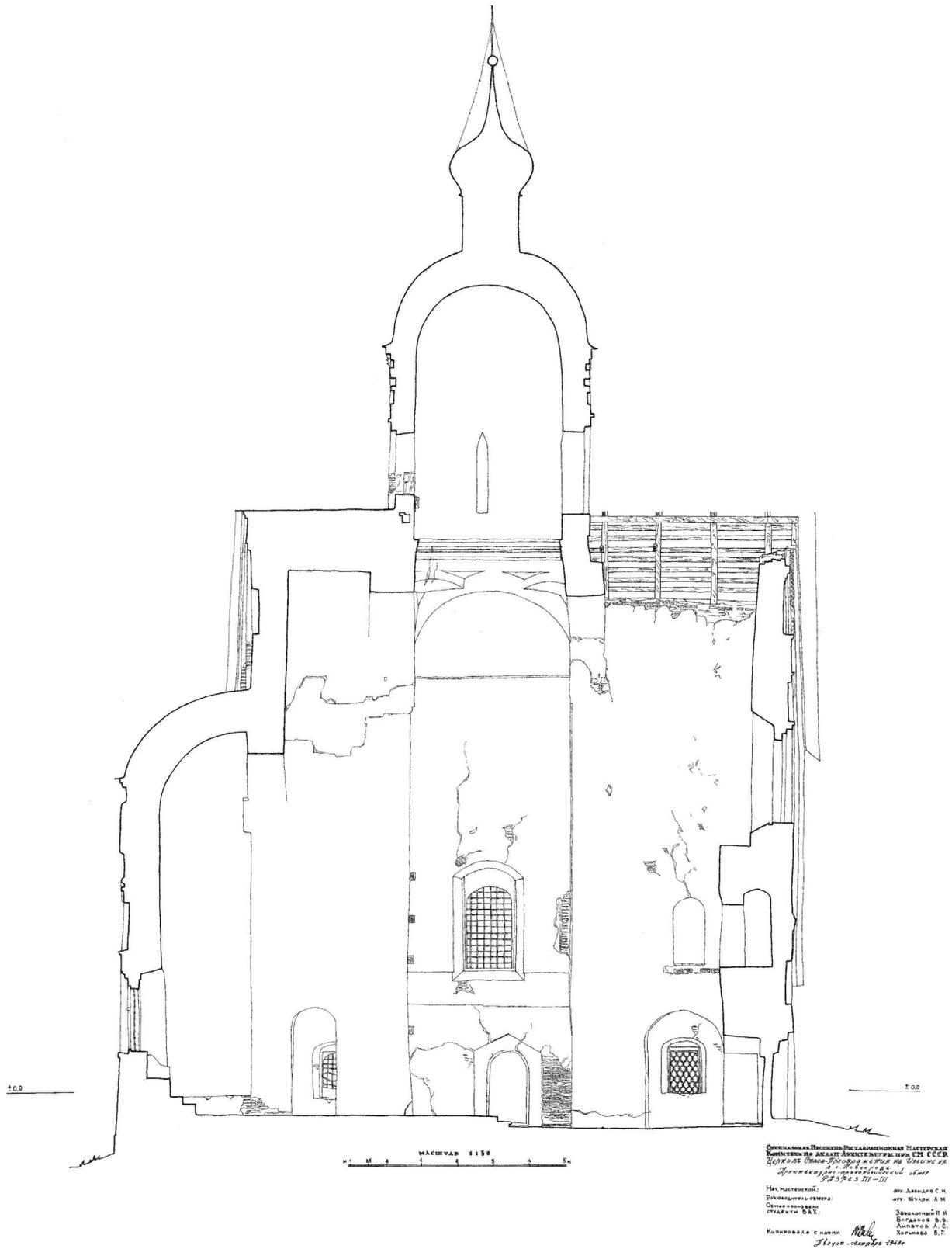
СПЕЦИАЛЬНАЯ УЧЕТНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ КОМПЛЕКСНАЯ КОМИССИЯ ПО ЗАДАЧАМ АРХИТЕКТУРЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
 ЦЕРКОВЬ СПАСА-ПРЕОБРАЖЕНИЯ НА ИЛЬИНСКОЙ УЛИЦЕ
 в г. Новгороде
 Проект реставрации и приспособления
 РАЗРЕЗ 1—1

Исп. Александр Н.
 Лав. Шереметев А.М.
 Совет проекта:
 Завысский П.М.
 Богданов В.В.
 Лисичкин В.С.
 Хмельков В.Г.

Копировала с карт
 2004 г. 10. сентября 2004 г.

Илл. 142. Разрез 1—1. Разрез по южному боковому нефу с видом на юг (лист 8)

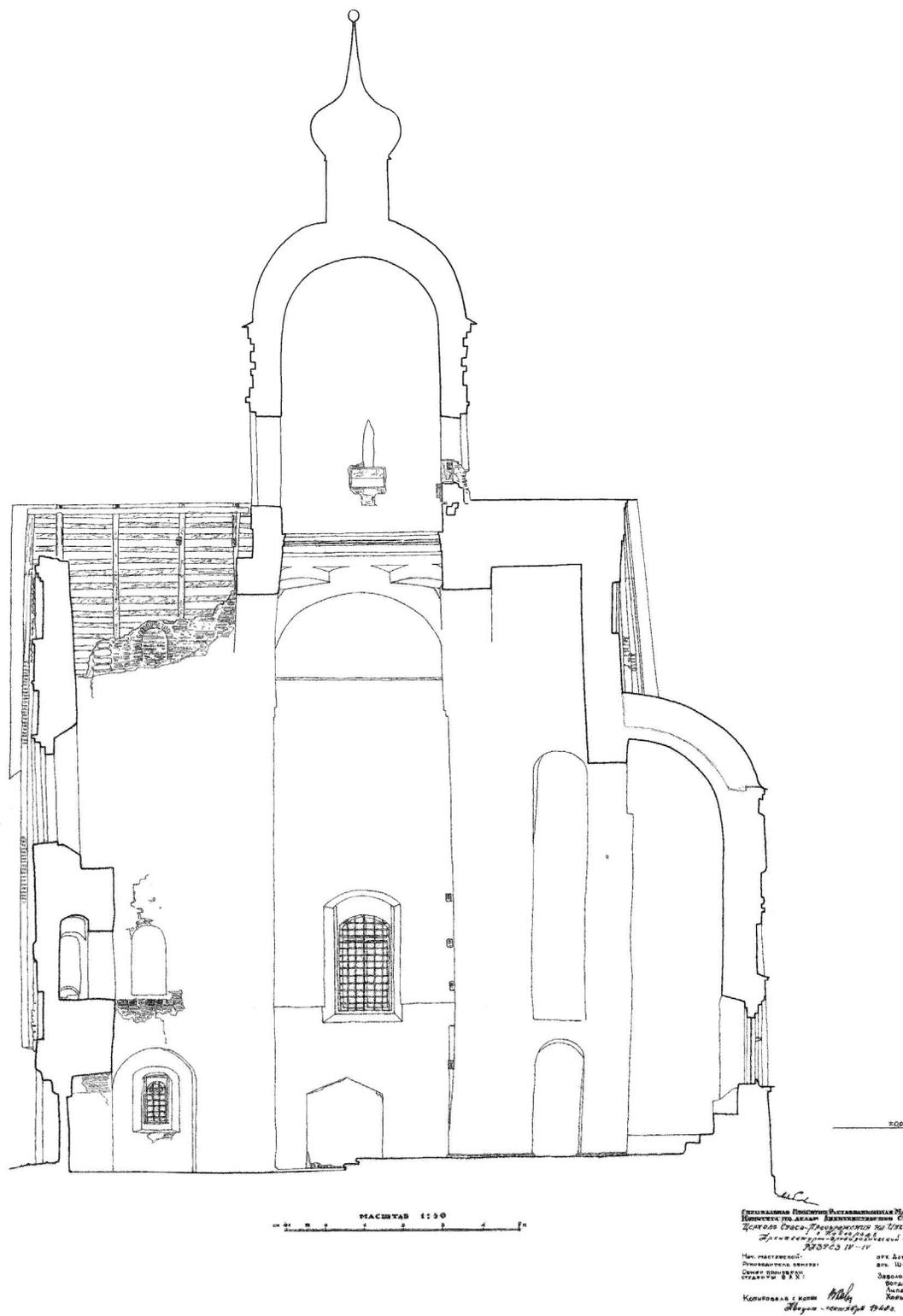
РАЗРЕЗ III-III

Илл. 144. Разрез III-III. Поперечный разрез с видом на юг (лист 10)

Церковь Спаса-Преображения на Ильинской
в Новгороде

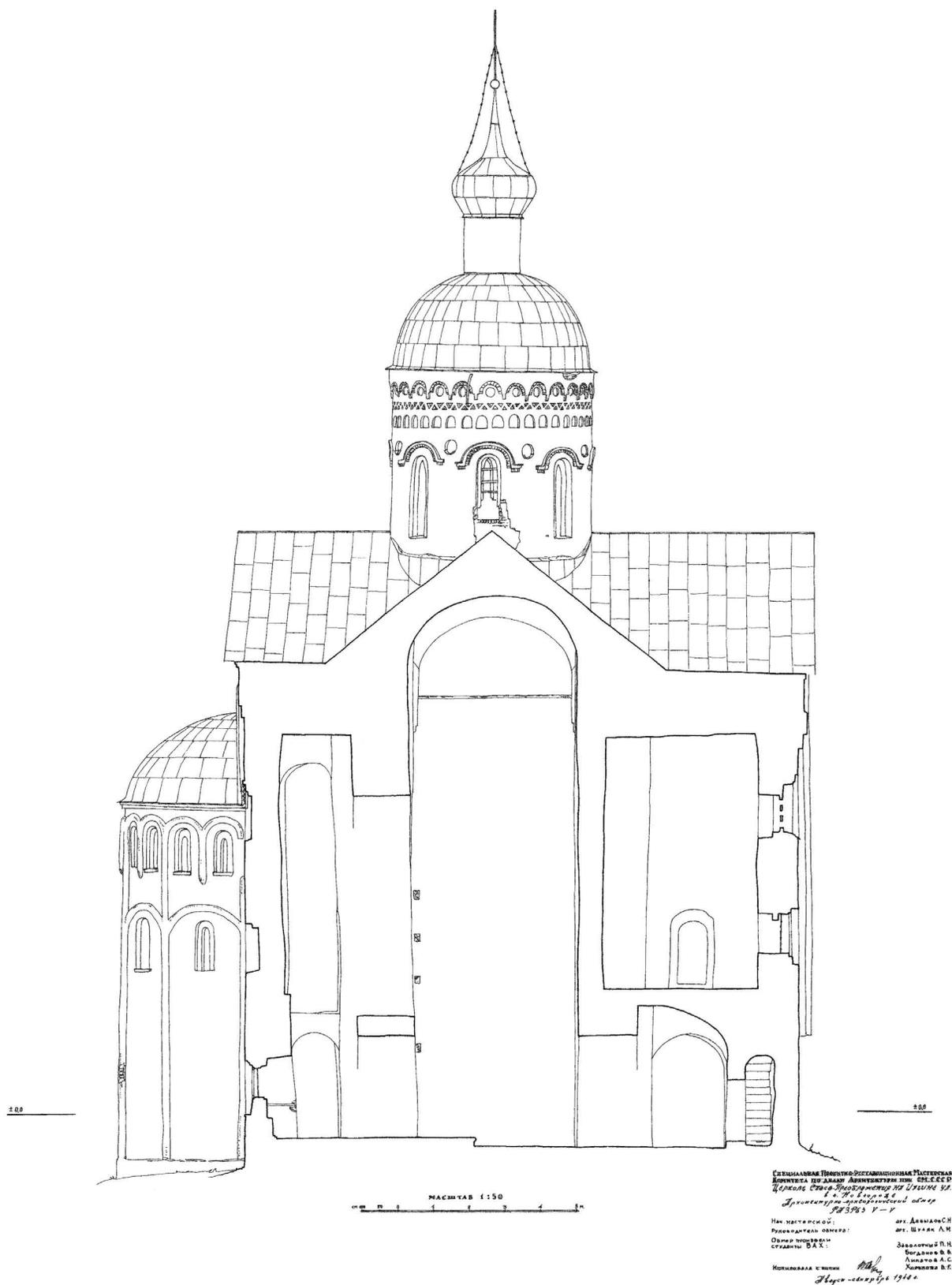
РАЗРЕЗ IV—IV

Илл. 145. Разрез IV-IV. Поперечный разрез с видом на север (лист 11)

Церковь Стаса - Препображения на Цвѣтнѣ улицѣ
в г. Новгороде

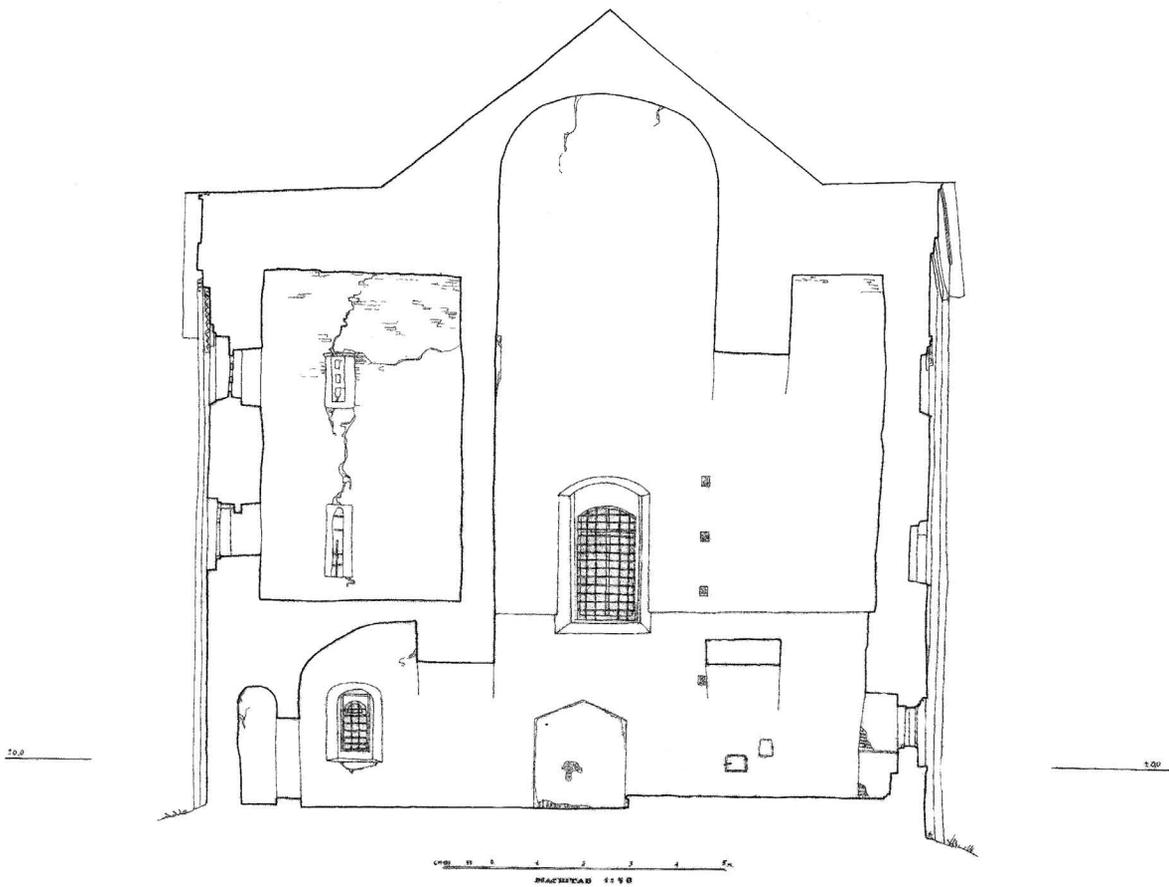
РАЗРЕЗ V-V

Илл. 146. Разрез V-V. Разрез по северному боковому нефу с видом на юг (лист 12)

Церковь Власа - Провоображенія на Ильинъ улицѣ
в г. Новгороде

РАЗРЕЗ VI-VI

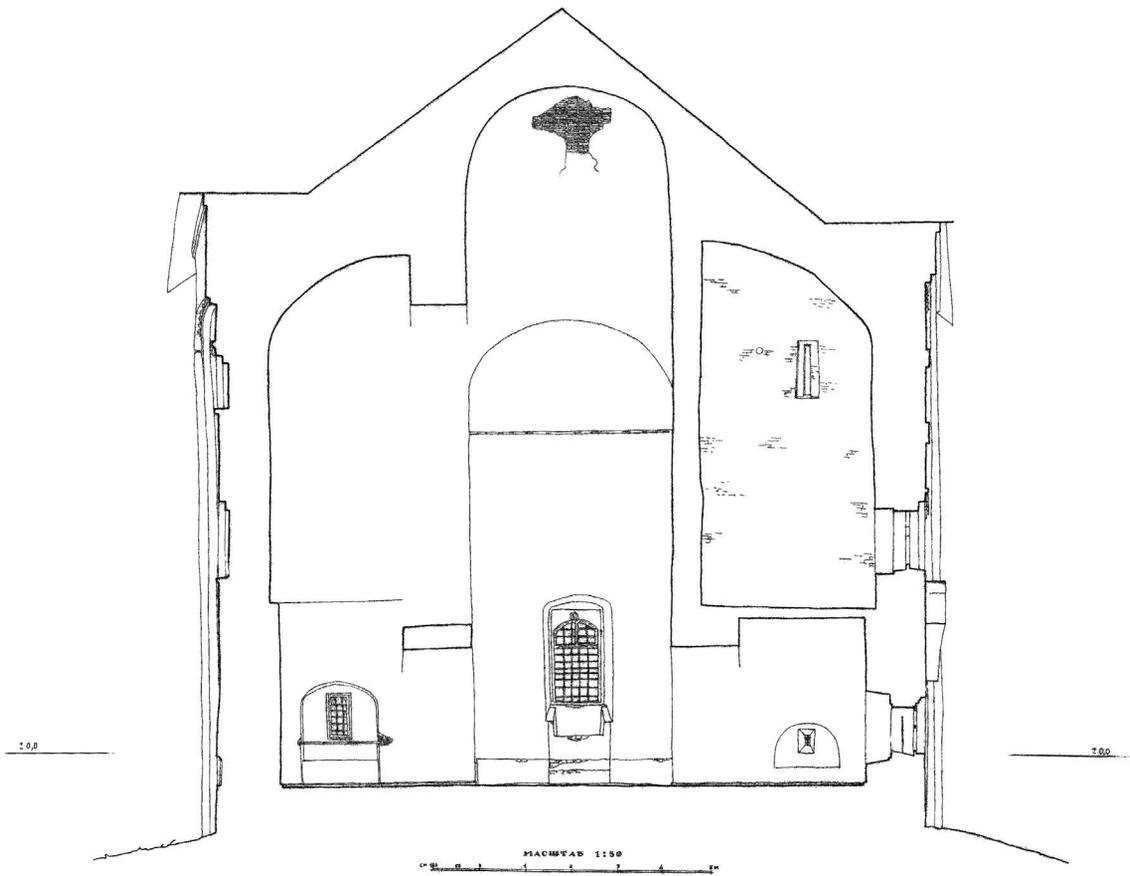
Специальный Инженер-Архитектор Академии Наук СССР
Коллежский Совет Архитекторов при Академии
Наук СССР
Инженер-Архитектор
РАЗРЕЗ VI-VI

Нам представлены: *инж. Давыдов С.И.*
Учрежденный архитектор: *инж. Шуваев А.М.*
Инженер-архитектор: *Архитектор П.И.*
Инженер: *Богданов В.В.*
Инженер: *Киселев А.С.*
Инженер: *Киселев А.С.*
Инженер-архитектор: *Киселев А.С.*
Москва - сентябрь 1940 г.

Илл. 147. Разрез VI-VI. Разрез по северному боковому нефу с видом на север (лист 13)

Церковь спаса-Прображениа на Ильинс улице
в г. Новгороде

РАЗРЕЗ VII-VII

Специальное Техническое Училище
Инженеров по классу Архитектуры при СН ССФР
Церковь спаса-Прображениа в г. Новгороде
А. А. Шварца
Проект реставрационных работ
РАЗРЕЗ VII-VII

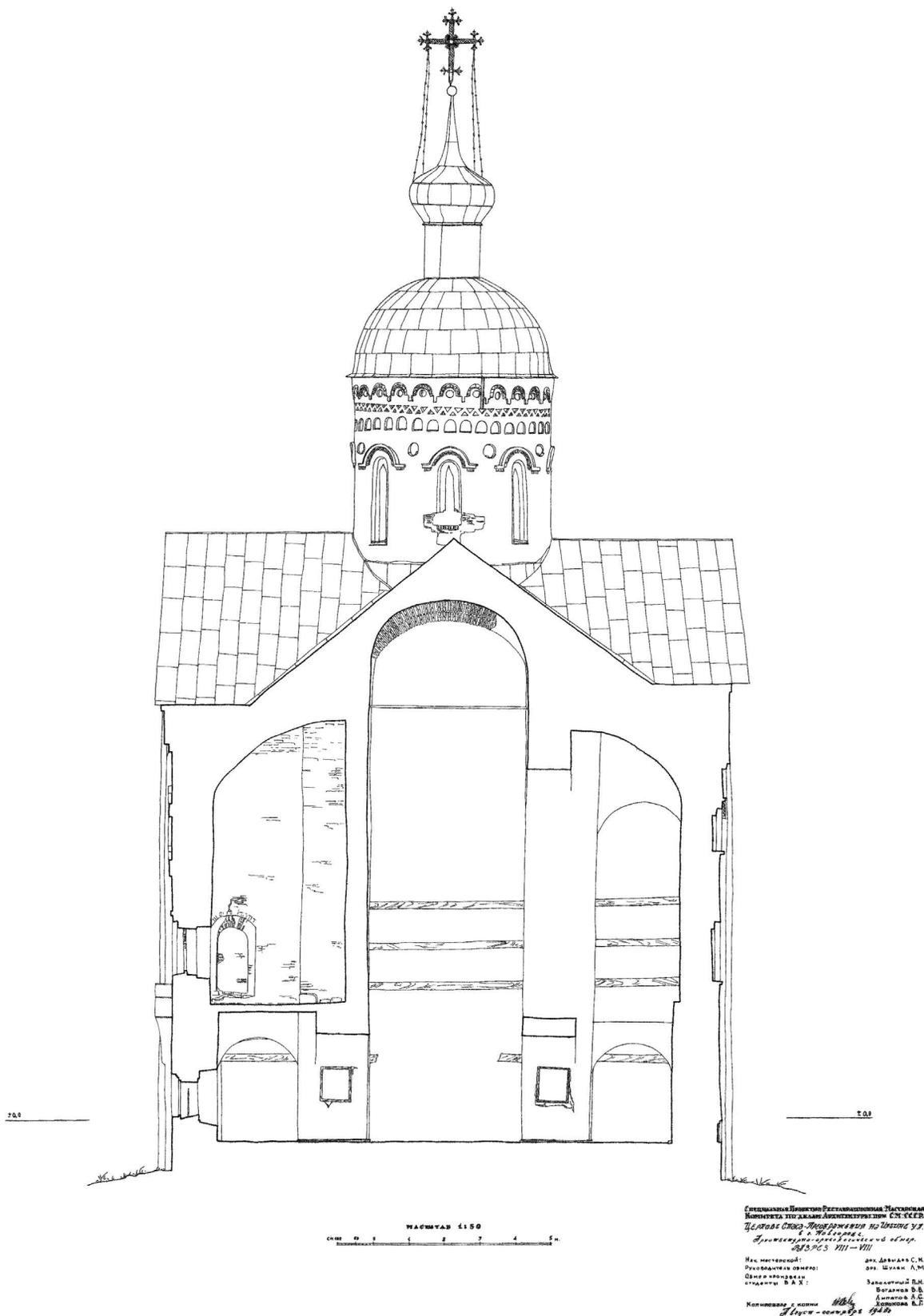
Нач. мастерской: арх. АЛЕКСАНДР С. И.
Руководитель проекта: арх. ИВАНА А. И.
Оформил: студент В. А. Ш.
Архитектор С. П. М.
Водянов В.
Лыткин А. С.
Хорошавин Г. Г.

Новгород, 1948

Илл. 148. Разрез VII-VII. Разрез по восточной трети с видом на восток (лист 14)

Церковь в Пасо-Проборжский на Улице Улице
 в г. Новгород

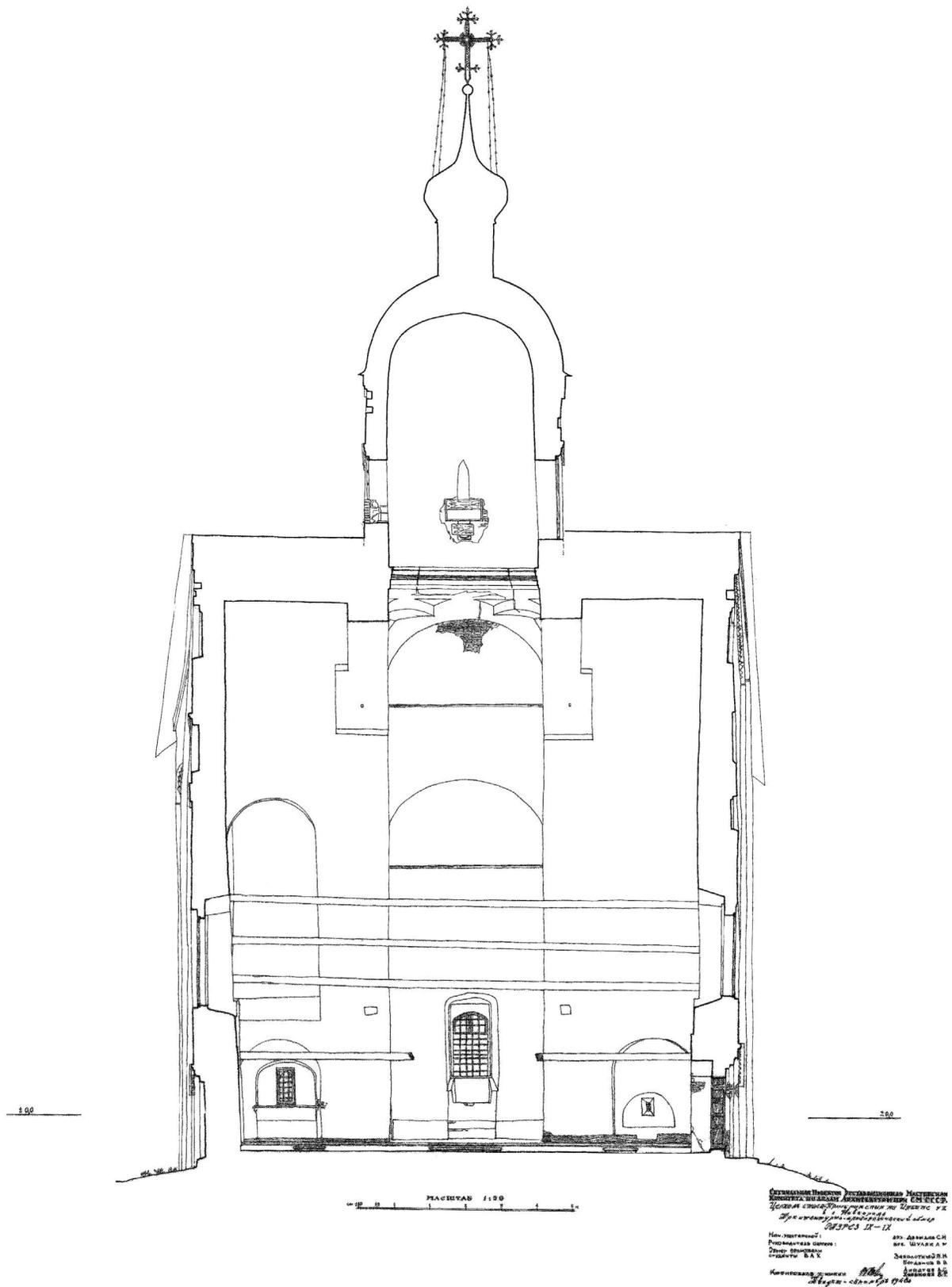
РАЗРЕЗ VIII-VIII

Илл. 149. Разрез VIII-VIII. Разрез по восточной трети с видом на запад (лист 15)

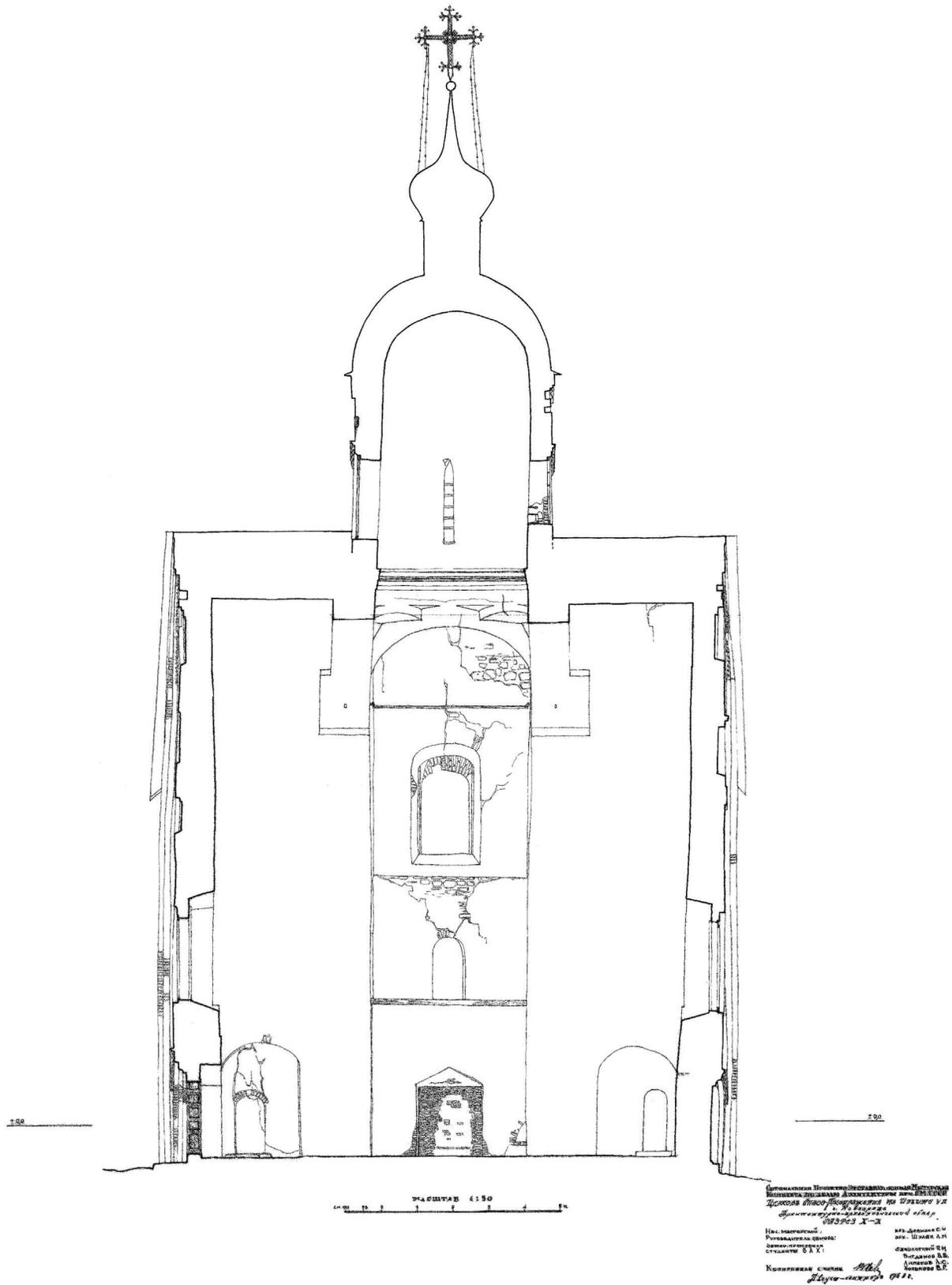
Церковь Спаса Провражения на Шуваловской улице
г. Новгород

РАЗРЕЗ IX-IX

Илл. 150. Разрез IX-IX. Поперечный разрез с видом на восток (лист 16)

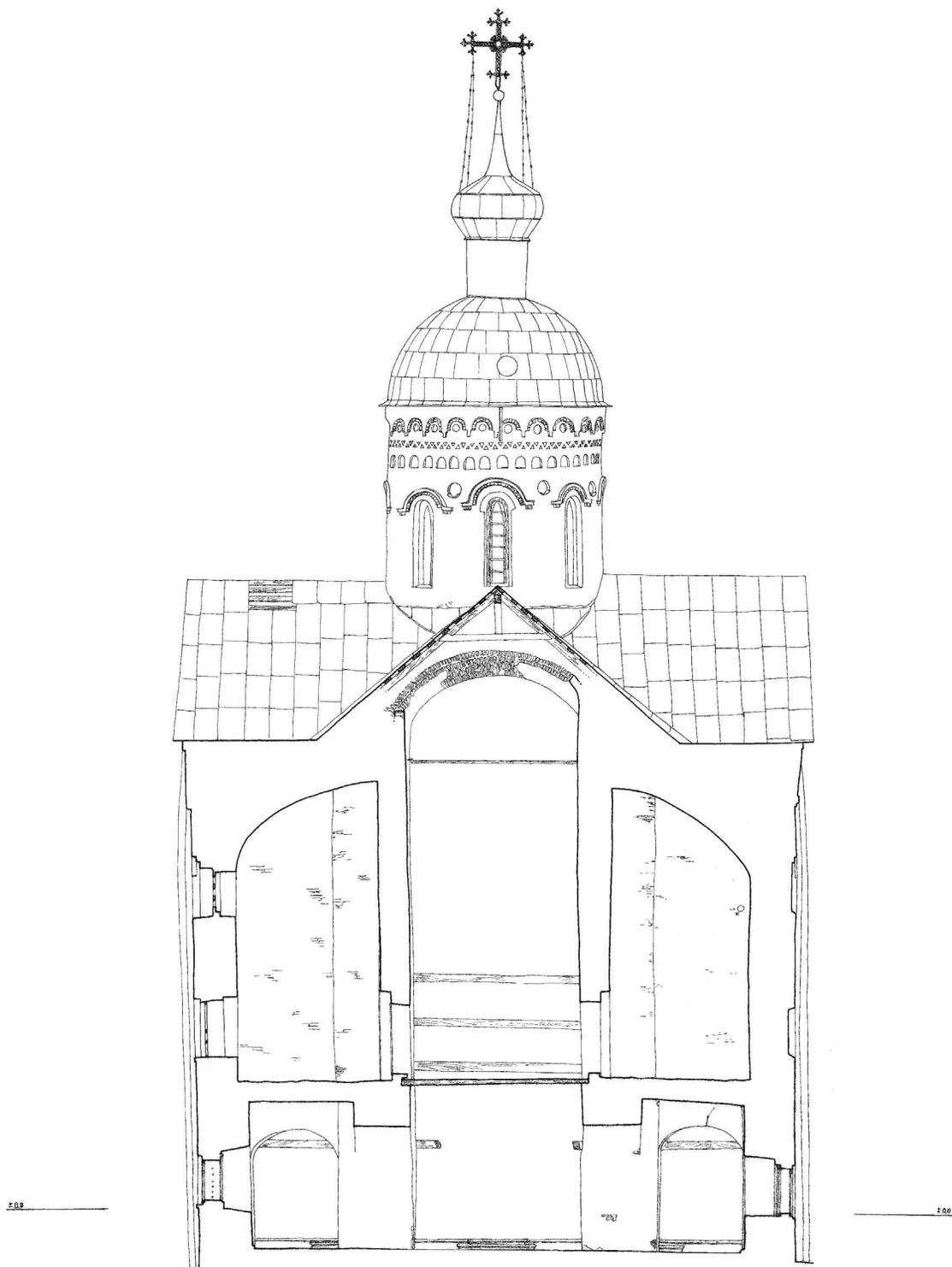
РАЗРЕЗ X-X'

Илл. 151. Разрез X-X. Поперечный разрез с видом на запад (лист 17)

Церковь Спаса Преображения на Чухоме улице
в г. Новоороде

РАЗРЕЗ XI-XI

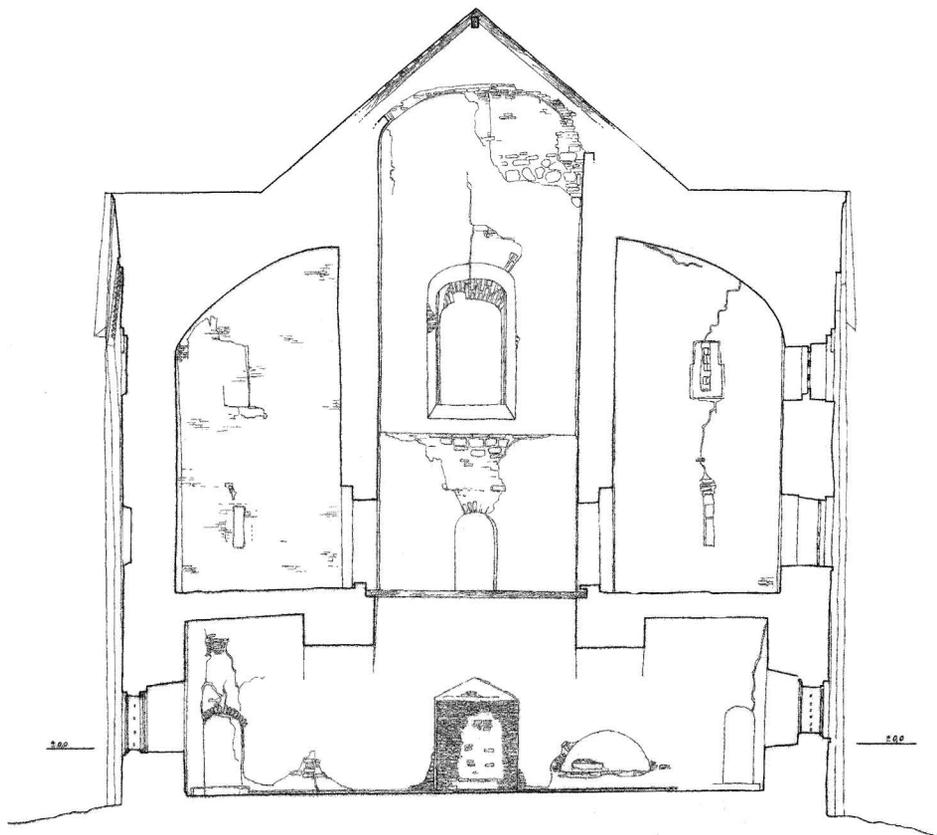
СНИМАНИЕ ПРОЕКТИ-РЕСТАВРАЦИОННОЙ МАСТЕРСКОЙ
ИЗЫСКАНИЯ ПО ДАННЫМ АРХИТЕКТУРНЫМ ДАННЫМ СССР
Церковь Спаса Преображения на Чухоме ул.
в г. Новоороде
Архитектурно-реставрационный отдел
РАЗРЕЗ XI-XI

Нач. мастерской: арх. Александр С.С.
Руководитель группы: арх. Шелев А.М.
Оформитель: Зельманов Б.Н.
Строитель: В.А.Х. Зельманов Б.Н.
Литовцев А.С.
Исполнено с копий: Литовцев А.С.
Литовцев А.С.
Новороде, сентябрь 1948 г.

Илл. 152. Разрез XI-XI. Разрез по западной трети с видом на восток (лист 18)

Церковь Спаса-Преображения на Ильинь улице
в г. Новгороде

РАЗРЕЗ XII-XII

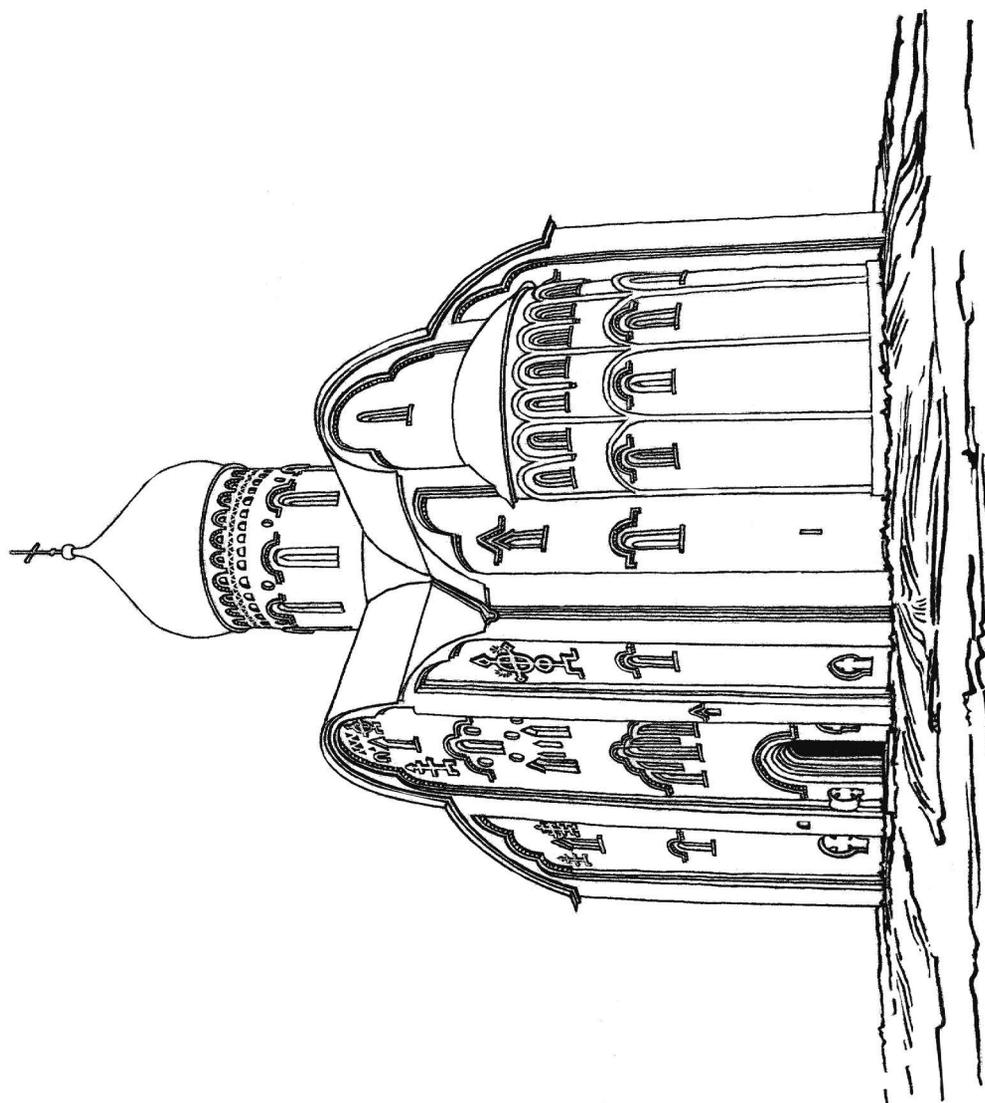

МАСШТАБ 1:50

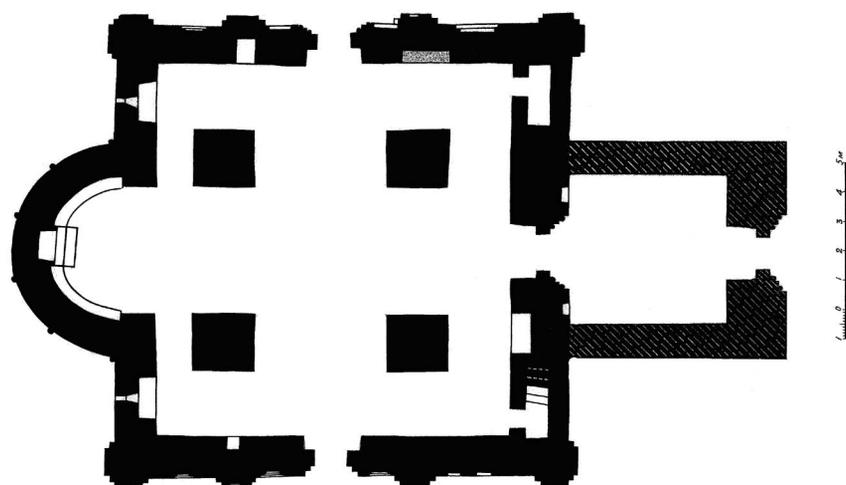
Институт истории, археологии и этнографии
Классический институт архитектуры и градостроительства
Церковь Спаса-Преображения на Ильинь улице
Архитектурно-этнографический отдел
РАЗРЕЗ XII-XII

Над проектом: арх. Давыдов С. И.
Руководитель проекта: арх. Шалаев А. М.
Оформил: архитекторы П. И. Заварзин, В. Ф. Бондарев, В. П. Анисимов, В. П. Копылов, В. П. Копылов, В. П. Копылов
Исполнитель: архитектор В. П. Копылов

Илл. 153. Разрез XII-XII. Разрез по западной трети с видом на запад

Илл. 155. Реконструкция храма на момент постройки.
Перспектива с юго-востока

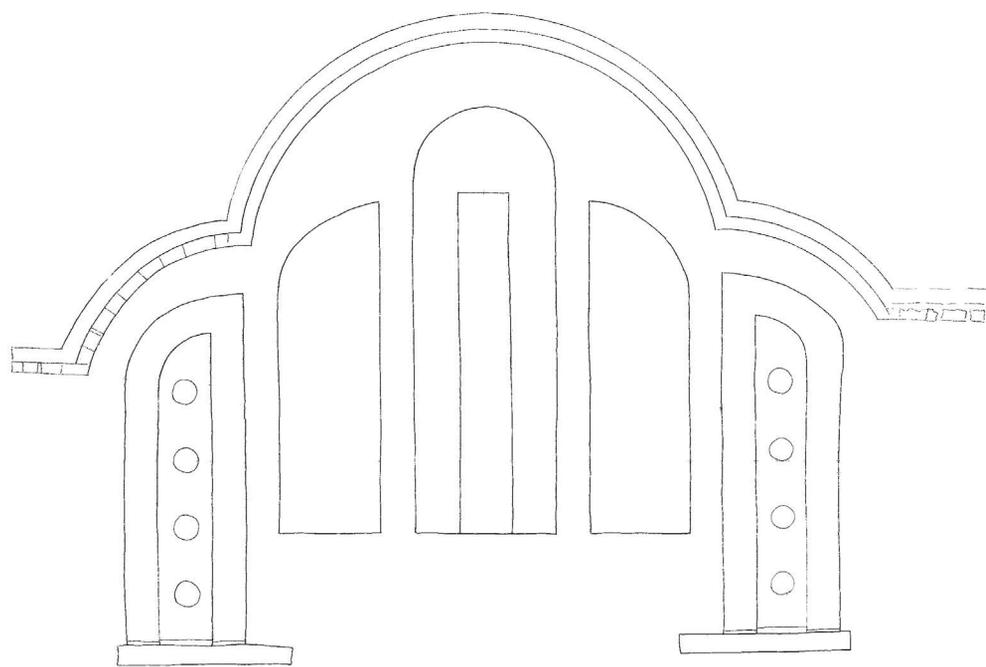

Илл. 154. План храма с элементами
реконструкции и реконструированным
притвором

Церковь Власа-Преображения на Ильине улице в г. Новгород.

ЮЖНЫЙ ФАСАД. ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОКНО 2го ЯРУСА.

(Второй вариант)

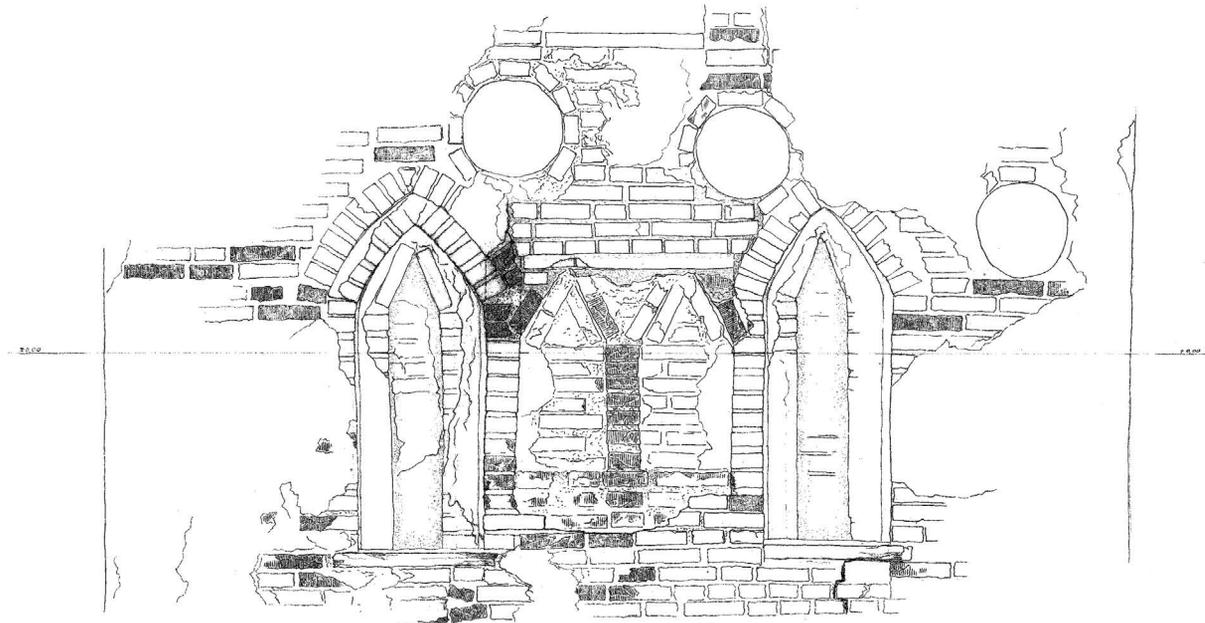
ГОРЬКОЕ УЧАСТИЕ
ИЗДАНИЕ
1922

А. Курганов
1922

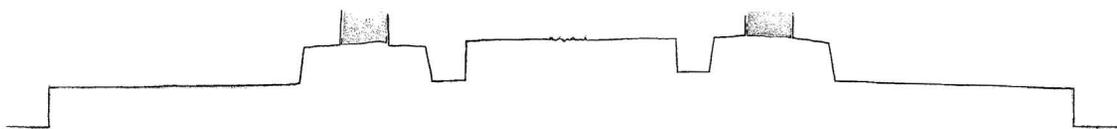
Илл. 157. Южный фасад. Центральное окно второго яруса. Второй вариант реконструкции

Церковь Спаса-Преображения на Шлиме улице в г. Новгороде

ЮЖНЫЙ ФАСАД. — ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОКНА 3го ЯРУСА
И КИОТИКИ МЕЖДУ НИМИ

Вид с фасада

Фасадная линия плана

Условные обозначения:

- Кладка XIV в.
- Кладка позднейшей работы (XV в.?)
- Кладка XIX в.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ АРХИТЕКТУРЫ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ АРХИВ
Июль 1951 г.

Специальный Отдел Архитектуры Историко-Архитектурный Архив
Института истории искусств Академии Наук СССР
Центральный архив Академии Наук СССР
Институт истории искусств Академии Наук СССР
Институт истории искусств Академии Наук СССР

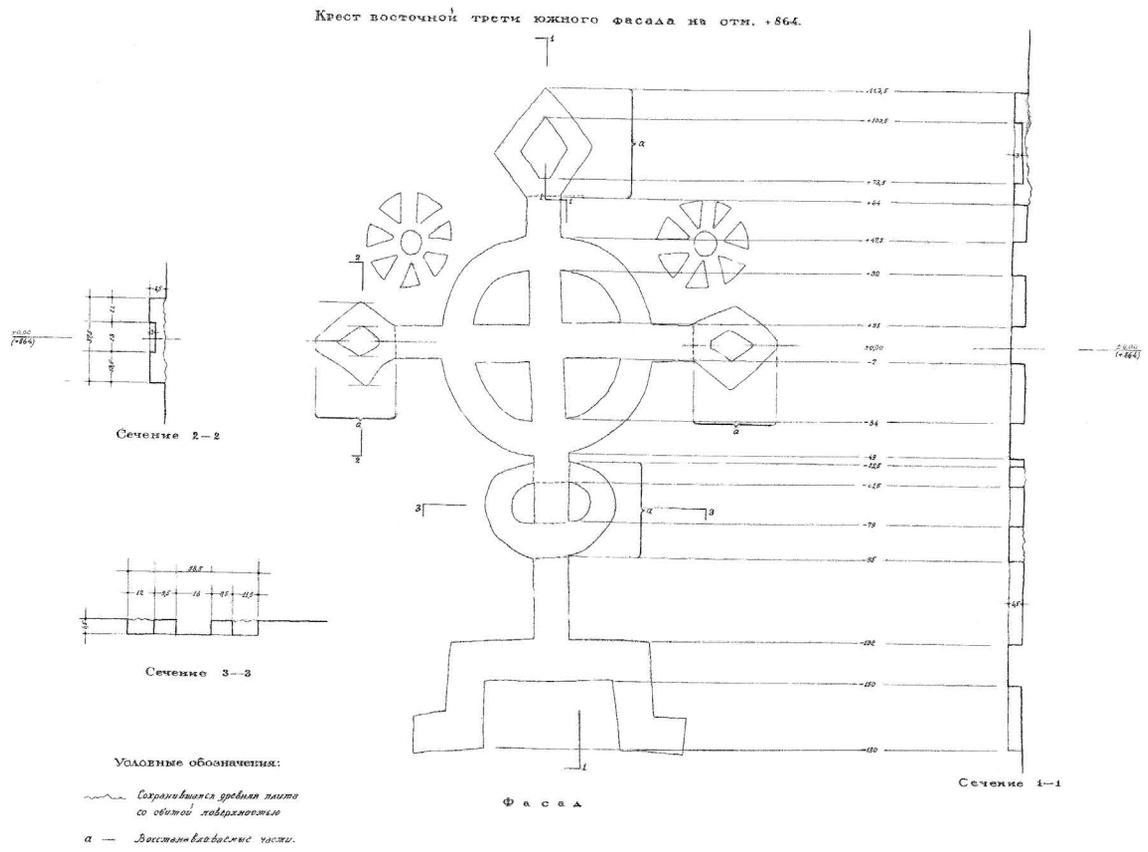
Нач. отдела: Шелам А. М.
Обоз. чертёжника: Шелам А. М.
1959 г.

МАСШТАБ 1 : 20

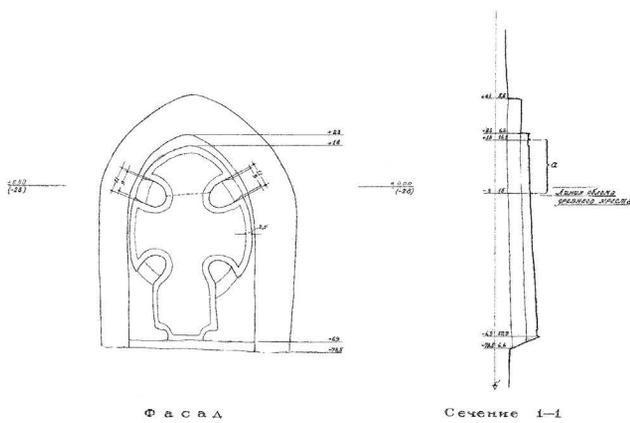
Илл. 160. Южный фасад. Центральные окна третьего яруса и киотики между ними

Церковь Св. Спаса - Преображения на Ильине улице в г. Новгороде.

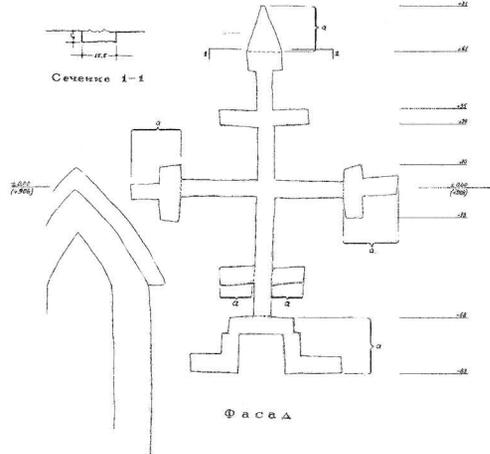
КРЕСТЫ ЮЖНОГО И СЕВЕРНОГО ФАСАДОВ

Крест средней трети северного фасада на отн. -28

Крест западной трети южного фасада на отн. +906

МАСШТАБ 1:10

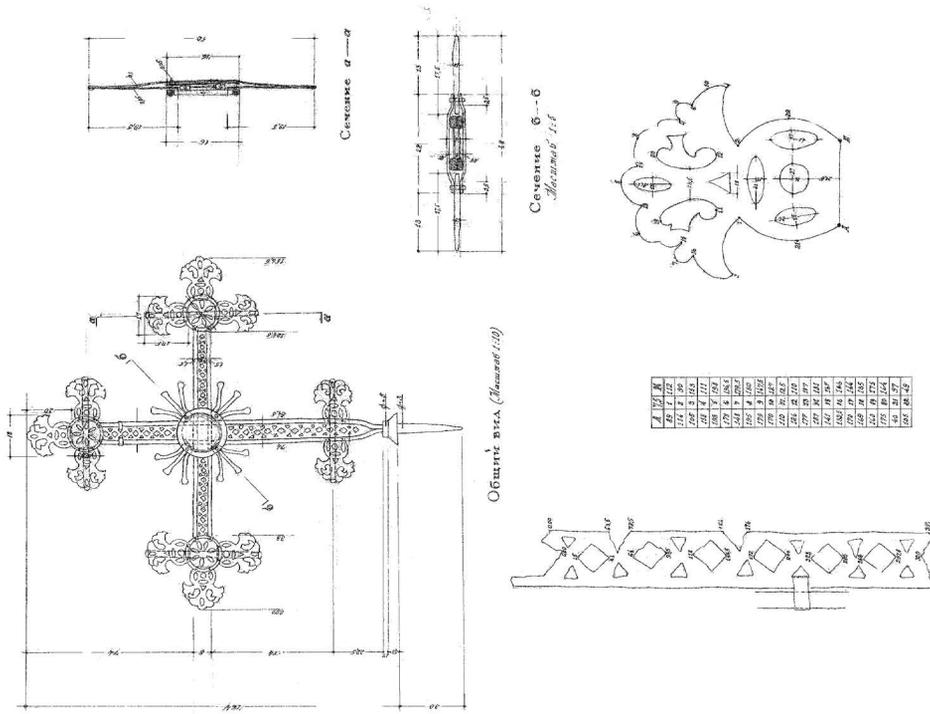
Специальный Проект Рязанской области
 Ученые из Института Архитектуры имени С.В.Щеглова
 И.И. Соловьев, И.И. Ковалева, И.И. Ковалева
 Проект реставрации
 Д.С.М.Д.И.И.

Фонд реставрации: Давыдов С.И.
 Автор проекта: Шугалин А.М.
 1950 г.

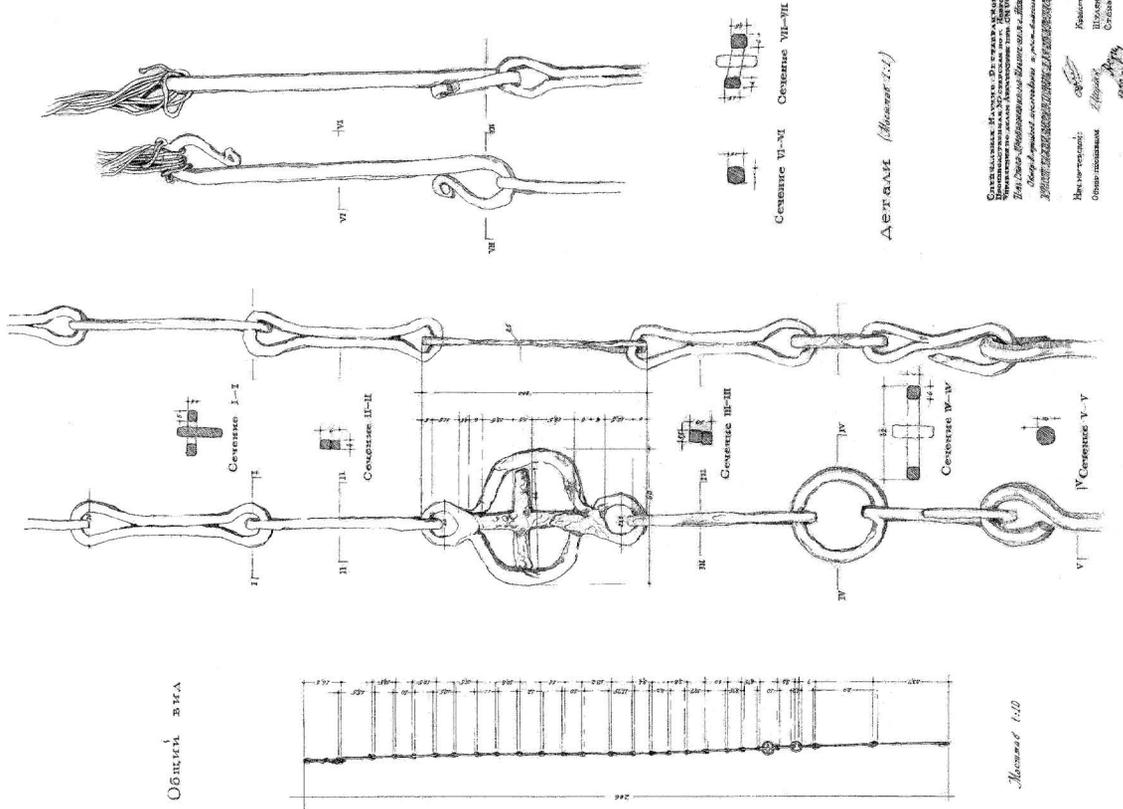
Илл. 161. Кресты южного и северного фасадов

Церковь Св. Софии. Престроенная во имя св. Ирины в Новгороде

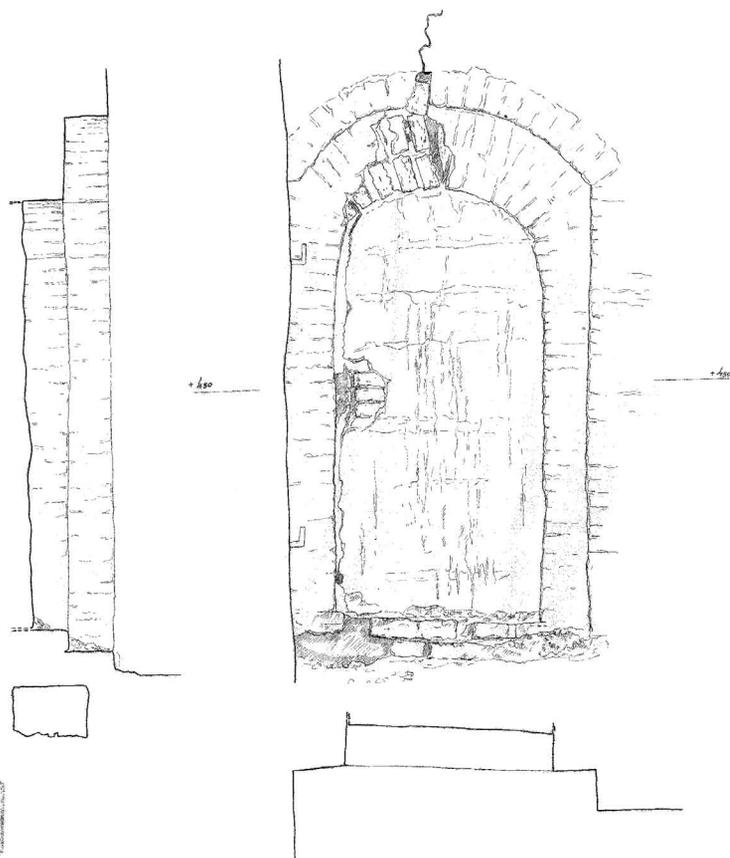
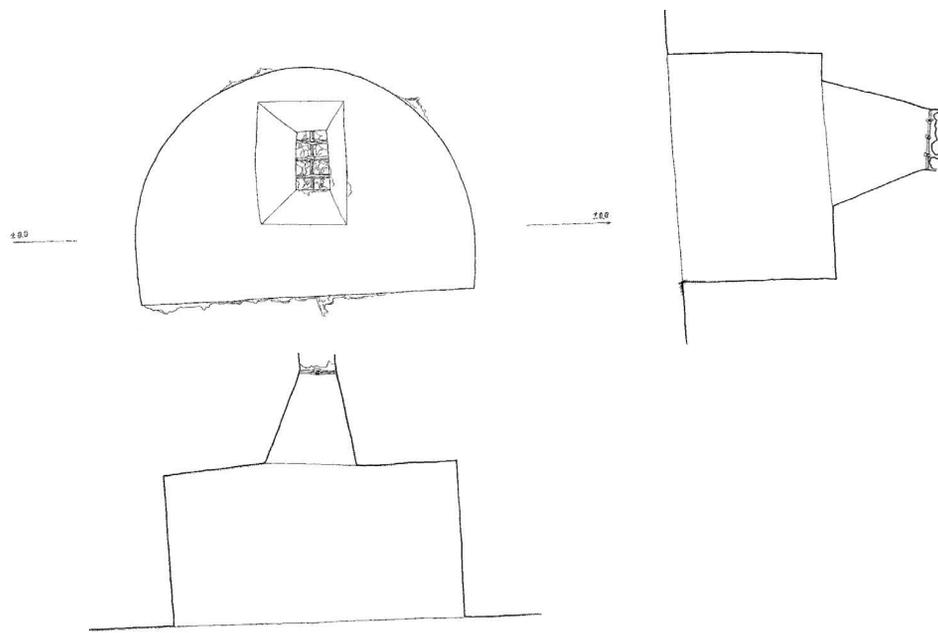
КРЕСТ ГЛАВЫ ЦЕРКВИ.

ЦЕПЬ ДЛЯ КРЕПЛЕНИЯ КРЕСТА

Илл. 163. Крест главы церкви. Цепь для крепления креста

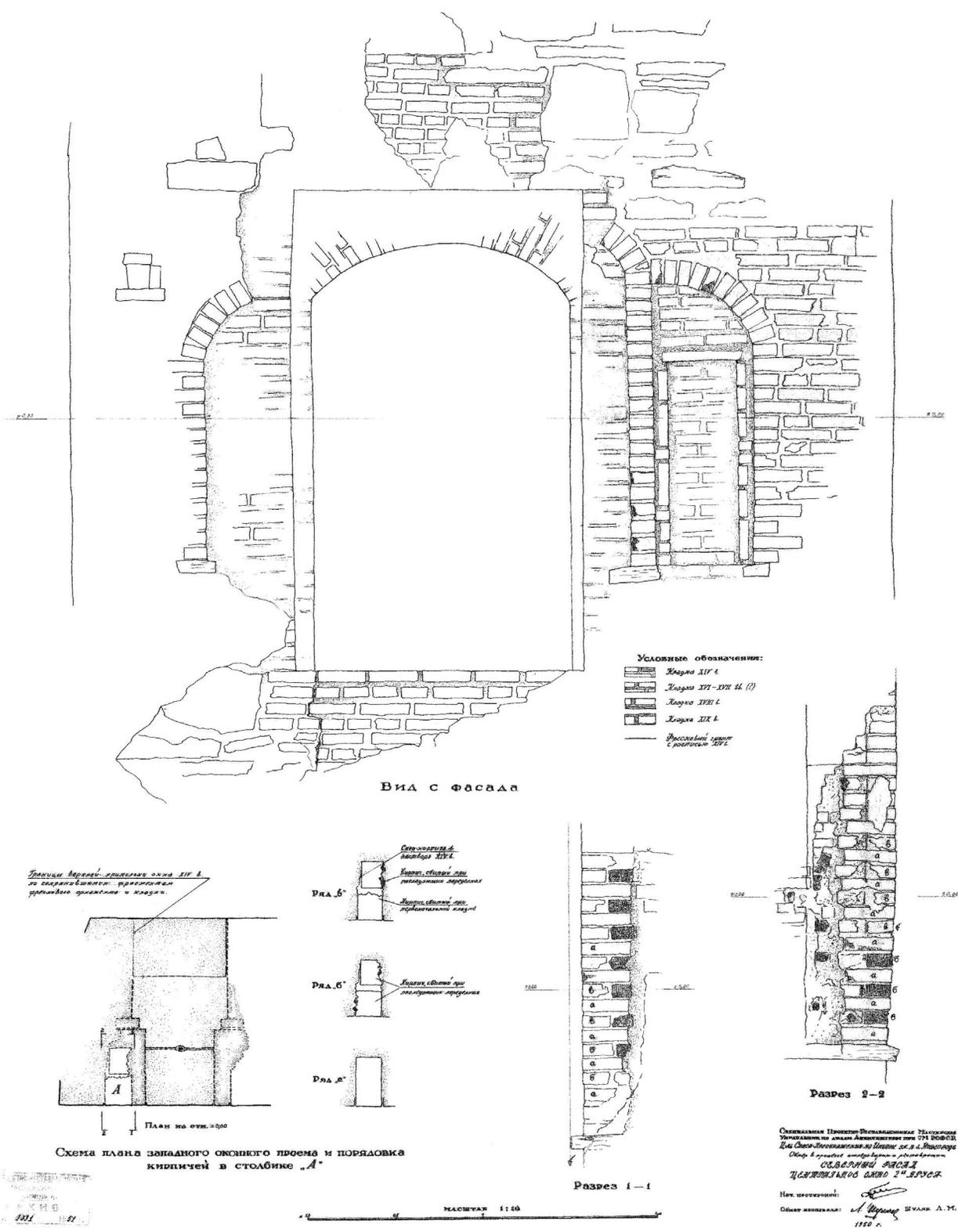
ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
 ЦЕНТР
 НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
 НАСЛЕДИЯ
 № 941 10/08

Handwritten signature

Илл. 164. Северный фасад. Центральное окно второго яруса. Раскрытие

Церковь Св. Спаса-Преображения на Ильине улице в г. Новгороде

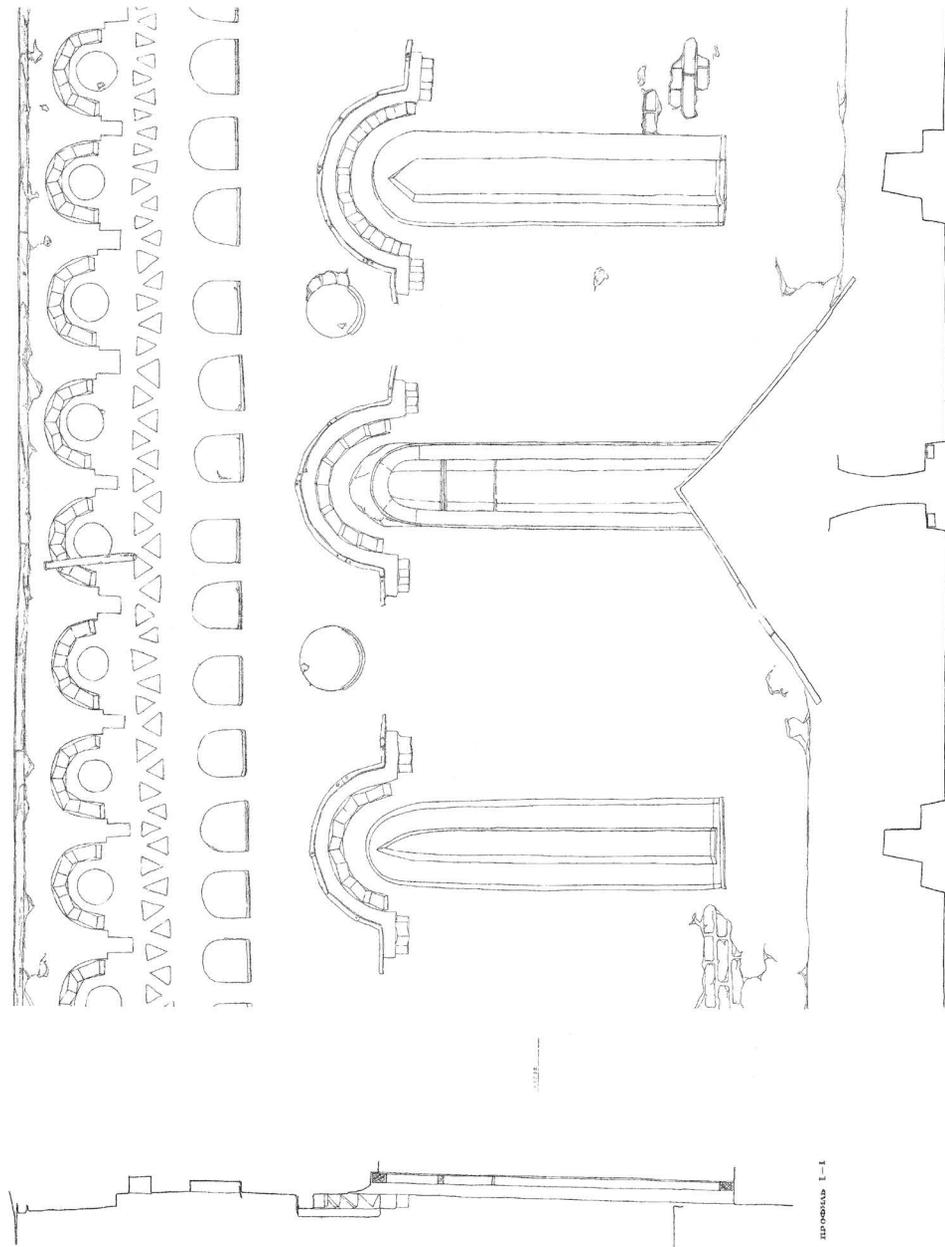
СЕВЕРНЫЙ ФАСАД. ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОКНО ВТОРОГО ЯРУСА

Илл. 165. Окно и ниша жертвенника. Обрамление изнутри двери во втором ярусе юго-восточной части храма

З е р к а л о в б а с е н в с т р а н ах в о с т о ч н о м у к о н ц у
д в а б а р а б а н а

ФРАГМЕНТ БАРАБАНА

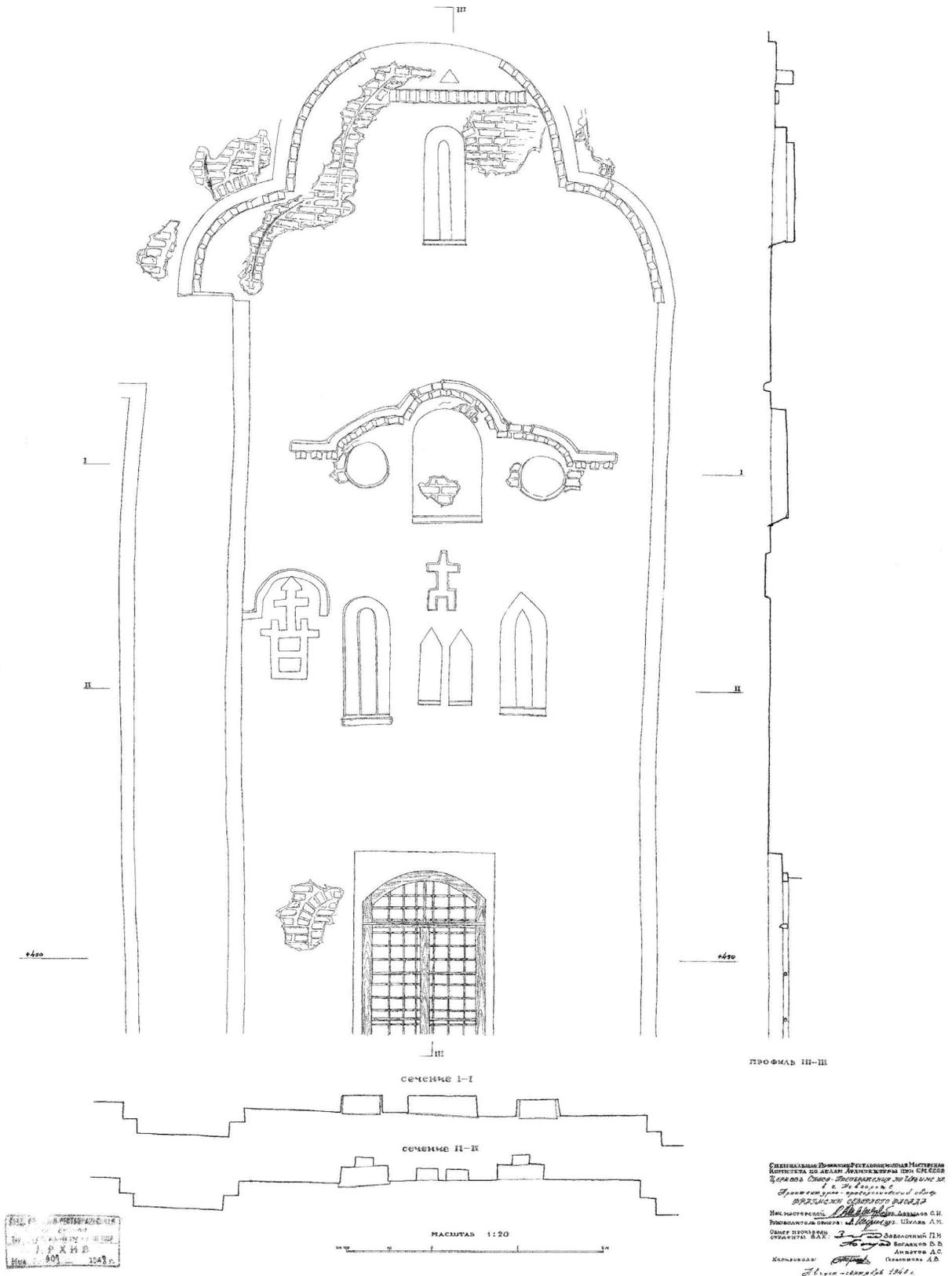
Институт Архитектуры Академии Наук СССР
 Проектно-исследовательский институт
 «Архитектура» (Архитектурно-проектный институт)
 Институт Архитектуры Академии Наук СССР
 Проектно-исследовательский институт
 «Архитектура» (Архитектурно-проектный институт)
 Институт Архитектуры Академии Наук СССР
 Проектно-исследовательский институт
 «Архитектура» (Архитектурно-проектный институт)

НАДВИЖКА 1:10
 ШКАЛА 1:10
 ШКАЛА 1:10
 ШКАЛА 1:10

НАДВИЖКА 1:10

Илл. 167. Фрагмент барабана

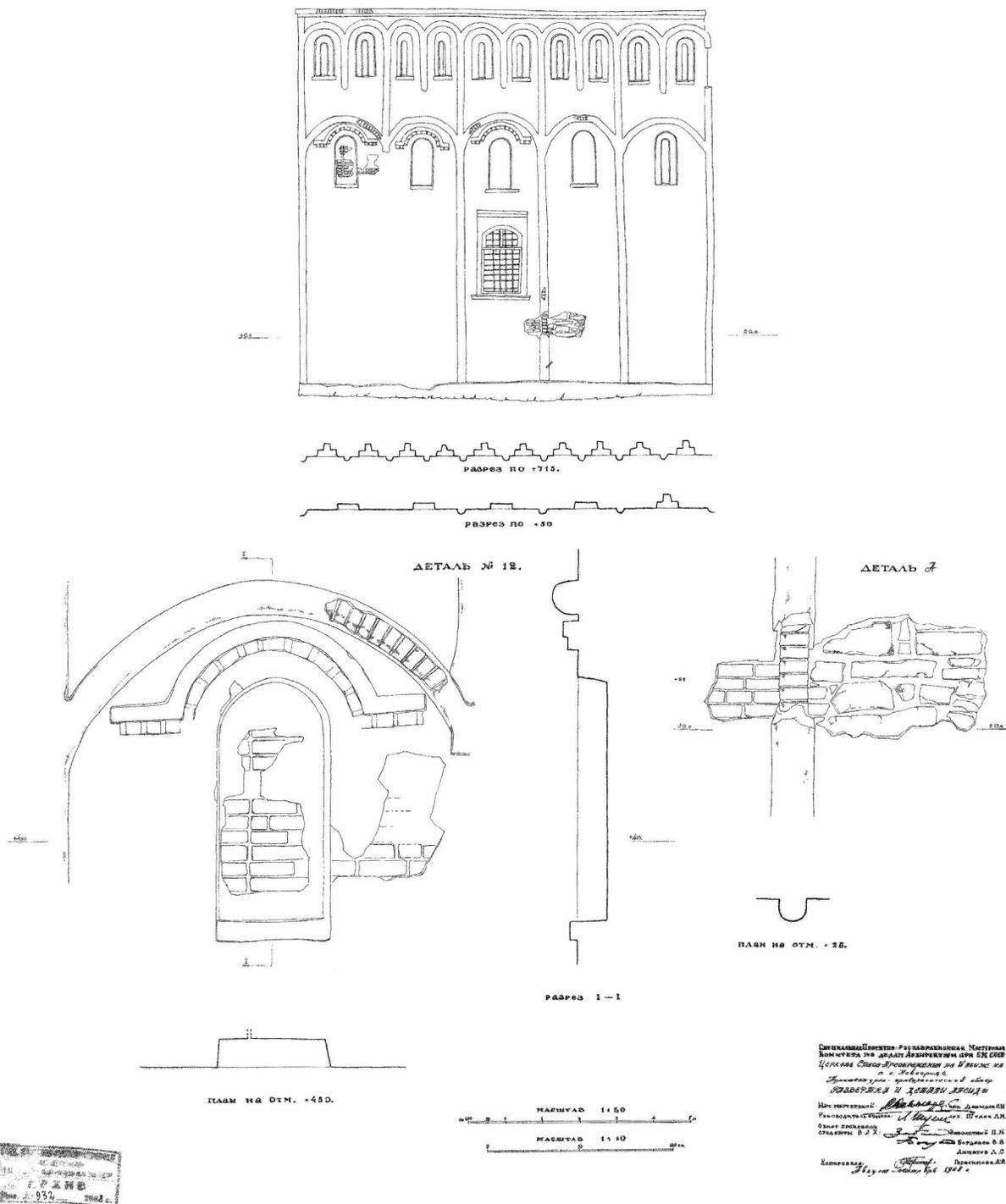
ФРАГМЕНТ СЕВЕРНОГО ФАСАДА

Илл. 171. Фрагмент северного фасада

Церковь Спаса-Преображения на Ильинке улице
в г. Новгороде

РАЗВЕРТКА АПСИДЫ

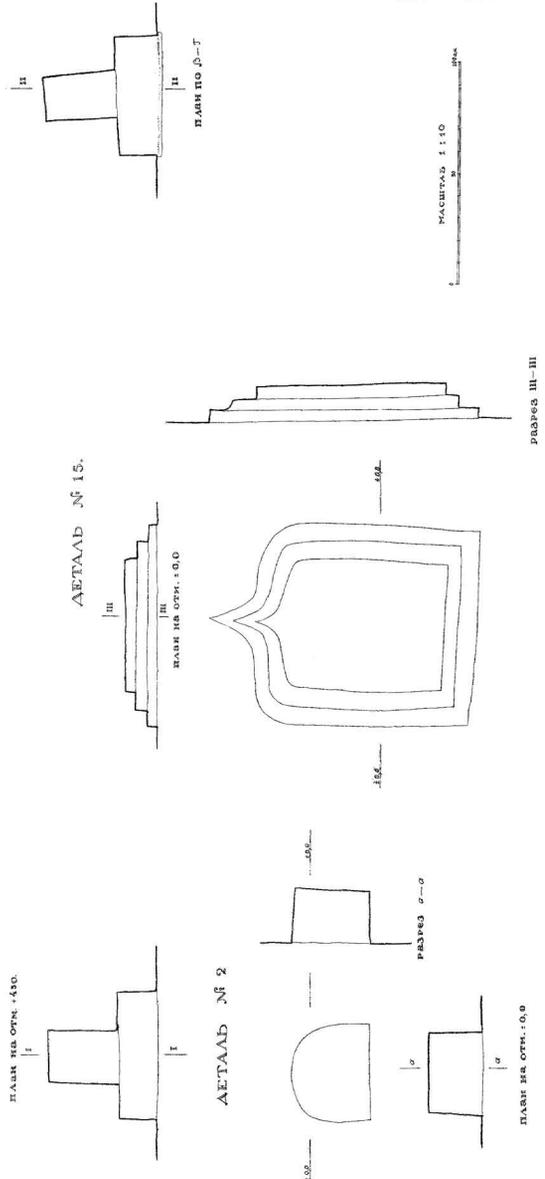
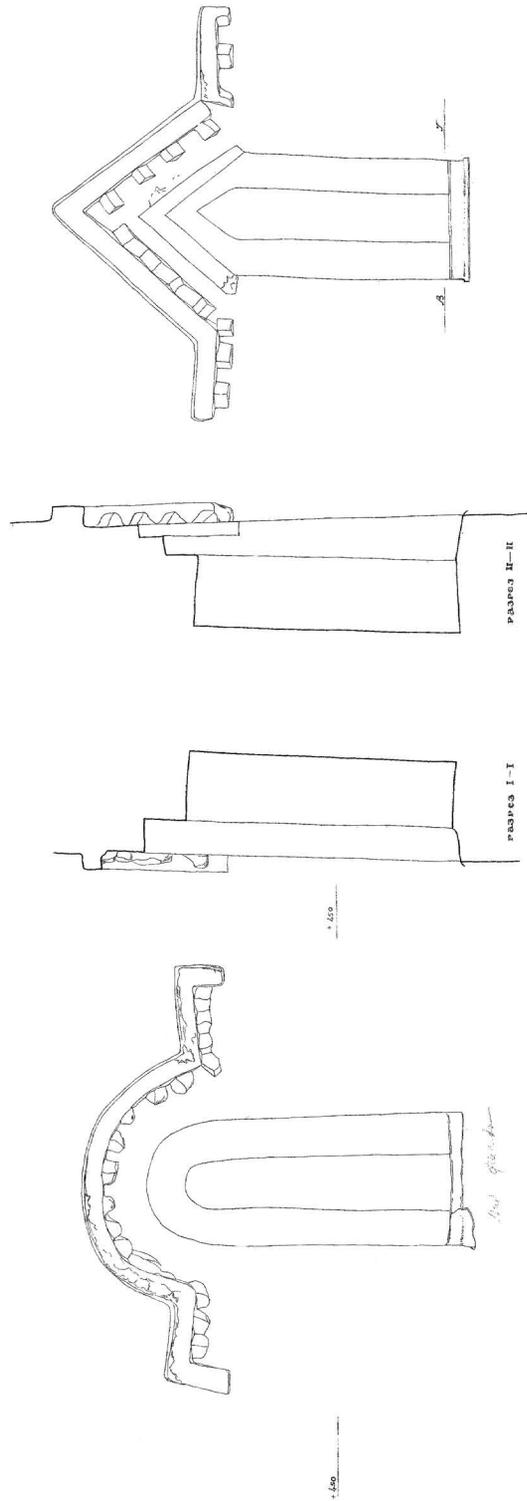

Илл. 173. Развертка абсиды. Детали

И с р х о а з С х о с с а - Ш р с о б р д ж с х в д ж д У т к в м е у т а 4 с

ДЕТАЛЬ № 14.

ДЕТАЛЬ № 13.

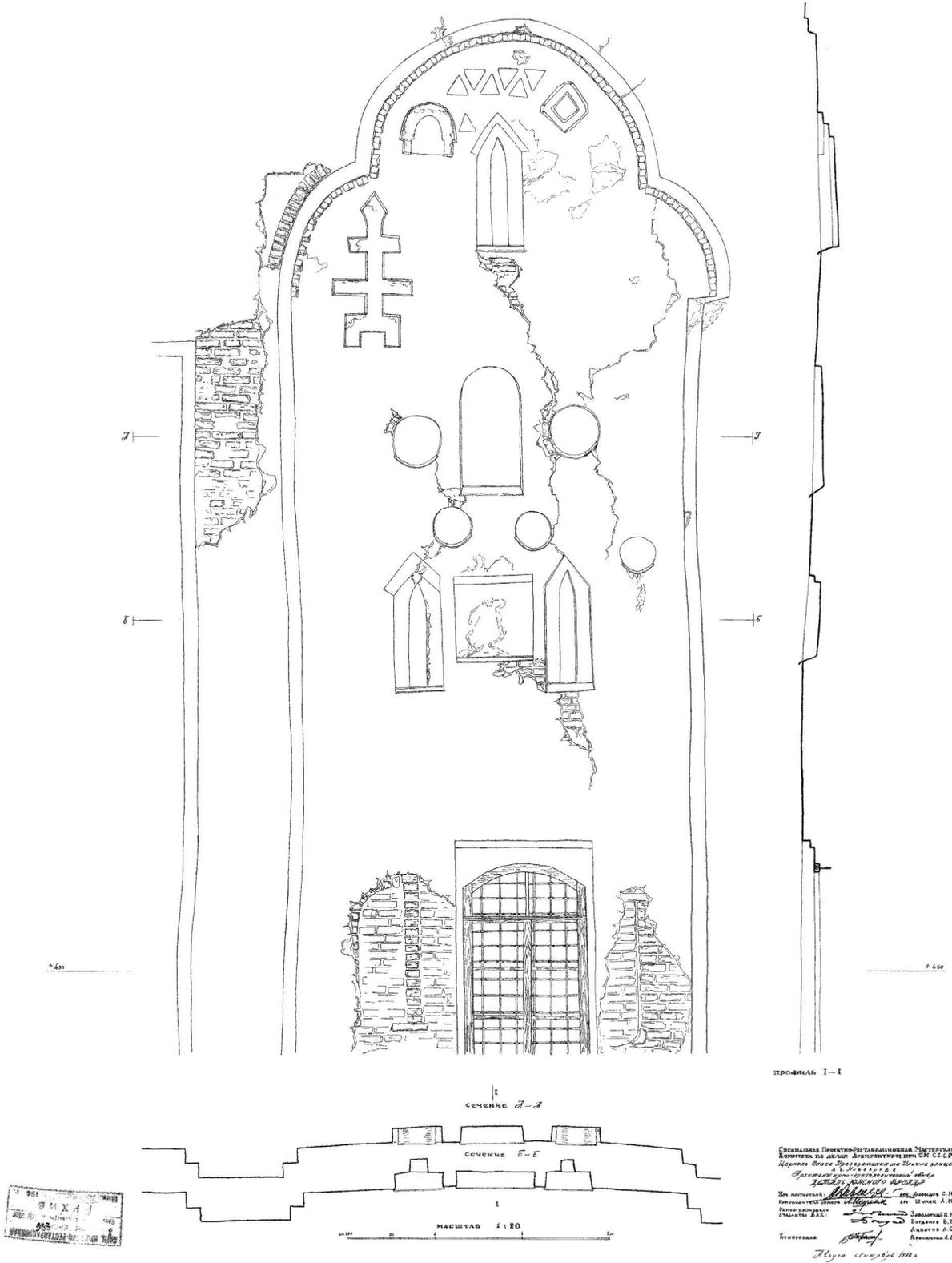

Специальное Проектно-Эксплуатационное Управление
 Института по архитектуре, строительству, инженерии
 и геодезии
 190000, Ленинград, Б. Мохомовский пер., 10
 Проектирование: *А.И. Шалаев*
 Проверка: *В.И. Шалаев*
 Расчеты: *В.И. Шалаев*
 Конструктор: *В.И. Шалаев*
 Исполнитель: *В.И. Шалаев*

9/2

Илл. 174. Детали № 2, 13, 14, 15

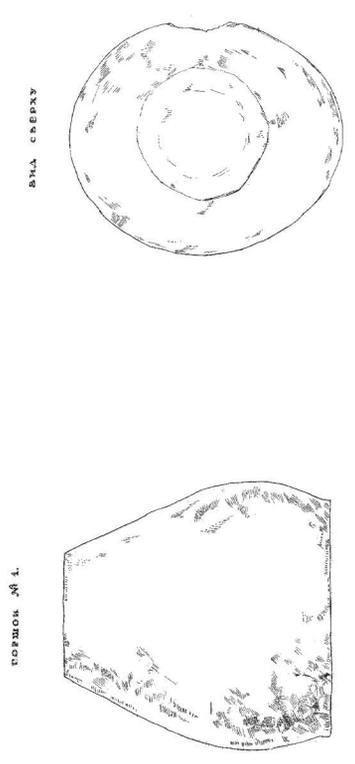
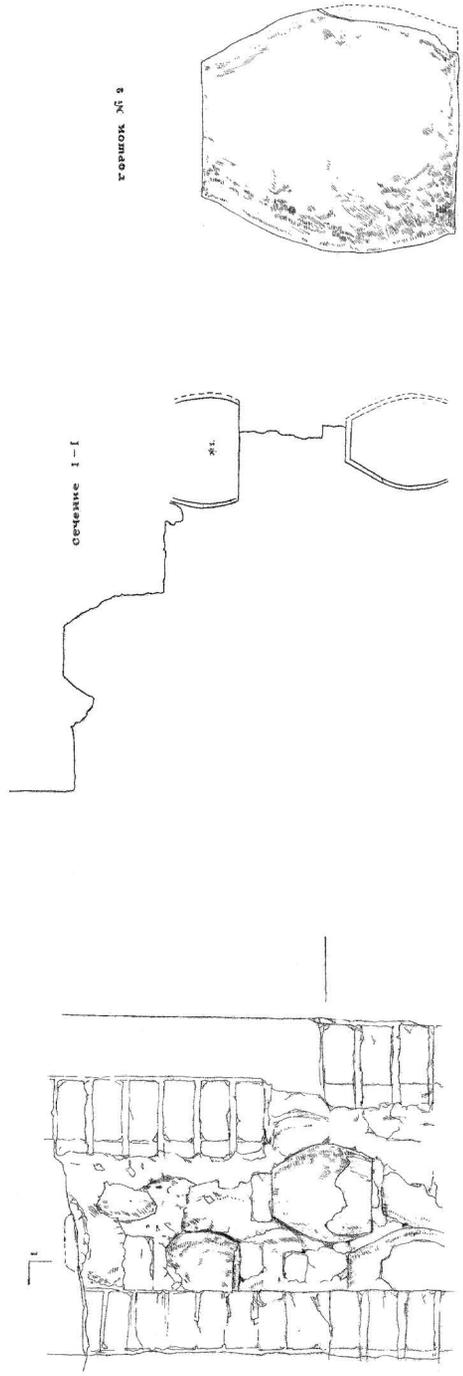
ДЕТАЛЬ ЮЖНОГО ФАСАДА

Илл. 175. Деталь южного фасада

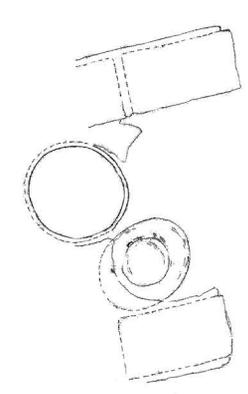
Ц е р к о в е С т о л о в - Ш р с о б р в ж с н в ф м в Ц у е в н е у т и ц е
д в. Ш о л о с о р о з е

ДЕТАЛЬ КЛАДКИ БАРАБАНА - № 30.

Спроектировано: В. С. Шенниковым, М. С. Шенниковой и А. А. Шенниковым. Издано в 1950 г. в Москве. Авторский надзор: В. С. Шенников, М. С. Шенникова, А. А. Шенников. Редактор: В. С. Шенников. Издательство: Стройиздат. Москва, 1950 г. Цена: 0,50 руб. (вкл. НДС).

ПЛАНЫ ИЛИ СЕКЦИИ (в масштабе) - 60

Илл. 180. Деталь кладки барабана - № 30

Научное издание

Владимир Валентинович Седов

ЦЕРКОВЬ СПАСА НА ИЛЬИНЕ УЛИЦЕ В НОВГОРОДЕ

Архитектура боярского храма

Подписано в печать 30.09.2015. Формат 60x90/8
Усл. печ. л. 29,5. Тираж 450 экз. Заказ № 3647

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ООО НИЦ «Древности Севера»
160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48
Тел. / факс (8172) 72-79-60. E-mail: drevnostisevera@mail.ru URL: <http://drevnostisevera.ru>

Отпечатано в ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
г. Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У